ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго.

Когда зима намъ кудри убѣлитъ,
Приходитъ къ намъ нежданная забота
Свести итогъ...
Богъ старости—неумолимый богъ:
Приходитъ онъ къ прожившему полвѣка
И говоритъ: „оглянемся назадъ,
Поищемъ дѣлъ, достойныхъ человѣка!“
Увы! ихъ нѣтъ! одинъ ошибокъ рядъ!

Некрасовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ ряду литературныхъ произведеній, пользующихся у русской публики бо́льшею или меньшею популярностью, едва ли не самая незначительная доза вниманія выпадаетъ на долю сочиненій, отличающихся характеромъ субъективнымъ, каковы: воспоминанія, автобіографическія записки, дневники и т. п. произведенія, которыми не особенно богата наша литература. У насъ на Руси какъ то не въ обычаѣ подводить итоги прожитому и прочувствованному, а тѣмъ болѣе дѣлиться съ публикой своими личными впечатлѣніями. Происходитъ ли это отъ равнодушія русскаго человѣка къ своему прошлому, или же причинъ такого явленія слѣдуетъ искать въ несостоятельности нашей интеллигенціи въ литературномъ дѣлѣ, въ отсутствіи въ ней способности наблюдать и комбинировать обыденныя явленія жизни—вопроса этого мы рѣшить не беремся; но во всякомъ случаѣ, такой важный пробѣлъ въ отечественной литературѣ не мо-

жетъ не броситься въ глаза каждому, кто сколько нибудь знакомъ съ литературами другихъ народовъ, у которыхъ существуетъ такое обиліе разнаго рода мемуаровъ, записокъ современниковъ, дневниковъ и т. п. сочиненій, возбуждающихъ живѣйшій интересъ въ массѣ читающей публики, наравнѣ съ романами и повѣстями, каковыми исключительно пробавляется большинство русскихъ читателей. Большой спросъ потребителей легкаго чтенія на беллетристику переполнилъ нашъ журнальный рынокъ множествомъ произведеній съ претензіей на соціальное направленіе, хотя между ними весьма мало истинно художественныхъ произведеній, въ которыхъ бы

Наглядно отразился вѣкъ
И современный человѣкъ,

и изъ которыхъ читатель дѣйствительно могъ бы ознакомиться съ духомъ и направленіемъ русскаго общества въ данный моментъ его историческаго развитія.

Признавая за лучшими изъ такихъ произведеній важное соціальное значеніе, авторъ позволяетъ себѣ думать, что для болѣе основательнаго изученія общества въ данную эпоху его развитія, недостаточно ограничиться чтеніемъ однихъ романовъ, какъ бы рельефно ни были изображены, въ лицѣ ихъ героевъ и героинь, представители и выразители идеаловъ своего времени. Преслѣдуя преимущественно художественныя цѣли, романисты невольно иногда должны жертвовать фактической стороной сюжета изяществу выраженія, красотамъ формы и концепціи ad hoc придуманныхъ событій и случаевъ, чего нельзя сказать о мемуарахъ, запискахъ современниковъ, дневникахъ и т. п., въ которыхъ на первомъ планѣ всегда остается задача: вѣрно и точно воспроизвесть дѣйствительность, не скрашивая ее вымыслами фантазіи. При томъ же, и сами романисты, нисходя изъ области вымысла на реальную почву, не всегда могутъ ограничиться поэтическимъ чутьемъ, коль скоро дѣло коснется воспроизведенія явленій жизни изъ эпохи болѣе или менѣе отдаленной: въ этомъ случаѣ ихъ творчеству необходимъ сырой матеріалъ, простая лѣтопись событій. Тутъ то самый безъискуственный разсказъ современника-очевидца, какой нибудь дневникъ, мемуаръ можетъ оказать неоцѣненную услугу не только романисту-поэту, но и бытописателю-историку.

Правда, геніальные художники, воспроизводя прошлую жизнь, по особенному инстинкту, сразу становятся прорицателями минувшаго: для нихъ не существуетъ ни время историческихъ вѣковъ, ни пространство мѣстности націй—они всемірны. За всѣмъ тѣмъ, хроники понадобились даже такому міровому генію, какъ Шекспиръ, котораго душа, по словамъ Тэна, была какъ бы „сокращеніемъ вселенной“ и котораго Шлегель называетъ „пророкомъ, прозрѣвающимъ прошедшее“.

„Въ описаніе по воспоминанію, говоритъ Сѣченовъ въ статьѣ своей „Элементы мысли“, человѣкъ вноситъ, кромѣ объективнаго воспроизведенія фактической стороны дѣла, множество субъективныхъ элементовъ, навязанныхъ ему степенью развитія, свойствами его характера, складомъ ума, настроеніемъ духа и проч.“.

А ко всѣмъ подобнаго рода произведеніямъ, съ индивидуальными, чисто субъективными элементами, читающая публика относится съ крайнимъ равнодушіемъ: у каждаго непочатый уголъ собственныхъ воспоминаній и каждый, поэтому, вправѣ встрѣтить подобный моему трудъ ѣдкими стихами поэта:

Какое дѣло намъ, страдалъ ли ты иль нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья?...

Лерм.

Тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь выступить въ свѣтъ съ своими „Воспоминаніями“. Помимо автобіографическихъ замѣтокъ, интересныхъ для меня одного, въ нихъ найдется не мало страницъ чисто объективнаго свойства, которыя своими деталями могутъ способствовать воспроизведенію событій и лицъ недавняго прошлаго, за послѣдніе 50 лѣтъ.

„Воспоминанія“ мои главнымъ образомъ будутъ вращаться въ училищной сферѣ. Пройдя суровую школу жизни и ученія, а по профессіи педагога, стоя, такъ сказать, у самаго источника воспитанія нарождающихся поколѣній, я имѣлъ полную возможность слѣдить не за однимъ лишь физическимъ ростомъ дѣтей, но и за духовнымъ ихъ развитіемъ. „Школьный міръ вообще представляетъ много любопытнаго для наблюденія надъ человѣческой природой во всей ея первобытности“, говоритъ французскій реалистъ Золя. А исторія моего ученія и учительства тѣсно связана съ исторіей рус-

скаго просвѣщенія въ періодъ наибольшихъ перемѣнъ въ организаціи нашихъ учебныхъ заведеній съ 1828 по 1871 годъ. Хотя, правду сказать, всѣ наши начинанія и реформы по части народнаго просвѣщенія, производимыя безъ строго опредѣленной системы, были не болѣе, какъ временныя, палліативныя мѣропріятія, „въ видѣ опыта", такъ что въ результатѣ выходитъ, что втеченіе полстолѣтія мы производили въ отечественной педагогіи одни лишь эксперименты.

Оглядываясь на свое прошлое и подводя итоги собственной педагогической дѣятельности, невольно приходишь къ убѣжденію, что и самъ я учился около 20 лѣтъ и слишкомъ 30 лѣтъ училъ уму-разуму другихъ—не болѣе какъ „въ видѣ опыта".

Увы! одинъ ошибокъ рядъ!...

I. Моя родина и ея обитатели.

Родина моя—Новгородъ-Сѣверскъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ славянскаго міра. Въ отличіе отъ Новгорода Великаго, городокъ этотъ въ старину именовался Малымъ, а также Новгородкомъ; въ хроникѣ же Стрыйковскаго—Новгородомъ Литовскимъ.

„Сей Новгородъ, хотя крѣпокъ и красенъ былъ, но толь лютыя раззоренія на него были, что съ землею огнемъ и мечемъ уравнивано и раскапывано нарочно, чтобы его имени не было", говоритъ безъименный лѣтописецъ XVIII столѣтія [1]).

Какъ главный городъ удѣльнаго княжества, Новгородъ-Сѣверскъ въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ въ 1141 году, а къ 1185 году относится знаменитый походъ Игоря Святославича на половцевъ, воспѣтый въ извѣстной поэмѣ XII вѣка „Слово о плъку Игоревѣ".

Начавшіяся послѣ монгольскаго періода между Москвой и Литвой войны преимущественно велись за обладаніе Сѣверской землей, которая въ XIV столѣтіи вошла въ составъ литовскаго государства и Новгородъ-Сѣверскъ, по свидѣтельству Стрыйковскаго, былъ нѣкоторое время „столицею королевской резиденціи и коронаціи престоль-

[1]) Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1853 г. № 1. Матеріалы для описанія Новгородъ-Сѣверска Ив. Самчевскаго.

нымъ городомъ". Въ немъ крестился Миндовгъ и вѣнчался королевскою короной, присланною папой Иннокентіемъ IV.

Древнѣйшія на Руси владѣнія литовцевъ, по изслѣдованію проф. В. Антоновича, составляла по преимуществу Черная Русь, съ городами: Новгородкомъ, Здатовымъ, Гродно и др. Область эта въ XIV столѣтіи называлась Кривичскою землею и только съ конца XVI столѣтія—Сѣверскою землей или Сѣверіей.

Когда окатоличенная Литва задумала окатоличить народъ Сѣверской земли, то сей послѣдній протестовалъ противъ такого посягательства на свое исконное православіе:

„Все наше православное христіанство хотятъ окрестити въ латинскую вѣру, ино наша Русь велми ся съ Литвою не любитъ", говоритъ одинъ современникъ 1498 года.

Въ концѣ XV столѣтія Сѣверія, вслѣдствіе тяготѣнія своего къ православной Москвѣ, безъ всякой войны, отдѣлилась отъ Литвы и соединилась съ московскимъ государствомъ. Между тѣмъ Литва, соединившись съ Польшею, во все продолженіе XVI столѣтія, силилась отвоевать Сѣверскую землю отъ московскаго государства, что наконецъ и удалось ей въ „смутное время".

Въ 1604 году къ Новгородъ-Сѣверску подступилъ съ своими полчищами Лжедимитрій, за два года предъ тѣмъ инкогнито проживавшій въ Спасской обители, подъ именемъ Отрепьева. Русскіе воеводы Трубецкой и Басмановъ, съ помощію горожанъ, дали мужественный отпоръ самозванцу, за что городу пожалованъ гербъ „съ изображеніемъ городской стѣны съ башнею, на коей звѣзда, по сторонамъ же копье и сабля золотыя".

Въ 1634 году, по поляновскому договору, къ Польшѣ отошелъ и Новгородокъ, который, хотя и утратилъ свое прежнее значеніе, будучи причисленъ къ староству черниговскому, но удержалъ за собой магдебургское право и иныя привилегіи. Ad majorem Dei gloriam, поляки основали здѣсь два монастыря, „коихъ память и поднесь остается: одного въ городѣ, на горѣ надъ Десною, которое мѣсто называется Кляшторомъ (clasztorż—монастырь), а другого подъ городомъ, гдѣ нынѣ деревушка Домотковъ", по испорченному слову доминиканов[1]). Старожилы говорятъ, что еще въ концѣ прошлаго

[1]) Черниг. Губернс. Вѣдомости. 1853 г. № 1.

столѣтія на высокомъ берегу Десны находились остатки древняго укрѣпленія, состоявшаго изъ землянаго вала, съ остатками Басмановскаго замка, отчего и самая гора до сихъ поръ именуется Замкомъ.

Сѣверская земля находилась подъ властію Польши до 1654 года, когда Малороссія лѣвобережная возсоединилась съ Россіей.

Въ 1708 году, во время шведскихъ войнъ, въ Новгородъ-Сѣверскѣ имѣлъ пребываніе Императоръ Петръ I, въ домѣ сотника Журавки. Домъ этотъ находился на Кляшторѣ, близь собора, еще въ концѣ 20-хъ годовъ. Никому и въ голову не пришло сохранить эту историческую рѣдкость.

Съ учрежденіемъ намѣстничествъ въ 1782 году, Новгородъ-Сѣверскъ сталъ главнымъ городомъ сѣверскаго намѣстничества и оставался имъ до учрежденія губерній (1797 г.).

Въ 1787 году черезъ городъ прослѣдовала Екатерина II, въ честь коей сооружены уцѣлѣвшія до нынѣ тріумфальныя ворота извѣстныя у горожанъ подъ именемъ Брамы. Но лучшее украшеніе города—Преображенскій монастырь—зданіе величественной архитектуры, итальянскаго стиля, воздвигнутое по проекту Гваренчи. На сооруженіе храма Екатерина II велѣла отпустить 75 тысячъ руб., а на внутреннюю онаго отдѣлку Александръ I повелѣлъ выдать 21 тысячу. Вслѣдствіе обнаружившихся въ зданіи трещинъ, для поддержанія главнаго купола, въ 1821 году поставлено 16 колоннъ, скрывшихъ отчасти красоту и величіе храма. Поврежденія произошли не отъ архитектурныхъ погрѣшностей знаменитаго художника, а отъ недобросовѣстнаго выполненія строителями и подрядчиками его идеи: при возведеніи купола они употребили вмѣсто желѣзныхъ связей—деревянныя. Гора, на которой красуется Спасскій монастырь, благодаря корыстолюбію архимандрита Никанора и ближайшихъ его преемниковъ, вступившихъ въ компанію съ іудеями, по поставкѣ камня на черниговское шоссе,—гора эта обезображена и разрыта до основанія. Живописно выдававшіяся къ рѣкѣ гранитныя скалы исчезли, величавые дубы и сосны, окружавшія обитель цѣлыя столѣтія, пали подъ святотатственной рукой сребролюбцевъ-настоятелей; опасность угрожала самой угловой башнѣ, еслибъ высшая духовная власть не остановила варварскаго хищенія, запретивъ добываніе камня изъ нѣдръ св. горы.

Приступая къ характеристикѣ моихъ согражданъ сѣверянъ, какими они были въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, необходимо коснуться болѣе отдаленнаго времени.

Въ концѣ XVI столѣтія Сѣверскій край заключался въ предѣлахъ сѣверной части нынѣшней черниговской губерніи. Народонаселеніе его состояло тогда изъ трехъ главныхъ элементовъ: восточную его часть занимали малороссы, западную, пограничную съ Литвой,—бѣлоруссы, въ верхнихъ же его городахъ и селахъ жили великороссы. Впослѣдствіи Сѣверія стала заселяться выходцами изъ пограничныхъ областей, чему, съ одной стороны, содѣйствовали продолжительныя польско-козацкія войны, набѣги крымскихъ татаръ и невыносимый гнетъ крѣпостнаго права, а съ другой стороны, глухая лѣсистая мѣстность Сѣверской земли. Находясь въ близкомъ сосѣдствѣ съ великоруссами, литвинами и малоруссами и не примкнувъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ, земляки мои выработали своеобразный типъ. Въ силу тѣхъ же историческихъ и этнографическихъ условій, языкъ моей родины представляетъ уродливую смѣсь словъ и оборотовъ великорусскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ и даже польскихъ, а въ повѣрьяхъ, нравахъ и обычаяхъ сохранилось много языческаго. Сограждане мои по пословицѣ и отъ своего отстали, и къ чужому не пристали. Тѣмъ не менѣе сѣверскіе города подверглись постороннему вліянію пришлаго населенія въ гораздо большей степени, чѣмъ села и деревни. Языкъ, обычаи, одежда горожанъ, постоянно входившихъ въ соприкосновеніе съ чуждыми элементами, подвергались безпрерывнымъ измѣненіямъ, между тѣмъ какъ деревенскій людъ, замкнутый въ самомъ себѣ, всегда отличался строго консервативнымъ характеромъ. Оттого племенныя особенности разныхъ національностей русскаго царства этнографы преимущественно изучаютъ по селамъ.

Особенно со времени реформы 61 года наша печать весьма участливо стала относиться къ крестьянству, какъ бы не замѣчая существующаго на ряду съ нимъ другаго сословія — мѣщанъ.

„Изумительно печально положеніе нашихъ мѣщанъ, говоритъ наблюдательный этнографъ Максимовъ, а еще печальнѣе то, что за нихъ почти совсѣмъ не вступалась наша литература и обходила ихъ, какъ бы забывая, что они составляютъ самостоятельный, интересный

для изученія классъ, что они не крестьяне, не купцы, а именно мѣщане, среднее звено между этими двумя звеньями сложной цѣпи сословій русскаго царства".

„Но пора желать, ратуетъ другой народолюбецъ Щаповъ, чтобы и писателями, и учеными были не одни дворяне, а всѣ научно развитые люди—крестьяне, мѣщане, купцы".

Мыслящіе люди, подобные авторамъ приведенныхъ строкъ, возлагаютъ большія надежды на обновленіе общественныхъ силъ русскаго народа отъ прилива свѣжихъ дѣятелей изъ низшихъ слоевъ его; но едва ли они скоро дождутся возрожденія русской жизни. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ наша черноземная сила произвела весьма мало умственныхъ плодовъ. Россіи далеко еще до Англіи, гдѣ, по свидѣтельству Гальтона, изъ 107 ученыхъ 95 дали средніе классы и только 12 низшіе и высшіе.

Нѣтъ сомнѣнія, что благодѣтельная реформа предыдущаго царствованія, потрясшая прежнее statu in quo въ его подгнившихъ основаніяхъ, дала широкій просторъ всѣмъ сословіямъ стремиться къ образованію, наравнѣ съ правящими классами, которые одни до того времени пользовались монополіей просвѣщенія; но частію по своей бѣдности, частію по своимъ закоренѣлымъ предразсудкамъ, неразлучнымъ съ абсолютнымъ невѣжествомъ, наши мѣщане все таки мало подвинулись впередъ. А пора бы, казалось, стряхнуть съ себя вѣковую грязь грубости и косненія, и выглянуть на свѣтъ Божій изъ тьмы кромѣшной... Поживемъ да подождемъ, пока что то будетъ, а пока оно будетъ, ничтожный процентъ мѣщанской интеллигенціи не въ состояніи удовлетворить самымъ обыденнымъ потребностямъ городского самоуправленія. А что было прежде, лѣтъ 50 назадъ, о томъ и вспомнить тошно.

Бывало какъ дойдетъ дѣло до общественныхъ выборовъ въ гласные, бургомистры и ратманы, то изъ четырехтысячнаго населенія некого и выбрать. Оттого всѣ дѣла въ думѣ и магистратѣ рѣшались секретарями да городничимъ изъ отставныхъ военныхъ, бургомистры же и гласные оставались безгласными чурбанами. Только непроходимое невѣжество членовъ городскаго присутствія и происходящая отъ того безпомощность общественнаго положенія была причиной такихъ, напр., возмутительныхъ исторій, что какой нибудь при-

казный выжига, въ родѣ думскаго секретаря П...скаго, позволилъ себѣ въ присутственной комнатѣ трепать по щекамъ городскаго голову Соболя. Только забитость и запуганность нашего мѣщанства могла вызвать дикое насиліе градоначальника на пожарѣ, разбившаго въ кровь голову мѣщанину Іощенку, такъ сказать, всенародно, безъ малѣйшаго протеста со стороны любезныхъ согражданъ.

Въ Новгородъ-Сѣверскѣ съ 1808 года существуетъ гимназія. Для поступленія въ нее требовалось увольнительное отъ общества мѣщанъ свидѣтельство, но его получить было весьма не трудно: стоило лишь купить ведра два горѣлки на угощеніе „общества“—и дѣло въ шляпѣ. Отчего же теперь, когда доступъ къ образованію открытъ не только мѣщанамъ, но и крестьянамъ, цифра учениковъ изъ мѣщанскаго сословія не только не возрастаетъ, но съ каждымъ годомъ падаетъ? Отчего дѣти мѣщанъ, въ большинствѣ случаевъ, завершаютъ свое образованіе первымъ или вторымъ классомъ уѣзднаго училища?

Бывали, правда, хотя весьма рѣдкіе, примѣры, когда изъ мѣщанскаго сословія выходили люди съ высшимъ образованіемъ, но вырвавшись изъ своей среды, они безъ оглядки бѣжали отъ своихъ милыхъ согражданъ, потому что сколько нибудь развитому человѣку не безопасно оставаться въ родномъ омутѣ. А какихъ трудовъ и лишеній стоитъ это высшее образованіе всѣмъ намъ, вышедшимъ изъ бѣдной мѣщанской семьи! Намъ ничто не давалось даромъ, но достигалось тяжелой борьбой, а на такой подвигъ, при своей наслѣдственной лѣни и распущенности семейныхъ нравовъ, рѣдкій изъ „нашихъ“ отваживается. Лучше спокойно сидѣть въ лавкѣ и бездѣльничать отъ бездѣлья.

Не взлюбилъ я своихъ согражданъ-мѣщанъ за ихъ глумленіе надъ „мужиками“, за ихъ насмѣшки надъ „деревенщиной“. Въ числѣ многихъ другихъ безобразій, въ памяти моей сохранилась возмутительная выходка молодыхъ лавочниковъ на базарѣ. Сидя отъ утра до вечера въ лавкѣ, безъ всякаго дѣла, они, подобно „шутникамъ“ Островскаго, разважаютъ свою скуку разными грубыми издѣвками надъ своими всегдашними покупателями и кормильцами—крестьянами изъ окрестныхъ селъ. Попадутъ какого нибудь горемыку мамекинца изъ имѣнія кн. Голицыныхъ и начнутъ надъ нимъ глумиться.

„У тебя на правой ногѣ шесть пальцевъ“, пристанутъ къ нему цѣлой ватагой.

Долго бѣдняга открещивается и отбивается отъ нихъ, какъ отъ докучливыхъ собакъ, да наконецъ, соблазнившись посуломъ пятака, развязываетъ свои оборы, скидаетъ лапоть, развертываетъ онучи и показываетъ имъ свои пять пальцевъ; а „шутники“ хватаютъ лапоть и забрасываютъ на лавочную крышу при 15 градусномъ морозѣ. И хохочутъ въ свое удовольствіе и молодые и старики, что одурили отупѣвшаго отъ голода и дрожащаго отъ холода нищаго.

Да, неприглядна была жизнь моихъ согражданъ-мѣщанъ и не за что мнѣ было полюбить ихъ? Вѣчное сидѣнье въ лавкѣ, въ ожиданіи копѣечнаго барыша, распущенность и шалопайство младшихъ членовъ семьи, отвратительное сквернословіе, дикое самодурство и домашніе разбои—старшихъ: отцы семейства пьяные и буйствующіе, женщины-матери съ синяками подъ глазами ищущія убѣжища у сосѣдей, разбитыя окна и посуда, развалленная печь... дѣти, брошенныя на произволъ судьбы, безъ всякаго призора... О, памятны мнѣ эти родныя картины моего печальнаго прошлаго!...

Насупротивъ нашего дома, подъ Замкомъ, стояла бѣдная, кривобокая хатенка, глядѣвшая на улицу единственнымъ оконцемъ. Тутъ жилъ и здравствовалъ извѣстный всей Варварской парафіи герой-сапожникъ Красненькій, съ женою Ѳеклой и сыномъ Ѳедоромъ. Заунывныя пѣсни Кондрата, которыя онъ распѣвалъ, сидя за работой, и фантастическія сказки Ѳедора до того приковывали мое дѣтское вниманіе, что я, несмотря на запрещеніе родителей, просиживалъ у нихъ по цѣлымъ днямъ. Съ помощью подростка-сына, Кондратъ работалъ неутомимо и скоро. Не одни „шкаповые“ чоботы, но и настоящіе выростковые „сапоги въ рантъ“ подъ ваксу ему были ни почемъ. Сапогъ за сапогомъ откидывался на „полицу“ работа кипѣла, пѣсни не умолкали ни днемъ, ни ночью. Такъ проходила недѣля, иногда двѣ, а то и цѣлый мѣсяцъ. Когда оканчивались заказы, Кондратъ бралъ подъ мышку нѣсколько паръ готовыхъ сапогъ и съ утра уходилъ изъ дому за получкой денегъ. И тутъ то наступалъ періодъ совершеннаго превращенія. Никто, видѣвшій его за работой, не повѣрилъ бы, что природа человѣка можетъ измѣниться до такой степени: изъ тихаго, честнаго, трудолюбиваго, до тонкости деликатнаго

человѣка—внезапно дѣлался лютый звѣрь, вырвавшійся изъ желѣзной клѣтки.

Получивъ мѣстахъ въ трехъ деньги, Кондратъ начиналъ свое тріумфальное шествіе съ отдаленнаго конца города, не минуя ни одного заведенія съ двуглавымъ орломъ, въ каждомъ выпивалъ онъ по крючку и, идя по улицѣ, страшно неистовствовалъ, произнося неблагозвучныя ругательства на свою жену Ѳеклушу. Львиное рыканіе его слышалось издалече.

Войдя въ хату, Кондратъ въ ту же минуту начиналъ бить посуду, стекла, ломалъ столъ, раскидывалъ постель и такимъ образомъ сокрушалъ все, что подвержено разрушенію рукъ человѣческихъ. Ѳекла, дорожа припрятаннымъ въ коморѣ добромъ, бѣжала во всѣ лопатки въ полицію. Вернувшись домой, въ сопровожденіи двухъ полисменовъ, она сдавала имъ на руки свое сокровище и тѣ уводили Кондрата проспаться въ холодной.

Разъ, послѣ сильной бомбардировки, когда онъ проломалъ даже стѣну въ своей ветхой хатенкѣ, не зная куда дѣваться отъ стыда, Кондратъ нанялся за 100 рублей въ солдаты. Наемщикъ кормилъ и поилъ его цѣлыхъ четыре мѣсяца, отпасъ его, какъ борова, и повезъ въ Черниговъ „до пріему“ но, увы! тамъ нашли въ немъ какой то изъянъ и забрили затылокъ, къ великому огорченію семейства, а чѣмъ бы казалось не воинъ?

„Пьянъ, какъ сапожникъ!“ привыкли возглашать немыслящіе, хотя съ виду и образованные, люди, не задаваясь вопросомъ, отчего пьютъ преимущественно сапожники? И одни ли сапожники пьяницы? Отчего не сказать: пьянъ, какъ купецъ, пьянъ, какъ чиновникъ Терлецкій? Зачѣмъ пользуются такой привилегіей одни лишь сапожники? „Всѣ на Руси пьютъ и пьютъ страшно!“ замѣтилъ гдѣ то Писаревъ.

Вотъ для примѣра два молодыхъ лавочника, учившіеся, но не доучившіеся въ мѣстной гимназіи: они напивались до чортиковъ. Честный труженикъ Кондратъ имѣетъ передъ ними огромное преимущество: онъ пропивалъ свои собственныя трудовыя деньги, между тѣмъ какъ они пропивали готовое, отцовское достояніе и пили до безобразія. Скитаясь цѣлую недѣлю по городскимъ кабакамъ, они забирались потомъ на вольную—въ Домотканов или въ Солонос;

ночевали гдѣ нибудь во рву или на кладбищѣ въ запавшей могилѣ, какъ евангельскіе бѣсноватые, о коихъ повѣствуется: „не живяху въ домѣхъ, но во гробахъ“.

Чѣмъ лучше сапожника Красненькаго хоть вотъ тотъ молодой купецъ, бѣгавшій въ одной рубашкѣ по базару въ припадкѣ delirium tremens? На его памяти тяготѣетъ проклятіе отца, не добитаго на пожарѣ городничимъ и умершаго отъ побоевъ, нанесенныхъ ему собственнымъ дѣтищемъ—этимъ самимъ потерянным юношей.

Иль хоть этотъ блудный сынъ пившаго безъ просыпу мѣстнаго богача, бывшаго головы Бѣлова, вольноотпущенника Демидова? Сапожникъ Кондратъ ему и въ подметки не годится...

„О препоганая мать-природа! Зачѣмъ ты создала мать-сивуху? Чтобъ тебѣ на сквозь прошло!“

Облаявъ такими некрасивыми словами природу и обвинивъ ее въ произведеніи на свѣтъ такого чудища, какъ сивуха, несчастная жертва того же чудища—Помяловскій, безъ сомнѣнія, разумѣлъ подъ этимъ словомъ не ту „природу-мать“, которая восхищала великаго Байрона и въ которой поэтъ находилъ бальзамъ утѣшенія для растерзанной души своей. Люди сами создаютъ себѣ адъ и среди рая земнаго, а она, владычица, остается вѣчно неизмѣнною, дѣвственно прекрасною. Гнусные пороки и преступленія людей не въ силахъ омрачать свѣтлаго чела ея. Солнце одинаково свѣтитъ на праведныхъ и неправедныхъ, и блаженъ, кто, подобно великому пантеисту Гёте, умѣетъ дышать одною жизнію съ природой, чья душа откликается на ея дружескіе призывы, кто понимаетъ „говоръ древесныхъ листовъ и чувствуетъ травъ прозябанье“.

II. Дѣтскіе годы и мое домашнее воспитаніе.

> Кто наблюдалъ, какъ пристально, широко раскрывъ глаза, смотритъ младенецъ на окружающіе предметы, тому хорошо извѣстно, что воспитаніе начинается уже съ того времени.
>
> *Спенсеръ.*

Сознавая всю важность дѣтскихъ лѣтъ и первоначальнаго домашняго воспитанія относительно вліянія ихъ на образованіе въ человѣкѣ характера, я, однако жъ, мало коснусь этого темнаго періода

своей жизни. Что можно сказать о первоначальномъ дѣтскомъ воспитаніи подъ родительскимъ кровомъ, при этой безобразной обстановкѣ домашняго быта, какую въ большинствѣ предъявляла семейная жизнь мѣщанскаго сословія?

Школьному возрасту, говоритъ ученый педагогъ Кнаппе, предшествуетъ шестилѣтіе, которое гораздо важнѣе, чѣмъ два трехлѣтія, проведенныя въ академіи и путешествіяхъ".

Есть, конечно, счастливцы, у которыхъ было такое блаженное шестилѣтіе; но у меня его не было. Я и мои сверстники поведены были такъ, что не допускали въ старшихъ себя никакихъ недостатковъ: все, что ни дѣлали они, по нашему убѣжденію, такъ и слѣдовало быть. Привыкши слышать изъ устъ своихъ родителей вѣчные упреки въ нашей дѣтской глупости, забитые и придавленные самодурствомъ старшихъ членовъ семьи, мы никогда не относились критически къ тому, что говорилось намъ зачастую въ нетрезвомъ видѣ. Произволъ и деспотизмъ большаковъ не возбуждалъ въ насъ никакого протеста. Безобразное поведеніе взрослыхъ, тузившихъ насъ за всякіе пустяки, по теоріи того же, самаго скуднаго воспитанія въ мірѣ, не должно было служить примѣромъ для подражанія, по латинской пословицѣ: quod licet Jovi, non licet bovi. Но такое правило было для насъ обязательнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы оставались дѣтьми. Мы пришли къ убѣжденію, что бьютъ насъ не за то, что мы поступаемъ дурно, а за то, что мы не получили еще, такъ сказать, юридическаго права поступать такъ, оставаясь дѣтьми. Такая мораль наводила нашъ дѣтскій умъ на мысль, что абсолютнаго безобразія нѣтъ и быть не можетъ, что скверные поступки неприличны только дѣтямъ, большимъ же все вольно. Всякій изъ насъ, получивъ затрещину отъ властной руки старшаго, думалъ: погоди, дай-кась мнѣ вырости и я буду такимъ манеромъ расправляться съ меньшими себя. Руководясь такими нехитрыми соображеніями, дѣти усвоивали всѣ дурныя наклонности своихъ родителей и шли по ихъ слѣдамъ, какъ только переставали быть дѣтьми. Физическая сила, при совершенномъ отсутствіи вліянія нравственнаго, сдерживала въ мальчикѣ порочные инстинкты, переставала имѣть для него значеніе, коль скоро онъ становился большимъ болваномъ: тогда разнузданная природа его не знала удержу. Такимъ образомъ

сынъ копировалъ отца и, дождавшись собственныхъ дѣтей, поступалъ съ ними тѣмъ же манеромъ. Удивляясь богатырскимъ подвигамъ подобнаго сорванца, родители только ахали, приговаривая: „совѣршенный батечко!“ и на томъ мирились съ безобразіемъ его поступковъ.

Нечего послѣ этого удивляться, что нѣкоторые пороки во многихъ мѣщанскихъ семьяхъ дѣлаются наслѣдственными, переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія къ поколѣнію. Еще Горацій гдѣ то сказалъ, что „примѣры, понятія и правила вкореняются въ дѣтствѣ такъ же сильно, какъ запахъ кушаньевъ впервые влитыхъ въ глиняный сосудъ“.

Часто случается, что родители еще при жизни пожинаютъ плоды такого безсмысленнаго воспитанія. Сынъ, выросшій изъ подъ палки, возмужавъ, беретъ за груди отца и ругается надъ матерью, которая, отбиваясь отъ милаго чадушки кочергой, нерѣдко проклинаетъ день его рожденія, причитая сквозь слезы: „а щобъ ты бувъ пропавъ маленькимъ!“

За примѣромъ ходитъ не далеко. Единственный сынъ и наслѣдникъ Красненькаго Ѳедоръ, мой закадычный пріятель, посвятившій меня во всѣ таинства игры въ пацы (бабки) и уженья рыбы, получивъ отъ природы богатые задатки врожденныхъ способностей и добрыхъ инстинктовъ, вслѣдствіе неизбѣжнаго вліянія окружавшей его среды, не могъ не сдѣлаться вторымъ, значительно передѣланнымъ изданіемъ своего батюшки. Въ силу вышеизложенной морали, будучи мальчикомъ, онъ не смѣлъ и подумать о чемъ нибудь дурномъ. Вкусы его были самые невинные, проказы самыя дѣтскія; но это происходило оттого, что онъ считалъ для себя недозволеннымъ то, что составляло привилегію однихъ совершеннолѣтнихъ. За то, оперившись, да оженившись, этотъ птенецъ и батька за поясъ заткнулъ. Тотъ, по крайней мѣрѣ, хоть и пилъ, но былъ всегда честенъ и совѣстливъ. Врагъ самому себѣ и своей семьѣ, Красненькій старшій пропивалъ свою собственную, заработанную копѣйку и не зарился на чужое добро, между тѣмъ Красненькій—меньшій, кромѣ того, что былъ страшный буянъ и пьяница, былъ еще вдобавокъ отъявленнымъ негодяемъ и злодюгой; „обокравъ нѣсколько лавокъ и замордовавши двохъ жонокъ, и само пропало ледащо!“ сообщили мнѣ о немъ ближайшіе сосѣди.

Уединеніе, въ нѣкоторомъ отношеніи пагубное для здоровья дѣтей, никогда не остается безъ добрыхъ послѣдствій для ихъ внутренняго саморазвитія. Тепличное воспитаніе барскихъ дѣтей, удаленное отъ природы, совершенно исключаетъ уединеніе изъ своей программы: они вѣчно окружены нянъками и гувернерами, а у семи нянекъ, какъ извѣстно, дитя часто лишается глаза: привыкши постоянно ходить на номочахъ, дѣти лишены самодѣятельности ума и нерѣдко во всю остальную жизнь чувствуютъ себя какими то безпомощными созданіями.

Pas trop gouverner—по мнѣнію педагога Рихтера,—считается лучшимъ правиломъ не только въ политикѣ, но и въ педагогіи.

Не то было съ нами—замарашками, брошенными на произволъ судьбы, безъ всякаго надзора. Не знали мы въ дѣтствѣ ни боннъ, ни гувернеровъ, а росли волею Божіей, какъ грибки послѣ дождика.

Никому до насъ не было дѣла, развѣ, набѣгавшись вдоволь, ѣсть попросишь—тогда только о тебѣ вспомнятъ, утрутъ съ любовью носъ, давши въ придачу подзатыльника. Для такихъ дѣтей, при безобразіи домашней обстановки, уединеніе не опасно, даже лучше, если они будутъ подальше отъ взрослыхъ, у которыхъ имъ нечего хорошаго заимствовать. Такъ было отчасти и со мной.

Былъ, правда, и у меня менторъ, но совсѣмъ другаго сорта. Въ темномъ царствѣ невѣжества, лѣни и дикихъ инстинктовъ, свѣтила мнѣ путеводная звѣзда, въ лицѣ моего добраго дидуся Алексія Ивановича: она то и вывела меня на хорошую дорогу.

Въ 1834 году дѣду моему въ день его кончины было 100 лѣтъ безъ мѣсяца. Стало быть, онъ родился въ царствованіе Анны Ивановны около 1735 года и умеръ въ восьмое царствованіе, при императорѣ Николаѣ I. На его глазахъ совершились всѣ перемѣны, всѣ важнѣйшія фазы какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни Малороссіи. Пришелъ онъ въ Новгородокъ около 1765 года, въ царствованіе Екатерины II, изъ правобережной Украины, гдѣ подвизался въ оное время извѣстный гайдамака Савва Чалый. Упорнымъ трудомъ достигъ онъ безбѣднаго состоянія и, передавши на старости лѣтъ нажитое добро единственному сыну Корнилію, успокоилъ свои кости на теплой лежанкѣ. Много видѣлъ онъ и испыталъ на своемъ вѣку. Чередовались поколѣнія, видоизмѣнялся бытъ родной земли,

а онъ оставался неизмѣннымъ, какъ столѣтній дубъ между молодыми деревьями. Среди своихъ сограждавъ—мѣщанъ, утратившихъ навсегда память о своихъ предкахъ, дидусь мой Алексій Ивановичъ едва ли былъ не единственною живою связью съ отдаленнымъ прошлымъ...

Моя любовь къ Украинѣ, благодаря этому столѣтнему старцу, вкоренилась во мнѣ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Смутно помню я его поэтическіе разсказы о старинѣ, въ долгіе зимніе вечера при тускломъ мерцаніи каганца. Благодаря этимъ разсказамъ, я сознадъ себя украинцемъ съ первымъ проблескомъ пониманія.

Приверженность мою къ малорусской старинѣ питали во мнѣ и заунывныя пѣсни Кондратовы, и фантастическія сказки сына его Ѳедора, и юмористическія прибаутки нашего сосѣда Игната Попка, тоже сапожника зимой и садовника лѣтомъ, и иныхъ бѣдняковъ—ремесленниковъ, къ которымъ уходилъ я тайкомъ въ долгіе осенніе вечера, когда они въ кругу своихъ домочадцевъ обоего пола, скорчившись, сидѣли за работой при яркомъ освѣщеніи „лушника“ [1]).

Немало занимали меня и юродивыя выходки мѣстнаго полишинеля Ивана Скакуна, говорившаго всегда стихами и пѣвшаго дребезжащимъ голосомъ комическія пѣсни, съ подмигиваніемъ и притопываніемъ, что такъ не шло къ сѣдой головѣ его. Печально, говоритъ Гейне, если старику приходится продавать отъ нужды уваженіе, должное его лѣтамъ, и приниматься за шутовство.

Чувство привязанности къ Украинѣ нерѣдко также будилъ въ дѣтской душѣ моей своими заунывными думами забревшій изъ за Десны бандуристъ, пробиравшійся всегда съ своимъ поводыремъ въ городъ на петровскую ярмарку „манывцямы“, во избѣжаніе встрѣчи съ становымъ, какъ видно, сильно не долюбливавшимъ народной музыки...

Хотя дѣдовскій нашъ домъ, по своей старосвѣтской обстановкѣ, не принадлежалъ къ числу богатыхъ хоромъ купеческихъ, но изъ уваженія къ почтенной личности высокочтимаго старца Алексія Ивановича, нашимъ убогимъ жилищемъ не пренебрегали не только именитые купцы и мелкотравчатые чиновники, насъ посѣщали нерѣдко

---

[1]) Такъ назывался натянутый на обручи и выбѣленный мѣломъ конической формы мѣшокъ, котораго вершина вдѣлывалась въ потолокъ и сообщалась съ дымовой трубой на чердакѣ, въ основаніи же этого конуса привѣшивалась желѣзная рѣшотка, на которой ярко пылали сосновые коренья, не уступая газовому освѣщенію.

и настоящіе породистые паны, какъ напр. Судіенко, Богунъ и Халанскій. Несмотря, однакожъ, на сіе, меня, сколько я помню, никогда не тянуло вверхъ. Въ дѣтствѣ у меня не было ни одного пріятеля между дворянскими и купеческими дѣтьми. Всѣ мои симпатіи принадлежали низшему слою населенія. Меня всегда тянуло неудержимой силой къ нашему бѣдному, голодному, оборванному крѣпостному люду и къ трудовому сословію ремесленниковъ. Кажется, любовь и симпатіи мои къ „униженнымъ и оскорбленнымъ" я унаслѣдовалъ отъ своей матери, родившейся не въ городѣ, а въ селѣ Семіоновкѣ [1]).

И если участьемъ былъ связанъ
Съ больнымъ человѣчествомъ я—
Я знаю, кому я обязанъ
Тѣмъ чувствомъ, согрѣвшимъ меня.
(Изъ Мориса Гартмана).

Мать моя никогда бывало не отпуститъ ни одного нищаго безъ того, чтобы не накормить его горячимъ борщемъ или молокомъ съ хлѣбомъ.

Живымъ примѣромъ этой кроткой страдалицы я только и могу объяснить мои дѣтскія привязанности къ разнымъ горемыкамъ: Каблукамъ и Каблучкамъ, рыжему Сенькѣ, кучерскому сыну, Васѣ слѣпой нищенкѣ и прочей голи, пріютившейся подъ Замкомъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ нашимъ домомъ. Часто, послѣ долгихъ поисковъ, матушка находила меня то у сапожника Кондрата, то у Лукьяна портнаго, то на Замкѣ въ сообществѣ дѣтей разныхъ возрастовъ и половъ, въ замаранныхъ и заплатанныхъ рубашонкахъ. Эту голодную ватагу пріятелей водилъ я иногда, воровскимъ обычаемъ, въ собственный садъ красть яблоки, за что неоднократно гости мои, вмѣстѣ со мною, отвѣдывали джигучки-крапивы и, поднявъ рубашонки, разбѣгались по домамъ, оглашая улицу жалобными воплями,

— Яке ты лодащо, Михайло, не буде зъ тебе ничого доброго!

Журилъ меня дидусь послѣ каждой подобной проказы. Тонъ его рѣчи былъ всегда спокойный и строго внушительный. Я не

[1]) Село Семіоновка, новозыбковскаго уѣзда, населено гетманомъ Самойловичемъ выходцами съ правой стороны Днѣпра послѣ руины и названо имъ по имени сына его Семіона; жители этого села во многомъ сохранили еще до сихъ поръ свои особенности, отличающія ихъ отъ мѣстнаго населенія.

помню, чтобы онъ когда нибудь бранился или раздражался. Живо представляется мнѣ его величавая фигура: это былъ высокаго роста старикъ, атлетическаго сложенія, съ большой широкой бородой, съ высокимъ лоснящимся челомъ, изрѣзаннымъ глубокими морщинами, съ нависшими густыми бровями, изъ подъ которыхъ глядѣли кроткіе любящіе глаза. До 90 лѣтъ своей жизни онъ былъ еще такъ бодръ, что здоровью его могли бы позавидовать тщедушные юноши новѣйшей формаціи. Чаще всего журилъ меня дѣдушка лѣтомъ, не видя меня по цѣлымъ днямъ. Да и какъ его усидѣть въ комнатѣ? По утру, едва продерешь глаза, какъ и былъ таковъ. На улицѣ подъ заборомъ ожидали меня пріятели, съ которыми я нерѣдко дѣлился и своимъ завтракомъ. Любимыя мѣста нашихъ дѣтскихъ игръ: садъ, замокъ и оболонье—тамъ меня обыкновенно и находила мать, вернувшись домой изъ лавки.

— Ледащо нашъ Михайло! твердилъ вѣчную свою пѣсню старый ворчунъ, а я слушалъ, какъ Васька-котъ у Крылова, понуривъ голову, и наровилъ только, какъ бы, подкрѣпивши силы, снова улизнуть на улицу, захвативъ съ собой какой нибудь блинъ, намазанный саломъ, или краюху хлѣба для своихъ голодныхъ друзей, ожидавшихъ меня подъ воротами.

Но быстро проходитъ веселое лѣтечко; наступаетъ скучная осень и еще скучнѣйшая Филипповка, когда, по словамъ моей слѣпенькой бабушки, „молоко и сметана полизли на дуба“. За осенью, обычной своей колеей, слѣдовала сѣдая чародѣйка зима, съ своими вьюгами и мятелями. Вылазки мои прекращались надолго. Выскочишь на дворъ, повозишься съ полчаса съ крынджолами (салазки) да „трушкомъ у хату“, къ дидусю на теплую лежанку. Въ эти длинные зимніе вечера (въ счастливѣйшіе годы моего дѣтства, пока не постигло насъ великое семейное горе, повлекшее за собой совершенное разореніе), къ намъ частенько приходилъ кто нибудь изъ родственниковъ—провесть вечеръ въ душеспасительныхъ бесѣдахъ съ дѣдушкой, а я все слушалъ и наблюдалъ своимъ дѣтскимъ умомъ, сидя подлѣ дѣда на теплой лежанкѣ. Тутъ нерѣдко читались Четьи-Минеи или Печерскій патерикъ. Чтеніе прерывалось обильными комментаріями дядюшки Никиты Гавриловича Згутницкаго, великаго книжника, вступавшаго иногда въ жаркіе богословскія пренія съ

раскольниками изъ Стародубья—Григоріемъ Москалемъ и Нестеромъ Меркуловымъ. Подъ вліяніемъ благочестивыхъ бесѣдъ, воображеніе мое настраивалось на тонъ чуднаго и сверхъестественнаго, такъ что на нѣкоторое время я чуть не сдѣлался маленькимъ мистикомъ; а страшныя сказки слѣпой Васи про вѣдьмъ, домовыхъ, вовкулакъ и другую погань—довершили мое эстетическое образованіе, разстроивъ нервы и поселивъ въ душѣ такой суевѣрный страхъ, что я ни на одну минуту не могъ остаться одинъ въ темной комнатѣ. Иногда, пробужденный страшнымъ сновидѣніемъ, я ощупывалъ руками дѣда и своимъ плачемъ прерывалъ старческій сонъ его. И все таки, несмотря на такой страхъ, слушать волшебныя сказки было для меня неизъяснимымъ наслажденіемъ: изъ за нихъ я забывалъ и сонъ, и пищу.

Отрѣшаясь такимъ образомъ отъ окружавшей меня дѣйствительности, я съ раннихъ лѣтъ привыкалъ жить поэзіей вымысловъ, принимая мечту, порожденіе собственной фантазіи, за существенность. Справедливо кто то замѣтилъ, что тотъ, кто въ дѣтствѣ былъ убаюканъ волшебными сказками, во всю жизнь не отрезвится.

По замѣчанію эстетиковъ, чувство прекраснаго врождено каждому человѣку, но у одного оно проявляется сильнѣе, у другаго слабѣе, смотря по тому, какіе предметы окружаютъ наше младенчество, какими стремленіями волнуется наше воображеніе въ юности, какими, наконецъ, склонностями зрѣлый возрастъ завершилъ образованіе нашей духовной природы. Мое дѣтство вращалось въ очарованномъ кругу вымысловъ,—я жилъ въ мірѣ призраковъ. Чѣмъ сильнѣе тѣснила меня грубая среда, тѣмъ чаще уходилъ я мыслію въ область фантастическаго міра: я бредилъ одними чудесами.

Уродливость такого воспитанія не преминула обнаружиться во всей своей силѣ. Воображеніе и чувство, питаясь и развиваясь на счетъ разсудка, породили во мнѣ неисправимую мечтательность и ту нервную впечатлительность, которыя легли въ основу моего характера, сдѣлавшись причиной многихъ увлеченій и необдуманныхъ поступковъ, что немало вредило моей практической дѣятельности. О, какъ много дѣлаетъ дѣтямъ зла этотъ сказочный міръ съ его прекрасными спящими царевнами!...

Съ другой стороны, въ первоначальномъ моемъ воспитаніи весьма важную роль играло непрерывное сближеніе съ природой, чему

такъ много содѣйствовало привлекательное мѣстоположеніе моей родины. Оно то, это сближеніе, и послужило противувѣсомъ тому одностороннему мистическому направленію способностей, которое, подъ вліяніемъ Четь-Миней и волшебныхъ сказокъ слѣпой Васи, несомнѣнно привело бы меня къ монастырю или къ желтому дому, что и случилось съ нѣкоторыми изъ моихъ сверстниковъ впослѣдствіи... То, что слышишь и видишь въ дѣтскомъ возрастѣ, врѣзывается въ умъ и служитъ основой нашихъ мыслей до конца жизни.

Съ самаго ранняго дѣтства я полюбилъ природу беззавѣтною, безотчетною любовью; въ ней одной находилъ я отраду, забывая тяготы своего существованія. Она — кормилица пріютила меня на своемъ матернемъ лонѣ, сохранивъ въ душѣ невинность, простоту и воспріимчивость, на зло окружавшей меня пошлости и грубости.

„Безсознательно для человѣка, говоритъ Гумбольдтъ, рано сливается въ немъ то, что отражала въ душѣ его окружающая его природа, съ тѣмъ, что глубоко и свободно вкоренилось въ его первоначальныхъ наклонностяхъ, въ его внутреннихъ духовныхъ силахъ“.

Живописная мѣстность моего роднаго города весьма благопріятствовало зарожденію въ душѣ неизмѣнной любви моей къ природѣ [1]), Городъ лежитъ на Деснѣ, а домъ нашъ находился почти на берегу ея, подъ Замкомъ. За рѣкой разстилаются зеленые луга, изрѣзанные въ разныхъ направленіяхъ проточными рѣчками: Липовкой, Вытью, Прыжкомъ, съ безчисленными озерками, поросшими ситнякомъ и осокой—приволье дикихъ утокъ. Лѣтъ 50 тому назадъ эти луга, почти на половину заросшіе лозой, представляли картину первобытной природы: воды кишѣли рыбами и раками, заросли—птицей, въ непроходимыхъ дебряхъ водились волки, лисицы и зайцы. Въ нынѣшнихъ голыхъ сѣнокосныхъ пространствахъ не осталось ни образа, ни подобія прежняго приволья. Съ сѣверовостока луга окаймлялись чернѣющей полосой сосноваго лѣса, теперь уже совершенно истребленнаго, а въ половодье заливались водой, образуя огромный бассейнъ верстъ на десять въ ширину, безъ конца въ длину. Туда то меня всегда влекло неудержимо. Вода всегда производила на

---

[1]) Проѣздомъ черезъ Новгородокъ въ Таганрогъ, въ 1825 году, Александръ I, любуясь изъ за Десны на городъ, сказалъ: „да это въ миніатюрѣ Кіевъ.“

меня чарующее впечатлѣніе. Люблю я, за одно съ Аксаковымъ, мысленно переноситься

На свои родныя воды,
На просторъ степныхъ луговъ
И въ свои былые годы...

То, что Гарибальди сказалъ о морѣ, можно отнести къ моей любимицѣ Деснѣ: „если человѣкъ растетъ на берегу моря—онъ въ него влюбляется. Послѣ разлуки съ нимъ, онъ встрѣчаетъ его какъ любимаго человѣка".

Но мнѣ не нравится море съ его безбрежною далью. Не люблю я и широкихъ быстрыхъ рѣкъ: меня пугаетъ ихъ негостепріимная пучина. Но я не могу оторваться отъ маленькихъ рѣчекъ, поросшихъ очеретомъ и лопухомъ, съ ихъ тихими заводями и омуточками, съ наклонившимися къ водѣ кустами.

О, знакомая картина моего дѣтства! Высоко въ небѣ стоитъ солнце. Жаркій іюльскій воздухъ напоенъ ароматомъ луговыхъ травъ и цвѣтовъ. Въ зарослякъ подъ лозой копошится рыбалка съ своимъ длиннымъ сакомъ. Вверху, надъ водою, мелькая ослѣпительной бѣлизной своихъ крыльевъ, летаетъ голодная крячка и зорко слѣдитъ за играющей на поверхности рыбешкой, и вдругъ, съ быстротой пули, падаетъ внизъ—хватаетъ верховодку и опускается съ своей добычей въ ситнякъ... Вонъ и охотникъ, въ потѣ лица ползущій въ густой травѣ подъ утокъ, и летающая надъ нимъ съ жалобнымъ воплемъ чайка, и дерущій, что есть мочи, горло, скрытый въ камышахъ деркачъ...

И тутъ, пріютившись гдѣ нибудь подъ кустомъ, сидишь бывало съ удочкой, не сводя глазъ съ поплавка, а пестрые горбачи—окуни такъ и снуютъ стаями, ища убѣжища отъ палящихъ лучей солнца подъ широкими листьями лопуха.

Степное мѣсто безъ воды—для меня пустыня, охватывающая душу ужасающей тоской. Мнѣ всегда становится не по себѣ среди безводныхъ жаркихъ равнинъ. Любимый мною видъ: небольшіе пригорки, окаймленные лѣсомъ: внизу—зеркало пруда или рѣчки съ мельницей...

Ни въ одну весну, когда вскрывалась рѣка и спирался у пристани ледъ, я не пропускалъ случая полюбоваться съ Замка на плы-

ущія съ шумомъ и трескомъ льдины. „Въ шумѣ родной рѣки, сказалъ гдѣ то Лермонтовъ, есть что то схожее съ колыбельною пѣснію“. Никто не нарушалъ безмолвнаго созерцанія этой величественной картины пробудившейся отъ долгаго сна природы.

А въ дождливую и бурную осень забьешься бывало куда нибудь на чердакъ, на сѣновалъ или въ расщелину обрыва, закутаешься въ свой заячій тулупчикъ и просидишь такъ цѣлые часы, прислушиваясь къ сердитому свисту вѣтра и къ шуму крутящихся листьевъ.

Любовь къ природѣ, со всѣмъ ея безчисленнымъ населеніемъ— летающимъ, ползающимъ, прыгающимъ, жужжащимъ и поющимъ— сказалась во мнѣ въ самомъ раннемъ возрастѣ. Излюбленнымъ мѣстомъ нашихъ ребяческихъ экскурсій былъ Замокъ, съ его буграми и провальями. Преданье гласитъ, что подъ этой горой есть подземные ходы, гдѣ зарыто множество кладовъ. Находились и искатели оныхъ; но послѣ того, какъ одного изъ нихъ засыпало землей, никто болѣе не отваживался лѣзть въ подземелье. Мы часто бросали камни въ это страшное провалье, гдѣ, по общему убѣжденію моихъ сверстниковъ, жилъ змѣй о 20 головахъ. На Замкѣ я проводилъ большую часть лѣта, гоняясь за разноцвѣтными мотыльками, жучками, саранчой и другими проворными насѣкомыми. Изловивши ихъ порядочное количество, я обыкновенно выкапывалъ въ саду квадратный погребокъ, накрывалъ его сверху стекломъ и, заключивъ туда своихъ плѣнниковъ, по цѣлымъ часамъ наблюдалъ за ихъ движеніями, стараясь угадать, что они думаютъ и о чемъ между собой перешептываются, шурша своими крылышками. Меня сильно занимало такое насильственное смѣшеніе живыхъ созданій, у которыхъ отнята ихъ родная сфера и которыя всѣ, по моей прихоти, должны были дышать однимъ и тѣмъ же воздухомъ. Долго оставались мои узники въ этой темницѣ; я все ждалъ, что за недостаткомъ пищи, они начнутъ пожирать другъ друга, но, не дождавшись этого, давалъ имъ свободу.

То же самое зимой продѣлывалось съ птичками. Окнами наша комната выходила въ садъ. Устроивъ, съ помощію Ѳедора Красненькаго, ловушку изъ обруча, обтянутаго сѣткой, и привадивши снигирей, чечотокъ, овсянокъ и другихъ пернатыхъ, я ставилъ свой не-

хитрый аппаратъ, подпиралъ его палочкой, къ которой привязывался длинный снурокъ, проведенный въ комнату, и потомъ, сидя въ теплѣ, наблюдалъ черезъ окно за движеніями птичекъ, пока они не подойдутъ подъ сѣтку. Изловивъ ихъ такимъ образомъ порядочное количество, налюбовавшись ими досыта, при первой случившейся оттепели, я выпускалъ ихъ на волю. Мысль о лишеніи этихъ воздушныхъ странниковъ ничѣмъ незамѣнимой для нихъ свободы, какъ видно, не входила въ мою дѣтскую башку и превышала мои понятія.

Подъ конецъ Филиппова поста, съ великимъ нетерпѣніемъ ожидались нами рождественскіе праздники, обильные разными развлеченіями и лакомыми яствами. По вечерамъ обыкновенно собирались ближайшіе родственники то въ одномъ, то въ другомъ домѣ. Шли они въ гости цѣлыми семействами, со всѣми чадами и домочадцами. По старосвѣтскому обычаю всѣмъ гостямъ дѣти хозяина должны были „давать чоломъ“, т. е. цаловать руку, а иногда и говорить вирши. Довольные „звичайненькимъ хлопчикомъ“, гости гладили его по головкѣ и дарили ему на орѣхи,—кто грош, а кто и цѣлаго пятака. Затѣмъ, когда начиналось потчиваніе гостей, дѣти удаляемы были въ особое помѣщеніе, большею частію на кухню. Любимѣйшимъ препровожденіемъ времени у насъ были очередные разсказы про разные необычайныя событія изъ области суевѣрій народныхъ, которыми, какъ я имѣлъ случай замѣтить выше, заражены были не одни дѣти, но и взрослые. Каждый изъ насъ, наперерывъ одинъ передъ другимъ, спѣшилъ разсказать свое, и Боже мой, о чемъ тутъ не говорилось!

И какъ дядюшка Хома Темный, идучи пьяненькій по Нечаевой улицѣ, наступилъ на клубокъ, какъ этотъ клубокъ началъ самъ собою кататься и подпрыгивать, подбиваясь подъ ноги дядюшки, который отъ того нѣсколько разъ падалъ и разбилъ себѣ до крови лобъ, какъ этотъ клубокъ превратился наконецъ въ женщину-вѣдьму, при чемъ завязались жаркіе споры: была ли то Жучиха или Трясобородка — первѣйшія знаменитости города по части ночныхъ похожденій.

Какъ кожемяка Тарелка поймалъ вѣдьму, доившую у него на дворѣ корову. И какъ старый Правосудъ (который и самъ имѣлъ въ носу муху) схватилъ за переднія лапы бѣлую сучку, облаившую его сзади за шею съ цѣлію задушить его,—да принесши ее въ домъ,

отрубилъ ей переднія лапы, а на другой день весь городъ узналъ, что на Заручьѣ одна женщина оказалась безъ рукъ.

Какъ рыбалка Ховрычъ, отправившись на всю ночь съ сѣтью за Десну, познакомился съ водяными; одного изъ нихъ поподчивалъ табачкой, а вѣжливый чортяка поднесъ ему чарку горѣлки, отъ которой Ховрычъ проспалъ цѣлые сутки.

Какъ до купчихи Сорочихи летаетъ въ трубу огненный змѣй и носитъ ей червонцы... Какъ другой дядюшка Микита Гавриловичъ встрѣтилъ въ лѣсу пасѣчника-колдуна, который, пошептавши надъ яблокомъ, изъ краснаго превратилъ его въ черное, какъ уголь, а пошептавши вторично, изъ чернаго сдѣлалъ опять краснымъ. Какъ этотъ страшный человѣкъ, обиженный острымъ словцомъ, которое позволилъ себѣ сказать при этомъ старшій сынъ Никиты Гавриловича Максимъ, подарилъ сему юношѣ складной ножикъ, которымъ онъ, спустя два года, закололся въ припадкѣ меланхоліи.

Какъ и отчего разбогатѣлъ булочникъ Ночипоръ, какъ онъ ѣздилъ на мельницу для свиданія съ нечистыми, не ходилъ никогда въ церковь, не исповѣдывался и не причащался... и для чего онъ бросалъ подъ мельничное колесо надѣванную имъ на Пасху сорочку.

Какъ разбойникъ Гаркуша подъѣхалъ ночью къ богатому Зимаку, жившему на Кручѣ, и, сжаривъ его, какъ карася, на большой сковородѣ, въ ту же ночь повѣнчался съ его красавицей дочкой въ Покровской церкви, а потомъ, забравши въ приданое все имущество изжареннаго тестя, на разсвѣтѣ ускакалъ въ свой недоступный притонъ—въ лѣсъ, за Десну (лѣса же эти въ старину тянулись до самаго Брянска).

Изъ многаго множества выслушанныхъ мною въ дѣтствѣ сказокъ особенно врѣзалась мнѣ въ память одна: про вѣдьму, которая позавидовавъ на дорогіе перстни богатой покойницы, въ глухую полночь отправилась на кладбище, и принесши домой отрѣзанныя руки, принялась ихъ варить въ горшкѣ для того, чтобы снять съ пальцевъ золотыя кольца. Сказку эту съ особеннымъ искусствомъ умѣла разсказывать слѣпая Вася, весьма эффектно поя басомъ пѣсню, которую въ сказкѣ постъ вставшая изъ могилы покойница, стоя подъ окномъ вѣдьминой хаты и смотря на ея каннибальскую работу:

И куры сплять, и гуси сплять,
Одна моя кума не спить:
Бѣлы руки въ горшкѣ варить
Золоты перстни изнимаеть.

Какъ страшенъ и какъ поэтиченъ былъ разсказъ про вѣдьму Жучиху, когда она въ ясную лунную ночь разгуливала по улицамъ спящаго города, распустивъ по плечамъ свои черныя патлы, въ бѣлой сорочкѣ, расхристанная, съ блѣднымъ лицомъ и сверкающими фосфорическимъ блескомъ глазами! Горе тому, съ кѣмъ она встрѣтится! Собаки, завидя ее, не лаютъ, а дрожа отъ страху, съ жалобнымъ воемъ спѣшатъ укрыться въ свои конуры. (За исключеніемъ, впрочемъ, „ярчуковъ“, щенковъ первенцевъ, не боявшихся вѣдьмъ). Рѣдкій смѣльчакъ отваживался пройти по городу ночью, кромѣ развѣ пьяныхъ, которымъ, по пословицѣ, и море по колѣна; за то имъ никогда не проходила даромъ такая безшабашная удаль; да одни они и разсказывали, въ назиданіе дѣтямъ, о случившемся съ ними. Самые обыкновенные предметы, на которые днемъ никто не обращаетъ вниманія, ночью, подъ вліяніемъ суевѣрнаго страха, принимаютъ особенный видъ: съ ними происходятъ такія метаморфозы, какихъ и Овидій не могъ придумать: встрѣтится ли бѣлая собака, кошка, свинья, лошадь—все это одна и та же вѣдьма, принимающая различные образы, чтобы сильнѣе отуманить и безъ того темный умъ невѣжды и сдѣлать ему какую нибудь пакость.

И до сихъ поръ (хотя не въ такой степени) подобная чертовщина господствуетъ надъ умами моихъ земляковъ. Иной молодецъ не вѣруетъ въ Бога, а слѣпо вѣритъ въ существованіе вѣдьмъ и колдуновъ. Днемъ ни Бога не боится, ни людей не стыдится, а ночью осмѣливается пройти улицу не иначе, какъ набравшись храбрости изъ зеленой скляницы.

Если вліяніе окружающей насъ среды бываетъ неизбѣжно въ возрастѣ зрѣломъ, когда въ человѣкѣ окончательно установятся и окрѣпнутъ твердые принципы, регулирующіе различныя функціи его дѣятельности, то въ дѣтскіе годы, когда воспріимчивость бываетъ сильнѣе, вліяніе это еще неизбѣжнѣе; тѣмъ не менѣе въ природѣ каждаго индивидуума есть что то такое, что не поддается вліянію среды даже въ этомъ возрастѣ.

„Каждый характеръ ассимилируетъ себѣ изъ окружающаго міра то, что ему сродно, и отбрасываетъ все... ему несродное: подобно растенію, вбирающему въ себя изъ земли и воздуха только тѣ элементы, которые питаютъ его, и не трогаетъ тѣхъ, которые ему негодны въ пищу". Льюисъ.

Но обратимся снова къ рождественскимъ праздникамъ.

Пріемъ гостей не ограничивался обильными яствами и возліяніями въ честь Бахуса. Когда гости находились уже въ нѣкоторомъ подпитіи, въ собраніе врывалась толпа ряженыхъ со звѣздою или козою и гости терпѣливо выслушивали обычную пѣснь о томъ, какъ „волсви со звѣздою путешествуютъ"; смотрѣли осовѣлыми глазами и на самую звѣзду, быстро вертящуюся и освѣщенную сзади сальными огарками, подъ громогласное завываніе шевцовъ, кравцовъ и шаповаловъ. Хохотали до упаду не только малые, но и старые надъ козою, топавшею по полу огромными сапожищами, при чемъ пѣлась всегда одна и та же пѣсня: „Ой ты, коза, ой ты госпожа!"

Для вящей потѣхи гостей, однажды случилась презабавная исторія. Постучался кто то въ ставню.

— Кто тамъ?—Я.—Кто ты?—Климъ!—Чего тебѣ?

— Позвольте козу пустить!

Позволеніе дано. Въ комнату вошли всего двое; Климъ—нашъ сосѣдъ портной, да коза. По окончаніи „приставленія" Климу поднесли водки и спросили шутливо: „може й коза твоя выпье чарку? Кто у тебя за козу?"

— А жонка, отвѣчаетъ невозмутимо Климъ.

И гости, подобно олимпійцамъ, смѣхъ несказанный воздвигли. А забавникъ на своемъ жаргонѣ продолжаетъ:

„Сядимъ собѣ съ жонкою удвохъ у хати. Добрые люди гарѣлку пьютъ, по улицамъ расхажуютъ, а мы, ради праздничка святого, сядимъ якъ у вострози. Отъ я й кажу: А ну, Кулыно, выворачуй кожухъ да ходѣмъ казу пускать! Взяли тай пашли. Вовка, якъ тамъ кажуть, ноги кормять. Ажъ ось, поздоровъ Боже хозяиновъ, и мы празничекъ вспомянемъ".

Хотя въ подобныхъ зрѣлищахъ нѣтъ ничего эстетическаго, что бы могло сколько нибудь удовлетворить врожденному всѣмъ людямъ чувству изящнаго, но зрѣлища эти доставляли гостямъ

отмѣнное удовольствіе, значитъ, приходились имъ по вкусу, а римляне, у которыхъ, какъ извѣстно, въ театральныхъ зрѣлищахъ тоже было немного вкуса, какъ бы въ оправданіе своего безвкусія, твердили: de gustibus non est disputandum.

Но изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ дѣтствѣ представленій самое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня вертепъ.

По свидѣтельству моего товарища по уѣздному училищу Аѳанасія Слищенка, вертепъ появился въ Новгородкѣ въ первый разъ въ концѣ прошлаго столѣтія подъ дирекціей воскресенскаго діакона Фотіева, который, купно съ братомъ своимъ пономаремъ и дворяниномъ Богуславскимъ, впервые ознакомили своихъ согражданъ съ этимъ необычайнымъ зрѣлищемъ.

Въ описываемое мною время вертепъ „пускалъ“ Аѳанасій Слищенко, совмѣстно съ Максимомъ Постарнакомъ. Это былъ шкапъ, вышиною аршина въ три, шириной—въ полтора и глубиной не болѣе полуаршина. Во внутренности его устраивалась сцена, составленная изъ двухъ ярусовъ, съ двумя балкончиками вверху. Сцена отдѣлялась отъ зрителей балясникомъ.

Съ наружной стороны шкапъ былъ выкрашенъ зеленою краской, а снутри оклеенъ обоями. Колонки и карнизъ были вызолочены сусальнымъ золотомъ.

Въ каждомъ ярусѣ сцены было по двое дверей, по одной съ каждой стороны, куда входили и откуда выходили дѣйствующія лица. Полъ сцены выложенъ былъ заячьимъ мѣхомъ, скрывавшимъ отъ зрителей продѣланные въ полу ходы для куколъ, приводимыхъ въ движеніе ловкою рукой фокусника Аѳанасія, сидѣвшаго за шкапомъ и наблюдавшаго за своей работой чрезъ маленькую дырочку, просверленную въ задней стѣнѣ вертепа.

Соорудилъ это диво столяръ Потапчукъ; онъ же дѣлалъ и деревянные чурбанчики, которые обшивалъ, по указанію антрепренеровъ, нашъ сосѣдъ Лукьянъ Ерченко.

Во время представленія гремѣла „троиста музыка:“ Бузука-отецъ на контрабасѣ; Бузука-сынъ—первая скрипка, а Трясобородъ—вторая. Вертепъ возили по городу на санчатахъ. Выбравъ домъ побогаче, актеры останавливались у воротъ, посылали къ домохозяину

герольда, который, войдя въ комнату, полную гостей, провозглашалъ во всеуслышаніе:

— Позвольте вертепъ пустить! И, получивъ соизволеніе хозяина, въ припрыжку возвращался съ радостною вѣстью о предстоящей поживѣ.

Вертепъ торжественно вносили въ свѣтлицу и ставили или въ проходныхъ дверяхъ между двумя комнатами, или въ углу свѣтлицы на двухъ стульяхъ, а пустое пространство за вертепомъ, гдѣ помѣщались пѣвцы и музыканты, завѣшивали ташей, такъ что зрители видѣли лишь то, что происходило на сценѣ.

Куклы хранились въ особомъ сундукѣ. За представленіе брали обыкновенно два рубля ассигнаціями, а съ богатыхъ хозяевъ и по карбованцу, что въ тѣ блаженныя времена составляло значительныя деньги.

Самое представленіе состояло изъ двухъ дѣйствій: первое было божественное и происходило въ нижнемъ ярусѣ, а второе, житейское въ верхнемъ. Въ антрактѣ между дѣйствіями, на балконѣ появлялись съ мечами и копьями свирѣпаго вида воины царя Ирода, избившіе виѳлеемскихъ младенцевъ.

Все, что слѣдовало за этими, по моему мнѣнію, необходимыми объясненіями касательно устройства вертепа, изложено въ приложеніи къ этой главѣ и записано со словъ главнаго воротилы театральныхъ зрѣлищъ Аѳанасія Филоновича Слищенка сыномъ его Александромъ въ 1874 году.

Приложеніе къ главѣ II.

ВЕРТЕПЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Іосифъ ведетъ осла, на которомъ возсѣдаетъ Богоматерь, съ младенцемъ на колѣнахъ.

Хоръ.

Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ и земля вертепъ неприступному приноситъ и пр.

Марія сходитъ съ осла и садится въ небольшую нишу, знаменующую пещеру, а Іосифъ остается посреди сцены, держа за поводъ осла.

Входятъ два ангела съ ярко пылающими свѣчами.

Хоръ.

Слава во вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе и проч. затѣмъ:

Днесь Виѳлеемъ воспріемлетъ и проч.

(ангелы уходятъ).

Входятъ два пастуха; у одного въ рукахъ ягненокъ; благоговѣйно склонившись предъ святою Дѣвой, поютъ:

Хоръ.

Нова рада (радость) стала,
Яко въ небѣ хвала,
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Свѣту возсіяла.
Гдѣ Христосъ родился,
Отъ Дѣвы-Маріи воплотился,
Какъ человѣкъ передъ Богомъ,
Передъ нами явился.
Пастухи съ ягняткомъ
Передъ симъ дитяткомъ
На колѣняхъ упадаютъ,
Бога выхваляютъ.
Просимъ тебе, Царю,
Найвышнѣйшему хвалу,
Пошли лѣта всего свѣта
Сему господарю!

(пастухи уходятъ).

Входятъ съ дарами волхвы и покланяются до земли Новорожденному.

Хоръ.

Шедше тріе цари
Ко Христу со дары,
Иродъ ихъ пригласилъ,

Куда идутъ? испросилъ.
Отвѣщаша ему:
„Идемъ къ рожденному".
—Идите, идите,
И мнѣ возвѣстите,
Да шедъ поклонюся,
Предъ царемъ явлюся,
Отдамъ честь обычну,
Цареви приличну—
Звѣзда идетъ чудно
Съ востокъ на полудне,
Надъ вертепомъ сіяетъ,
Царя-Христа являетъ.

Входитъ ангелъ и, обращаясь къ волхвамъ, говоритъ:

Ангелъ.

Куда идти мыслите? Не къ Ироду ли? Вы его не слушайте, онъ вамъ сказа лукаво, а вы идите направо! Мы ангелы небесные, посланные отъ Бога, вести ваше житейство до небеснаго чертога.

(ангелъ уходитъ).

Хоръ (речитативомъ).

Волсви возвратиша, у Ирода не быша;
Вспять возвратишася, не вотще трудишася.
Пришли въ свои страны, Христа славословятъ:
Спасаяй человѣки на вѣчные вѣки. (волхвы уходятъ).

Іосифу спящу, является ангелъ.

Ангелъ.

Іосифе! возстань отъ сна и бѣжи во Египетъ, ибо царь іудейскій ищетъ убить младенца (уходитъ).

Іосифъ пробуждается и, обращаясь къ св. Дѣвѣ, взываетъ: Маріе! возстань, бери отроча и поѣдемъ во Египетъ! (уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ Иродъ царь, сопровождаемый воинами.

Хоръ.

Се царь Иродъ идетъ,
За нимъ воинство грядетъ.

Возсѣвъ на тронъ, царь отдаетъ такое приказаніе:

Иродъ.

Вои мои, вои! Садитесь на кони и поѣзжайте во Египетъ, избивайте тамъ младенцевъ всѣхъ мужска пола отъ двухъ до трехъ лѣтъ!

Воины (свирѣпыми голосами).

Мечемъ терзаемъ, тѣло вбиваемъ (трижды) (уходятъ).

Спустя но долгое время, одинъ изъ нихъ возвращается.

Воинъ.

О царю нашъ! Исполненъ приказъ вашъ: всѣхъ младенцевъ мужеска пола избили. Одна Рахиль не даетъ дитя свое убити.

Царь Иродъ.

Поди, приведи ее сюда!

Воины (вводя рахиль).

Поди бабушка, къ царю, а не то списомъ сколю!

Рахиль (падая къ ногамъ ирода).

О царю, помилуй! Одного младенца имѣю и того убиваешь, кровь неповинную проливаешь!

Иродъ.

Воинъ, поведи ее казнить,
Чтобъ не смѣла царя дразнить!

Воинъ подымаетъ младенца на списъ, Рахиль съ визгомъ падаетъ безъ чувствъ.

Хоръ.

За что, за что пролилъ кровь неповинную?

Входитъ ангелъ и говоритъ, обращаясь къ Рахили:

Ангелъ.

Рахиль, Рахиль! возстань: отроча твое будетъ въ царствіи небесномъ, а Иродъ пропадетъ (уходитъ).

На сцену вбѣгаетъ, впрыпрыжку, вертлявый и шустрый бѣсенокъ и кричитъ пискливымъ голосомъ:

Бѣсенокъ.

Тьфу, тьфу! мой пане коханый! Я пришелъ тебѣ виршу сказати, тебѣ очи заплевати. Моя маты прыде—тоби голову зныме, мои браты прыбижять—тебе въ пекло потащять. Тьфу, тьфу, тьфу! (убѣгаетъ).

Иродъ.

Вои мои, вои! станьте передо мной, якъ листъ передъ травой, и не допускайте до мене смерти.

Воины подпираютъ плечами дверь, но она съ трескомъ отворяется и они падаютъ.

Входитъ смерть съ косою. Воины разбѣгаются, оставивъ на сценѣ одного Ирода.

Смерть.

Азъ есмь монахи́ня, всего свита Рахиня: подо мною всѣ страны и всѣ предѣлы. Полно тебѣ, Ироде, царствоваты, пора тебѣ, Ироде, вмираты!

Иродъ.

Увы, увы! какая стала истина! Я думалъ жить безконечно, но приспѣла и моя кончина. Однакъ, еще смерти оберегаться буду, покуда мое царство славно всему люду.

Смерть.

Азъ никогда съ такимъ развратомъ дружбы не видила и въ разговоры не входила. Приди, мой брате! Приди, мой любезный, и предай сего кровопивца отъ земли до самой бездны.

Иродъ.

Преклоняю главу подъ власть твою.

Смерть отсѣкаетъ ему косой голову и уходитъ.

Съ шумомъ и трескомъ на сцену врываются два чорта косматые, съ рогами, съ красными огненными глазами на выкатъ и волокутъ трупъ Ирода вонъ, приговаривая:

Черти.

Амицами, амицами (amice mi) съ желѣзными рукавицами!

А изъ за кулисъ слышится: у у! какъ берутъ! у у! какъ гребутъ.

Входятъ дѣдъ и баба.

Дѣдъ (шамкая).

Отъ теперъ, бабусенько, годына настала, якъ царя Ирода не стало: отъ теперенька мы съ тобой и потанцюемо.

Баба.

О прескурвый дидуга! Якъ прыде москаль, якъ дасть тоби щовчка, то будешъ знаты, якъ танцюваты.

Дѣдъ

О превража бабо! да нехай же-но зайграютъ!

Хоръ (подъ музыку).

Ой пидъ вишенькою,
Пидъ черешенькою
Стоявъ старый изъ старою,
Якъ изъ ягидкою.
И просылася,
И молылася:
Пустыжъ мене, старый диду,
На улыцю погулять.
Я й самъ не пійду,
И тебе не пущу и проч.

Входитъ москаль и прогоняетъ чету.

Москаль.

Прочь, прочь, старое лубье. Здѣсь не вамъ танцювать, а господамъ.

Входятъ—съ одной стороны кавалеръ во фракѣ, а съ другой дама въ робронѣ; называютъ другъ друга по имени-отчеству и танцуютъ. За ними входитъ другая пара, потомъ третья и т. д. до семи паръ.

Входитъ запорожецъ, съ большущимъ оселедцомъ (хохломъ), съ булавой и рекомендуется публикѣ.

Запорожецъ.

Здраствуйте, господа! вотъ и я пришолъ къ вамъ сюда. Имя мое—авловержитель, всѣхъ дѣйствій предсказатель и приказыватель. Грай, музыко, возъ рыбы дамъ!

Музыка играетъ, запорожецъ танцуетъ; затѣмъ начинаетъ звать жида:

Жиде, прескурвый сыну! несы горилки!

Жидъ вноситъ бочонокъ съ водкою; запорожецъ прикладывается къ бочонку и потомъ, отплевываясь, бьетъ жида булавой. Жидъ кричитъ: гвултъ! и падаетъ мертвъ. На крикъ его прибѣгаетъ жидовка; запорожецъ убиваетъ и ее; потомъ, уходя со сцены, говоритъ: тьфу, якъ навонялы!

Вбѣгаютъ черти и выволакиваютъ трупы.

Входятъ цыганъ и цыганка.

Цыганъ.

Чхавъ бурдочки! начхавъ бурдочки! Наша маты не вмирала! (поетъ):

За Татьяну симь кипъ давъ,
Бо Татьяну сподобавъ;
За Марусю пьятака,
Бо Маруся не така!

Цыганочка, коханочка! Гей сюды, моя жоночка!

Цыганка.

Чого жъ, чого, мой цыгане?

Цыганъ.

Ой дежъ ты була, мол чорнобрива?

Цыганка.

На базари була,
Пять кошиковъ продала,
Пять кипъ узяла.

Цыганъ.

А я теперо коней проминявъ, 25 рубливъ узявъ. Нехай же намъ заграютъ (танцуютъ).

Входитъ запорожецъ и прогоняетъ цыганъ.

Входитъ попъ:

Попъ.

Полно тебѣ, козаче, гуляты, пора тоби, козаче, свои грихи сказаты!

Запорожецъ.

Грихи? Що жъ, батюшка! жидивъ побивъ, цыганъ побивъ: исповидуюсь тоби душою и серцемъ.

Попъ.

Ничого! дай тилько мени три копы грошей—я за тебе уси грихи одмолю.

Запорожецъ.

Эге, да ты, бачу, батюшко, не сповидаешъ, а тилько зъ кишени гроши выймаешъ. (Бьетъ его булавой).

Вотъ тебѣ запорожская плата! Вотъ тебѣ запорожская плата!

(Попъ уходитъ).

Грай, музыко, возъ рыбы дамъ! (танцуетъ).

На сцену вползаютъ двѣ страшенныя гадюки. Запорожецъ отбивается отъ нихъ булавой, но онѣ жалятъ его и онъ падаетъ.

Входитъ баба-знахурка.

Знахурка.

А що, козаче, докозаковався, що въ штаняхъ и учкуръ порвався! Я баба-шопотуха, отъ Святого Духа, що въ кишени то—мени, що въ животи—то тоби! (трижды).

Запорожецъ медленно подымается.

Запорожецъ.

О дай же, Боже, моя бабусенько, тоби здоровья, що ты мене одъ смерти слобоныла! Я жъ тоби за сее дамъ запорожьскую плату: (Бьетъ ее булавой). Вотъ тебѣ запорожская плата! Вотъ тебѣ запорожская плата! (уходитъ).

Входитъ пышно разодѣтый гетманъ, въ сопровожденіи жида.

Хоръ.

Ой у пана, пана,
У пана Гетмана
Въ пятницу нерано.
Якъ поихавъ панъ Гетманъ
До жида на шабашъ:
„Здоровъ, здоровъ, жыде,
Прескурвый ты сыну
Ой сказалы про жыда,
Що въ жыда грошей богато“.

Жидъ.

Але жъ мій Гетмане! Дежъ вы чувалы, дежъ вы бачылы, щобъ у жыда да було грошей богато? Есть у мене еднисенька копіечка, та й та щербата, валяеться у столовци.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій!
Подай лучокъ тугенькій,
Пробьемъ, пробьемъ жида,
Прескурваго сына!

Вбѣгаетъ мальчикъ (козачокъ) и бьетъ жида.

Жидъ.

Ой вей миръ! За щожъ намъ, пане, битьця, лучше намъ помиритьця. Есть у мене гроши-червинцы, ще батькивски.

Хоръ.

Ой у пана, пана, у пана Гетьмана и проч.
А сказали про жида,
Що у жида кони хороши.

Жидъ.

Дежъ вы чувалы, дежъ ви видалы, щобъ у жида булы кони хороши. Есть у мене кони—слѣпые, хромые, кривые, для васъ негодные.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій!
Подай лучокъ тугенькій,
Пробьемъ, пробьемъ жида и проч.

Жидъ.

Годи жъ намъ, пане, битьця, лучше помиритьця. Есть у мене кони хорошіе.

Хоръ.

Ой у пана, пана и проч.
А сказали про жида
Що у жида жинка хороша.

Жидъ.

Дежъ вы, пане, бачилы, дежъ вы чулы, щобъ у жида та була жинка хороша? Есть у мене жинка, слипая, поганая, та й та за печкой сыдыть, дурно хлиба исть.

Хоръ.

Ой ты мальчикъ маленькій и проч.

Жидъ.

За що жъ намъ, пане, биться, лучше мириться: есть у мене жинка Сурочка, ай gut! а дочка ще краща. „Сура, Сура! лизь зъ печи скоро! Лейзере, Лейзере кумере штубе!“

Входитъ жидовка съ дочкою. Гетманъ приказываетъ всѣмъ имъ танцовать.

Жидъ.

Ой пане, пане, сёгодни у насъ сабашъ.

Гетманъ.

Танцуйте, я приказываю (жиди танцуютъ). Поцѣлуйтесь! (жиды цалуются).

Жидъ (уходя).

Позалуйте, пане, до насъ на цай, на водку! (уходятъ).

Входитъ служивый.

Служивый.

Здраствуйте, господа! Вотъ вамъ служивый молодецъ: былъ бомбандиромъ—пушки качалъ, колеса мазалъ, заслужилъ себѣ чинъ господина прахвоста!

Входитъ жена служиваго.

Жена.

А вотъ и я тутъ—прахвостова жена, пани Хвеська! Не буду подати платыть!

Служивый.

А, здорово, здорово, моя Хвесечка! Давно жъ мы съ тобой не бачилысь (цалуются).

Музыка играетъ, прахвосты танцуютъ (уходятъ).

Входитъ пьяница Хома.

Хома.

Оце я, мосцѣпанове, Хома, що у мене на голови волосся нема; а бувъ одынъ космокъ, да й той у пылыповку коло грубы спёкъ. А штанивъ затымъ не маю, що добре горилку кусаю. А ще жъ на мене люде казалы, що я велыкый сердюкъ, а я по зимности сей зогнувся у крюкъ. Дайте жъ мени чарку горилкы?

Примѣчаніе: У Хомы во рту было перышко, проходившее черезъ всю его фигуру подъ сцену и незамѣтно сообщавшееся со

ртомъ машиниста-фокусника. Когда Хомѣ подносили водку, то онъ выпивалъ всю рюмку, а если, потѣхи ради, въ рюмку наливалась вода, то Хома выплевывалъ ее обратно на зрителей, что чрезвычайно забавляло дѣтей.

На сцену, по уходѣ Хомы, въѣзжаетъ верхомъ на козѣ Антонъ, а за нимъ идетъ жена, подгоняя козу.

Хоръ.

Антонъ козу веде,
Антонова коза не йде и пр.

Входитъ шинкарка.

Шинкарка.

А що визмешъ за козу?

Антонъ.

Чотыры карбованци.

Шинкарка.

Возьмы тры.

Сторговались наконецъ за три съ полтиной и пошли пить могорычъ, оставивши козу. Прибѣгаетъ волкъ и тащитъ козу, коза кричитъ мээ! Публика хохочетъ.

Возвращается Антонъ, а козы чортъ мае. Антонъ горько плачетъ:

Входитъ Савочка съ кошелькомъ, а за нимъ запорожецъ съ булавой, которой онъ подталкиваетъ его сзади, приговаривая. проси! проси!

Савочка.

Я Савелій, человѣкъ веселій, та що къ тому и убогъ, а кто подаритъ, да спасетъ того Богъ! (Ему бросаютъ въ кошелекъ деньги, а онъ добавляетъ: На звонъ, на клепало, що вкынулы, то пропало! (уходитъ).

Входитъ генералъ, а за нимъ солдатъ.

Генералъ (къ солдату).

Поди скажи, пусть подаютъ пушку!

Солдаты вкачиваютъ на сцену пушку. Раздается выстрѣлъ.

Хоръ поетъ: многая лѣта e finita la comedia.

Иногда, послѣ представленія, изъ за кулисъ выходилъ самъ антрепренеръ и декламировалъ стихъ:

За горами, за долами.
Бононартъ съ москвичами
Вздумалъ поиграть:
Онъ въ Москву къ нимъ притащился
И игрой своей хвалился—
Славный играчокъ!
„Нутко, русски игроки!
Давай играть въ дураки!“ и пр.

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

III. Годы моего ученія (1826—1844).

I. Школа Капитанши.

Еще зимой 1826 года отецъ, за частыя мои проказы, сталъ стращать меня никольскимъ дьякомъ, какъ букой.

— Вотъ погоди, дай Богъ только лѣта дождать, я тебя до дьяка отведу: дастъ онъ тебѣ березовой каши.

Но прошло лѣто, а ученіе мое со дня на день все откладывалось. Настала и другая весна, а я все еще оставался дома. Главною виновницею такого замедленія была матушка, которая каждый разъ при словѣ „березовая каша“ вздрагивала и просила дидуся поучить меня немножко.

Надобно знать, что въ городѣ у насъ считалось столько школъ, сколько было дьяковъ. Въ собственномъ смыслѣ, это были не школы, а смирительные дома, куда наши мѣщане отдавали своихъ чадъ съ цѣлію, чтобы они не баловались дома, снимая затѣмъ съ себя нравственную отвѣтственность за ихъ поведеніе. Дѣти сидѣли тамъ по году за Граматкой, да по стольку же за Часловцемъ и Псалтыремъ, хотя, правду сказать, рѣдкій изъ мальчиковъ достигалъ полнаго курса ученія, омегой коего считался Псалтырь. Результаты дьячковскаго ученія были весьма жалки: мальчуганъ могъ отбарабанить, не переводя духу, три каѳизмы наизусть и не умѣлъ прочесть никакой другой книги не только гражданской, но и церковной печати.

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., январь.

Несмотря на то, что въ городѣ существовало приходское училище, гдѣ тоже начинали съ азбуки, упрямые мои сограждане не приняли за обычай отдавать дѣтей сперва до дьяка, изъ желѣзныхъ лапъ котораго рѣдко кто выходилъ годнымъ для дальнѣйшаго ученія. Правда, хорошъ былъ и учитель приходскаго училища Илья Семеновичъ, но о немъ рѣчь впереди... Какъ бы тамъ ни было, а благодаря матери, я избѣжалъ дьячковской школы, съ неизбѣжной для каждаго школяра березовой кашей. Случилось это такъ:

Въ нашемъ городѣ поселилась какая то вдова капитанша, вмѣстѣ съ сестрой Аленкой и матерью кацапкой, и завела школу. Матушка моя несказанно обрадовалась такому открытію, какъ богатой находкѣ. Отвергая справедливость русской пословицы, что „за битаго двухъ небитыхъ даютъ, да еще и не берутъ“, (ведущей, по всей вѣроятности, свое происхожденіе со временъ попа Сильвестра), добрая мать берегла меня пуще глаза, чтобъ меня и пальцемъ никто не тронулъ, и потому, несмотря на страшный терроръ, господствовавшій тогда въ училищахъ, я остался небитымъ. Она ничего для меня не жалѣла, отдавала учителямъ послѣднія крохи, чтобы задобрить ихъ въ мою пользу и предупредить сѣченіе. А сѣкли тогда очень часто за самую пустую шалость оптомъ, огуломъ, всѣхъ до одного, не разбирая, кто правъ, кто виноватъ.

На семейномъ нашемъ совѣтѣ рѣшено было отдать меня къ капитаншѣ. На другой день послѣ совѣщанія приглашенъ былъ от. Никита отслужить на дому молебствіе: „о еже преуспѣвати отроку сему въ добромъ и полезномъ ученіи и разумѣ“. Затѣмъ, съ цѣлымъ ворохомъ всякой всячины, 8 августа, повели меня въ школу, которая находилась на Кляшторѣ, за рѣзницами. Еще далеко не доходя до школы, мы уже услышали смѣшанный гулъ множества дѣтскихъ голосовъ, при чемъ мать не преминула замѣтить:

— „Бачъ, якъ хороше учаться! учись и ты, мой голубчикъ: не будутъ тебя бить“. Чѣмъ ближе подходили мы къ школѣ, тѣмъ слышнѣе становились голоса. Наконецъ, когда вошли въ ворота, школьники подняли такой гвалтъ, что мнѣ стало страшно. Учительница, какъ видно, желала представить свое заведеніе въ самомъ лучшемъ видѣ, показать товаръ съ лицевой стороны, а потому, завидѣвъ насъ, скомандовала дѣтямъ—задать посѣтителямъ концертъ

на славу. Въ сѣняхъ встрѣтила насъ сама капитанша, сказала мнѣ нѣсколько ласковыхъ словъ и погладила по головкѣ. Потомъ, передавши тутъ же сестрѣ своей Аленкѣ принесенные нами гостинцы, свела насъ въ классную комнату, съ большой варистой печью при самомъ входѣ. За большимъ некрашеннымъ столомъ, занимавшимъ $^2/_3$ всей комнаты, сидѣло человѣкъ 15 дѣтей обоего пола. Какъ бы не замѣчая нашего прихода, всѣ они, какъ настоящіе школяры, надсаживали грудь надъ своими „стыхамы“, быстро водя указкой по строкамъ кто Граматки, кто Часловца и Псалтыря. Особенно вошли въ азартъ псалтырники. Желая на время остановить дѣйствіе своей машины на всемъ ходу, капитанша на силу уняла ихъ. Меня усадили между двумя дѣвочками: большою съ веснушками Ульяной, прозванной Дудою, и маленькой голубоглазой Катей Кубрачкой. Онѣ тотчасъ же взяли меня подъ свое покровительство, какъ новичка.

Приспѣло время завтрака. Едва капитанша скомандовала: „снѣдать!“ какъ въ одно мгновеніе ока всѣ книжки закрылись и школьники высыпали на дворъ побѣгать передъ ѣдой для возбужденія аппетита. Дуда и Катя подхватили меня подъ руки и потащили на дворъ.

Общество мальчиковъ съ перваго же дня, мнѣ не понравилось: всѣ такіе отчаянные драчуны, не успѣли выйдти изъ комнаты, какъ уже и подрались. При моей болѣзненной комплекціи и миролюбивомъ нравѣ, во все продолженіе моего ученія, я постоянно сторонился отъ забіякъ, за что и не пользовался ихъ расположеніемъ. Съ перваго моего шага ясно опредѣлились будущія мои отношенія къ новому обществу: я подружился съ дѣвочками, а съ мальчиками былъ подальше.

Черезъ четверть часа насъ позвали къ завтраку. Каждый вытащилъ изъ подъ лавки принесенную имъ изъ дому провизію: кто сало, кто блины, кто пирогъ или кольцо колбасы. Матушка и меня, конечно, не забыла на первый разъ снабдить самыми лакомыми яствами: мое снѣданье было такъ обильно, что имъ могли пообѣдать полдюжины ребятишекъ. Хотя каждый имѣлъ свое, но каждому нравилось больше то, что ѣлъ другой и чего у него не было, а потому тутъ происходила мѣна: ты мнѣ дай колбасы, а я тебѣ пирога. При такихъ коммунистическихъ началахъ никто не завтра-

калъ тѣмъ, что принесъ изъ дому, а пробовалъ понемногу всего, что только лежало на столѣ. Кто былъ проворенъ, тотъ былъ и болѣе доволенъ—тому и доставалось больше. Нарочитою прожорливостію и умѣньемъ выманивать лакомые куски у товарищей отличался сынъ коваля Мулюха. Правда, онъ и работалъ въ школѣ за троихъ, т. е. кричалъ такъ, что заглушалъ всѣхъ. Потъ бывало прошибетъ его, а онъ все выкрикиваетъ: окропиши мя ѵссопомъ, аки скименъ обитаетъ и т. п. выраженія, едва ли понятныя и для самой командирши нашей Аксюты Ивановны. Впрочемъ, никто отъ насъ никогда не требовалъ того, чтобы мы понимали читаемое, лишь бы читали громко и скоро—этими качествами измѣрялась степень умѣнья заданнаго „стыха“ и достоинство истаго школяра.

Скоро я узналъ, что въ школѣ существуетъ такой обычай: если кто изъ учениковъ догонитъ въ ученіи другаго, то въ присутствіи всей школьной корпораціи, лѣнтяя кладутъ на порогѣ, а опередившему его даютъ въ руки тройчатку и велятъ ему сѣчь отсталаго. Благодаря попеченію обо мнѣ дѣдушки, я былъ достаточно подготовленъ для того, чтобы въ нѣсколько мѣсяцевъ пройти Граматку и взяться за Часловецъ. Такимъ образомъ я догналъ Дуду. Не взирая на наши пріятельскія отношенія, мнѣ предстояла пренепріятная обязанность посѣчь ее немножко.

И вотъ, въ одно прекрасное утро, дѣвицу разложили на порогѣ, а меня вооружили тройчаткой; но я, какъ истуканъ, стоялъ въ бездѣйствіи, не осмѣливаясь поднять руку на свою товарищку. Но грозный приказъ Капитанши вывелъ меня изъ оцѣпененія и я... тутъ ужъ не помню, что со мной было потомъ, ибо въ то самое время, когда я замахнулся тройчаткой, вся школа заорала благимъ матомъ: наша! наша! наша! Такъ привѣтствовали всякаго, кто въ первый разъ подвергался сѣченію, считаясь до того какъ бы чужимъ. Этотъ крикъ, а еще болѣе пронзительный визгъ несчастной Ульяны дотого меня испугалъ, что я, сгорая отъ стыда, убѣжалъ на дворъ, не нанесши ей ни одного удара.

Въ торжественный день окончанія мною Граматки, въ домѣ нашемъ приготовили большущій горшокъ каши, чѣмъ, по обычаю школы, всякій разъ сопровождалась побѣда надъ одной изъ трехъ школьныхъ премудростей. Въ постный день каша варилась гречне-

вая—съ медомъ, въ скоромный-пшонная на молокѣ и лйцахъ. Въ этотъ памятный для меня день ученія не было. Всѣ школьники шумною толпой направились къ дому виновника торжества, подъ его личнымъ предводительствомъ. При входѣ въ комнату, въ сѣняхъ пропѣта была хоромъ молитва, затѣмъ сильнѣйшій изъ насъ Ховрычъ взялъ горшокъ и со всего размаху хватилъ имъ объ уголъ зеленой изразцовой печки; каша разлетѣлась по полу вмѣстѣ съ черепками, а голодная ватага бросилась собирать ее и набивать свои рты. Послѣ обильнаго угощенія, обрадованный моими успѣхами дидусь далъ каждому гостю по большому краснобокому яблоку. Покувыркавшись часа два въ саду подъ грушею, товарищи мои разбрелись по домамъ.

Кромѣ установленной за выучку платы, въ школѣ Капитанши существовалъ обычай добровольныхъ, но обязательныхъ приношеній въ извѣстные дни въ году, почему нибудь знаменательные: такъ, на Маковія каждый мальчикъ несъ въ школу пѣтушка, а дѣвочка курочку, при чемъ соблюдалось правило, чтобы бѣлокурыя дѣти приносили бѣлыхъ куръ, а брюнеты—черныхъ. На 40 мучениковъ каждый ученикъ обязанъ былъ тащить въ школу 40 бубликовъ и проч.

Хотя школа Капитанши, въ отношеніи способа ученія, начѣмъ особеннымъ не отличалась отъ дьячковской, но все таки она имѣла предъ нею огромное преимущество. Уже одно то, что ею заправляла женщина, незнакомая съ бурсой, имѣло много за собой шансовъ. Каждый дьячокъ вносилъ въ бытъ своей школы традиціи бурсы: грубое до цинизма обращеніе съ дѣтьми, вѣчное сѣченіе, пинки и зуботычины до того уродовали учащихся, что черезъ годъ они были неузнаваемы. Здѣсь школа не только не противодѣйствовала грубой домашней средѣ, но еще болѣе вкореняла въ дѣтяхъ тѣ начала, которые входили въ ихъ природу съ молокомъ матери, подъ вліяніемъ старшихъ. Школа Капитанши, напротивъ, сглаживала грубыя угловатости привычки, усвоенныя подъ родительскимъ кровомъ. Кромѣ того, Аксюта Ивановна постоянно сидѣла дома, тогда какъ дьякъ, исполняя вѣчныя свои требы, часто оставлялъ учениковъ безъ надзора. Иногда только наставница наша, когда ей становилось не въ моготу, т. е. когда допекутъ ей сильно школяры, отправлялась

черезъ три дома къ своей сосѣдкѣ съ чулкомъ въ рукахъ, приказавъ намъ читать такъ громко, чтобы она слышала, сидя въ гостяхъ. Тогда то намъ было раздолье: одинъ старался перекричать другаго и наше чтеніе было слышно не только черезъ три дома, но подлѣ самаго собора. Тутъ больше всѣхъ отличался корифей нашей школы Хома Мулюха. Еслибы кто нибудь изъ проходящихъ мимо нашей школы полюбопытствовалъ узнать, изъ-за чего такъ сильно дерутъ горло эти мальчуганы, то слухъ его поразили бы такія слова и выраженія, которыя совершенно не соотвѣтствовали тому азарту, съ какимъ они произносились нами. — Одинъ выкрикивалъ: тма, мна, здо, тло, азъ ангелъ—ангельскій, буки богъ – божество; другой отхватывалъ: вскую шаташася языцы; третій: сіи на колесницахъ, сіи на коняхъ и т. д. И вся эта дребедень сливалась въ одинъ безобразный гулъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ капитанша препоручала насъ сестрѣ своей Аленкѣ, молодой 20-лѣтней особѣ, совершенно безграмотной, но страшно свирѣпой. Мы ее сильно боялись. Чуть только который нибудь изъ насъ зазѣвается, такъ и начнетъ хлестать тройчаткой, по чемъ зря, не сдѣлавъ даже предварительно никакого предостереженія. „Кусалась, якъ [ныцый собака, не гавкаючи“, говорили объ ней школяры, жалуясь своимъ родителямъ.

Но слово „медъ“ еще не дѣлаетъ уста сладкими, говоритъ восточная пословица: и за нашей наставницей водились грѣшки. У нея былъ свой ami de la maison, личность чрезвычайно занимательная. Это былъ массивный, саженный мужчинище, весь заплывшій жиромъ и оттого страдавшій одышкой. Ходилъ онъ всегда въ остроконечномъ, конической формы, картузѣ, съ широкимъ и длиннымъ козырькомъ, въ синемъ нанковомъ козакинѣ и съ черной суковатой палкой. Прозывался онъ Давыдовичемъ. Въ классную комнату, во время ученья, онъ никогда не входилъ, а вошедши, пригнувшись, въ сѣни, поворачивалъ на право, въ темную комору. Не проходило минуты послѣ его прихода, какъ уже одинъ изъ школяровъ командировался въ ближайшій кабачокъ за шкаликомъ, и наша наставница исчезала въ коморѣ и оттуда командовала нами. Мы слышали ея голосъ, но ее самоё не видали. Голосъ ея, сначала звонкій и внушительный, благодаря принесенной скляницѣ, становился посте-

пенно слабѣе и тише и, наконецъ, и совсѣмъ обрывался. Тогда Аленка отпускала насъ по домамъ раньше.

Домашній другъ нашей наставницы былъ по профессіи юрисконсультъ, или просто сутяга, эксплуатировавшій невѣжественныхъ мѣщанъ якобы знаніемъ законовъ. Кто бы ни затѣялъ тяжбу—безъ Давыдовича не обходилось. И начиналъ онъ свое хожденіе по дѣлу въ буквальномъ значеніи этого слова, т. е. заходилъ къ истцу ежедневно (а иногда къ отвѣтчику) съ цѣлію выпить и закусить, для чего самое дѣло тянулъ до безконечности. Наливаетъ, наливаетъ эту сороковую бочку тяжущійся да и плюнетъ, а нашъ юристъ всэ пишэ та пье, пье та пишэ.

Давыдовичъ постоянно пѣлъ на крилосѣ въ соборѣ и читалъ апостола, вооружась синими очками. Безъ него не проходило ни одного храмоваго праздника, ни одной свадьбы, ни однихъ сколько нибудь достаточныхъ похоронъ. Тутъ то ему было раздолье: выпивалъ онъ громадное количество водки (за что его и прозвали жлуктомъ), ѣлъ за троихъ, приправляя ѣду юмористическими прибаутками и и анекдотами, которыхъ у него былъ неистощимый запасъ. Говорилъ онъ чистѣйшимъ украинскимъ нарѣчіемъ, что изобличало въ немъ выходца изъ южныхъ малорусскихъ губерній. Особенно тѣшилъ онъ гостей извѣстною виршей, которою запорожцы привѣтствовали на Великдень царицу Екатерину. Виршу эту Давыдовичъ зналъ на память. Эффектнѣе всего онъ изображалъ тревогу, произведенную въ пеклѣ Воскресеніемъ Христовымъ:

Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ
Изъ пекла удрызавъ—
Винъ за Исакомъ ледвѣ ракомъ
И соби поклызавъ... и проч.

Хотя по правиламъ мѣщанской морали худо отзываться о старшихъ „не годытьця“ и даже грѣхъ, но мы—школяры ни предъ кѣмъ не дѣлали секрета о поведеніи нашей наставницы. Вообще говоря, трудно скрыть отъ дѣтей что нибудь такое, чего имъ до поры до времени знать не полагается. Наши родители разсчитывали на нашу дѣтскую глупость и простоту, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, свободно высказывались, а потому каждый изъ насъ изъ подъ родительскаго крова привносилъ въ школу довольно непечатной брани и

грязныхъ анекдотовъ. Школа съ ея тремя премудростями и капитанша съ своимъ Давыдовичемъ не только не противодѣйствовали домашнему безобразію, но еще болѣе развивали и усиливали наши порочные инстинкты. Хотя въ коморѣ, гдѣ засѣдалъ толстякъ, было темно, но мы хорошо смекали, что тамъ рѣшались не педагогическіе вопросы. Многое, чего мы не могли видѣть, дополнялось воображеніемъ, уже успѣвшимъ порядочно развратиться подъ вліяніемъ домашней обстановки.

Но пока къ намъ въ школу ходилъ одинъ Давыдовичъ, родители наши считали его посѣщенія совершенно безупречными. Извѣстный всему городу шутникъ и балагуръ, да къ тому же еще и довольно пожилой человѣкъ, не могшій ни одного дня прожить безъ компанства—что жъ въ этомъ худаго? Волей-неволей его вездѣ принимаютъ за гостя: влѣзетъ непрошенный, незванный—ну, и поштуй его.

Но съ того времени, какъ у нашей капитанши появился другой Донъ Жуанъ, надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ Терлецкій, и когда наша наставница частенько начала съ нимъ прохаживаться на Замкѣ не только въ праздники, но и въ будни—репутація ея сильно подупала въ мнѣніи нашихъ родителей. При такихъ условіяхъ школа не могла продержаться долго. Къ тому жъ какъ нарочно случился превеликій скандалъ, сдѣлавшійся ужъ черезъ чуръ гласнымъ въ городѣ.

Однажды лѣтомъ, гоняясь по Замку за бабочками, мы наткнулись на rendez-vous своей учительницы съ пьянымъ Терлецкимъ.

— Ну, ужъ это настоящая, что называется, мараль! выразился одинъ изъ родителей учащихся Лаврентій Мулюха.

— Хороша паука! добавилъ другой, и школа капитанши провалилась. 26 іюня 1828 года, за два дня до петровской ярмарки, я пошелъ въ школу въ послѣдній разъ и то лишь за тѣмъ, чтобы взять свой псалтырь. Раскрывши сію премудрую книжицу, можно было сразу угадать, на чемъ остановилось мое ученіе—по засаленнымъ листамъ первыхъ трехъ каѳизмъ. Хотя во время снѣданья, изъ предосторожности, книги закрывались и отодвигались на средину стола (не для того, чтобы онѣ не запачкались, а чтобы школяры. вмѣстѣ съ пирогомъ или блиномъ, не съѣли своего „стыха“), но такъ какъ при завтракѣ не водилось салфетокъ, то книги весьма

много терпѣли отъ замасленныхъ рукъ, хотя и выигрывали въ отношеніи прочности: пропитанные насквозь жирными веществами, листы становились твердыми, какъ пергаментъ, кожанымъ же переплетамъ ихъ и вѣку не было. Набальзамированные такимъ способомъ Часословцы и Псалтыри поступали во владѣніе младшихъ членовъ семьи и затѣмъ оставались для домашняго обихода, пока не воспользуются ими еще ненародившіяся поколѣнія.

У моего дѣда хранилось не малое количество книгъ, которыхъ онъ былъ большей любитель. Кромѣ евангелій, псалтырей, тріодей, большихъ и малыхъ четь-миней, у него было довольно весьма цѣнныхъ старопечатныхъ изданій, которыя онъ берегъ, какъ драгоцѣнность. Нѣкоторыя изъ этихъ археологическихъ рѣдкостей, впослѣдствіи времени, пользуясь критическими обстоятельствами моей матери, за безцѣнокъ купили старообрядцы изъ Клинцовъ.

Отбывши петровскую ярмарку, отецъ порѣшилъ въ августѣ опредѣлить меня въ приходское училище и сталъ къ тому же подговаривать и своего кума Никиту Гавриловича, у котораго былъ сынъ Павелъ, ходившій въ дяческую школу. Самъ батюшка, безъ помощи Давыдовича, написалъ два прошенія, которыя, хотя писались на простой негербовой бумагѣ, но адресовались всегда на Высочайшее имя и сочинялись по извѣстной формѣ: прошенія были написаны весьма грамотно и красиво, къ стыду многихъ дворянъ, едва умѣвшихъ подписать свою фамилію и то такими каракулями, что и разобрать было трудно: подпись выходила въ родѣ Гоголевской „Евдокія обмокни“. Да что и говорить о безграмотности тогдашнихъ дворянъ, коли (неча грѣха таить) и самъ учитель россійской грамматики, какъ увидимъ ниже, писалъ отвратительно.

Покончивъ съ прошеніями и положивъ ихъ въ шкапъ, батюшка купилъ ажъ цѣлыхъ три букваря—два для меня и одинъ для своего крестника, и тотчасъ же засадилъ насъ обоихъ за гражданскую азбуку, которую, къ великому нашему горю, пришлось вновь переучивать и поровить такъ, чтобы не смѣшать а, бе, ве, ге—съ буками и глаголями. Между тѣмъ, пока я, подъ руководствомъ дѣдушки, боролся съ этими трудностями и не дошелъ еще до складовъ, родитель мой, съ помощію служанки Лукерьи, вынесъ изъ темной кладовой большой сундукъ съ книгами и тетрадями, по ко-

торымъ онъ самъ учился въ гимназіи и которыя, со дня выхода его оттуда, не видали свѣта божьяго. Замечтавшись о моихъ будущихъ успѣхахъ, онъ сталъ выкладывать изъ сундука груды запыленныхъ книгъ и чего-чего тамъ не было: и естественное право, и астрономія, и фортификація. Полный надеждъ на мое будущее, покойникъ готовился надѣлить меня всей этой премудростью, хотя, увы! ни одна изъ этихъ книгъ не пригодилась мнѣ, благодаря уставу 1828 г. То ли дѣло подумаешь Часловецъ и Псалтырь, вѣчно неизмѣнныя книжицы, пережившія цѣлое тысячелѣтіе Россійской имперіи.

Въ отцѣ моемъ, который до сихъ поръ не обращалъ на меня вниманія, предоставивъ мое ученіе на попеченіе дѣда и матери, пробудилась какая то тревожная дѣятельность, коль скоро дѣло коснулось опредѣленія меня въ училище.

2. Первѣйшій классъ.
(1828—1830)

22 августа 1828 года, въ день священномученика Агафона и Неофита, меня разбудили до свѣта. Около 7 часовъ пришелъ от. Никита и вторично благословилъ мои начинанія; послѣ чего мы съ батюшкой тронулись въ путь къ учителю Ильѣ Семеновичу. Отецъ шелъ, конечно, не съ пустыми руками: небольшая головка сахару да фунтикъ чаю открыли мнѣ входъ въ предверіе святилища наукъ—приготовительный классъ, который больше извѣстенъ былъ подъ именемъ первѣйшаго.—Отъ природы я былъ страшно боязливъ, а стоустая молва въ городѣ о жестокости, доходившей до кровожадности, учителя Каменскаго до того на меня подѣйствовала, что я, подходя къ училищу, заревѣлъ благимъ матомъ, и если бъ отецъ не удерживалъ меня за руку, непремѣнно бы далъ тягу.

Большой деревянный одноэтажный домъ, гдѣ помѣщалась тогда гимназія, вмѣстѣ съ уѣзднымъ училищемъ, стоялъ посреди обширнаго двора, поросшаго травой. Наружность его была мрачна и неприглядна. Парадный подъѣздъ бывшаго губернаторскаго помѣщенія, съ почернѣвшими отъ времени колоннами, обращенный къ кладбищу, находившемуся тутъ же за рѣшеточнымъ заборомъ, внушалъ мнѣ еще больше ужаса. Но это, какъ оказалось, былъ входъ въ гимназію и мы миновали его. Обогнувъ почти все зданіе, мы взошли на другое,

болѣе скромное крыльцо, потомъ въ грязныя сѣни и корридоръ, гдѣ было двое дверей: одна, на право, вела въ первѣйшій классъ, а другая, на лѣво, въ квартиру учителя.

Илья Семеновичъ, вѣроятно, увидалъ насъ изъ окна классной комнаты, потому что, едва мы вошли въ корридоръ, онъ тотчасъ же вышелъ изъ класса и пригласилъ насъ въ свою квартиру. Отецъ, нисколько не оробѣвши, подошелъ развязно къ столу, положилъ на немъ сперва хлѣбъ святой, отъ котораго, по русскому обычаю, никто не вправѣ отказаться, затѣмъ фунтикъ чаю и поставилъ головку сахару, отъ котораго, по причинѣ его сладости, такъ же не въ обычаѣ было отказываться педагогу.

Илья Семеновичъ былъ высокаго роста мужчина, плотнаго сложенія, съ черными лоснящимися бакенами и какимъ то недобрымъ взглядомъ, напоминавшимъ хищную птицу, хотя и невысокаго полета. Окончивъ 4 классную гимназію въ 1821 году, по лѣтамъ онъ долженъ бы, казалось, принадлежать къ новому поколѣнію педагоговъ, но онъ ни въ чемъ не уступалъ людямъ стараго покроя. Будучи, сравнительно, болѣе другихъ сослуживцевъ обезпеченъ матеріально, владѣя небольшимъ имѣньицемъ въ кролевецкомъ уѣздѣ съ 16 крѣпостными душами, онъ не совѣстился зайти въ лавку мѣщанина, торговавшаго не на рубли, а на копѣйки, и взять у него въ долгъ безъ отдачи фунта три сала или полдесятка чабака, потому только, что сынъ этого торговца имѣлъ несчастіе находиться подъ его ферулой. Напомнить Ильѣ Семеновичу объ отдачѣ долга могъ только тотъ, кто рѣшался взять своего сына изъ училища; въ противномъ случаѣ мальчику приходилось живому лѣзть въ могилу.

Сдавъ на руки такому достойному педагогу трепетавшаго отъ страха сына, батюшка проводилъ меня глазами до дверей классной комнаты и раскланялся съ учителемъ. Что со мной происходило въ этотъ день, какъ я очутился между школьниками, что дѣлалось въ классѣ до конца урока—рѣшительно ничего не помню. На меня напалъ такой столбнякъ, что отъ меня никто не добился ни одного слова. При выходѣ изъ класса, на меня накинулись цѣлой ватагой самые отчаянные драчуны, подъ предводительствомъ Хомы Шота, и я не знаю, чѣмъ бы началось мое первое знакомство съ новыми товарищами: щипками или потасовкой, если бы не взялъ меня подъ

свое покровительство главный цензоръ Петро Сидоровичъ Яковенко здоровый малый, лѣтъ 16, въ нанковомъ сюртукѣ желтогорячаго цвѣта. Будучи ближайшимъ моимъ сосѣдомъ, онъ довелъ меня до самаго дома. Взялъ онъ меня подъ свою высокую руку, какъ оказалось, не безкорыстно: проходя мимо нашего сада, онъ прельстился великолѣпными краснобокими яблоками, да должно быть уже не разъ и пробовалъ ихъ и какъ видно, они ему очень понравились, потому что, прощаясь со мной, онъ строго на строго приказалъ мнѣ, какъ власть имущій, принесть нѣсколько штукъ въ классъ, непремѣнно завтра. Я, конечно, не смѣлъ его ослушаться, потому—сила. Петро Сидоровичъ былъ не цензоръ только, но и палачъ первѣйшаго класса. Аттрибуты его страшнаго могущества,—пучокъ розогъ и линейка—лежали подлѣ него во все продолженіе урока и послѣ звонка прятались въ сундукъ, вмѣстѣ съ мѣломъ и губкой. На другой день я узналъ, что Сидоровичъ беретъ взятки не одними яблоками. Кто давалъ больше, того онъ и билъ полегче, а кто ничего не давалъ, того дралъ безъ милосердія.

Ученики раздѣлялись на три группы и распредѣлялись между аудиторами, которые тоже брали хабары, а не дать нельзя было, такъ какъ Илья Семеновичъ никогда не контролировалъ ихъ отмѣтокъ.

Учитель рѣдко просиживалъ весь урокъ въ классѣ. Задавъ работу и передавъ бразды правленія Сидоровичу, онъ уходилъ къ себѣ въ квартиру; если же случалось, что онъ оставался въ классѣ подольше, то единственно для развлеченія. Иногда бывало выдастся добрый день, стихъ такой находилъ на Илью Семеновича—и онъ весь урокъ глумится то надъ несчастнымъ Евдокимомъ Сугонякой, съ рыжей продолговатой головой, похожей на дыню, то издѣвается надъ добрякомъ Степаномъ Стугой-Самотугой, да надъ плаксой Василіемъ Киндой. Но больше всѣхъ терпѣлъ насмѣшекъ Ванька Цаненицкій. Это былъ крошечный мальчуганъ, совершенный карликъ, не шалунъ и не лѣнтяй, но чрезвычайно живой и потѣшный, напоминавшій по своимъ ухваткамъ комнатную собаченку, которую обыкновенно зовутъ Шарикомъ. Надъ нимъ то Илья Семеновичъ любилъ особенно истощать свое остроуміе: то заставитъ его влѣзть въ сундукъ и запретъ его тамъ на цѣлый часъ, то прика-

жетъ лѣзть въ печку, откуда Ванька вылѣзалъ весь запачканный въ сажу, черный, какъ арапченокъ, къ великой потѣхѣ всего класса.

Между мальчиками сидѣли три дѣвицы, которыя тоже не избѣгали насмѣшекъ со стороны разгулявшагося наставника, иногда весьма пикантныхъ.

— Сидоровичъ! поцѣлуй Жадкевичеву! обращается къ цензору учитель. А тотъ и радъ стараться, да еще и за шею обниметъ.

Не избѣгнулъ насмѣшекъ и самъ Сидоровичъ. Однажды, вошедши въ классъ, онъ подозвалъ къ столу цензора.

— Подай, говоритъ, розги!

Готовый служить вѣрой и правдой своему повелителю Сидоровичъ быстро досталъ изъ сундука розги.

— Подвинь на средину класса сундукъ, продолжаетъ учитель.

Исполнилъ Сидоровичъ и этотъ приказъ. Свирѣпо окинулъ взглядомъ своихъ товарищей, какъ бы стараясь угадать, кого ему придется въ этотъ разъ растянуть на сундукѣ.

— Ложись! приказываетъ тѣмъ же убійственно спокойнымъ тономъ Илья Семеновичъ.

Цензоръ зналъ лучше всѣхъ насъ натуру своего командира, не терпѣвшаго ни малѣйшаго противорѣчія, а потому безпрекословно растянулся на сундукѣ.

— Сѣки себя самъ! да смотри хорошенько, а то я тебя научу, какъ нужно сѣчь.

И Сидоровичъ совершаетъ самобичеваніе не похуже католическаго монаха-изувѣра, смиряющаго грѣшную свою плоть истязаніями.

— Ну, довольно! садись на мѣсто!

И Сидоровичъ, какъ ни въ чемъ не бывало, идетъ на мѣсто. За что онъ себя такъ больно наказалъ, никто не зналъ, ни даже онъ самъ. Я думаю Илья Семеновичъ просто выкинулъ штуку, потѣхи ради, или, быть можетъ, онъ хотѣлъ предостеречь цензора, чтобы онъ не зазнавался слишкомъ, не важничалъ.

Но не всегда оканчивался урокъ такими милыми шутками. Расположеніе духа у нашего учителя было чрезвычайно неровное. Разныя семейныя дрязги, ссоры съ супругой и тещей, а можетъ быть, и нахлобучки со стороны начальства, нерѣдко раздражали его до бѣшенства и онъ всѣ эти непріятности вымещалъ на пеповин-

ныхъ ни тѣломъ, ни духомъ дѣтяхъ. Ворвется въ классъ, какъ ураганъ, лютый, прелютый—и начнется избіеніе младенцевъ. Дѣти дрожатъ, какъ листья на осинѣ; каждый, притаивъ дыханіе, ждалъ бѣды; впродолженіе всего урока линейка Сидоровича не переставала работать, горячія пали, плачъ, мольбы о пощадѣ не умолкаютъ до звонка; полкласса всхлипываетъ и хукаетъ въ ладони... Но и этимъ не оканчивалась бойня: человѣкамъ пяти велѣно „остаться послѣ класса“ для наказанія розгами.

Какъ продуктъ такого варварскаго обращенія съ дѣтьми, были между нами мальчики, въ которыхъ навсегда было убито чувство человѣческаго достоинства. Ко всему можно привыкнуть, привыкали и къ розгѣ. Но что за люди вышли впослѣдствіи изъ этихъ жалкихъ созданій, безотвѣтныхъ жертвъ чужаго самодурства и ненужной жестокости! Сидѣли они по два, по три и даже по четыре года въ первѣйшемъ классѣ, „въ надеждѣ успѣховъ“, или „по великовозрастію“ переводились въ первый классъ; здѣсь опять сидѣли столько же и выходили въ жизнь отъявленными 18 лѣтними негодяями.

Мое ученіе въ первѣйшемъ классѣ, благодаря домашней подготовкѣ и приношеніямъ матушки, шло довольно успѣшно. Шалостей за мной особенныхъ не водилось, хотя паль все таки не избѣгнулъ, по извѣтамъ цензора, которому не всегда я могъ угодить хабарами. Впрочемъ, отъ наказанія никого не спасали ни отличные успѣхи, ни примѣрное поведеніе, такъ какъ за общій шумъ всего класса наказывались или всѣ поголовно, или десятые; значитъ, будь хоть ангеломъ во плоти, не уйдешь отъ розги. Разъ дѣйствительно и со мной чуть не случилась подобная оказія. По случаю смерти тещи, учитель не сидѣлъ въ классѣ, а препоручилъ насъ цензору. Случился какой то скандалъ, вызвавшій всеобщій взрывъ хохота, дошедшій до ушей „неутѣшнаго“ Ильи Семеновича. Влетаетъ въ классъ сердитый, пресердитый.

— Кто шумѣлъ?—Всѣ! отвѣчаетъ цензоръ.

— Остаться послѣ класса всѣмъ! Какъ котовъ передеру всѣхъ!

Сказалъ, и вышелъ. Смѣхъ смѣнился рыданіемъ великимъ. Просидѣли мы цѣлый часъ послѣ звонка. Неизвѣстность мучила каждаго изъ насъ, а небитыхъ еще, къ какимъ принадлежалъ и я, конечно, больше другихъ. Наконецъ, Илья Семеновичъ прислалъ сына Ильюшу

съ объявленіемъ, что расправа, по случаю совершавшейся въ то время панихиды, отложена до завтра. На другой день были похороны и потому учитель не явился вовсе. Но на третій день, прійдя въ классъ, онъ вспомнилъ о своей угрозѣ и велѣлъ остаться послѣ класса десятымъ. Какъ на бѣду, я сидѣлъ какъ разъ десятымъ и пришелъ въ ужасъ, но къ немалому удивленію всѣхъ товарищей, Илья Семеновичъ отпустилъ меня домой небитымъ. Дѣло объяснилось очень просто. Милость эта обошлась родителямъ не дешево, будучи куплена цѣною размалеваннаго гроба съ нарисованнымъ ангеломъ въ головахъ и Адамовой головой въ ногахъ. Гробъ этотъ заготовила, на случай смерти, моя бабушка для себя, но онъ былъ взятъ учителемъ для его тещи.

Итакъ, благодаря гробу, я остался небитымъ, къ великой радости моей сердобольной матери.

21 іюня 1830 года происходило публичное испытаніе въ повѣтовомъ училищѣ, въ присутствіи директора и учителей гимназіи. Ученики 1 и 2-го классовъ произносили басни, весьма поучительнаго содержанія, напр. Орелъ и Пчела, Дубъ и Трость, Своевольные ребята и т. п. А Илья Семеновичъ громогласно прочелъ рѣчь, написанную на заданную директоромъ тэму: „Сколько счастіе человѣка зависитъ отъ добраго мнѣнія и чести въ обществѣ?“ О, еслибы спросили насъ, безмолвныхъ созерцателей сего торжества, какое составилось мнѣніе у насъ о нашемъ наставникѣ!

Тутъ же, къ великой радости нашихъ родителей, мы услышали свои фамиліи, слѣдовавшія непосредственно за любезнымъ для каждаго ученика словцомъ: „переводится“. Такихъ счастливцевъ оказалось двадцать четыре человѣка, въ числѣ ихъ было и три дѣвицы: Прасковья и Наталія Цапеницкія и Марѳа Жадкевичева.

Въ первѣйшемъ классѣ я пробылъ два года.

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

3. *Первый классъ.*

(1830—1833).

Педагогическій персоналъ.

Низшее отдѣленіе уѣзднаго училища—первѣйшій классъ, съ грознымъ Люциферомъ Ильею Семеновичемъ, по всей справедливости, носилъ у насъ прозвище „пекла“, въ которомъ каждый бѣднякъ, за грѣхи своихъ родителей, долженъ былъ претерпѣть лютыя муки, для того чтобы попасть въ „Чистилище“ (такъ мы называли первый классъ), откуда, прошедши еще одно мытарство—второй классъ,—ученикъ попадалъ въ „Рай“ т. е. въ гимназію, гдѣ не было уже ни печали, ни воздыханія, ни паль, ни розогъ.

Хотя первый классъ, по преподаваемымъ въ немъ предметамъ, недалеко ушелъ отъ первѣйшаго, но разница между ними была громадная въ другомъ отношеніи. Происходила она главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ и характера самихъ преподавателей. Послѣ свирѣпаго и жестокаго Ильи Семеновича, удостоенный перевода въ первый классъ встрѣчалъ добродушныя физіономіи Якова Яковлевича и Ивана Андреевича—простыхъ и тихихъ смертныхъ, съ которыми, не боясь порки, можно было и пошутить, и подурачиться.

Яковъ Яковлевичъ преподавалъ: ариѳметику, нѣмецкій языкъ, рисованіе и чистописаніе, а Иванъ Андреевичъ—россійскую грам-

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., февраль.

матику, латинскій языкъ, географію, исторію и законъ Божій. Эти два труженика выносили на своихъ плечахъ, съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ, преподаваніе всѣхъ означенныхъ предметовъ, имѣя ни болѣе, ни менѣе, какъ по 32 урока въ недѣлю: Яковъ Яковлевичъ 20 въ первомъ и 12 во второмъ, а Иванъ Андреевичъ, наоборотъ: 12 въ первомъ и 20 во второмъ. Четыре полутара-часовыхъ урока отбывались до обѣда и два послѣ обѣда, за исключеніемъ среды и субботы, когда послѣобѣденныхъ занятій не было вовсе.

Прибавивъ къ симъ главнымъ дѣятелямъ по части образованія юношества смотрителя училища Николая Осиповича Кампіони, мы получимъ полный персоналъ педагоговъ уѣзднаго училища. Главный начальникъ заведеній, директоръ, былъ для насъ, повѣтовцевъ, пока миѳомъ. Жилъ онъ гдѣ то за Десной, въ сорока верстахъ отъ города въ своей деревнѣ Турановкѣ, пріѣзжая два-три раза въ годъ, и потому рѣчь о немъ будетъ впереди.

Яковъ Яковлевичъ Игнатьевъ, по прозванію *Брулъ*, лейбъ гвардіи коннаго полка гофрейтъ-капрала сынъ, обучался въ новгородъ-сѣверскомъ главномъ училищѣ между 1800 и 1804 годами: „закону Божію, россійской, всеобщей и естественной исторіямъ, всеобщей, россійской и математической географіямъ, латинскому языку, ариѳметикѣ, геометріи, физикѣ, механикѣ, архитектурѣ, россійскому и нѣмецкому языкамъ и рисовальному искусству“. На службу вступилъ въ 1806 году, сперва учителемъ приготовительнаго класса, а потомъ въ 1812 году сдѣлался учителемъ математическихъ наукъ и рисованія въ первомъ и второмъ классѣ повѣтоваго училища. Жалованья получалъ 250 рубл. асс. да добавочныхъ за уроки чистописанія и рисованія 75 рубл. асс.; столько же получалъ и его собратъ Иванъ Андреевичъ. При существовавшей въ тѣ времена дешевизнѣ на всѣ жизненныя потребности[1]) и при господствовавшемъ въ доброе старое время обычаѣ пользоваться добровольными приношеніями учащихся, жалованья этого для Якова Яковлевича и его небольшаго семейства, состоявшаго изъ сестрицы Марѳуши и племянницы Мавруши, было весьма достаточно. Яковъ Яковлевичъ

[1]) Четверть ржи (7 п. 20 ф.) стоила 4 руб. асс. На содержаніе повѣтоваго училища отпускалось 1,757 р. асс. въ годъ, а на содержаніе гимназіи 7,720 р. асс.

ухищрялся даже такъ, что нетолько жилъ безбѣдно, но успѣлъ пріобрѣсть недвижимую собственность: небольшой домикъ и нѣсколько десятковъ десятинъ земли—пахатной и сѣнокосной. Что же касается хабаровъ, то надобно правду сказать, что въ тѣ патріархальныя времена ими не брезгали не только такіе бѣдняки, какъ повѣтовые учителя, но даже люди, поставленные въ несравненно лучшія условія. Давались эти хабары въ видѣ гостинцевъ, при поздравленіи съ праздниками. Бѣдняки, подобные мнѣ, несли булки, бублики, какой нибудь пряникъ; купеческіе сынки—чай, сахаръ, вино; помѣщичьи дѣтки—привозили изъ дому живую и битую птицу, масло, поросятъ, а иногда и цѣлаго кабана. Но любимѣйшимъ гостинцемъ для Якова Яковлевича была „мучица". Чай, сахаръ, вино и прочія сласти онъ обыкновенно сбывалъ мелкимъ торговцамъ и обращалъ все въ наличныя деньги, на которыя прикупалъ одну нивку за другою. Сослуживцы ославили почтеннаго нашего наставника по всему городу скаредомъ и скопидомомъ. Въ гости онъ никуда не ходилъ и у себя никого не принималъ. Весь міръ для него заключался въ училищѣ и въ домѣ. На одежду онъ почти ничего не издерживалъ, нося по 10 и болѣе лѣтъ одинъ и тотъ же сюртукъ; шляпа же у него была несносимая. Эту, по истинѣ археологическую, рѣдкость онъ старался сохранить отъ разрушенія всевозможными средствами: смазывалъ ее ваксой и чернилами, чтобъ она не рыжѣла, задѣлывалъ трещины чернымъ сургучемъ и т. п. Не менѣе замѣчательною древностію были и его ботфорты: отъ вліянія мокроты они сохранялись въ непогоду большущими калошами или проще сандаліями, прикрѣпляемыми бичевкой поверхъ ботфортовъ. Наши оборванцы школяры безжалостно издѣвались надъ костюмомъ своего учителя, забывая о томъ, какъ они сами были одѣты. Но что бы ни говорили о его скупости какъ ученые, такъ и уличные зоилы, и я все таки скажу, что ему до скареда Плюшкина, какъ до звѣзды небесной далеко. Онъ былъ бережливъ до скупости, но скрягой никогда не былъ. Жилъ онъ въ сторонкѣ отъ большой улицы, въ глухомъ переулкѣ, гдѣ тянулись одни заборы—между Глуховской и Козацкой. Домикъ его съ улицы почти былъ незамѣтенъ: онъ скрывался за высокимъ заборомъ, теряясь въ зелени окружавшихъ его деревьевъ. Домъ Якова Яковлевича былъ полная чаша: Марѳуша была отлич-

ная хозяйка, анбары—полнымъ полны „мучицей“, и ржаной, и крупичатой, и пшеничной; въ погребѣ—большіе запасы разныхъ соленій. заготовленныхъ впрокъ; по двору важно расхаживала красивая и тучная „коровушка“; на цѣпи—жирный и злой песъ, котораго хозяинъ, лаская, называлъ почему то „мушкатеромъ“; куръ цѣлое стадо. Дворъ всегда собственноручно выметенъ, хоть качайся; въ садикѣ необыкновенный порядокъ; въ огородинѣ—человѣкъ спрячется. Не пилъ Яковъ Яковлевичъ ни чаю, ни вина; не водилось у него за столомъ никакихъ пряностей—ни соусовъ, ни пирожныхъ; но онъ съ своими домочадцами обѣдалъ и ужиналъ простыми и сытными блюдами, ни въ чемъ себѣ не отказывая.

Устроивъ такимъ образомъ жизнь по своему идеалу, быть можетъ даже осуществивъ завѣтную мечту своего томнаго дѣтства и исполненной нужды и всяческихъ лишеній юности, Яковъ Яковлевичъ былъ счастливъ по своему, никогда не измѣняя своимъ спартанскимъ привычкамъ, усвоеннымъ еще при жизни родителя—гофрейтъ-капрала. Самъ онъ съ большой любовью занимался по хозяйству: отбывши уроки, сбрасывалъ служебный костюмъ, облачался въ старую солдатскую шинель, оставленную ему, вѣроятно, въ наслѣдство покойнымъ отцомъ, бралъ лопату или метлу и выходилъ на дворъ дѣлать порядокъ. Вставалъ онъ и ложился всегда по солнцу. На всѣ насмѣшки своихъ сослуживцевъ онъ снисходительно улыбался ему одному свойственной улыбкой: губы его, нарочито длинныя и толстыя, какъ то странно сжимались и языкъ начиналъ подпирать то одну щеку, то другую.

Въ 1830 году Якову Яковлевичу было съ небольшимъ 40 лѣтъ, но по волосамъ съ большою просѣдью онъ казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ или, лучше сказать, каждый приходитъ въ сомнѣніе—былъ ли этотъ человѣкъ когда нибудь молодъ? Невозмутимый, вѣчно ровный самому себѣ характеръ; необыкновенная аккуратность и неизмѣнный способъ обращенія съ учениками, всегда одни и тѣ же пріемы, выраженія, слова, повторявшіяся ежедневно втеченіе долголѣтней его службы; безконечная доброта и снисходительность къ дѣтскимъ проказамъ, даже въ ущербъ собственному самолюбію: вотъ тѣ черты, которыя только теперь такъ рельефно представляются моему сознанію, но которыхъ, конечно, мы, дѣти, не умѣли подмѣ-

тить въ немъ, а тѣмъ болѣе оцѣнить по достоинству этого добряка. Пользуясь его добротой и, сравнительно говоря, слабостью, мы много огорчали нашего наставника и нерѣдко своими шалостями выводили его изъ терпѣнія до того, что и онъ, какъ другіе, тоже начиналъ драться. Да инаго средства и не было сладить съ буйною ватагой сорвиголовъ, густо наполнявшихъ классную комнату.

Дѣти въ школѣ народъ безжалостный: порознь—ангелы Божіе, а вмѣстѣ—сущіе чертенята!...

Въ 1872 году, блуждая по Троицкому кладбищу, я нечаянно наткнулся на могилу своего наставника и прочелъ на крестѣ надпись: „Крестъ Христовъ поставленъ у головы титулярнаго совѣтника Якова Яковлевича Игнатьева, который родился въ 1780 году, а скончался 1841 генваря 1 дня; всей жизни бяше 61 годъ".

„По лѣвую сторону Якова почиваетъ тѣло родной сестры его Маріы, которая родилась 1778 года, а умерла 1848.

„По правую же сторону сей Маріы погребено тѣло племянницы ихъ, жены губернскаго секретаря, Маріи, которая родилась 1812 г., а преставилась 1860. Поживе только 47 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ.

„Глубиною мудрости вся строяй и полезная всѣмъ подаваяй, едине Создателю, упокой, Гди, души рабъ твоихъ: Іакова, Маріу и Марію" [1]).

Иванъ Андреевичъ Славатинскій, воспитанникъ черниговской гимназіи, пробывшій больше году въ харьковскомъ университетѣ, опредѣленъ учителемъ въ новгородъ-сѣверское уѣздное училище въ 1812 году. Въ противоположность Якову Яковлевичу, онъ не имѣлъ солидной и степенной его наружности, приличествующей педагогу: ни ростомъ, ни дородствомъ не вышелъ. Въ своемъ потертомъ и полиняломъ фрачишкѣ, съ короткими рукавами и въ кожаномъ картузѣ, онъ скорѣе походилъ на канцеляриста уѣзднаго суда, чѣмъ на учителя.

Иванъ Андреевичъ былъ страшно бѣденъ. Жилъ онъ на Заручьѣ, верстахъ въ трехъ отъ училища, противъ церкви Благовѣ-

---

[1]) Нѣкоторыя черты оригинальной личности Игнатьева довольно удачно схвачены авторомъ біографическаго очерка „Яковъ Яковлевичъ"; но, къ сожалѣнію, талантливый бѣллетристъ (П. А. Кулишъ) изобразилъ это дѣйствительно существовавшее лицо исторически невѣрно, придавъ ему романическія поползновенія.

щенія, имѣлъ большое семейство, вѣчно нуждался и съ горя попивалъ. Страдая катарромъ желудка, онъ часто не бывалъ на урокахъ, къ великому огорченію Якова Яковлевича, который, не пропустивъ самъ ни одного урока во всю свою службу, долженъ былъ, за отсутствіемъ коллеги, слѣдить и за учениками сосѣдняго класса чрезъ растворенную дверь.

Скончался Иванъ Андреевичъ въ 1831 году. За годъ до смерти этотъ достойный учитель россійской грамматики такъ рапортовалъ смотрителю о причинѣ неявки своей на службу:

„По приключившейся боли у желудка не могу явится къ должности, а чемъ симъ вашему благородію имѣю донести къ нужному свѣдѣнію.“

До опредѣленія другаго преподавателя, предметы покойнаго, по распоряженію директора, распредѣлены между учениками высшаго класса гимназіи, оставленными на второй годъ въ томъ же классѣ: Петровскимъ. Куриловымъ и Сапѣгой.

Смотритель повѣтоваго училища *Николай Осиповичъ Кампіони* началъ свою службу аптекарскимъ ученикомъ, былъ потомъ гизелемъ и провизоромъ, пока наконецъ самъ не сдѣлался аптекаремъ. Въ 1825 году, оставаясь содержателемъ вольной аптеки, опредѣленъ смотрителемъ, съ жалованьемъ 300 рубл. асс., изъ коихъ половину онъ обязался жертвовать въ пользу училища и безплатно отпускать лѣкарства заболѣвшимъ воспитанникамъ, которые, впрочемъ, такимъ благодѣяніемъ вовсе не пользовались, пробавляясь домашними настоями и нашептываніями знахорокъ.

Смотритель былъ человѣкъ тучный съ манерами, изобличавшими въ немъ чистокровную нѣмецкую расу, чѣмъ онъ очень гордился, относясь къ русскимъ учителямъ съ явнымъ пренебреженіемъ. По жалобамъ нашихъ наставниковъ, Николай Осиповичъ иногда дѣлалъ намъ замѣчанія; но когда онъ обращался своимъ синлымъ голосомъ къ одному ученику, то съ мѣста подымался другой, сидѣвшій въ противоположномъ концѣ скамьи, и пока смотритель не ткнетъ пальцемъ въ того, къ кому онъ адресовалъ свой выговоръ, тотъ никогда не догадается привстать. Такая странная шутка происходила отъ того, что нашъ аптекарь былъ косоглазый баринъ, отчего и не смотрѣлъ на того, съ кѣмъ намѣренъ былъ говорить. Съ Яковомъ

Яковлевичемъ онъ видимо былъ не въ ладахъ и при свиданіи съ нимъ подавалъ ему одинъ лишь палецъ, презрительно поглядывая то на его ботфорты, то на античную шляпу, стоявшую на столѣ. Особенно злился онъ и шипѣлъ, какъ гусакъ, когда заставалъ въ классѣ какую нибудь исторію. Наставники наши таки частенько получали отъ него нахлобучки не только на словахъ, но и на бумагѣ. Такъ, по поводу не оказавшихся въ запасѣ печатныхъ бланковъ для похвальныхъ листовъ, онъ разразился надъ смиреннымъ Игнатьевымъ строжайшимъ выговоромъ:

„О похвальныхъ листахъ дѣло было ваше заботиться имѣть лишніе два—три. Я уже много принялъ на себя, то что отъ васъ требовалось, дабы не нарушать вашего покоя. Не забудите терпѣніе прорывается и не сожалѣйте сами на себя, сами себя не жалѣли. Заботы ваши большія, но не къ цѣли и благу учащихся, а къ собственной. Постарайтесь, по крайней мѣрѣ, о благовидности, дабы имѣть порядочного губка грецкого изъ суммы, навербованной вами въ довольное число съ учениковъ 1 и 2 классовъ, не знаю, по какому вашему на то праву?“

Изъ сего документа явствуетъ, что смотритель былъ нѣмецъ, (а можетъ быть и нѣмецкій жидъ) скупой и завистливый Получая за свою службу чины и благодарности, не отпуская изъ своей аптеки никакихъ лѣкарствъ, а главное, ровно ничего не дѣлая, укоряетъ работающаго въ потѣ лица труженика въ нерадѣніи о благѣ учащихся. Доведши учителя своей нѣмецкой экономіей до необходимости прибѣгать къ косвеннымъ налогамъ на учениковъ для покупки „порядочного губка грецкого“, требуетъ, чтобы и бланки для похвальныхъ листовъ покупались на тѣ же незаконные поборы. А куда же шли полтораста рублей, которые онъ обязался вносить на нужды училища?...

Смотритель жилъ открыто. Домъ его считался чуть ли не первымъ въ городѣ по богатой обстановкѣ: вечера съ ужинами и танцами, экипажи, лошади, гувернанка—все это требовало не копѣечныхъ издержекъ, какими довольствовался плебей Я. Я—чъ и при всемъ томъ спеціальная сумма на содержаніе училища, находившаяся въ безотчетномъ распоряженіи смотрителя, пряталась въ собственный карманъ.

При дѣлахъ училища сохранилось письмо директора къ смотрителю, свидѣтельствующее объ отношеніяхъ аптекаря къ высшему городскому обществу, во главѣ коего стоялъ Тимковскій.

„Учреждаемый въ обученіи А. И. Кригера танцботъ для дѣвицъ, съ согласію вашего, Николай Осиповичъ, и общаго другихъ участниковъ, имѣетъ быть въ вашемъ домѣ по три раза въ недѣлю: во вторникъ и четвергъ отъ 2-хъ часовъ, а въ субботу отъ половины 5-го, съ положеніемъ правилами, которыя вамъ извѣстны. Съ сего числа въ танцботъ поступаютъ: Варвара Тимковская—моя дочь, Анастасія Петр. Левицкая, Любовь Григор. Македонская".

Такъ, весьма обыкновенные танцовальные уроки возведены г. директоромъ на степень серьезнаго учрежденія—съ особенными правилами и положеніями.

Аборигены и новички.

Прійдя въ первый классъ, мы застали тамъ болѣе 30 учениковъ, оставленныхъ, кто на второй, кто на третій и даже на четвертый годъ; а потому неудивительно, что тутъ нашлись юноши по 16 и болѣе лѣтъ. Это—аборигены перваго класса. Самые дюжіе изъ нихъ заняли послѣднюю скамью не для того, чтобы передніе мальчуганы могли съ большимъ удобствомъ смотрѣть на доску, но для того, что тутъ имъ была вольная воля, „лахва", какъ они выражались сами. Это отборное общество силачей и грубіяновъ давало тонъ всему классу и съ перваго же дня нашего пребыванія въ новомъ обществѣ приняло на себя обязанность посвятить насъ, новичковъ, во всѣ тайны созданнаго ими кодекса школьныхъ правилъ и порядковъ. Большинство аборигеновъ составляли дѣти мѣстныхъ мѣщанъ, которые, не гоняясь за большою мудростію, довольствовались простою грамотностію, или даже только тѣмъ, чтобы сыновья ихъ „не вѣшались зря" по улицамъ. Они смотрѣли на школу, какъ на смирительный домъ, гдѣ укрощались буйные нравы непослушныхъ дѣтей. Общее число учениковъ перваго класса въ 1830 году состояло изъ 60 человѣкъ. Изъ нихъ дворянъ 30, мѣщанъ 15, купцовъ 4, козаковъ 1; затѣмъ остальные 8 человѣкъ принадлежали къ сословію разночинцевъ: это были незаконнорожденныя дѣти ближайшихъ къ городу помѣщи-

ковъ, которые путемъ ученія, выводили ихъ въ люди, для успокоенія своей барской совѣсти.

Каждый изъ учениковъ одѣвался сообразно состоянію и званію своихъ родителей, и потому масса учащихся представляла пеструю смѣсь „одежду и лицъ". Чисто и опрятно одѣтыхъ было весьма не много. Да и не любила классная камарилья задней скамьи такихъ выскочекъ, стараясь все ассимилировать, согласно своему демократическому строю. Такъ, въ первый же день моего пребыванія въ новомъ для меня обществѣ, батистовые воротнички генеральскихъ сынковъ Гетуновъ, по окончаніи урока, оказались запачканными въ чернила, а въ оставленныя ими въ сѣняхъ галоши накладено нечистотъ. Сюртуки у большинства учениковъ были нанковые, отличавшіеся особеннымъ покроемъ и цвѣтомъ: мѣщане придерживались больше самаго дешеваго желтаго цвѣта, разночинцы—голубаго; были сюртуки синіе, зеленые (обыкновенно перелицованные и перешитые изъ батьковскихъ бекешъ), на выростъ, по сіе время. Сапоги у большей части учениковъ были смазаны, отчего воздухъ въ классной комнатѣ, особенно зимой, былъ невыносимъ для дыханія. О какой бы тамъ ни было вентиляціи никому и въ голову не приходило, даже форточки нигдѣ не было.

Всѣ мы, новички, радовались, что Петръ Сидоровичъ, хотя и перешелъ въ первый классъ вмѣстѣ съ нами, но тутъ уже, безъ своего патрона Ильи Семеновича, не былъ для насъ страшенъ; при томъ же мы нашли въ первомъ классѣ подобныхъ ему богатырей цѣлый десятокъ.

По росписанію на первомъ урокѣ случилась ариѳметика. До звонка большая часть учениковъ бѣгала по двору, а нѣкоторые, боясь потасовки до прихода учителя, жались подъ стѣнами темнаго корридора. Но вотъ прителъ и учитель.

Подойдя къ столу, онъ поставилъ на немъ прежде всего свою историческую шляпу и положилъ въ нее какой-то свертокъ; это былъ списокъ учениковъ и пресловутая синяя тетрадка, именуемая „Ариѳметичкой".

— Читайте молитву! Были первые слова, услышанныя нами изъ устъ Якова Яковлевича. Прочитали.

— Садитесь, молодцы! Сѣли.

Затѣмъ началась перекличка. Новички, названные по фамиліямъ, отвѣчали, приподнявшись съ мѣста: „здѣсь!“ голосомъ обыкновеннымъ, отзывавшимся нѣкоторою робостью, къ чему пріучилъ насъ Илья Семеновичъ; но аборигены вскакивали съ мѣстъ, какъ ужаленные, и слово „здѣсь“ разнообразили до безконечности, начиная съ самой низкой ноты до самой высокой, при чемъ Я. Я—чъ кротко замѣчалъ: „потише, молодцы!“ Но когда дошла очередь до Даніила Шедьки, сына бублейницы, то вмѣсто „здѣсь“, онъ выкрикнулъ *hier!*, мы, новички, не знали, что значитъ гиръ, а учитель хотя и зналъ, что оно значитъ то же, что и „здѣсь“, но отнесся къ Шедькѣ съ неудовольствіемъ.

— Вотъ я тебя гиркну! сказалъ онъ сердито, изъ чего мы заключили, что шутникъ дразнитъ наставника, какъ собаку: гирр...

Если кого нибудь при перекличкѣ не оказывалось на лицо, то нѣсколько голосовъ кричали разомъ „нѣтъ!“ другіе добавляли: „сапоговъ нѣтъ!“ но это только у Я. Я—ча, принимавшаго всегда въ резонъ это сапожное оправданіе, у Ивана же Андреевича отсутствіе ученика мотивировалось иначе, а именно; „животъ болитъ!“, такъ какъ учитель самъ постоянно страдалъ желудкомъ.

Окончивъ перекличку, Я. Я—чъ началъ спрашивать новичковъ, чтобъ узнать, насколько они сильны въ ариѳметикѣ, которая лежала тутъ же на столѣ, во образѣ тощенькой тетрадки, переписанной „чистѣйшимъ петербургскимъ почеркомъ“ и обернутой въ синюю сахарную бумагу. Курсъ ариѳметики, излагаемый Я. Я—чемъ, составленъ преподавателемъ гимназіи Ив. Матв. Сбитневымъ.

Отвѣты наши, какъ видно, не вполнѣ удовлетворили учителя. Чтобы показать намъ, новичкамъ, „какъ надлежитъ отвѣчать“, онъ вызвалъ однаго изъ второгодниковъ. Надиктовавъ ему слагаемыя числа, Я. Я-чъ спросилъ:

— Какъ нужно поступать при сложеніи?

Ученикъ, какъ вертенный Савочка, быстро повернулся лицомъ къ учителю, вытянулся въ струнку и, не переводя духу, выпалилъ:

„Слѣдующимъ образомъ: нужно подписать одно число подъ другое такъ, чтобы единицы стояли подъ единицами, десятки подъ десятками, сотни подъ сотнями и т. д., потомъ подвесть черту и начинать сложеніе отъ правой руки къ лѣвой“.

— Хорошо, молодецъ! произволи-ка самое дѣйствіе!

„Молодецъ“, не перемѣняя тона, началъ также поспѣшно складывать: ноль да ноль—ноль, 5 да 7—12 два пишу а одинъ къ слѣдующему ряду отношу и проч.

Учитель съ гордостію посматривалъ на учениковъ Ильи Семен., которые, однако жъ знали сложеніе непохуже отвѣчавшаго доки.

Въ продолженіе урока не случилось ничего особеннаго. По временамъ только слышались возгласы изъ заднихъ скамей,—въ родѣ слѣдующихъ:

— Яковъ Яковлевичъ! Здѣсь Кинда непристойное дѣлаетъ! или: здѣсь Кисель Загорянскій по матерному ругается!

Но учитель, повидимому, не придавалъ этимъ заявленіямъ никакого значенія, оставляя ихъ безъ всякого удовлетворенія. Скажетъ только иногда, не смотря на учениковъ:

— Вотъ я васъ! или Кинда, бестія, на колѣна пойдешь!

Разъ кто-то взвизгнулъ нечеловѣческимъ голосомъ, должно полагать, уколотый булавкой.

— Кто тамъ визжитъ? поросенокъ ты скверный! замѣтилъ сердито учитель.

Мы, новички, сразу почувствовали, какая громадная разница между свирѣпымъ Люциферомъ Ильею Семеновичемъ и благодушнымъ Яковомъ Яковлевичемъ, и какое блаженное мѣсто этотъ первый классъ! Здѣсь, значитъ, можно и пошалить, и полѣниться, не боясь порки, предвѣщаемой грознымъ приказомъ: „остаться послѣ класса!“

Подъ вліяніемъ такого впечатлѣнія, многіе изъ насъ порѣшили съ перваго же дня посидѣть здѣсь подольше, и рѣшительно перестали учиться, а ходили въ классъ ради одного развлеченія, такъ что иной „молодецъ“, взявши въ карманъ кусокъ сала или селедку, и обѣдать не ходилъ домой. Развеселое житье! Недаромъ нѣкоторые аборигены вошли во вкусъ такой жизни, оставаясь въ первомъ классѣ на четвертый годъ.

Долго было бы разсказывать обо всѣхъ замѣчательныхъ случаяхъ, приключеніяхъ, скандалахъ, которыхъ я былъ очевидцемъ втеченіе 3-хъ лѣтняго пребыванія въ первомъ классѣ. Ограничусь лишь немногими выдающимися курьезами, случавшимися на урокахъ Я. Я—ча.

Бьетъ первый звонокъ, ровно за часъ до урока. Благодаря прекрасному лѣтнему утру, на дворѣ уже собралось учениковъ довольно. Одни лежатъ на травѣ на брюхѣ, болтая въ воздухѣ ногами, другіе бѣгаютъ, третьи дерутся. Поодаль, какъ черногузы по болоту, важно расхаживаютъ воспитанники высшихъ классовъ гимназіи, въ бакенахъ, при часахъ на бисерной цѣпочкѣ, съ висящими сердоликовыми брелоками,— и презрительно поглядываютъ на повѣтовую шваль.

Бьетъ другой звонокъ. Цензоръ начинаетъ загонять въ классъ разбредшееся стадо. Малые идутъ, а большіе и ухомъ не ведутъ, оставаясь въ лежачемъ положеніи и показывая суетящемуся блюстителю благочинія языкъ. Но вотъ, за заборомъ, какъ тѣнь стараго Гамлета, показалась длинная фигура Я. Я—ча, который, для сокращенія пути, всегда ходилъ въ училище пустыремъ, тянувшимся на большое пространство за гимназическимъ дворомъ. Тогда только поднимутся аборигены и, стуча своими сапожищами, побѣгутъ въ классъ, передъ самымъ носомъ учителя, подпрыгивая, какъ козлы, по длинному корридору. Тутъ иногда случалась такая штука: для того, чтобы попасть въ первый классъ, нужно было пройти совершенно темный закоулокъ, и вотъ одинъ изъ богатырей незамѣтно ускользалъ отъ прочей компаніи минутой раньше и ложился въ темномъ проходѣ; другіе, не замѣтивъ лежащаго на полу проказника, съ разбѣгу спотыкаются и падаютъ одинъ на другаго, крича, что есть мочи: „мала куча! мала куча!“ Такимъ образомъ дѣйствительно образуется куча немалая, и проходъ въ классъ загораживали такой крѣпкой баррикадой, что наставникъ долженъ былъ брать свой классъ штурмомъ, да еще подъ часъ, въ общей свалкѣ, и самого опрокинутъ въ кучу, а потомъ убѣгутъ и сядутъ по мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывали: ищи, молъ, виноватаго!

А то разъ весной случилась такая исторія.

Аборигены строго на строго запретили всѣмъ идти въ классъ не только предъ приходомъ учителя, но и послѣ онаго. Бьетъ одинъ звонокъ, другой, третій—мы всѣ лежимъ ничкомъ, растянувшись на травѣ. Учитель сосредоточенно проходитъ мимо насъ, своимъ обычнымъ размѣреннымъ шагомъ, не замѣтивъ никого изъ лежащихъ. Вошелъ въ классъ.

— Читайте, говоритъ, молитву!

Глядь, а тутъ и читать некому: сидятъ всего три барышни. Вотъ выходитъ учитель на крыльцо и зоветъ своихъ питомцевъ.

— Молодцы! ступайте въ классъ!

Но „молодцы“ и ухомъ не ведутъ—лежатъ, какъ убитые, притворившись спящими. Никто не смѣлъ пошевелиться, потому богатыри объявили торжественно, что если кто осмѣлится приподняться до сигнала, тому грозитъ страшная потасовка. Я. Я—чъ, въ своемъ безпомощномъ положеніи, возвращается въ классъ, беретъ линейку и начинаетъ штурмовать своихъ учениковъ. Раздавая щедрою рукой удары на право и на лѣво, онъ очутился въ самой серединѣ толпы, — тогда по командѣ разночинца Александрова, вдругъ всѣ поднялись разомъ и, сбивъ съ ногъ учителя, побѣжали въ классъ.

За эту проказу всѣ безъ исключенія подверглись наказанію палями, которыя Я. Я—чъ всегда давалъ собственноручно. На сей разъ работы ему было ужъ черезчуръ много, ибо расправа тянулась все продолженіе перваго урока. Экзекуцію онъ началъ производить съ переднихъ рядовъ—съ малышей; съ ними онъ покончилъ живо: кому двѣ, кому три пали и довольно. Но когда добрался до аборигеновъ, то, зная, что отъ нихъ происходитъ все зло, сталъ щедрѣе на пали, такъ что количество ихъ доходило до десятка на брата. Когда же пришла наконецъ очередь до послѣдней скамьи, гдѣ, какъ я сказалъ, сидѣли самые отчаянные бестіи, пали посыпались безъ счету. Но съ этими молодцами не такъ то легко было сладить. У нихъ на такой случай были свои военныя хитрости, которыми они старались обмануть врага, наносившаго имъ удары. Одинъ, напр., сдѣлавъ прекислую рожу, прикинулся до крайности чувствительнымъ къ палямъ и начиналъ просить пардону: Яковъ Яковлевичъ! миленькій, голубчикъ, соколикъ! простите, ей Богу, никогда не буду!

— Держи, молодецъ, держи! отвѣчаетъ на эти любезности соколикъ, тыкая его въ плечо линейкой.

„Молодецъ“, съ притворнымъ страхомъ, выставляетъ впередъ ладонь, но держитъ руку такъ близко къ корпусу, что учителю никоимъ образомъ нельзя размахнуться линейкой, и онъ начинаетъ, не въ счетъ абонимента, бить своимъ орудіемъ по пальцамъ снизу,

чтобы привесть руку въ надлежащее положеніе, и только послѣ долгихъ усилій достигаетъ цѣли и разсерженный даетъ пригорячую палю. Ученикъ взвизгнулъ неестественнымъ образомъ и, приложивъ къ губамъ руку, корчась, исчезаетъ подъ скамьей. Я. Я—чъ начинаетъ его добывать оттуда, давая ему тычки линейкой, тотъ поднимается и начинаетъ опять голосить и упрашивать: миленькій, родненькій, соколикъ.

Другой „молодецъ“ Кисель Загорянскій поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно иначе: принявъ безстрашную позу, съ видомъ самоотверженія, быстро подставляетъ одну за другой свои ладони, да еще съ фигурнымъ вывертомъ. Такая покорность заслуженному наказанію не могла не понравиться учителю и онъ сократилъ число ударовъ.

Наконецъ, Василій Лосьевъ придумалъ способъ прекратить эту нарочито длинную операцію. Началъ онъ съ того, что сталъ увѣрять Я. Я—ча, что его небыло въ числѣ лежавшихъ на травѣ, что онъ въ это время „ходилъ на дворъ“ и пр. Но учитель зналъ этого сорванца слишкомъ коротко, чтобъ ему повѣрить, и требовалъ его руку. Лосьевъ стоялъ на своемъ, что онъ ходилъ на дворъ, что у него и теперь животъ болитъ. Наконецъ, онъ какъ будто рѣшился понести наказаніе и протянулъ руку. Я. Я—чъ собралъ всѣ свои силы, замахнулся... Но въ это самое мгновеніе Лосьевъ отхватилъ руку, линейка ударила по скамьѣ и разлетѣлась на три части. Доломавъ оставшійся въ рукѣ кусокъ дерева на головѣ „молодца“, обезоруженный наставникъ прекратилъ поневолѣ расправу и оставшихся не битыми аборигеновъ отправилъ на колѣни къ порогу, на весь этотъ день.

Аудиторы и цензоры.

Для лучшаго контроля успѣховъ учениковъ, каждый преподаватель назначалъ аудиторовъ, которыхъ въ первомъ классѣ было около десятка. При выборѣ аудиторовъ учитель руководился не столько ихъ познаніями, сколько возрастомъ; ибо аудиторы спрашивали уроки, держа передъ собой книгу, слѣдя только за тѣмъ, чтобы отвѣчающій не пропустилъ ни одного слова. Каждый аудиторъ, до начала урока, обязанъ былъ переспросить всѣхъ ввѣренныхъ ему

учениковъ и записать отмѣтки въ особо заведенную для того продолговатую тетрадку, въ осьмушку, разграфленную на цѣлый годъ. Удовлетворительный баллъ означался буквою *з* (знаетъ), неудовлетворительный буквою *н* (не знаетъ) или *вн* (вовсе не знаетъ). Аудиторы были большею частію взяточники. Каждый изъ ихъ учениковъ обязанъ былъ приносить какую вибудь подачку: кто яблоко, кто булку, кто конфектъ. Даже деньги брались иногда. Отъ поборовъ никто не избавлялся, учись хоть въ 5 разъ лучше самого аудитора, оттого что аудиторскія отмѣтки никогда не повѣрялись учителемъ и съ получившими *н* и *вн*—немедленно дѣлалась расправа. Тому, на кого сердитъ аудиторъ—бѣда: встрѣтитъ нарочно на порогѣ и не только не позволитъ повторить урокъ, но даже раздѣться не дастъ и тотчасъ требуетъ отвѣта: ну и поставитъ *вн*, если не пролепечешь ему слово въ слово заданные на урокъ параграфы—„отъ сихъ поръ и до сихъ".

Мнѣ попался аудиторъ препогапый человѣкъ, одинъ изъ старѣйшинъ класса—Петръ Базилевичъ. Квартировалъ онъ у сапожника Шушпаннаго на своихъ харчахъ и ничего не платилъ за квартиру, потому что столько доставлялъ своему хозяину провизіи, что ею продовольствовалась вся его семья; а провизію эту доставляли Базилевичу его ученики: муку, крупу, пшено, сало, соль, яйца, рыбу приносили ему на домъ въ изобиліи. Аудиторъ этотъ иногда подучивалъ мальчиковъ воровать у родителей, торговавшихъ разными продуктами. Сколько я переносилъ Базилевичу сала, сельдей, тарани и проч. съ вѣдома, впрочемъ, матери, которая ничего не жалѣла, лишь бы избавить меня отъ наказаній. Года черезъ два мой промышленный аудиторъ поступилъ писцомъ въ магистратъ и тамъ продолжалъ свои доблестные подвиги въ болѣе солидныхъ размѣрахъ.

Вѣдая одну учебную часть, аудиторы вовсе не касались классной дисциплины, которая всецѣло лежала на обязанности цензора. Чинъ сей, подобный тому, какимъ пожалованъ былъ отъ Каменскаго Петро Сидоровичъ, хотя и не въ такой степени, совмѣщалъ въ себѣ и обязанность палача: цензоръ имѣлъ при себѣ только линейку, а розгами завѣдывалъ старый инвалидъ Павло сторожъ. Послѣ втораго звонка цензоръ немедленно вступалъ въ отправленіе своихъ обязанностей: загонялъ въ классъ учениковъ, усаживалъ ихъ по

мѣстамъ, давалъ непослушнымъ затрещины, принималъ приносимые хабары, стиралъ доску и приготовлялъ для Я. Я—ча заостренные мѣлки, обертывая ихъ съ тупаго конца бумажкой. Съ приходомъ учителя, обязанности цензора не прекращались: во все продолженіе урока онъ долженъ былъ, не спуская глазъ съ учениковъ, замѣчать ихъ продѣлки; для этого онъ избиралъ самый удобный сторожевой пунктъ, а именно у стѣнки на первой скамьѣ. Садился онъ обыкновенно на верхнюю полку, или стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, до конца урока. У него былъ помощникъ, избираемый имъ самимъ изъ своихъ пріятелей: это, такъ называемый „запищикъ", сидѣвшій всегда подлѣ своего патрона и записывавшій по его приказанію шалуновъ.

Еще до прихода учителя, цензоръ начиналъ кричать: тише, господа! Въ то же время запищикъ бралъ лоскутокъ бумаги и писалъ на заголовкѣ: „которіе шумели" и затѣмъ, уткнувшись носомъ въ скамью, терпѣливо выжидалъ добычи. Цензоръ продолжалъ выкрикивать: тише, господа! Но видя, что „господа" и ухомъ не ведутъ, а ревмя ревутъ, начинаетъ прилагать къ ихъ фамиліямъ весьма некрасивые эпитеты, не употребительные въ печати. Послѣ брани слѣдовало обыкновенно грозное: пиши его! или пиши его съ крестомъ или съ двумя крестами (количество поставленныхъ крестовъ означало усиленную степень шалости)! Но самое важное значеніе заключалось въ словѣ: „безпрестанно!" Его то больше всего и боялись шалуны, такъ какъ за это словцо больше всего доставалось отъ учителя.

Увлекшись веселой бесѣдой, а иногда и дракой, ученики мало обращали вниманія на предостереженія цензора, но съ приближеніемъ времени учительскаго прихода, шалуны вдругъ перемѣняли тактику и начали ублажать цензора, показывая ему издали знаками, что они ему дадутъ, если онъ вычеркнетъ ихъ фамиліи изъ числа тѣхъ, „которіе шумели"—булку, бубликъ или мѣдный пятакъ. Догадливый блюститель тишины сразу пойметъ, въ чемъ дѣло, и безъ зазрѣнія совѣсти велитъ запищику переписать вновь уже приготовленную къ подачѣ учителю записку. Не всѣ, однакожъ, попавшіе въ записку умилостивляли цензора заманчивыми посулами: богатыри задней скамьи показывали ему кулаки, такъ что въ концѣ концовъ,

онъ зачастую и вовсе не подавалъ записки, рапортуя учителю, что до его прихода все обстояло благополучно, хотя учитель по поднятой столбомъ пыли и по раскраснѣвшимся лицамъ ясно видѣлъ, что въ классѣ до его прихода творилось столпотвореніе вавилонское. Это было именно тогда, когда за что нибудь поссорятся первый классъ со вторымъ: тогда происходила такая свалка, что дѣло нерѣдко кончалось разбитіемъ носовъ и подбитіемъ глазъ. Впрочемъ, сравнительно говоря, случалось это не особенно часто. Повѣтовцы, какъ птенцы одного гнѣзда, жили между собой дружно. Иногда даже между ними заключался наступательный и оборонительный союзъ для совмѣстнаго похода на гимназію, что случалось обыкновенно зимой, во время оттепели, когда такъ знатно лѣпятся снѣжки. Полемъ сраженія избиралось всегда пустопорожнее мѣсто за гимназическимъ заборомъ. Выходили сначала застрѣльщики, малые ребята, и начинали перебрасываться снѣжками; затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ подходили все большіе и большіе; бой разгорался все сильнѣе и сильнѣе. Снѣжки сыпались градомъ. Но вотъ повалила съ одной стороны вся гимназія, а съ другой—все повѣтовое училище. Снѣжки, при обоюдномъ ожесточеніи, переходили въ кулачки. Въ резервѣ стоятъ богатыри и смотрятъ на эту картину, не принимая участія въ сраженіи; наконецъ, увлеченные общимъ пыломъ битвы, они бросаются въ аттаку и рѣшаютъ побѣду. Въ подобныхъ схваткахъ повѣтовцы почти всегда оставались побѣдителями, несмотря на то, что въ гимназіи крупнаго люду было побольше. Но гимназисты, какъ „панычы“, были менѣе искусны въ этого рода гимнастикѣ и въ мускульной силѣ во многомъ уступали такъ называемымъ заручейцамъ, которые играли не послѣднюю роль въ кулачныхъ бояхъ несравненно большихъ размѣровъ, когда выходило все Заручье (предмѣстье города, гдѣ живутъ исключительно одни хлѣбопашцы—спольщики горожанъ) противъ купцовъ и лабазниковъ. Тамъ дѣло нерѣдко кончалось увѣчьемъ и даже смертоубійствомъ.

Въ 1831 году такія примѣрныя сраженія происходили чаще обыкновеннаго. Въ этому году, какъ извѣстно, поляки затѣяли революцію и въ воздухѣ пахло войной. Хотя мы вовсе политикой не занимались и рѣшительно ничего не знали, что тамъ творилось за Вислой, но черезъ нашъ городъ проходили войска съ музыкой и

пѣснями, что невольно возбуждаетъ воинственный задоръ не только въ солдатахъ, но и въ мирныхъ гражданахъ. Учащаяся молодежъ проникалась общимъ настроеніемъ жителей, предпочитая военную службу всѣмъ другимъ карьерамъ. Нѣкоторые изъ насъ, прямо со скамьи, поступали въ полкъ, квартировавшій тогда въ Новгородкѣ.

Живымъ примѣромъ такого воинственнаго настроенія тогдашняго общества можетъ служить уцѣлѣвшее при дѣлахъ гимназіи прошеніе нѣкоего Оранскаго „объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности писца въ директорской канцеляріи“, для вступленія въ Армію, дабы я могъ (добавляетъ проситель) съ мечемъ въ рукахъ защищать Религію, Тронъ и существенныя выгоды отечества“.

Этотъ рьяный патріотъ, защитникъ религіи и трона, вмѣстѣ съ офицерами шлиссельбургскаго полка, незадолго до того вымазали дегтемъ ворота въ квартирѣ дочерей отставнаго прапорщика Марьи и Елены каковой поступокъ, едва ли согласуется съ рыцарскими наклонностями героевъ...

Уроки рисованія и чистописанія.

Изъ всего вышесказаннаго ясно видно, въ чемъ состояло преподаваніе Я. Я — ча. Ученики приходили въ классъ не для того, чтобы чему нибудь полезному научиться, а больше для того, чтобы провесть весело время среди разгульныхъ товарищей, неистощимыхъ на разныя выдумки. Каждый приносилъ изъ дому порядочный запасъ разныхъ анекдотовъ, подслушанной на улицѣ брани, нарисованныхъ или вырѣзанныхъ изъ бумаги съ особеннымъ механизмомъ фалличесихъ издѣлій, свидѣтельствовавшихъ о крайней степени развращенности той среды, въ коей прозябали питомцы Я. Я — ча. Ученики старались превзойти другъ друга не успѣхами въ наукахъ, а безнравственными или смѣшными выходками.

Школа тутъ не только не противодѣйствовала нравственной испорченности своихъ воспитанниковъ, а напротивъ, еще усиливала ее, такъ что удивляться слѣдуетъ не тому, что такъ мало вышло изъ нея порядочныхъ людей изъ огромной массы учащихся, но скорѣй тому, какъ могли уцѣлѣть и тѣ немногія личности, которымъ удалось выйти изъ заведенія, не утративъ чувства чести и человѣческаго достоинства.

Самые интересные, или лучше самые веселые, часы, назначенные по росписанію для классныхъ занятій, были уроки рисованія и чистописанія, приходившіеся всегда послѣ обѣда. Рисовали мы обыкновенно губы, носы, глаза, уши и т. п. Были между вами и такіе самородки артисты, которые, помимо уроковъ Я. Я—ча, собственнымъ умомъ достигли замѣчательнаго совершенства въ изображеніи на бумагѣ или на заборѣ весьма непристойныхъ сюжетовъ. Но попадались картины и болѣе скромнаго содержанія, съ претензіей на юморъ. Одна изъ такихъ картинъ хорошо сохранилась въ моей памяти, такъ какъ я самъ ее копировалъ. Представляла она невѣроятное событіе; свинья цѣликомъ проглотила жида, какъ надо полагать, въ отмѣстку за то презрѣніе, какое питаетъ къ ней, со временъ Моисея, все израильское племя. По срединѣ большаго листа бумаги стоитъ это плотоядное. Изъ подъ закрученнаго верчикомъ хвоста выглядываетъ рыжая борода и голова Лейбы, съ длинными пейсами, въ синей ермолкѣ, а изъ пасти, между страшными клыками, торчатъ ноги въ однихъ чулкахъ, а штинки валяются тутъ же на травѣ. Передъ Лейбой, припавъ на одно колѣно, стоитъ другой жидокъ Сруль, держа въ одной рукѣ шкаликъ, а въ другой чарку,—изъ устъ его вылетаютъ слова:

Куку, Лейбо, куку, выпій водки рюмку!

Подъ картиной риѳмованной прозой изложена самая фабула событія „якъ свиння жида зъѣла“. Подробностей не помню; остались въ памяти лишь заключительныя слова, произносимыя Срулемъ: потерявъ надежду на освобожденіе своего пріятеля изъ неволи, онъ въ отчаяніи восклицаетъ: „Ой вэй миръ, провонявся! Сиди жъ ты тамъ, Лейбо, бо не въ такіе зубы попався!“

При началѣ урока рисованія, намъ раздавались т. н. оригиналы, наклеенные на картонѣ, и страшно засаленные. Рисовать отъ руки у насъ почти никто не умѣлъ, а переносили мы на бумагу предложенные намъ образцы или черезъ стекло, или посредствомъ пропитанной масломъ бумаги, что продѣлывали мы, съ географическими картами у другаго учителя. Въ продолженіе всего урока Я. Я—чъ занимался поправкой ученическихъ работъ. Не научивъ рисунку, преподаватель прямо требовалъ ретушевки, которую онъ называлъ „химовочкой“. Занятія живописью нисколько не мѣшали

намъ вести пріятную бесѣду и по временамъ выкидывать колѣнца, за что виновные тутъ же получали пали или отправлялись къ порогу на колѣна.

Порой на нашего наставника находилъ добрый стихъ; тогда онъ ограничивался одними замѣчаніями, не прибѣгая къ линейкѣ.

— Что вы тамъ жужжите, пчелы поганыя? Жужжатъ—жужжатъ, а меду не носятъ".

Тонкій намекъ на нѣкоторыхъ учениковъ, у родителей которыхъ были собственныя пасѣки.

— Мельницы вы вѣтряныя! мелютъ—мелютъ, а мучицы нѣтъ!

Опять намекъ. Отпуская подобные экивоки, Я. Я—чъ улыбался ему одному свойственною улыбкой, подпирая щеки языкомъ.

— Шотовъ, бестія! Что ты тамъ высматриваешь, какъ мышь изъ дрожжей?

— Поламаренко! бестія! вотъ я тебя! Матушка его пирожками кормитъ: Кузичка, Кузичка! а Кузичка козлище нечестивое!

Эти краткіе монологи иногда прерывались плаксивыми взвизгиваніями мальчугановъ, обижаемыхъ старшими.

Не менѣе занимательны были и уроки чистописанія, съ вѣчно неизмѣнными замаслянными прописями: „Богъ есть существо высочайшее" или „Воображеніе есть пружина, управляющая"... (далѣе рѣшительно не помню, кѣмъ и какъ управляла эта пружина).

Лишь только всѣ усядутся по мѣстамъ и учитель, что называется, заправитъ классъ, ученики начинаютъ подходить къ столу съ цѣлыми, неочиненными перьями. Я. Я—чъ вынимаетъ изъ кармана ножикъ и, поточивъ его о голенищу лѣваго ботфорта, приступаетъ къ очинкѣ перьевъ. Трудъ этотъ для него былъ столь утомителенъ, особенно лѣтомъ, при сильной жарѣ, располагающей, особенно послѣ сытнаго обѣда, ко сну, что иногда онъ за третьимъ или за четвертымъ перомъ начиналъ кунять за своей однообразной работой. Чтобы усыпить учителя окончательно, Павелъ Згутницкій прибѣгнулъ однажды къ дѣйствію чаръ и заговоровъ.

— Спи, очко, спи другое! Спи, очко, спи другое! произноситъ онъ вполголоса, и видя, что чары начинаютъ дѣйствовать и Я. Я—чъ дѣйствительно заснулъ такъ, что послышалось даже тихое храпѣнье,— проказникъ крикнулъ во всеуслышаніе: „Заснуло очко!!" Учитель просыпается и хлопаетъ глазами.

Разъ нашъ достойный наставникъ до того крѣпко заснулъ, что въ классѣ послышался носовой свистъ. Всѣ притаили дыханіе. Настала мертвая тишина.

Вдругъ, нежданно-негаданно, на послѣдней скамьѣ раздается концертъ на четырехъ импровизированныхъ инструментахъ. Шедька, вырѣзавъ въ скамьѣ углубленіе, натянулъ струны изъ тонкой проволоки, добытой изъ подтяжекъ, и соорудилъ такимъ способомъ цимбалы, Лосьевъ неподражаемо бралъ аккорды первой скрипки, Буланда неистово гудѣлъ на бубнѣ, а Маньковскій пѣлъ подъ музыку извѣстную кабацкую пѣсню: ахъ ты с.... сынъ, комаринскій мужикъ!—Въ то же время Аѳанасій Слищенко, подобравъ полы своего неизмѣримаго сюртука, пустился подъ музыку въ присядку черезъ головы учениковъ по скамьямъ, и потомъ мгновенно исчезъ за дверями.

Представьте себѣ пробужденіе нашего добраго наставника! Началась расправа, не ограничившаяся на сей разъ однѣми палями, дѣло дошло до сторожей. Пришли два старые инвалида: одноглазый Павло да хромоногій Парамонъ. Классъ привѣтствовалъ ихъ неистовымъ хохотомъ. Паромонъ окрысился. „Чаго ся вы зубы скалитя, жарабцы?“ Ученики въ свою очередь обозвали почтеннаго служиваго крупой.

И повели въ сторожку рабовъ божіихъ кимвалиста Данила, бубниста Якова, первую скрипку Василія и другаго Данила пѣснопѣвца; плясуна же Аѳанасія и слѣдъ простылъ.

Такъ, изо дня въ день, прошли два года моего пребыванія въ первомъ классѣ повѣтоваго училища. Второй годъ заключился нарочито торжественнымъ актомъ, на которомъ были произнесены двѣ „академическія рѣчи“ законоучителемъ Мануйловичемъ „о правилахъ христіанскаго воспитанія“ и нашимъ общимъ другомъ Игнатьевымъ о томъ, „какую пользу приносятъ въ обществѣ торжественные праздники?“ Послѣдняя орація, написанная отмѣнно изысканнымъ слогомъ, изобиловала историческими примѣрами изъ римской древности. Въ ней особенно прославлялись греческія игры и римскія зрѣлища въ циркахъ, гдѣ, какъ извѣстно, отличались столько же люди сколько и звѣри, соперничавшіе съ людьми въ кровожадности и свирѣпости. Поучительно!

Въ заключеніе спектакля, прочитали переводы въ высшій классъ, и я, повѣся носъ, поплелся домой съ прескверным билетомъ, за который отецъ приковалъ меня желѣзною цѣпью къ столу и заставилъ просидѣть за книжкой половину каникулъ. Болѣе чувствительнаго наказанія для меня трудно было придумать: меня тянуло къ рѣкѣ, на лугъ—въ царство рыбъ и птицъ, а тутъ сиди. Напрасно подъ заборомъ ежедневно поджидалъ меня Ѳедоръ Красненькій, съ отлично снаряженными удочками, а тутъ, какъ бы для вящаго усиленія пытки, отецъ два раза ходилъ безъ меня на охоту. Я плакалъ горько, каялся и давалъ клятвенное обѣщаніе учиться и каждый годъ получать переводъ въ высшій классъ.

Помимо частой болѣзни, которая, безъ сомнѣнія, не мало препятствовала аккуратному посѣщенію уроковъ, я таки порядочно лѣнился и отлынивалъ. Но причины такого упорнаго уклоненія отъ занятій слѣдуетъ искать не въ одной лѣни: она коренилась въ инстинктивномъ отвращеніи отъ всего, что я видѣлъ и слышалъ въ обществѣ школьныхъ товарищей. Грубыя и неприличныя шутки, скандальные анекдоты, безпрерывныя проказы, за которыя приходилось часто отвѣчать безвинно, несправедливыя придирки и притѣсненія цензора и аудиторовъ, а что всего важнѣе—моя смирная овечья натура, хилость и слабое здоровье, ставившее меня во всегдашнюю зависимость отъ произвола дюжихъ дикарей, чуждыхъ гуманности и безкорыстной дѣтской привязанности—вотъ что главнымъ образомъ отталкивало меня отъ ученія и заставило остаться на третій годъ въ одномъ и томъ же классѣ. Чтобы яснѣе показать, до какой степени сильно было у меня отвращеніе отъ училища, я приведу одинъ фактъ. Отправившись изъ дому въ обычное время, якобы въ классъ, я поворачивалъ на Замокъ и просиживалъ тамъ по четыре часа, выглядывая изъ-за сугроба снѣгу, какъ воръ, и подстерегал, когда ученики будутъ возвращаться изъ училища; затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, выходилъ изъ засады, шелъ домой и на разспросы домашнихъ про уроки, отвѣчалъ безстыдною ложью, сочиняя небывалыя исторіи. То же нерасположеніе къ школьнымъ моимъ товарищамъ заставляло меня дорожить моими дѣтскими симпатіями къ уличнымъ своимъ друзьямъ; просвѣтившись четырехлѣтнимъ пребываніемъ въ училищѣ,

я не только не разлюбилъ ихъ, но еще болѣе сталъ дорожить ихъ первобытною, неподдѣльною, чисто дѣтскою привязанностію.

Любовь къ природѣ также не ослабѣвала во мнѣ по той же самой причинѣ, а росла въ душѣ по мѣрѣ удаленія отъ окружавшей меня среды. Стало быть, прозябаніе мое въ первомъ классѣ, не принесши мнѣ существенной пользы въ научномъ отношеніи, все таки, хотя отрицательнымъ путемъ, вліяло на мое развитіе и мою нравственность.

Знаменитый Гемфри Дэви считалъ для себя самымъ счастливымъ обстоятельствомъ то, что ему можно было такъ много наслаждаться праздностію въ училищѣ: „даже наиболѣе способнымъ дѣтямъ, говорилъ онъ, душно въ школѣ. Школа не только не удовлетворяетъ, но какъ то гнетъ ихъ“.

Третій годъ въ первомъ классѣ.

Итакъ, рѣшено: полно лѣниться, полно баловаться! Припрятавъ своя удочки „ажъ до вакацій“, я твердо рѣшился сдѣлаться совершенно инымъ человѣкомъ. Къ счастію, пришедши въ классъ, при началѣ новаго учебнаго года, я не нашелъ уже аборигентовъ прежнихъ двухъ лѣтъ: одни изъ нихъ „по великовозрастію“ или „въ надеждѣ успѣховъ“, speciali gratia, какъ выражался нашъ классикъ директоръ, переведены во второй классъ; другіе, убояся бездны премудрости, оставили ученіе вовсе: дворяне поженились и зажили въ деревнѣ трудами крѣпостныхъ рукъ или засѣли въ судъ строчить ябеды, а кто былъ похрабрѣе, тотъ угодилъ подъ красную шапку; мѣщане пошли сидѣть въ лавку или принялись за батьковское ремесло. Насколько мнѣ удалось прослѣдить дальнѣйшую судьбу этихъ шалопаевъ, почти ни одинъ изъ нихъ не сдѣлался ни хорошимъ семьяниномъ, ни сколько нибудь полезнымъ обществу человѣкомъ.

Съ перваго дня новаго учебнаго года дѣло у меня наладилось. Аккуратнѣйшимъ образомъ посѣщались уроки; книги и тетради хранились въ примѣрномъ порядкѣ, все заданное приготовлялось съ величайшей отчетливостью. Родители поспѣшили поощрить мои успѣхи тѣмъ, что сшили сюртукъ изъ дѣдовской бекеши несносимаго зеленаго цвѣта сукна. По прошествіи мѣсяца Я. Я—чъ сдѣлалъ меня аудиторомъ, а спустя еще мѣсяцъ, самъ смотритель Николай Оси-

повичъ, узнавъ стороной о злоупотребленіяхъ нашего цензора, сдѣлалъ ему публичный выговоръ, отрѣшилъ отъ должности и назначилъ меня на его мѣсто. Не чувствуя ни малѣйшаго призванія къ этой чисто полицейской должности, я никакъ не могъ угодить Я. Я—чу и получалъ отъ него частыя замѣчанія. Старику, конечно, было непріятно, что ему навязали такого смирнаго, слабосильнаго, нерасторопнаго помощника, не любившаго драться и ябедничать на своихъ товарищей.

На мѣсто умершаго „отъ боли у желудки“ Ивана Андреевича, назначили Егора Андреевича, человѣка молодаго, съ весьма красивыми бакенбардами и залихватскими манерами, хотя и семинариста. Это былъ страстный поклонникъ женскаго пола, горячихъ паль и язвительныхъ насмѣшекъ надъ учениками. Вызоветъ бывало Василія Кинду и начнетъ надъ нимъ глумиться:

— Какого рода Кинда?—Женскаго.—Почему женскаго?

— Потому что всѣ имена, кончающіяся на *а*, суть рода женскаго.

— Склоняй Кинду! и т. д.

Не мало также потѣшался Егоръ Андреевичъ и надъ Стугой-Самотугой, надъ Сугонякой и др. Ему казалось страннымъ встрѣчать такія самородныя малорусскія фамиліи, не похожія на Воздвиженскихъ, Воскресенскихъ, Златоустовскихъ и т. п., къ какимъ привыкъ слухъ его въ черниговской семинаріи.

Однажды на урокъ Егора Андреевича привели новичка, желавшаго поступить въ первый классъ, минуя приготовительный, по экзамену. Наружность мальчика заинтересовала какъ учителя, такъ и учениковъ: это былъ дѣтина, лѣтъ 13 на видъ, богатырскаго сложенія, съ густыми черными волосами, торчавшими щетиной на большой овальной головѣ, съ дикимъ взглядомъ, въ какой то невиданной нами черкескѣ со снурками и „кытыцями“. Такого то звѣрька представилъ на испытаніе отецъ его лейтенантъ флота Осташковъ. Подозвалъ его Егоръ Андреевичъ къ доскѣ.

— Бери, говоритъ, мѣлъ и пиши: цѣль...

У мальчика какъ то дико сверкнули глаза, онъ схватилъ мѣлъ и написалъ цѣль, но не ту, какую желалъ видѣть учитель, а охотничью, т. е. кружокъ съ точкою въ центрѣ. Весь классъ такъ и покатился со смѣху. Евграша отъ того немало не смутился, стеръ

поспѣшно кружокъ и нарисовалъ два: одинъ большой, а другой вписалъ въ него поменьше, поставивъ въ центрѣ точку. Оказалось, какъ объяснилъ его родитель, что сей отрокъ былъ отмѣнный стрѣлокъ и выросъ въ лѣсу, гоняясь за зайцами. Насилу ему вдолбили, чего отъ него хотятъ; тогда только онъ безобразнѣйшими каракулями нацарапалъ:

„Цель существованія человеческого“.

Съ перваго же дня поступленія въ училище, Евграша сталъ героемъ класса. Силища была у него непомѣрная, хотя, увы! за выбытіемъ нашихъ богатырей не съ кѣмъ было ею помѣряться.

И допекалъ же его Егоръ Андреевичъ: онъ давалъ ему по 10, по 15 паль за всякую шалость, но ничѣмъ не могъ пронять его.

Увидитъ, бывало, Евграша у кого нибудь изъ товарищей орѣхи:

— Дай, говоритъ, и мнѣ хоть одинъ орѣхъ.

— Разбей его лбомъ и онъ будетъ твой!

И Евграша, не обинуясь, кладетъ на скамью волоскій орѣхъ и какъ долбней разбиваетъ его лбомъ, затѣмъ преспокойно начинаетъ кушать зернышко. „Давай, говоритъ, другой!“

Отъ такого Моки Кифовича преподаватели, конечно, не добились никакой науки и скоро его выжили. Да и опасно было держать между дѣтьми такого буйвола. Жалобъ на него была бездна: то жида на улицѣ искалѣчитъ, то пробой у дверей выворотитъ, то стулъ учительскій разломаетъ.

Просидѣвъ въ первомъ классѣ два года, онъ поступилъ въ военную службу—туда ему и дорога!

Былъ у насъ еще другой замѣчательный субъектъ—Павелъ Клочковъ, обладавшій необыкновенными ноздрями, какъ у арабской лошади и немалою способностію выкидывать колѣнца.

Поймалъ онъ однажды гдѣ то извѣстное насѣкомое и, поднесши учителю для поправки свой рисунокъ, сталъ сзади, якобы для лучшаго наблюденія за его работой, да и пустилъ на его лысину насѣкомое, а потомъ смиреннѣйшимъ голосомъ обращается къ нему съ такою рѣчью: „позвольте, говоритъ, у васъ на головѣ „непристойное“ ползаетъ“... Страшно сконфуженный Я. Я—чъ сгорѣлъ отъ стыда и едва слышно проговорилъ: „Сбрось его, молодецъ, долой!“...

И въ этомъ году, какъ прежде, на урокахъ чистописанія мы старались писать тѣмъ же „столичнымъ, петербургскимъ почеркомъ“, такъ же почтительно, гуськомъ, подходили къ г. учителю съ неочиненными перьями, такими же экивоками сопровождались замѣчанія Я. Я—ча—при хорошемъ расположеніи духа... Но, вообще, замѣтно было, что въ нравахъ и обычаяхъ школы многое перемѣнилось къ лучшему. Пали, правда, не выводились, но мы къ нимъ до того привыкли, что безъ нихъ, какъ кушанье безъ соли, урокъ казался немыслимымъ. У порога также кто нибудь торчалъ на колѣняхъ съ книжкою въ рукахъ; безъ обѣда оставлялись по прежнему, хотя это наказаніе для насъ рѣшительно ничего не значило: многіе изъ далекоживущихъ учениковъ въ дурную погоду оставались въ классѣ добровольно, взявши, разумѣется, порядочный запасъ провизіи. Обѣдая, они бросали объѣдки на печку, что дѣлалось не спроста, какъ мы тотчасъ увидимъ.

Надобно замѣтить, что гимназическое зданіе было очень ветхо; ремонту на него почти никакого не полагалось. Потолокъ, обтянутый холстомъ, выбѣленнымъ известкой, обвисъ и представлялъ волнообразную плоскость, а просачивающаяся черезъ дырявую деревянную крышу течь испещрила его разнообразнѣйшими рисунками, въ которыхъ мы находили подобіе то Африки, то Америки, опредѣляли мѣсто различныхъ острововъ, заливовъ и проливовъ, затверживаемыхъ изъ географіи, что, за отсутствіемъ картъ, не мало облегчало насъ при выдачѣ урока изъ географіи. Въ потолкѣ надъ печкой была небольшая дыра, продѣланная крысами, привлеченными запахомъ бросаемыхъ на печку объѣдковъ. Процессъ перетаскиванія крысами этихъ объѣдковъ на чердакъ совершался обыкновенно на урокахъ чистописанія и рисованія. Для этого мы сговаривались сидѣть какъ можно тише и устремляли глаза на упомянутую дыру. Учитель, по обыкновенію, дремалъ.

Вотъ показывается изъ отверстія сперва мышиная мордочка, нюхающая воздухъ. Но для того, чтобы добраться до лакомой приманки, крысѣ нужно было пройти по карнизу печки и обогнуть такимъ образомъ трубу. Вотъ она выскакиветъ, перебѣгаетъ быстро карнизъ и исчезаетъ на печкѣ. Взявши тамъ какую нибудь голову чахони или обглоданную кость курицы, она поспѣшно тащитъ ее

въ свою нору по карнизу... но тутъ разомъ подымается такой гамъ полсотни голосовъ, что оторопѣлое животное бросаетъ свою добычу и скрывается. Рыбья голова летитъ на средину класса и восторгу нашему нѣтъ предѣловъ.

Я. Я—чъ велитъ тотчасъ позвать Павла не для того, чтобы арестовать крысу за произведенный ею безпорядокъ, а для того, чтобы убрать рыбью голову—и тишина снова возстановляется.

Такимъ образомъ безобѣдники не только сами обѣдали, но продовольствовали на свой счетъ и казенныхъ крысъ, которымъ по смѣтѣ на содержаніе училища ничего не полагалось.

Предъ концомъ урока, съ оставленныхъ безъ обѣда сторожъ снималъ сапоги и отбиралъ шапку; но такъ какъ было дознано, что ученики уходили домой обѣдать безъ шапокъ и босые, то учителя распорядились лишать ихъ и верхней одежды, отбирая у нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ и припрятанные запасы продовольствія въ пользу Павла или Парамона. Первый изъ инвалидовъ, по своей природной добротѣ, постоянно дѣлился съ безобѣдниками ихъ же собственнымъ обѣдомъ, а иногда и изъ своего пайка удѣлялъ голодающему крѣюху хлѣба, за что и пользовался у насъ всеобщею любовію. Не таковъ былъ Парамонъ. Этотъ не только ничего не дастъ, но еще выбранитъ... Да и доставалось же ему за это: другаго названія онъ не слышалъ отъ насъ, какъ „крупа“, „гарнизонная крыса“, „хромой чортъ“ и т. п. Хотя, правду сказать, не изъ чего было этой крысѣ и разщедриться, при 1 р. 58 коп. асс. мѣсячнаго жалованья; но мы этого не хотѣли принимать въ соображеніе.

Впрочемъ, не все отобранное отъ учениковъ отдавалось сторожамъ: конфекты, пряники и др. лакомства оставались на учительскомъ столѣ до конца урока, къ великому соблазну сидѣвшихъ на первой скамьѣ; а послѣ молитвы уносились учителемъ домой вмѣстѣ съ неразлучною „Ариѳметичкой“.

Самою рѣдкостною книгой между нашими учебниками считалось у насъ „Зрѣлище вселенной“, сѣробумажное иллюстрованное изданіе. Книга эта употреблялась какъ пособіе при изученіи нѣмецкаго языка. Занимавшія насъ, конечно больше нѣмецкаго языка, довольно аляповатыя картинки изъ трехъ царствъ природы и изъ исторіи человѣческой культуры, представляли предметы, названные по русски,

по нѣмецки и по латыни. Я сильно завидовалъ обладателямъ этой драгоцѣнности, и вотъ однажды мнѣ представился случай завладѣть ею. Извѣстный всей покровской парафіи мотъ и сорви-голова Андрей Кисель-Загорянскій—графъ Паскевичъ Эриванскій—Дибичъ Забалканскій (какъ величалъ онъ самъ себя), узнавъ о моемъ желаніи пріобрѣсть „Зрѣлище“, зашелъ ко мнѣ въ домъ и предложилъ мѣну:

— Ты мнѣ дай, говоритъ, пару голубей, а я тебѣ „Зрѣлище“.

Со слезами разстался я съ своими голубками—единственная, рѣдкая пара туркотовъ, какихъ ни у кого не было. Но, увы! Жертва просвѣщенію принесена напрасно; мечта обладать драгоцѣнной книжицей такъ и осталась мечтою. „Зрѣлище“ оказалось украденнымъ и его на другой же день у меня отобрали, не возвративъ голубей.

За присвоеніе чужой собственности „графъ Эриванскій“ былъ пребольно высѣченъ, но къ нему, какъ вода къ гусю, ничто не приставало. Въ тотъ же самый день, когда съ нимъ случилась эта маленькая непріятность, онъ вышелъ изъ училища весело и шутилъ больше обыкновеннаго. Въ виду солдатъ, гуськомъ маршировавшихъ по площади, подошелъ къ стаду индюковъ, и копируя дивизіоннаго генерала Маевскаго, сиплымъ голосомъ, какимъ обыкновенно тотъ командовалъ, крикнулъ:

— Здорово, ребята! А индюшки ему на своемъ тарабарскомъ нарѣчіи въ отвѣтъ: Здравія желаемъ, В. С—во!

— Хорошо, ребята! А тѣ ему: рады стараться!

Вышелъ Загорянскій, кажется, изъ 3-го класса; поступилъ въ военную службу, попалъ на Кавказъ, тамъ скоро отличился и произведенъ въ офицеры; но еще скорѣе былъ разжалованъ въ рядовые; потомъ за отличіе опять произведенъ и умеръ въ госпиталѣ смертію Сашки Полежаева.

Въ январѣ 1833 года отецъ собрался съѣздить на лугъ, верстъ за 15, за сѣномъ. Я упросился поѣхать съ нимъ. По случаю мятели, мы заночевали у знакомаго крестьянина въ с. Биринѣ. Меня уложили спать на замасленомъ матрацѣ и укрыли кожушиной, такъ какъ я сильно прозябъ. Договоривъ подводы для перевозки сѣна, на другой день мы отправились въ обратный путь. По возвращеніи домой, я слегъ въ постель. Думали, что простуда прой-

детъ сама собой, но не тутъ то было. Оказалось, что я въ Биринѣ переночевалъ на томъ самомъ сѣнникѣ, на которомъ недавно валялся въ осиѣ мальчикъ. Чрезъ два дня у меня открылась сильнѣйшая горячка, съ весьма опасными симптомами: разъ я убѣжалъ ночью въ одной рубахѣ къ рѣкѣ и чуть не попалъ въ прорубь; другой разъ, обманувъ бдительность своего неизмѣннаго часоваго— матери, опять выскочилъ и меня нашли въ недостроенной хатѣ, по колѣни въ снѣгу. Меня привязали къ постели утиральниками. Въ бреду представлялось мнѣ, что по всему моему тѣлу ползаютъ всевозможныя насѣкомыя, какихъ только удавалось мнѣ поймать въ дѣтствѣ. На третій день къ вечеру я успокоился, пересталъ рваться и метаться, хотя бредъ еще продолжался. Мнѣ дали свободу. Я попросился къ окну и сталъ пристально смотрѣть на улицу. То, что я видѣлъ тогда, привело меня въ неописанный восторгъ. Я звалъ сестеръ, чтобы подѣлиться съ ними своимъ восхищеніемъ, и до слезъ сердился, что онѣ не хотѣли видѣть того, что представлялось лишь моему воспаленному воображенію. Одинъ дидусь не смѣялся надъ моими галлюцинаціями, а терпѣливо, съ серьезнымъ видомъ, выслушивалъ все, что я ему говорилъ.

Посадивъ меня къ себѣ на колѣни, онъ обнялъ меня лѣвой рукой, а правой по временамъ гладилъ по головѣ. Замѣчательно, что, пришедши въ сознаніе, я отлично помнилъ все видѣнное мною въ бреду и до сихъ поръ въ памяти моей отчетливо сохранились очаровательныя картины природы, никогда мною невиданныя въ дѣйствительности.

При ослѣпительномъ блескѣ лѣтняго солнца, на неизмѣримое пространство предо мною разстилались ярко-зеленые луга, испещренные безчисленными цвѣтами—розовыми, голубыми, бѣлыми, пурпуровыми; цвѣты безпрерывно мѣнялись, то, теряясь въ безпредѣльной дали, то снова сверкая предъ очарованными глазами яркостію своихъ красокъ. Въ воздухѣ носились міріады красивыхъ птичекъ и мотыльковъ; слуху моему чудилось пѣніе, свистъ, жужжаніе...

Безконечная равнина луговъ вся изрѣзана зеркально прозрачными ручьями и рѣчками; мнѣ слышалось упоительное журчаніе чистыхъ, какъ хрусталь, источниковъ и все это обиліе водъ сливалось въ одинъ громадный бассейнъ, въ одно широкое, никогда мною

до того не виданное озеро, по которому плавали раззолоченныя лодочки съ разноцвѣтными флагами и парусами....

И Боже мой! какъ мнѣ хотѣлось побѣжать туда—далеко, далеко отъ этихъ безобразныхъ мѣщанскихъ домомъ—сараевъ, отъ моихъ безпутныхъ товарищей и отъ Якова Яковлевича, съ его противною „ариѳметичкой“.

Картина, во мгновеніе ока, смѣнялась другою. Чудилось мнѣ, что наша бѣдная деревянная приходская церковь Великомученицы Варвары преобразилась въ колоссальный храмъ изъ чистаго хрусталя; безчисленные переливы цвѣтовъ играли радугами на поверхности храма... Былъ, казалось, какой то великій праздникъ; многое множество народа въ парадныхъ одеждахъ наполняло внутренность храма; еще большая толпа стояла на паперти... И вдругъ, вверху, подъ самымъ куполомъ, послышалась ангельская пѣснь: Слава въ вышнихъ Богу.... и вся эта масса народу заколыхалась: изъ храма стали выходить люди съ зелеными вѣтками; между ними отдѣльною группой шествовали святые мужи и жены, въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, а впереди ихъ архангелъ Михаилъ, съ лучезарно бѣлокурой головой и съ огненными глазами, на золотомъ блюдѣ онъ несъ главу и проходя мимо упавшаго ницъ народа, вѣщалъ звучнымъ голосомъ: Се глава Іоанна Крестителя!

На слѣдующій за этимъ день бредъ прекратился. Начала выступать оспа, а черезъ три дня я сталъ, подобно Іову многострадальному, однимъ чудовищнымъ струпомъ: ни глазъ, ни рта, ни ушей... Родители отчаялись за мою жизнь. Дѣдъ жарко молился, мать служила молебны. Приглашенный со св. дарами от. Логвинъ съ великимъ трудомъ пріобщилъ меня. Всѣ ждали моей смерти. Но я не погибъ...

Говорятъ, нѣтъ худа безъ добра. Какъ оказалось впослѣдствіи, эта страшная оспа избавила меня на всю остальную жизнь отъ всевозможныхъ болѣзней, которымъ я былъ подверженъ въ дѣтствѣ, по причинѣ золотушнаго сложенія.

„Различные патологическіе факты, говоритъ Спенсеръ въ книгѣ своей „О воспитаніи“, приводятъ къ заключенію, что когда организмъ ребенка выдѣляетъ посредствомъ прыщей оспенную матерію, то въ то же время стремится выдѣлить чрезъ эти прыщи, другія,

причиняющія болѣзни матеріи". Истина этихъ словъ вполнѣ оправдалась на мнѣ.

Выпустили меня на свѣтъ Божій въ апрѣлѣ, почти предъ началомъ экзаменовъ, но не столько пугалъ меня экзаменъ, сколько „Генеральный смотръ годовой исправности въ содержаніи книгъ, записокъ и всѣхъ учебныхъ трудовъ". Смотръ этотъ былъ для насъ то же самое, что для военныхъ, такъ называемый, инспекторскій.

Наканунѣ экзаменовъ назначался день, въ который каждый ученикъ какъ повѣтоваго училища, такъ и гимназіи обязанъ былъ представить всѣ свои книги, тетрадки какъ черновыя, такъ и на бѣло переписанныя. Смотрѣлъ же все это самъ директоръ, въ присутствіи инспектора, смотрителя и всѣхъ учителей. Не представившіе всего, что требовалось по извѣстному классу, не допускались къ испытанію.

Чтобы дать приблизительное понятіе о томъ, сколько работы, и при томъ совершенно механической, а слѣдовательно и безполезной, задавало намъ начальство, я укажу здѣсь, какія тетради обязанъ былъ прислать на „генеральный смотръ" ученикъ перваго класса.

По чистописанію, по крайней мѣрѣ, восемь тетрадей, по рисованію — три, по письму „съ диктуры" двѣ, по правописанію четыре, по нѣмецкому языку двѣ, по ариѳметикѣ шесть, по грамматикѣ россійской двѣ, по латинскому языку четыре, по географіи двѣ тетради въ полулистъ, съ раскрашенными картами.

Этотъ пресловутый смотръ, по моему мнѣнію, только тогда достигалъ бы своей цѣли, если бы годичныя письменныя работы приносились учениками въ такомъ видѣ, въ какомъ онѣ сохранились къ концу года; но такія именно тетради, конечно, не совсѣмъ чистыя, директоромъ не принимались; нужно было все переписывать, даже „письмо съ диктуры" и чистописаніе.

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы готовиться къ экзамену, ученики должны были упражняться цѣлый мѣсяцъ въ каллиграфіи.

Что касается учебниковъ, то не цѣлесообразнѣе ли было пересматривать ихъ въ началѣ года, чѣмъ въ концѣ?

Между разнымъ хламомъ, у меня сохранилась одна изъ тетрадей, побывавшая на смотру, именно „письмо съ диктуры", переписанная дважды, съ тѣми же ошибками, такъ и оставшимися никѣмъ не исправленными.

„Страсти суть ветри, помощею коихъ плаваетъ корабль нашъ, который своимъ кормчимъ имѣетъ расудокъ правещій склонностями“ и проч. въ томъ же безобразномъ видѣ.

„Генеральный смотръ“, какъ и годичные экзамены, окончился благополучно. Я наконецъ получилъ переводъ во второй классъ, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ первомъ классѣ—на пятомъ году своего ученія въ повѣтовомъ училищѣ:

Vivat academia! vivant professores!

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

4. Гимназія.

(посвящается памяти п. а. антоновича).

(1833—1840)

Историческій очеркъ.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія, до учрежденія въ Малороссіи намѣстничествъ, въ черниговскомъ и нѣжинскомъ полкахъ, вошедшихъ впослѣдствіи въ составъ нынѣшней черниговской губерніи, по свидѣтельству Сухомлинова, было 370 школъ, возникшихъ безъ всякаго вліянія извнѣ, а по дѣйствительной потребности мѣстнаго населенія.

Затѣмъ въ 1786 году въ Россійской имперіи учреждены „народныя училища—въ уѣздныхъ городахъ т. н. *малыя* училища, состоявшія мѣстами изъ двухъ, мѣстами изъ трехъ классовъ, а въ губернскихъ городахъ *главныя* народныя училища. Но эти правительственныя училища назывались „народными“ только по имени, а отнюдь не по сочувствію къ нимъ жителей: явное нерасположеніе къ нимъ народа видно изъ многихъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ихъ открытіе и дальнѣйшее существованіе [2]).

На такомъ, общемъ для всей имперіи основаніи, въ 1789 году, въ Новгородъ-Сѣверскѣ, тогда главномъ городѣ сѣверскаго намѣстничества, учреждено главное народное училище, при намѣстникѣ Ильѣ Богдановичѣ Бибиковѣ и генералъ-губернаторѣ гр. Румянцевѣ-Задунайскомъ; а въ Стародубѣ и Глуховѣ въ 1790 г. открыты малыя училища. Директоромъ всѣхъ этихъ училищъ назначенъ прокуроръ верхняго земскаго суда Иванъ Ивановичъ Халанскій.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“, 1889 г., № 3, мартъ.

[2]) Въ городѣ, напр., Нѣжинѣ дѣти, взятые отъ дьячковъ и приведенные въ училище пробыли тамъ лишь одинъ день и только черезъ мѣсяцъ, и то съ помощію полиціи водворены въ немъ (см. Рус. Мысль, 1889, № 1. ст. Пругавина.

По упраздненіи намѣстничествъ, въ 1797 г., Новгородъ-Сѣверскъ разжалованъ въ повѣтовый городъ и малыя училища подчинились черниговской дирекціи, а главное новгородъ-сѣверское, на общемъ основаніи, подлежало закрытію. Но, благодаря ходатайству Халанскаго, оно оставлено съ прежнимъ своимъ названіемъ и значеніемъ, получивъ въ собственность бывшій губернаторскій домъ, который, впрочемъ, и построенъ былъ для училища.

По учрежденіи главнаго правленія училищъ въ 1803 году, имперія раздѣлена на 6 учебныхъ округовъ, въ губернскихъ городахъ повелѣно учредить гимназіи, а въ уѣздныхъ уѣздныя училища. Черниговская губернія вошла въ составъ харьковскаго учебнаго округа, а съ нею и главное новгородъ-сѣверское училище. Въ другой разъ ему грозила опасность быть закрытымъ, но и на сей разъ оно уцѣлѣло, благодаря стеченію благопріятствовавшихъ ему обстоятельствъ.

Попечитель харьковскаго учебнаго округа Северинъ Осиповичъ Потоцкій, прежде чѣмъ приступить къ правительственной реформѣ, въ томъ же 1803 году командировалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, въ качествѣ генеральнаго визитатора, профессора харьковскаго университета Илью Ѳедоровича Тимковскаго. Прибывъ на мѣсто, визитаторъ нашелъ „въ главномъ училищѣ значительное число учениковъ и ученіе, достойное справедливаго одобренія, при томъ положеніи самаго училища, по разстояніямъ въ обширной губерніи выгоднымъ для образованія юношества“. Въ 1804 году училище посѣтилъ и самъ попечитель Потоцкій.

Въ 1805 году, проѣздомъ черезъ Новгородъ-Сѣверскъ, училище осматривалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій и на докладъ визитатора Тимковскаго далъ попечителю предложеніе „преобразованіе новгородъ-сѣверскаго гл. училища пріостановить впредь до особаго распоряженія“. Вслѣдъ за тѣмъ 5 ноября 1805 года Высочайше повелѣно въ Новгородъ-Сѣверскѣ учредить гимназію. Замѣчательно, что это достопамятное для города событіе совершилось уже послѣ того, когда предложено было учредить въ Нѣжинѣ гимназію высшихъ наукъ князя Безбородка, въ 150 верстахъ отъ Новгородъ-Сѣверска.

Въ 1806 году директоръ Халанскій занялся перестройкой надворныхъ строеній гимназіи, остававшихся безъ употребленія со дня упраздненія намѣстничества, и „къ лучшему спѣху сего дѣла“ оффиціальнымъ письмомъ отъ 30 апрѣля 1806 года, пригласилъ моего дѣда Алексѣя Ивановича Чалаго, „какъ такого человѣка, котораго съ лишнимъ 20 лѣтъ зналъ онъ съ самой лучшей стороны, обществомъ всегда уважаемаго почтительностію и отличаемаго выборами въ публичное званіе и довольно свѣдущаго въ прочности нужнаго къ строенію лѣса и другихъ матеріаловъ, въ покупкѣ оного по сходнымъ цѣнамъ“, и просилъ его, тѣмъ же письмомъ, „приложить свое стараніе о выгодномъ для казны приготовленіи строительнаго матеріала“. „Такая услуга ваша, (заключаетъ свое письмо Халанскій) на общую пользу простираемая, пріятна для меня и не будетъ оставлена безъ вниманія высшимъ начальствомъ. Я надѣюсь, что сей трудъ тѣмъ съ большею охотою на себя примите, что и сынъ вашъ, обучаясь въ настоящемъ училищѣ, будетъ также воспитываться въ гимназіи“. (Подлинное письмо директора Халанскаго)

Довольно значительное количество матеріаловъ, исчисленныхъ въ томъ же письмѣ, Халанскій поручилъ дѣду моему пріобрѣсть покупкою частнымъ образомъ, обходя всѣ формальности, неизбѣжныя въ настоящее время при самыхъ незначительныхъ казенныхъ постройкахъ, и при томъ безъ всякого возмездія за труды. Сынъ Алексѣя Ивановича, Корнилій, правда, поступилъ въ гимназію, но онъ могъ вступить туда безъ всякой протекціи.

Въ 1807 году Тимковскій вторично пріѣзжалъ въ Новгородъ-Сѣверскъ для соображеній на мѣстѣ объ открытіи гимназіи, которое и послѣдовало въ 1808 году. Тогда же при гимназіи учреждено и уѣздное училище.

Въ день открытія гимназіи состоялось первое пожертвованіе въ 500 рублей асс. Въ томъ же году, помѣщица с. Ображеевки, вдова бунчуковаго товарища Марѳа Матвѣевна Полуботко представила чрезъ визитатора въ даръ заведенію для вспоможенія бѣднымъ воспитанникамъ двѣ тысячи руб. асс.

Въ 1808 году гимназію посѣтилъ Аракчеевъ и самолично выбралъ 12 воспитанниковъ для службы въ артиллеріи, а въ 1817 году, проѣздомъ изъ Гомеля, гимназію удостоилъ посѣщенія гр.

Николай Петровичъ Румянцевъ. Онъ предложилъ учителямъ вызовъ на сочиненіе исторіи Сѣверскаго княжества и когда они отговаривались неимѣніемъ нужныхъ для такого труда источниковъ, по причинѣ скудости библіотеки, то графъ пожертвовалъ гимназіи нѣсколько весьма цѣнныхъ сочиненій. Преподаватель словесности и философіи Григорій Прокофьичъ Македонскій преподнесъ именитому гостю написанное имъ для торжественнаго акта похвальное слово его отцу малороссійскому генералъ-губернатору гр. Румянцеву-Задунайскому, за что и получилъ въ подарокъ золотые часы.

По причинѣ ветхости гимназическаго зданія и большого неудобства въ размѣщеніи классовъ, при возрастающемъ количествѣ учениковъ, директоръ Халанскій въ 1824 году представилъ проектъ о постройкѣ новаго каменнаго дома; но ему не суждено было осуществить своего намѣренія: этотъ полезный дѣятель и превосходныхъ качествъ человѣкъ, прослужившій въ директорской должности 35 лѣтъ, скончался на 80 году своей жизни, въ 1825 году.

По смерти Халанскаго директоромъ гимназіи назначенъ зять его, извѣстный уже намъ генеральный визитаторъ харьковскаго учебнаго округа, профессоръ университета, докторъ правъ и философіи, великобританскаго и геттингенскаго ученыхъ обществъ членъ, Илья Ѳедоровичъ Тимковскій. По увольненіи въ 1812 году отъ должности профессора правовѣдѣнія и судопроизводства, онъ занималъ, по выборамъ отъ глуховскаго дворянства, должность уѣзднаго судьи, а потомъ черниговскаго губернскаго суда перваго департамента. Обогащенный глубокими свѣдѣніями, руководимый любовію къ гимназіи онъ много способствовалъ ея успѣхамъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ.

Въ 1826 году помѣщикъ харьковской губерніи, уроженецъ города Конотопа М. О. Парпура, завѣщавшій харьковскому университету и конотопскому уѣздному училищу по 16 тыс. рублей асс., такую же сумму пожертвовалъ и новгородсѣверской гимназіи, для содержанія изъ процентовъ четырехъ воспитанниковъ.

По замѣчаніямъ, сдѣланнымъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ на представленный покойнымъ Халанскимъ проектъ постройки новаго зданія для гимназіи, преемникъ его И. Ѳ. Тимковскій занялся составленіемъ новыхъ смѣтъ и плановъ. А между тѣмъ, пока изготов-

лялись эти смѣты и планы, при неизмѣнномъ правилѣ директора *festina lente*, въ 1828 году обнародованъ новый уставъ семиклассныхъ гимназій, вслѣдствіе чего нужно было заняться изготовленіемъ опять новыхъ плановъ. Такимъ образомъ дѣло о постройкѣ каменнаго зданія тянулось слишкомъ 17 лѣтъ, такъ что только въ 1841 году приступлено было къ возведенію теперешняго двухэтажнаго зданія, оконченнаго въ 1844 г. при директорѣ Батаровскомъ.

Введеніе устава 1828 года и второй классъ.

Послѣ обнародованія Высочайше утвержденнаго устава, новгородсѣверская гимназія, по недостатку средствъ, просуществовала при прежнемъ своемъ четырехклассномъ составѣ еще пять лѣтъ. Наконецъ и до нея дошла очередь. Преобразованіе ея въ семиклассную совпало съ переходомъ моимъ во второй классъ уѣзднаго училища.

8 октября 1833 года позвали насъ въ залу. Директоръ произнесъ намъ длинную рѣчь, послѣ которой изъ сонма преподавателей выступилъ инспекторъ Герасимъ Ивановичъ Ивановскій и прочелъ что то такое мудреное, чего не могли понять даже ученики высшихъ классовъ гимназіи.

„Утвержденное начальствомъ распредѣленіе учебныхъ предметовъ въ гимназіи дано для нее основаніемъ, правиломъ и мѣрою преподаваній въ каждомъ ея классѣ и въ каждомъ предметѣ. Симъ оно твердо, ясно и рѣшительно опредѣлило, какіе ученики и въ какой классъ, по готовой для него способности, поступить должны, за опредѣленною въ успѣхъ ихъ по означеннымъ предметамъ отвѣтственностію учителей, если будетъ неуспѣвшихъ болѣе одного изъ десяти. Сличеніемъ распредѣленія предметовъ съ нынѣшнимъ состояніемъ классовъ произведено раздѣленіе учениковъ“.

За симъ „ученымъ“ вступленіемъ, написаннымъ самимъ директоромъ, послѣдовало чтеніе списка учениковъ, „поступившихъ въ раздѣленіе на 7 классовъ“. Какъ рѣшилось гимназическое начальство совершить такой смѣлый coup d' état, какимъ образомъ умудрилось оно мизернѣйшій курсъ уѣзднаго училища вколотить въ рамки семиклассной гимназіи, съ разными высшими науками четырехклассной

гимназіи и приступить къ преподаванію предметовъ по новой программѣ, почти въ срединѣ учебнаго года?—Не намъ, конечно, было тогда судить объ этомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а изъ 6 разнопестрыхъ классовъ гимназіи и уѣзднаго училища образовалось семь новыхъ классовъ—да будетъ едино стадо и единъ пастырь!

Такимъ образомъ 1 классъ новой семиклассной гимназіи составился изъ оставленныхъ на второй годъ въ первомъ классѣ уѣзднаго училища и изъ вновь переведенныхъ изъ приготовительнаго. II-й частію изъ оставшихся во 2-мъ классѣ уѣзд. училища, частію изъ переведенныхъ изъ перваго. III классъ изъ оставшихся на другой годъ въ 1-мъ классѣ четырехклассной гимназіи и изъ вновь переведенныхъ изъ 2-го кл. уѣзднаго училища. IV классъ сформированъ изъ переведенныхъ изъ 1-го класса четырехклас. гимназіи и изъ оставленныхъ на другой годъ во 2-мъ.

V классъ составился исключительно изъ переведенныхъ изъ втораго класса. VI классъ—частію изъ оставшихся на 2-й годъ въ прежнемъ третьемъ классѣ, частію изъ лучшихъ учениковъ 2-го класса. VII—изъ оставленныхъ на 2-й годъ въ прежнемъ четвертомъ и изъ переведенныхъ изъ третьяго.

Изъ такого распредѣленія учениковъ „поступившихъ въ раздѣленіе по классамъ“, явствуетъ, что оно было совершенно произвольное, и что VI-й напр. классъ семиклассной гимназіи возникъ какъ deus ex machina, ибо половина бывшаго 2-го класса водворена въ V-мъ, а другая черезъ V-й шагнула въ VI-й.

Вслѣдствіе такого нераціональнаго раздѣленія учениковъ по классамъ, возникли непреодолимыя затрудненія какъ для преподавателей, такъ и для учениковъ. Въ научныхъ свѣдѣніяхъ учащихся обнаружились впослѣдствіи огромные пробѣлы, которые во все продолженіе курса служили помѣхою къ основательному усвоенію преподаваемыхъ предметовъ. Благодаря тому же раздѣленію, я нежданно-негаданно очутился во второмъ классѣ гимназіи и облачился въ форменный сюртукъ съ широчайшимъ краснымъ воротникомъ, твердымъ какъ лубокъ, и металлическими бѣлыми пуговицами. Для уѣзднаго училища нанято особое помѣщеніе и Яковъ Яковлевичъ долженъ

былъ оставить насиженное мѣстечко навсегда. Намъ наслали новыхъ учителей—поляковъ.

По усмиреніи польскаго мятежа и послѣдовавшаго затѣмъ въ 1832 году учрежденія кіевскаго учебнаго округа, правительство зорко стало слѣдить за направленіемъ воспитанія юношества въ юго-западномъ краѣ, гдѣ до того времени учебно-воспитательныя заведенія, по иниціативѣ извѣстнаго польскаго патріота Ѳаддея Чацкаго, обратились въ разсадники пропаганды. Для пресѣченія такого зла, успѣвшаго въ короткое время глубоко пустить свои корни, ко вреду русскаго населенія, были закрыты виленскій университетъ и кременецкій лицей и множество школъ, содержавшихся на счетъ разныхъ фундушей. Въ Кіевѣ открытъ университетъ св. Владиміра и нѣсколько средне-учебныхъ заведеній, съ общимъ для всей имперіи устройствомъ [1]). Вслѣдствіе такихъ преобразованій, для гимназій юго-западнаго края потребовалось значительное количество опытныхъ и благонадежныхъ учителей изъ коренныхъ русскихъ, которыхъ, къ великому ущербу просвѣщенія по сю сторону Днѣпра, стали высылать въ юго-западныя губерніи, такъ что въ 1833 году въ преобразованной гимназіи нашей не осталось почти никого изъ прежнихъ, истинно достойныхъ наставниковъ—Капли, Левицкаго, Македонскаго, Сбитнева. На ихъ мѣсто присланы другіе, которые, къ сожалѣнію, „смѣнивъ, не замѣнили ихъ“. Допуская прогрессивное движеніе впередъ въ общемъ ходѣ образованія, я не смѣю оспаривать преимущества отжившаго поколѣнія педагоговъ предъ новыми; но не могу умолчать объ одной особенности людей прежняго закала, при всей кажущейся ихъ несостоятельности, въ сравненіи съ ихъ преемниками: это разносторонность научныхъ знаній и необыкновенная тягучесть и выносливость въ трудѣ, за самое скудное, сравнительно съ теперешнимъ, вознагражденіе [2]).

---

[1]) Открыто 7 гимназій, 11 *дворянскихъ* училищъ, а на *народныя* школы не обращено ни малѣйшаго вниманія, трехмилліонное коренное русское населеніе осталось по старому во тьмѣ, а въ немъ то вся сила! Переустройство учебной части начато не съ фундамента, а съ крыши.

[2]) *Кириллъ Захарьевичъ Капля* обучался въ кіевской духовной академіи, а потомъ въ с.-петербургской учительской семинаріи. Вступилъ въ службу въ 1792 году преподавателемъ математики, историческихъ наукъ и рисованія въ Введенскомъ училищѣ. Въ 1795 году перемѣщенъ въ малороссійское главное черниговское учи-

При безпрерывной перетасовкѣ преподавателей, которая такъ нравилась первому попечителю кіевскаго учебнаго округа, фонъ Брадке, къ намъ пріѣзжали всякіе—и плохіе, и хорошіе. Не говоря уже о томъ, что частыя перемѣны въ учительскомъ персоналѣ, по какимъ бы высшимъ соображеніямъ онѣ ни дѣлались, весьма вредно вліяли на наше ученіе, успѣхи учащихся не меньше страдали и отъ того, что въ числѣ новыхъ учителей было много поляковъ, плохо говорившихъ по русски и враждебно относившихся къ русскому юношеству.

Но какъ бы тамъ ни было, а мы, повѣтовцы, очутились, по щучьему велѣнью, по директорскому соизволенью, въ гимназіи и нашли тамъ совершенно иные порядки.

Не стало почтеннаго педагога Игнатьева, съ его любезной „ариѳметичкой“, представлявшейся намъ не иначе, какъ во образѣ синей тетрадки, въ которой намъ досконально были извѣстны всѣ задачи, со всѣми ихъ нехитрыми рѣшеніями. Мы отлично понимали, какъ „въ одинъ высокоторжественный день выстрѣлено было изъ пушекъ 101 разъ“, и сколько пороху на эти выстрѣлы потрачено;

лище преподавателемъ математики, физики, латинскаго языка и русской словесности. Въ 1805 году переведенъ въ главное новгородсѣверское училище преподавателемъ тѣхъ же предметовъ съ прибавкою архитектуры и рисованія, а съ 1812 года греческаго языка и нѣмецкаго. Прослужилъ Капля 37 лѣтъ.

Григорій Прокофьевичъ Македонскій первоначальное образованіе получилъ въ харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ (1799—1816), затѣмъ вступилъ въ харьковскій университетъ, гдѣ обучался въ двухъ отдѣленіяхъ: словесномъ и нравственно-политическомъ. Опредѣленъ сперва учителемъ философіи, естественнаго права и политической экономіи въ харьковскую гимназію, а оттуда перемѣщенъ въ новгородсѣверскую преподавателемъ, кромѣ означенныхъ предметовъ, этики и русской словесности. Сверхъ того разновременно преподавать латинскій языкъ, французскій и нѣмецкій, всеобщую и россійскую исторію. Спустя 22 года, въ 1832 году перемѣщенъ въ гимназію волынскую учителемъ логики и россійской словесности и окончилъ службу свою въ 1846 году въ должности инспектора лицея кн. Безбородка.

Петръ Степановичъ Левицкій духовнаго званія изъ дворянъ съ весьма скуднымъ запасомъ домашняго воспитанія поступилъ въ кіевскую духовную академію въ 1778 году, гдѣ обучался 7 лѣтъ латинскому языку, риторикѣ и поэзіи; потомъ около года въ черниговской семинаріи философіи; откуда поступилъ въ петербургскую учительскую семинарію, гдѣ обучался латинскому, греческому и нѣмецкому языкамъ, ариѳметикѣ, исторіи, географіи, естественной исторіи, физикѣ, педагогіи и рисованію втеченіе двухъ лѣтъ.

Въ 1789 году опредѣленъ въ новгородсѣверское главное народное училище учителемъ исторіи, географіи и естеств. исторіи, гдѣ прослужилъ 42 года. Затѣмъ въ 1831 году назначенъ директоромъ училищъ черниговской губерніи, вышелъ въ отставку въ 1836 году; всей службы его 47 лѣтъ.

какъ катилось колесо и сколько разъ оборотилось оно въ минуту? Мы твердо знали: „въ какомъ году, въ какомъ мѣсяцѣ, какого числа и въ которомъ часу родился *Никто?* Сколько лѣтъ, мѣсяцевъ, недѣль, дней, часовъ, минутъ и даже секундъ прожилъ на свѣтѣ этотъ Нѣкто". Задачи эти много лѣтъ повторялись, слово въ слово, такъ что не знать ихъ рѣшенія могъ только самый несообразительный человѣкъ, въ родѣ Василія Кинды, или уже совершенная деревяшка, въ родѣ Евграши Головотяпа.

И вотъ... приходимъ въ классъ и вмѣсто Якова Яковлевича застаемъ на учительскомъ стулѣ Матвѣя Альбертовича, сгорбленнаго, въ очкахъ съ заостреннымъ носомъ и съ табакеркой въ рукахъ вмѣсто синей тетрадки. Началась перекличка и мы сразу убѣдились, что нашъ новый наставникъ плохо разбираетъ русское письмо, исковеркавъ наши фамиліи такъ, что нѣкоторые и самихъ себя не узнали. Ради перваго знакомства, мы, хотя съ большимъ трудомъ, отъ смѣху удержались. Ждемъ, что будетъ дальше. Вдругъ учитель нашъ мгновенно схватывается со стула, переваливаясь съ ноги на ногу, идетъ къ доскѣ, беретъ мѣлъ—и руки трясутся—оборачивается къ намъ и глядя, поверхъ очковъ, зычнымъ голосомъ выкрикиваетъ: Задача!! Лисица, преслѣдуемая су́бакой, дѣла́етъ пьятьдесять ска́чковъ впе́реди.... Тутъ ужъ мы рѣшительно не могли удержаться отъ смѣха. Подойдя къ скамьѣ и указавъ на сидѣвшаго съ краю ученика, учитель разразился бранью.

— А ну, ты зви́ння! Чего ты смѣешь! По́ди вонъ! Поставь себъ на колѣна!

Распорядившись такимъ манеромъ, учитель снова принялся за свою лисицу, которая тѣмъ временемъ, безъ сомнѣнія, успѣла убѣжать еще дальше отъ собаки.

— А девять ска́чковъ лисицы равняются семи ска́чкамъ суба́ки: то-то слѣду́етъ опредѣлить время, когда субака догонитъ лисицу?—

Окончивъ задачу, Матвѣй Албертовичъ заставилъ повторить ее Ваську Глотова, и къ счастію попалъ на самаго бойкаго математика. Отвѣтомъ его учитель остался, повидимому, доволенъ, хотя и не понравились ему нѣкоторые усвоенные прежде пріемы, отъ которыхъ Яковъ Яковлевичъ приходилъ въ умиленіе. Главное, на что обращалъ вниманіе его преемникъ, не быстрота, не фразы въ родѣ

„слѣдующимъ образомъ“, а основательное пониманіе условій задачи, логически вытекающій выводъ слѣдствія изъ причины. Такія требованія новаго учителя выразились въ часто повторяемомъ имъ возгласѣ: „а разсуждай!!“

Эге, подумали мы, этого не проведешь, не скроешь своего невѣжества разными чисто механическими фокусами; тутъ зубреніе не поможетъ — тутъ нужно разсуждать, къ чему насъ вовсе не пріучали въ повѣтовомъ училищѣ. Знай Матвѣй Албертовичъ по русски, да не будь чудоковатъ, отъ него многому можно было бы научиться; но къ несчастію, какъ его, такъ и нашему, всѣ его достоинства остались незамѣченными не только нами, дѣтьми, но и его сослуживцами; и они только трунили надъ нимъ, да предразнивали.

Иногда, совсѣмъ выбившись изъ силъ отъ возни съ мальчуганами, Матвѣй Албертовичъ прибѣгалъ къ содѣйствію инспектора.

— Герасимъ Ивановичъ! а ей Богу, не можно: то не естъ классъ, але ко́рчма: сме́рдятъ, во́нятъ, гвизда́ютъ, жаловался онъ инспектору. Тотъ, конечно, принималъ энергическія мѣры, и спокойствіе въ классѣ возстановлялось, но лишь до слѣдующаго урока.

Въ томъ же 1833 году гимназію нашу ревизовалъ фонъ Брадке. Пришелъ онъ къ намъ на урокъ ариѳметики. Ученикъ, рѣшая задачу, оробѣлъ и запнулся.

— А разсуждай! крикнулъ Матвѣй Албертовичъ зычнымъ голосомъ, стоя позади попечителя, надъ самымъ его ухомъ. Тотъ вздрогнулъ и вопросительно взглянулъ на директора, который приказалъ стоять учителю смирно и не мѣшаться. Матвѣй нашъ отошолъ въ сторону, опершя обоими локтями на скамью и, выпятивъ впередъ животъ, иронически сталъ смотрѣть на доску. Отъ нечего дѣлать ему захотѣлось понюхать. Какъ скрипнетъ онъ крышкой своей табакерки, съ портретомъ Костюшки — нервный нашъ попечитель опять вздрогнулъ и посмотрѣлъ на инспектора, который почтительно-выразительной миной показалъ Е. П—ву, что съ этимъ чудакомъ ничего не подѣлаешь.

Матвѣй Албертовичъ не любилъ пѣтуховъ вообще, а пѣнія ихъ въ особенности. Разстроенные разными превратностями судьбы, нервы его не выносили близкаго сосѣдства съ этой безпокойной птицей. Нанимая квартиру, нашъ наставникъ прежде всего предлагалъ хозяйкѣ вопросъ: а пѣтухъ у тебя есть?

— А якже, отвѣчаетъ хозяйка: чи можна жъ въ хазяйствѣ обойтись безъ пѣтуха?

— Ну, то я у тебя жить не хочу!

Подмѣтивши такую странность въ учителѣ, мы постоянно школьничали: идетъ бывало онъ по троттуару, закутавшись въ плащъ, а тутъ изъ-за забора надъ головой: кукареку! Разъ какой то шалунъ вбросилъ ему пѣтуха въ открытое окно его квартиры, и онъ безжалостно убилъ его линейкой и выбросилъ на улицу.

На урокъ нѣмецкаго языка пришелъ не Я. Я—чъ съ своимъ „Зрѣлищемъ“, а настоящій нѣмецъ изъ Дерпта—Эдуардъ Андреевичъ Штранге и принесъ съ собой какія то таблицы, съ нарисованными на нихъ цвѣтами. Повѣсивъ одну изъ нихъ на доскѣ, учитель взялъ прутикъ и, указывая на бутонъ розы, спросилъ:

— Was ist das? А мы должны были отвѣчать ему всѣ разомъ, словно хоръ въ оперѣ, на распѣвъ, отбивая тактъ дружнымъ топаньемъ: das ist! eine! Rosen! Knospe!

Какъ цвѣты, такъ и пѣніе съ перваго разу намъ очень понравились, но впослѣдствіи, когда, дирижируя хоромъ, нашъ остзеецъ началъ хлестать тѣмъ же прутикомъ по ушамъ, тогда мы запѣли другимъ голосомъ.

Учитель русскаго языка остался тотъ же весельчакъ Егоръ Андреевичъ Носачевскій; но и въ гимназію перенесъ онъ свою пакостную привычку за всякіе пустяки „драть“ учениковъ линейкой.

Быть можетъ, такому ожесточенію была причиной нѣкая скандальная исторія, о коей и до насъ дошли слухи. Дѣло въ томъ, что „подъ вечеръ осени ненастной“, къ господину директору явилась съ жалобой на нашего наставника дѣвица духовнаго званія.

И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ....

Латинскій языкъ отъ Егора Андреевича перешелъ къ Казиміру Петровичу Климовскому. Какъ теперь вижу эту іезуитскую физіогномію, на которой рисовалось нескрываемое отвращеніе отъ всего, что только носило имя русскаго. Къ ученикамъ онъ относился такъ, какъ будто они были личными его врагами. Потребуетъ, напр., книгу для переводовъ, ему поднесутъ; но Казиміръ не сразу возьметъ ее, а сперва осмотритъ руки поднесшаго книгу, поцѣживая сквозь зубы;

„чи чисты руки?“—Если книга оказывалась сильно подержанною, онъ бралъ ее за край листка и, держа въ воздухѣ, осматривалъ со всѣхъ сторонъ, приговаривая: ммм... чи чисты руки? чи чисты руки?... и затѣмъ швырялъ ее на средину класса съ видомъ глубочайшаго омерзѣнія, какъ будто онъ взялъ въ руки лягушку.

Къ счастію, Казиміръ былъ у насъ недолго; его смѣнилъ Иванъ Даниловичъ Юскевичъ-Красковскій, за которымъ послѣдовалъ Карлъ Ивановичъ Микульскій, прибывшій въ Новгородъ-Сѣверскъ изъ Каменца-Подольскаго съ другомъ своимъ Осичковскимъ, прозваннымъ Бореемъ, за его взъерошенные сѣдые волосы, на основаніи стиха Державина: „Съ бѣлыми Борей власами“.... Но у Карла Ивановича, кромѣ Борея, было другое близкое существо — небольшой пуделекъ *Amicus*, сопровождавшій его въ гимназію и на прогулки.

Карлъ Ивановичъ и Осичковскій, чрезвычайно живые, бодрые старички, начиная съ мая, не взирая ни на какую погоду, ежедневно въ 5 часовъ утра совершали прогулку на Заручье пить изъ криницы воду, приписывая ей цѣлебныя свойства. Выпивши съ роздыхомъ отъ 5 до 8 стакановъ холодной ключевой водицы, они весело возвращались домой, въ сопровожденіи Amicus'а, пили молоко и въ 8 часовъ всегда первыми являлись на службу.

Карлъ Ивановичъ былъ большой любимецъ дѣтей. Преподаваніе скучной латыни онъ старался оживить разными анекдотцами, вдаваясь иногда въ такія комментаріи, которыя вовсе не относились ни къ этимологіи, ни къ синтаксису. Такъ, переводя изъ Корнелія Непота жизнеописаніе Датама, Карлъ Ивановичъ оставлялъ книгу и начиналъ фантазировать:

— „Выобрáзьте себѣ, господа, какъ этотъ воинственный мужъ скачетъ на конѣ передъ строемъ всадниковъ, кáкъ блестѣлъ на солнцѣ его шлемъ, кáкъ онъ красиво сидѣлъ на сѣдлѣ“.

Замѣтивъ, что учитель въ ударѣ, ученики начинали школьничать:

— Карлъ Ивановичъ! А какой масти у Датамиса была лошадь?

— Ну, можетъ быть бѣлая, можетъ быть вороная.

— Карлъ Ивановичъ! А какъ ѣхалъ Датамъ, рысью или галопомъ?

— Ну, можетъ быть галопомъ, можетъ быть рысью.

— Карлъ Ивановичъ! отзывается третій: чѣмъ кормилъ Датамисъ своего коня, овсомъ или сѣномъ?

Замѣтивъ, наконецъ, что надъ нимъ начинаютъ подтрунивать, учитель начиналъ сердиться. Ты же, мужикъ, молчи! ты же дуракъ!

Не выучившему урока Карлъ Ивановичъ давалъ такого рода совѣтъ:

— Ты же оселъ, не умѣешь учиться: ты иди въ сарай, да сядь тамъ съ книгой, да читай громко, плавно, выразно!...

Француза пока не пріискали.

На любимѣйшій нашъ урокъ рисованія пришелъ Степанъ Кирилловичъ Кириловъ, по прозванію Шата́. Обучался онъ сему искусству, какъ гласитъ его дипломъ, въ с.-петербургской академіи „въ живописномъ миніатюрномъ художествѣ и за хорошіе успѣхи, а особливо за признанное въ немъ добронравіе и лестное и похвальное поведеніе, возведенъ въ 1812 году въ званіе художника и награжденъ шпагой“.

Произведеніями, если не кисти, то карандаша этого „миніатюрнаго художника“ увѣшаны были всѣ стѣны гимназической залы. Онъ, какъ всѣ художники, проникнутъ былъ чувствомъ собственнаго достоинства и высоко ставилъ свое искусство, особенно когда немножко былъ подшефэ!

— Ты, твердилъ онъ безпрестанно, обращаясь съ выговоромъ къ ученику, ты хоть и хорошъ по другимъ предметамъ, но я могу тебѣ все испортить своею отмѣткой, если не будешь у меня учиться.

— Говори! думалъ про себя ученикъ, выслушивая выговоръ: какъ будто я не знаю, что твои единицы ничего не значатъ при переводахъ.

По старой привычкѣ, мы постоянно подносили ему для исправленія свое маранье, которое онъ, по своей забывчивости, уже нѣсколько разъ поправлялъ, при чемъ любилъ вдаваться въ теорію искусства, самаго, впрочемъ, незатѣйливаго свойства. Какъ обезьяна, чѣмъ больше въ ней видимаго сходства съ человѣкомъ, тѣмъ она смѣшнѣе, такъ и нашъ Шата́—тѣмъ казался глупѣе, чѣмъ болѣе старался походить на умнаго. До обѣда онъ былъ еще ничего себѣ, довольно приличный съ виду господинъ, но на послѣобѣденныхъ урокахъ къ нему нельзя было подойти близко—отъ него несло сивухой, какъ изъ бочки. Его лицо и волосы, и безъ того всегда красные, становились какъ бы огненными. Въ такомъ возбужденномъ состояніи

онъ любилъ читать мораль, начиная каждый разъ свою предику любимымъ словцомъ: „безсовѣстный! Гдѣ твоя совѣсть?“.

Иногда, на самомъ патетическомъ мѣстѣ его рѣчи, ученикъ VI класса Николай Кабановъ, проходя по корридору, во всю мочь крикнетъ въ замочную скважину: „Шата!“ на что нашъ наставникъ качалъ головою и говорилъ только: „безсовѣстный!“ Жившіе у него пансіонеры передавали, что самое вещество, зеленаго цвѣта, вдохновлявшее его геній и стоявшее въ шкафикѣ въ его мастерской въ графинѣ, онъ тоже называлъ совѣстью, по крайней мѣрѣ, когда однажды онъ сталъ бранить сынишку своего Мишу за шалость и сказалъ: „безсовѣстный! гдѣ твоя совѣсть“? то онъ безъ запинки отвѣтилъ ему: „въ скафѣ, папоцка, на полоцкѣ стоитъ“.

Смотрителя-аптекаря замѣнилъ директоръ, или, лучше сказать, инспекторъ, который безотлучно сидѣлъ въ гимназіи, тогда какъ директоръ бывалъ въ гимназіи только въ извѣстное время года: на рождественскіе праздники, во время говѣнья на первой недѣлѣ поста и во время годичныхъ экзаменовъ. Около 8 мѣсяцевъ въ году жилъ онъ въ 40 верстахъ отъ города, въ своемъ имѣніи. Туда отсылались и всѣ получаемыя имъ изъ округа бумаги. Уѣзжая въ свою милую Турановку на каникулярное время, Илья Ѳедоровичъ оставался тамъ до конца октября, procul negotiis, наслаждаясь, по примѣру любимца своего Горація Флакка, прелестями сельской природы, sub tegmine fagi membra stratus. Хотя у него при дѣтяхъ находился домашній учитель изъ гимназистовъ высшихъ классовъ, но большую часть предметовъ директоръ читалъ самъ: за чаемъ обыкновенно шли языки, во время и послѣ обѣда исторія. Порядокъ этотъ соблюдался ежедневно съ необыкновенною точностію. Илья Ѳедоровичъ былъ деспотъ въ семействѣ. Гостей у него никогда не бывало и самъ онъ нигдѣ не бывалъ, предпочитая провинціальному обществу бесѣду съ неразлучными своими друзьями—римскими классиками.

Съ конца октября до конца декабря директоръ жилъ въ городскомъ своемъ домѣ, на Козацкой улицѣ, но гимназіи не посѣщалъ. Пріѣзжая во время роспуска 20 декабря, собиралъ всю гимназію въ залу, говорилъ, viva voce, рѣчь и надобно знать, что эти рѣчи—импровизаціи были лучшими его произведеніями: онъ говорилъ увле-

[1]) Разновременно у него жили: П. А. Антоновичъ, Нагула и Левдикъ.

кательно, убѣдительно и просто; напротивъ, все написанное имъ выходило изъ рукъ вонъ плохо, въ родѣ вышеприведеннаго отрывка, прочитаннаго инспекторомъ при преобразованіи гимназіи: темно и непонятно. Темами для такихъ рѣчей Илья Ѳедоровичъ обыкновенно избиралъ какой нибудь афоризмъ или изреченіе знаменитаго мужа, въ родѣ напр. слѣдующаго: „Императоръ Титъ, недовольный проведеннымъ днемъ, говорилъ друзьямъ своимъ: amici! hodie diem perdidi!“ За темой слѣдовало развитіе главной мысли, примѣнительно къ жизни ученика. По окончаніи рѣчи, онъ давалъ воспитанникамъ трехъ высшихъ классовъ нѣсколько темъ на праздники и уѣзжалъ въ свою Турановку до поста.

Говѣли мы обыкновенно на первой недѣлѣ. Всѣ учащіе и учащіеся обязаны были два раза въ день сходиться въ гимназію, начиная съ понедѣльника, къ заутрени и на поклоны. Въ залѣ въ это время ставили большой столъ; на столѣ крестъ, евангеліе и всѣ принадлежности великопостнаго служенія. Какъ псалтирь, такъ и канонъ на поклонахъ Илья Ѳедоровичъ читалъ всегда самъ. Стройное пѣніе гимназическаго хора, подъ управленіемъ страстнаго любителя и знатока сего искусства Осипа Акимовича Самчевскаго, выразительное чтеніе директора и теплая комната весьма благопріятно вліяли на наше религіозное настроеніе, пробуждая въ душѣ уваженіе и благоговѣніе къ святости великаго таинства, къ которому мы готовились. Никому изъ учениковъ не дозволялось говѣть даже въ своей приходской церкви, потому что тамъ ничего подобнаго не было: однообразное бормотанье дьячка и его негармоническое solo, при длинноте великопостнаго служенія, въ холодной, съ желѣзнымъ (какъ въ соборѣ) поломъ, могли поселить въ душѣ чувство противоположное благоговѣнію, какое приличествуетъ и святости мѣста, и самой цѣли установленныхъ для говѣнья молитвъ, пѣснопѣній и славословій.

Въ среду и пятницу послѣ заутрени мы по парно шли въ соборъ къ обѣднѣ, гдѣ тоже пѣли наши пѣвчіе, а воспитанники 7-го класса читали, изъ „собранія поученій“, проповѣди, по выбору самаго директора, стоявшаго всегда на лѣвомъ клиросѣ, не смѣшиваясь съ толпой.

Въ пятницу послѣ обѣда мы сходились въ гимназію исповѣдываться во грѣхахъ своихъ. Порядокъ, при которомъ совершалось

великое таинство покаянія,—установленный, конечно, не церковію и даже не начальствомъ, а мѣстнымъ обычаемъ, который сильнѣе всякого начальства,—совершенно не гармонировалъ съ ходомъ и характеромъ нашего продолжительнаго говѣнія.

Въ маленькой комнатѣ VII класса садился за столъ нашъ протопопъ от. Стефанъ, а у дверей отъ залы становился пономарь Адріанъ. Чтобы попасть въ исповѣдальню къ батюшкѣ, или, какъ выражаются наши мѣщане, „чтобъ повозить попа въ рѣшетѣ“, нужно было дать прежде нѣсколько грошей „входного“ привратнику, а потомъ положить на столъ подлѣ самаго евангелія втрое противъ того, въ пользу протоіерея, ему же дана власть вязать и рѣшить. Учениковъ первыхъ двухъ классовъ впускали по пяти, по шести разомъ, а начиная съ четвертаго по два и по три; по одному же входили самые большіе, за что и платили больше другихъ.

Въ то время, когда такимъ манеромъ совершалось таинство покаянія, на гимназическій дворъ сходились со всего города торговки съ бубликами, стовпчиками, моченными кисличками и др. ласощами. Откупившись отъ грѣховъ, школяры накидывались, какъ голодные псы, на всю эту благодать и начинали истреблять громадное количество бубликовъ, словно они дня два ничего не ѣли. Объѣдалась вся эта орда до тошноты именно потому, что послѣ пассіи уже не дозволялось ѣсть до самаго причастья. Нѣкоторые ѣдоки даже бились объ закладъ, кто больше сокрушитъ бубликовъ.

Такое явленіе можно объяснить отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что впродолженіе цѣлой недѣли у насъ соблюдался строжайшій постъ. Рѣдко бывало и варятъ что нибудь дома. Дадутъ тебѣ сырой капусты, приправленной цыбулей и олеею, или сухарь, размоченный въ водѣ, или варенаго гороху съ сытой—больше ничего не смѣй и спрашивать, потому: не все коту масляница—пришелъ и великій постъ.

Ученикъ III класса Петръ Водень признался попу на духу, что онъ, говѣючи, ѣлъ селедку. Что жъ изъ этого вышло? А то, что, не дожидавшись за содѣянный грѣхъ суда Божія, начальство покарало его на семъ свѣтѣ, а именно: въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ, когда ученики сидѣли уже на урокахъ, по приказанію директора, бѣднягѣ нацѣпили на шею аршиннаго оселедца и повели, какъ медвѣдя, на показъ по всѣмъ классамъ: смотрите, молъ, такъ

и вамъ будетъ, только попробуйте, говѣючи, покушать селедки! Во все продолженіе великаго поста, директоръ пріѣзжалъ въ гимназію только одинъ разъ—на Андреево стояніе, а потомъ уѣзжалъ изъ города встрѣчать въ деревнѣ весну и возвращался въ концѣ мая, передъ самыми экзаменами, на которыхъ онъ просиживалъ ежедневно по 10 часовъ.

Въ этомъ году во второмъ классѣ пройдено было очень мало, да отъ преподавателей и требовать было несправедливо невозможнаго: произведши путаницу въ преподаваніи „раздѣленіемъ учениковъ на семь классовъ“, само начальство было причиной неуспѣшности.

Экзамены мои шли довольно удовлетворительно и все, казалось, должно было кончиться благополучно; но надо мной неожиданно стряслась бѣда. Вслѣдствіе часто повторявшихся несчастныхъ случаевъ на Деснѣ, намъ строжайше воспрещено было купаться не въ урочное время. Около пяти часовъ, насъ, какъ барановъ, надзиратели вели къ рѣкѣ и мы подъ ихъ наблюденіемъ купались. Но представьте себѣ положеніе мальчика, живущаго въ 20 шагахъ отъ воды въ жаркіе дни. И вотъ, трое изъ учениковъ, на зло запрещенію, желая выкупаться вволюшку на свободѣ, отправились въ праздничный день къ Щуровкѣ и тамъ стали купаться на совершенно незнакомомъ мѣстѣ. Одинъ изъ нихъ началъ тонуть, другой хотѣлъ спасти его и оба пошли ко дну. Третій прибѣжалъ домой, чтобы сказать о случившемся хозяевамъ. Объ этомъ „чрезвычайномъ происшествіи“ директоръ отправилъ въ округъ донесеніе, въ которомъ старался оправдать самый фактъ несчастія незрѣлостію лѣтъ утопленниковъ, жаркимъ лѣтомъ, красотами новгородъ-сѣверскихъ окрестностей, соблазнившихъ учениковъ и т. д. Но что отвѣтилъ онъ осиротѣвшимъ родителямъ, довѣрившимъ заведенію дѣтей—объ этомъ исторія умалчиваетъ: тутъ, я думаю, не помогло никакое краснорѣчіе.

Послѣ такого событія, строгость мѣръ противъ купанья не только не уменьшилась, но еще увеличилась, Но взирая на сіе, для меня, водяного звѣрька, жившаго у самой рѣки, искушеніе было слишкомъ велико, чтобы не соблазниться, и я, махнувъ рукой на всякія запрещенія, пошелъ купаться вмѣстѣ съ двумя товарищами.

Только что мы вошли въ воду—глядь, а на Замкѣ стоитъ, растопыривъ ноги, словно колоссъ родосскій, инспекторъ и смотритъ

на насъ въ „подозрительную трубку“. Выскочивъ на берегъ, мы схватили свои рубашонки да драла, такъ что одѣлись уже на бѣгу. Но это намъ не помогло. Мы были узнаны.

Приходимъ на другой день на экзаменъ—бѣда! О нашемъ проступкѣ доложено директору. Что то будетъ? что то будетъ съ нами? Илья Ѳедоровичъ, не терпѣвшій тѣлесныхъ наказаній, придумалъ для насъ такую кару: велѣлъ позвать Павла́ и приказалъ ему раздѣть насъ до рубашки, да такъ и оставилъ сидѣть между учениками до конца экзамена. Не довольствуясь и этимъ позорнымъ наказаніемъ, онъ порѣшилъ было оставить насъ въ томъ же классѣ на 2-й годъ, не допустивъ къ экзамену; но я такъ усердно плакалъ цѣлыхъ четыре часа, что надо мной сжалились и подозвали къ столу. Удовлетворившись моимъ отвѣтомъ, Илья Ѳедоровичъ позволилъ мнѣ одѣться и отпустилъ домой съ миромъ.

На другой день въ 9 часовъ меня потребовали къ директору на домъ, гдѣ я долженъ былъ выслушать отеческое увѣщаніе, подѣйствовавшее на меня больше всяческихъ наказаній: отъ души сказанное слово глубоко западаетъ въ душу.

Экзамены кончились. Съ какимъ восторгомъ прибѣжалъ я домой послѣ акта! Билетъ, гдѣ прописанъ былъ мой переводъ въ III классъ, я держалъ чуть не надъ головой, какъ трофей побѣды надъ школьною премудростію. Отецъ былъ очень обрадованъ моими успѣхами, позволилъ мнѣ во все время каникулъ всѣ мои любимыя развлеченія и даже (о восторгъ!) подарилъ мнѣ свое маленькое одноствольное ружьецо.

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Иванъ Михайловичъ и его семейство. Кондиція.

Въ 1838 году, предъ началомъ учебнаго года, въ августѣ, инспекторъ прислалъ за мною сторожа Степана, смѣнившаго покойнаго Парамона, и предложилъ мнѣ на выборъ двѣ кондиціи: одну у знакомаго уже намъ курскаго помѣщика, а другую у ближайшаго къ городу пана Ивана Михайловича. Я, конечно, выбралъ послѣднюю. Баринъ пріѣхалъ въ Новгородокъ пока одинъ, безъ дѣтей. Хотя условливаться на счетъ кондиціи, не видѣвъ своихъ будущихъ учениковъ, было нѣсколько рискованно, но опасаясь вовсе остаться безъ мѣста, я долженъ былъ съ нимъ покончить. Пока еще не началось ученье, я поѣхалъ съ своимъ новымъ патрономъ въ деревню знакомиться съ его семействомъ.

По родственнымъ отношеніямъ къ О. М. Судіенку, Иванъ Михайловичъ примыкалъ когда то къ разряду аристократовъ. Какъ большая часть нашихъ свѣтскихъ людей, получивъ весьма поверхностное образованіе гдѣ то въ шкловскомъ благородномъ пансіонѣ, онъ провелъ молодость въ Петербургѣ, въ аристократическихъ кружкахъ, группировавшихся подлѣ большихъ пановъ: гр. Ильи Андреевича Безбородка, Гудовича, Кочубея и др. Получивъ въ наслѣдство богатое имѣніе въ 600 душъ, Иванъ Михайловичъ не хотѣлъ ни въ чемъ отстать отъ этихъ вельможъ и зажилъ такъ, какъ будто у него было не 600, а 6 тысячъ душъ. Благодаря тѣмъ же родственнымъ связямъ, онъ пользовался обширнымъ креди-

[1]) См. „Кіевская Старина“ №№ 5 и 6, май и іюнь.

томъ и могъ бы очень долго наслаждаться всѣми земными благами и умереть въ своемъ Сенинѣ, не испытавъ никакихъ лишеній, хотя бы долги его превышали вдвое стоимость всего имѣнія, если бы у него не было пагубной страсти къ карточной игрѣ. Она то его и доканала. Въ одно прескверное утро Иванъ Михайловичъ проснулся яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего! Едва онъ поднялся съ постели, какъ лакей доложилъ ему о пріѣздѣ одного изъ ближайшихъ сосѣдей. Не успѣлъ гость спросить хозяина о здоровьѣ, какъ Иванъ Михайловичъ остановилъ его на первой же фразѣ.

— А знаешь ли, любезный другъ, новость? Вѣдь я вчера продалъ свой Сенинъ и какъ выгодно, вообрази: двѣсти тысячъ получилъ!

— Я слышалъ, многоуважаемый Иванъ Михайловичъ, вы меня извините... что вы не продали, а такъ сказать... гость замялся.

— Фи, какой ты, братецъ, чудакъ: развѣ это не все равно, что продалъ? Я пропонтировалъ 200 тыс. и какъ благородный человѣкъ обязанъ былъ выложить деньги, не правда ли? а? Нѣтъ, я нахожу, что имѣніе продано очень выгодно: вѣдь на Сенинѣ слоемъ были долги.

Какъ бы тамъ ни было: проданъ ли Сенинъ или пропонтированъ, а Иванъ Михайловичъ очутился въ критическихъ обстоятельствахъ. Барскій домъ, со всѣми принадлежностями комфорта, перешелъ во владѣніе другаго счастливца. Пришлось опять тереться подлѣ вельможъ и жить на ихъ счетъ. Но баринъ не унывалъ, оставшись такимъ же веселымъ бонмотистомъ, какимъ его знали прежде; такъ же загибалъ углы бубновому тузу и такъ же жестоко продувался, какъ и прежде. Наконецъ, лѣта взяли свое; неугомонная натура умаялась и потребовала отдыха. Осипъ Михайловичъ Судіенко, обладатель Очкина и иныхъ селъ, подарилъ Ивану Михайловичу хуторъ Боровичи съ 25 душами крестьянъ, въ трехъ верстахъ отъ Кривоносовки, принадлежавшей родной сестрѣ его, женщинѣ болѣзненной и при томъ бездѣтной. Дождавшись ея смерти, братецъ завладѣлъ Кривоносовкой, хотя и остался жить въ своемъ хуторѣ, подъ соломенною крышей деревенскаго дома, своеобразной архитектуры, съ разными пристройками и закоулками; въ наслѣдованномъ же послѣ сестры домѣ посадилъ своего первенца Павлушу, въ качествѣ управляющаго. Прежній великосвѣтскій баринъ,

окруженный многочисленнымъ семействомъ, погрязъ въ своемъ излюбленномъ болотѣ, выѣзжая лишь по временамъ въ уѣздный городъ побаловаться картишками. Такъ, и въ послѣдній свой пріѣздъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, помимо пріисканія для дѣтей репетитора и квартиры, онъ разсчитывалъ также и на игру; но къ великому своему огорченію, въ городѣ не нашелъ ни одного изъ своихъ обычныхъ партнеровъ. Когда я пришелъ къ нему на другой день послѣ нашего уговора, Иванъ Михайловичъ былъ не въ духѣ и объявилъ мнѣ, что сейчасъ ѣдетъ домой.

— Этакой поганый городишко—не съ кѣмъ и время провести по людски!—говорилъ онъ съ досадой.

Дѣло въ томъ, что каждый разъ, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, въ то же самое время туда отправлялся цѣлый транспортъ съ разными деревенскими продуктами. Вырученныя отъ продажи деньги полностью вручались барину, который въ тотъ же вечеръ созывалъ гостей и спускалъ въ карты все до чиста, возвращаясь въ хуторъ съ пустымъ бумажникомъ. Въ этотъ пріѣздъ деньги какъ то уцѣлѣли и потому онъ былъ не въ духѣ: такая была ужъ у него натура. Передъ самымъ выѣздомъ изъ города, въ квартиру пришли кредиторы; но баринъ ни одному не заплатилъ ни копѣйки, отдѣлавшись однѣми шуточками.

— Нема, братику, грошей: подожди — отдамъ! говорилъ онъ каждому изъ нихъ, ласково трепля по плечу.

Переправившись черезъ два парома на Деснѣ и Выти, мы по глубокому песку добрались до лѣсу. Не успѣли подъ тѣнью сосенъ проѣхать и версту, какъ на встрѣчу намъ какой то господинъ въ усахъ, въ пестромъ архалукѣ, съ трубкой въ зубахъ и съ болтавшимся на пуговицѣ кисетомъ.

— Ба, ба, ба! Иванъ Михайловичъ! что такъ рано изъ города? забасилъ усатый господинъ: а я спѣшу, думалъ еще застать васъ.

— Самъ, братецъ, виноватъ: отчего вчера не пріѣхалъ?

— Да воротитесь, куда вамъ спѣшить?

Возвратиться въ городъ Иванъ Михайловичъ, однакожъ, не пожелалъ, а сразиться съ пріятелемъ сильно подшибало. Что жъ тутъ дѣлать? Послѣ небольшаго раздумья, баринъ вышелъ изъ коляски, велѣлъ своему лакею Бѣлкѣ разостлать подъ сосною коверъ,

усѣлся на немъ и заложилъ банчикъ. Усатый господинъ былъ въ восторгѣ отъ такой изобрѣтательности Ивана Михайловича и, закуривши трубку, началъ ставить карты да въ какіе нибудь полчаса и забралъ въ карманъ порядочную кучку ассигнацій и серебра, да и поѣхалъ своей дорогой, а мы поѣхали своей.

Проигравъ всѣ свои деньги, баринъ мой какъ будто повеселѣлъ. Всю дорогу разсказывалъ смѣшные анекдоты и напѣвалъ французскіе куплеты. Изрѣдка только, какъ бы вскользь, бросалъ на вѣтеръ нѣсколько ядовитыхъ замѣчаній на счетъ господина въ усахъ, котораго, по его словамъ, все имущество заключалось въ парѣ саврасыхъ лошадей, да въ пѣнковой трубкѣ.

— Я, говоритъ, отдалъ ему свои деньги на бѣдность, все равно что нищему. Для него это деньги, а для кривоносовскаго пана, братецъ ты мой, ces sont de poustiaky! какъ говаривалъ добрѣйшій пріятель мой графъ Илья Андреевичъ Безбородко.

На пути намъ попадались на встрѣчу жалкія лачуги, съ закоптѣлыми отъ дыма крышами и ихъ обитатели крестьяне, съ изнуренными лицами, въ рваной одеждѣ. Проѣхали мы и памятное для меня село Биринъ и самую Кривоносовку. Тутъ Иванъ Михайловичъ, подобно Ноздреву, сталъ показывать мнѣ свои владѣнія, раскинутыя на громадныя пространства, насколько могъ охватить глазъ—съ полями, лѣсами и сѣнокосами.

Попадавшіеся на встрѣчу крестьяне, завидѣвъ издали хорошо знакомую коляску, останавливались, скидали шапки и кланялись въ поясъ. По своей словоохотливости, баринъ ни одного не пропускалъ безъ того, чтобы не предложить какого нибудь вопроса, называя каждаго по именамъ, при чемъ, однакожъ, кучеръ Емельянъ и лакей Бѣлка постоянно поправляли ошибку барина, если онъ называлъ Ивана Сидоромъ, а Петра Лукой. Баринъ, подобно Суворову, любилъ быстрые отвѣты, на что наши малороссы, по своей флегматичности, вовсе не способны и за что помѣщикъ сердился и даже бранился. Но вотъ, наконецъ, и резиденція Ивана Михайловича, хуторъ Боровичи, прелестный уголокъ, со всѣми принадлежностями деревенской природы: съ трехъ сторонъ его огибалъ лѣсъ, а съ четвертой тянулись поля, а тамъ за полями, до самой Десны, зеленѣли луга, сверкали озера. Возлѣ самаго дома, справа, большой

проточный прудъ, съ двумя мельницами. „Рай тай годи!“ сказалъ бы покойный Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Пока на кухнѣ готовился обѣдъ, баринъ началъ знакомить меня съ моими будущими учениками—Андрюшей и Яшей, изъ которыхъ первый, по его словамъ, долженствовалъ сдѣлаться поэтомъ, а второй—пастухомъ, на томъ де основаніи, что одинъ зналъ на память пропасть стихивъ (преимущественно одъ Ломоносова и Державина), а другой—вѣчно возился съ козломъ на скотномъ дворѣ. Третій сынъ Алеша, по мнѣнію папаши, глядѣлъ въ Наполеоны, потому что постоянно дрался, лазилъ по заборамъ и взбирался на самыя высокія деревья.

— А ну, Андрюша, валяй! обратился онъ къ старшему сыну, валяй: „Мастеръ въ живописи первый“!

Тотъ и началъ валять, кивая въ тактъ головою:

Мастелъ въ зивописи пелвый,
Пелвый въ нашей столонѣ и проч.

Родитель, зажмуривъ отъ удовольствія глаза, какъ котъ, у котораго чешутъ за ушами, выбивалъ ногою тактъ по стопамъ.

— А ну, „Фелицу!“ А ну, „на смерть Мещерскаго“ и т. д.

Перебравъ такимъ образомъ весь репертуаръ пьесъ, извѣстныхъ Андрюшѣ, баринъ пустился въ критическія сужденія о поэзіи вообще и о величайшемъ поэтѣ Державинѣ въ особенности, котораго онъ будто бы зналъ лично. Видно было, что его литературные вкусы остались неизмѣнными съ конца XVIII столѣтія. Такою же отсталостію отличались и его взгляды на воспитаніе дѣтей. Литературно-педагогическая бесѣда наша была прервана появленіемъ Бѣлки, возгласившаго торжественно: „кушать подано!“

Войдя въ столовую, я узрѣлъ умилительную картину семейнаго счастія. Богъ благословилъ Ивана Михайловича, за его добродѣтели, многочисленнымъ семействомъ: къ столу явилось штукъ 8 дѣтворы, а сколько осталось въ дѣтской—это для меня было тайной. У суповой чашки сидѣла приземистая, совершенно расплывшаяся отъ жиру дама, въ огромномъ чепцѣ, съ краснымъ лицомъ и зеленоватыми глазами.

— Вотъ тебѣ, Гапочка, учитель Михайло Корнѣевичъ! обратился баринъ къ дамѣ, а мнѣ сказалъ:

— Это, братецъ, моя Агафья Григорьевна!

Въ концѣ стола, посреди мелюзги, помѣстился рыжій Павлуша, мужчина лѣтъ 30-ти, глухой какъ дерево, косноязычный и съ единственнымъ зрячимъ глазомъ. По справкамъ оказалось, что это также сынъ Ивана Михайловича, отъ другой, еще сенинской метрессы. Павлуша, какъ я сказалъ, былъ управляющимъ кривоносовскаго имѣнія, а другой братъ его, говорятъ, весьма умный и красивый юноша, отданъ родителемъ въ солдаты за крутой нравъ и грубость, нанесенную Гапочкѣ, которая, завладѣвъ сердцемъ Ивана Михайловича и вступивъ во всѣ права барской барыни, слишкомъ зазналась и никому не давала спуску. Вся дворня, помня недавнее ея ничтожество, когда она была простой Гапкой, дѣвчонкой въ пестрядинномъ платьишкѣ, никакъ не могла помириться съ мыслію, что эта самая замарашка ни съ того ни съ сего стала всемогущей барыней. И чѣмъ она приглянулась своему помѣщику? За что онъ ее полюбилъ? На этотъ вопросъ едва ли въ состояніи былъ отвѣчать и самъ баринъ. Полюбилась сатана пуще яснаго сокола! говоритъ пословица. Оставшись въ первобытномъ состояніи полнѣйшаго невѣжества, безграмотная и ограниченная, Гапочка не отличалась ни однимъ, сколько-нибудь привлекательнымъ качествомъ, но Иванъ Михайловичъ былъ ею доволенъ—это его дѣло, о вкусахъ не спорятъ. Родной братъ Гапочки, кучеръ Емельянъ, красивый и здоровый парень, съ окладистой бородой, вздумалъ было вразумлять сестрицу обходиться съ людьми почеловѣчнѣе, но попробовавъ на конюшнѣ березовыхъ, махнулъ на все рукой и сталъ пить горькую мочча: ничего молъ съ ней не подѣлаешь, потому—сила.

За столомъ дѣти вели себя отвратительно. Каждая выходка котораго нибудь изъ нихъ сопровождалась замѣчаніемъ то отца, то матери, особенно же отличался будущій Наполеонъ: ему все сходило съ рукъ. Но всѣ эти маленькія шалости были только прелюдіей къ тому вокальному концерту, какой задали они по выходѣ изъ столовой. Отъ непривычки у меня въ ушахъ затрещало. Между тѣмъ родители только ухмылялись отъ удовольствія.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я конца обѣда, чтобы поскорѣе вырваться на вольный воздухъ изъ этого омута: меня тянуло въ лѣсъ, въ поле, къ пруду; но увы! гость—невольникъ, говоритъ пословица.

Найдя во мнѣ смиреннаго слушателя безконечныхъ разсказовъ о своихъ похожденіяхъ по великосвѣтскимъ салонамъ, Иванъ Михайловичъ не отпускалъ меня отъ себя ни на шагъ. Послѣ обѣда онъ потащилъ меня въ кабинетъ, завалился въ вольтеровское кресло и въ ожиданіи кофе началъ новую повѣсть о воздушномъ путешествіи въ 1800 году знаменитаго Гарнэрена, съ которымъ на монгольфьерѣ, какъ извѣстно изъ „Русск. Стар.“, „поднялся до облаковъ генералъ Львовъ—просить боговъ объ отпускѣ долговъ“. Казалось бы, о такомъ хоть бы и чрезвычайномъ событіи нечего и распространяться слишкомъ; но надобно знать особую манеру И. М—ча—длить разсказъ до безконечности. У него, какъ у стараго суворовскаго воина, при воспоминаніи о прошломъ, повторялась въ душѣ вся минувшая жизнь; возобновлялись въ памяти давно забытыя имена, образы, лица, событія.

Ihr bringt mit euch die Bilder froher Tage,—
Und manche liebe Schatten steigen auf. (Göthe.)

Воспроизводя, по ассоціаціи идей, въ разсказѣ своемъ нѣкоторымъ образомъ цѣлую эпопею минувшаго, разскащикъ мой не обладалъ, однакожъ, въ должной степени эпическимъ спокойствіемъ: по временамъ рѣчь его то вдавалась въ лиризмъ, то внезапно принимала драматическую форму—и баринъ изъ эпика становился настоящимъ актеромъ, принимая на себя роли встрѣтившихся въ разсказѣ лицъ, подражая даже ихъ голосу и тѣлодвиженіямъ. Прежде всего онъ обыкновенно излагалъ curriculum vitae каждаго такаго лица, потомъ заставлялъ его говорить и дѣйствовать ео ipso, такъ что чѣмъ больше увлекался мой баринъ разными, занимательными лишь для него одного эпизодами, тѣмъ все дальше и дальше отклонялся отъ главной темы своего разсказа; а потому Гарнэренъ во время вечерняго чаю не только не вернулся изъ своего воздушнаго плаванія, но даже еще не тронулся съ мѣста. Послѣ чаю, для моціона передъ ужиномъ, мы отправились на прогулку черезъ плотину въ лѣсъ. Такъ бы, кажется, и побѣжалъ туда въ темную глубь исполинскихъ сосенъ, растянулся бы на душистой травкѣ или бросился бы подъ мельничное колесо, подставивъ свой хребетъ подъ шумящій каскадъ освѣжительной, ярко-сверкающей при свѣтѣ заходящаго солнца воды... Но гость неволь-

никъ: я долженъ былъ сопровождать тяжеловѣснаго помѣщика и слушать вовсе неинтересные для меня анекдоты о его „добрыхъ пріятеляхъ"—графѣ Б., генералѣ Д., сенаторѣ Г. и т. д. Обращался баринъ съ своимъ домашнимъ учителемъ слишкомъ ужъ безцеремонно, вставляя въ свою рѣчь слова: любезный другъ, братецъ ты мой и другіе ласкательныя выраженія.

„Да ты, братецъ ты мой, подумалъ я, замучишь меня своими глупыми исторіями. Дешево жъ я продалъ свою свободу"...

Не безъ ужаса представлялъ я себѣ жизнь въ одной комнатѣ съ безпокойными мальчуганами, которымъ придется посвятить большую часть своего времени, а оно мнѣ будетъ такъ дорого въ два послѣдніе года гимназическаго курса. Потомъ, вмѣсто того, чтобы послѣ такой каторжной работы отдохнуть въ деревнѣ, я обязанъ буду слушать нескончаемые разсказы стараго болтуна. Нѣтъ, это невозможно. Я постараюсь со временемъ поставить себя въ положеніе болѣе независимое, иначе все погибнетъ за какіе нибудь сто рублей асс. въ годъ.

Сказаніе о путешестіи Гарнерэна такъ и осталось въ тотъ день неоконченнымъ. Когда мы уходили спать, то знаменитый воздухоплаватель только что собирался сѣсть въ лодку. Нѣтъ, думаю себѣ, дудки! Пусть его летитъ, а я—слуга покорный! Вставши съ зарею, я схватилъ ружье и былъ таковъ. Вернулся лишь къ завтраку. Мнѣ сказали, что баринъ уже два раза меня спрашивалъ. Иду въ кабинетъ. Мой помѣщикъ сидитъ надъ аспидной доской и что то пишетъ. Не говоря ни слова, онъ съ какою то таинственностію указалъ мнѣ лѣвой рукой кресло, продолжая писать; потомъ, минутъ черезъ десять, обратился ко мнѣ съ такою рѣчью:

— А знаешь ли, любезный другъ, М. К—чъ, чѣмъ я занимался въ твое отсутствіе? Ты вѣрно думаешь: да чѣмъ же тебѣ заниматься, глупый ты человѣкъ, Ив. М—чъ? Да и къ чему тебѣ, богатому кривопосовскому пану, чѣмъ нибудь дѣльнымъ заниматься? Нѣтъ, мой другъ, думая такъ, ты крѣпко ошибаешься. Ты еще не знаешь Ивана Михайловича. Ты и вообразить не въ состояніи, что бы могло выйти изъ этого самаго Ивана Михайловича, если бы онъ только захотѣлъ этого самъ. Да, вотъ... не больше какъ въ часъ,

сидя на этомъ самомъ стулѣ, я написалъ прелестное стихотвореніе, такъ, шутя, потому что это мнѣ ничего не стоило. Слушай же!

Тутъ онъ выпрямился и, указывая торжественно рукой за окно на пустопорожнее мѣсто, гдѣ ходили тогда индюшки, выбивая ногой тактъ, продекламировалъ такое четверостишіе:

На самомъ мѣстѣ томъ
Хочу построить домъ,
Домъ, невысокій стѣнами,
За то богатый вкусными пирогами.

— А? что? каково? Бѣлка, Бѣлка! позови Андрюшу!

И новый поэтъ безъ зазрѣнія совѣсти началъ хвалиться передъ сыномъ глупыми стихами, оговорившись, что это не болѣе, какъ экспромптъ.

— Слава Богу, подумалъ я, баринъ, кажется, забылъ про Гарнерэна.

— A propos! вскрикнулъ баринъ: вѣдь я тебѣ вчера, братецъ ты мой, не докончилъ своего разсказа, остановившись на самомъ интересномъ мѣстѣ. И пошелъ, и пошелъ!...

Такъ какъ на другой день мы должны были отправиться въ городъ, то знаменитый аэронавтъ поспѣшилъ окончить свое путешествіе за ужиномъ. И генералъ Львовъ „на землю спустился, но съ долгами не расплатился“.

Агафья Григорьевна еще съ вечера отправила въ городъ цѣлый обозъ провизіи съ импровизированнымъ поваромъ Максимомъ, который при покойницѣ кривоносовской барынѣ чистилъ на кухнѣ кострюли. Старшему сыну Андрюшѣ дана подробная инструкція, по скольку чего выдавать на обѣдъ и на ужинъ, да присматривать хорошенько за Максимомъ, чтобы не воровалъ провизіи. Такому распоряженію Гапочки я очень обрадовался, такъ какъ экономическая часть была мнѣ совершенно чужда.

Квартиру намъ наняли у квартальнаго Тимощенка, возлѣ шопы. Осмотрѣвши свое новое жилище, я не совсѣмъ остался имъ доволенъ, потому что мнѣ приходилось жить въ одной комнатѣ съ своими учениками, которыхъ кровати отдѣлялись отъ моей только ширмами. Но увидѣвши въ окно бѣлокурую головку съ румянцемъ во всю щеку, я примирился съ этими неудобствами. Каждый репе-

титоръ, моихъ лѣтъ, готовъ перенесть всевозможныя невыгоды изъ за такого румянца. Головка, мелькнувшая въ окнѣ, принадлежала свояченицѣ квартальнаго Анютѣ, дѣвушкѣ шустрой, жаждавшей любви и поцѣлуевъ. А такъ какъ я тоже до мозга костей проникнутъ былъ романическими поползновеніями, ища въ то время утѣшенія послѣ разлуки съ кузиной, то мы скоро сошлись... въ какомъ то мрачномъ подземельѣ, куда привела меня довѣренная моей Дульцинеи, горничная Дуняша, крѣпостная Кости Ушинскаго. Какъ ни сильно я былъ увлеченъ этой взбалмошной барышней, но не на столько, однакожъ, чтобы совершенно потерять разсудокъ. Я убѣжалъ изъ подземелья, какъ Іосифъ отъ жены Пентефрія, сопровождаемый бѣшенымъ хохотомъ услужливой дуэньи, которой мое цѣломудріе по меньшей мѣрѣ показалось глупостью.

Это ночное приключеніе совершенно охладило мою страсть. Я потерялъ всякое уваженіе къ вѣтренницѣ, служившей еще недавно сюжетомъ для моихъ стихотвореній, въ которыхъ она сравнивалась то съ воздушной нимфой, то съ очаровательной феей. Теперь обнаружилось, что моя богиня не походитъ ни на одно изъ этихъ эфирныхъ созданій; за непомѣрнымъ увлеченіемъ послѣдовало полнѣйшее разочарованіе...

„Мало тебѣ стиховъ и поцѣлуевъ, нахальная полуночница, подумалъ я: такъ ищи себѣ другаго, подъ стать твоимъ инстинктамъ!“—Другой не заставилъ себя долго ждать: онъ явился въ особѣ секретаря дворянской опеки, вовсе не походившаго на цѣломудреннаго Іосифа. „Се вже такый, що не побижыть!“ выразилась о немъ Дуняша.

Такъ кончился мой глупый романъ, и я былъ очень доволенъ, что онъ окончился именно такъ, а не иначе. Благодаря такой скорой развязкѣ, я съ новою энергіей принялся за свои научныя занятія и втеченіе половины осени и цѣлой зимы сдѣлалъ очень много.

Учительскій персоналъ VI класса.

Начну съ важнѣйшаго по своему значенію предмета—съ закона Божія. На мѣсто о. Стефана къ намъ изъ Чернигова прибылъ отецъ Василій, который такъ же неискусно „въ нашемъ вертоградѣ

насаждалъ высокія истины религіи", какъ и его предмѣстникъ, съ тою лишь разницей, что покойника мы очень любили за его доброту и потому мирились съ его педагогической несостоятельностью, а новый нашъ „вертоградарь" сразу поставилъ себя въ отношеніи къ намъ какъ то странно. При томъ же онъ крѣпко зашибалъ хмѣлемъ и всегда являлся въ гимназію какимъ то заспаннымъ и растрепаннымъ. Преподаваніе церковной исторіи у него ограничивалось диктовкой и спрашиваніемъ вызубреннаго нами урока.

— Пишите, господа: „Баязетъ былъ мольніею воинственною", началъ онъ однажды свое священнодѣйствіе.

А Васька Глотовъ, хотя и написалъ уже цѣлую фразу, потѣхи ради, спрашиваетъ:

— Позвольте, батюшка: чѣмъ былъ Баязетъ?

— Мольніей воинственною! кричитъ от. Василій.

— Чѣмъ? спрашиваетъ еще одинъ проказникъ.

— Съ позволенія сказать, Баязетъ былъ такимъ же дуракомъ, какъ нѣкоторые изъ васъ, господа! отрѣзалъ о. протоіерей, разсердившись.

Словесникъ такъ же скверно преподавалъ свой предметъ въ VI классѣ, какъ и въ пятомъ, или лучше сказать, не преподавалъ а лишь задавалъ и спрашивалъ.

Осипъ Акимовичъ такъ же добросовѣстно занимался съ нами переводомъ латинскихъ классиковъ, какъ и прежде, употребляя одинъ урокъ въ недѣлю на изученіе чреватой правилами и примѣрами грамматики Цумпта; скандировалъ съ жаромъ оды Горація и управлялъ хоромъ пѣвчихъ, и въ 50 лѣтъ не переставая пѣть дискантомъ.

Приближеніе математическаго урока каждый разъ наводило на меня страхъ. Я не въ силахъ былъ преодолѣть моей антипатіи къ этому предмету, во все продолженіе гимназическаго курса. Нерасположеніе мое къ цифрамъ, буквамъ и формуламъ выразилось въ посланіи къ Курбацкому.

Главная причина непреодолимаго моего отвращенія къ такому важному предмету, какъ математика, скрывалась, какъ мнѣ кажется, въ худой подготовкѣ, начиная съ низшихъ классовъ, въ безтолковомъ, чисто механическомъ преподаваніи Якова Яковлевича и въ послѣдовавшемъ такъ внезапно преобразованіи гимназіи въ 1833

Библиотека "Руниверс"

году. Въ III классѣ я сталъ слушать алгебру, не зная ариѳметики; затѣмъ отъ великаго оригинала Матвѣя Албертовича, хотя и основательно знавшаго свой предметъ, но рѣшительно безполезнаго для учениковъ, по незнанію русскаго языка,—я перешелъ къ Осипу Григорьевичу Бонче-Осмоловскому, который самъ, если вѣритъ Матвѣю, „а ей Богу ничого не умѣлъ!“ Такого невыгоднаго мнѣнія о своемъ коллегѣ нашъ оригиналъ не только не старался скрыть, а напротивъ высказывалъ его публично. Выходитъ, напр., къ доскѣ пансіонеръ Бонча и начинаетъ отвѣчать урокъ:

— А у кого ты живешь? спрашиваетъ учитель.

— У Осипа Григорьевича, отвѣчаетъ ученикъ.

— Ну, то имѣешь единицу!

— За что жъ, Матвѣй Албертовичъ, единицу? я хорошо знаю урокъ, извольте спрашивать.

— А, ей Богу, ненужно спрашивать, бо ничого не разумѣешь.

— Да отчего же не разумѣю? Мнѣ вчера самъ Осипъ Григорьевичъ передѣлалъ урокъ изъ физики и я знаю его хорошо.

— Ото жъ то, за то само имѣешъ единицу: бо Осипъ Григоровичъ самъ ничого не умѣетъ, а ни физыки, а ни математыки.

— Отчего жъ такъ? пристаетъ ученикъ: это несправедливо.

— А для того, что онъ дурны—очевидно!

Но если мы много теряли отъ того, что нашъ учитель Бонче „не разумѣлъ математики“ и какъ-то случайно попалъ въ преподаватели этого предмета, то ничуть не больше выигрывали мы и отъ того, что „физыкъ“ нашъ считался знатокомъ своего предмета. Вотъ одинъ изъ его уроковъ, списанный съ натуры.

Приходитъ учитель въ классъ, садится послѣ молитвы за столъ, нюхаетъ табакъ, раскрываетъ физику Щеглова (учебнику Баумгартена онъ не слѣдовалъ вовсе) и начинаетъ.

„Введѣніе! параграфъ одинъ! Всэ, что существуетъ въ пространствѣ, а наполняетъ субою оное, называеться вѣществомъ али матеріеею!“

Затѣмъ, оторвавши глаза отъ книги и глядя на учениковъ поверхъ очковъ, учитель приступаетъ къ объясненію прочитаннаго:

„Всэ! а чтѳ жъ то всэ? Всэ, что существуетъ! а гдѣ жъ бно существуетъ? въ пространьствѣ. А что жъ то существуетъ въ про-

страньствѣ? Ото всэ. А наполняеть субою оное. А что жъ то наполняетъ? Ото всэ! А что жъ о́но наполняетъ? Оное, то есть, пространьство. А чѣмъ же о́но наполняеть? субою!"... и такъ далѣе!

При такомъ подробномъ анализѣ даннаго предложенія, мы, конечно, не играли пассивной роли безмолвныхъ слушателей, а слѣдуя сократическому методу, цѣлымъ хоромъ отвѣчали на каждый вопросительный знакъ, стараясь подражать и самому выговору учителя на польскій ладъ, да иногда до того увлекались, что мѣшали заниматься сосѣднему классу. При подобномъ изложеніи своего предмета, Матвѣй нашъ не успѣвалъ пройти и третьей части того, что требовалось программой. Не мѣшаетъ также замѣтить, что въ теченіе двухъ лѣтъ мы не только не видѣли ни одного физическаго опыта, но даже ни одного инструмента, ограничиваясь лишь чертежами. Какъ бы взамѣнъ такого важнаго недостатка при преподаваніи чисто опытной науки, Матвѣй Албертовичъ старался быть до крайности наглядным въ своихъ объясненіяхъ. Въ примѣръ такой наглядности можно привесть лекцію „объ устройствѣ глаза", въ статьѣ о свѣтѣ.

„А ежѐли мы возьмемъ глазъ во́ла, а поставимъ его на столѣ, то онъ ничо́го не увидить. Ото жъ то́ значитъ, что видидъ не глазъ, а кто жъ то видидъ? Ду́ша! Душа сидитъ въ мозгу, а дёрга́етъ вэны а артеріи, которыя прикрѣплены суть до нашего глаза, такимъ то способомъ всѣ предметы, находящіеся передъ нами, даютъ себя видѣть. А изъ того всего слѣду́етъ, что видидъ не глазъ, а кто жъ то видидъ?"

„Ду́ша!" крикнули мы всѣмъ классомъ.

Или вотъ другой обращикъ „наглядности" нашего „физыка".

Въ опроверженіе мнѣнія идеалистовъ, утверждающихъ, что предметы видимаго міра существуютъ потолику, поколику имъ даетъ бытіе наше *я*, что они не больше, какъ призраки—Матвѣй нашъ привелъ такой осязательный примѣръ:

„А ежѐли я возьму палку, а дамъ идеалистѣ десять ударовъ, очевидно, онъ не станетъ утверждать, что палка есть призракъ и не существуетъ какъ только въ его воображеніи."

Остзеецъ Эдуардъ, по прежнему, держалъ классъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Если мы не очень уважали его за нѣкоторыя нравственныя качества—(онъ, какъ охотникъ, былъ страшный лгунъ), то по

крайней мѣрѣ боялись, какъ человѣка смѣлаго и неустрашимаго. Отчаянный игрокъ и деспотъ въ семействѣ, все таки нашъ нѣмецъ былъ недюжинный преподаватель, какими большею частію слывутъ учителя иностранныхъ языковъ. Онъ хорошо зналъ по русски и былъ даже немножко литераторъ: перевелъ на нѣмецкій языкъ повѣсть Марлинскаго „Фрегатъ Надежда“ и напечаталъ въ какомъ то нѣмецкомъ журналѣ. Объ этомъ подвигѣ Эдуардъ протрубилъ всѣмъ уши. Всѣ русскіе нѣмцы, достигшіе въ русской службѣ „степеней извѣстныхъ“ какъ на военномъ, такъ и на гражданскомъ поприщѣ, были, по его словамъ, ему пріятелями. А Тотлебена, когда тотъ былъ мальчикомъ, онъ не однажды сѣкалъ.

На мѣсто бѣжавшаго отъ насъ съ посрамленіемъ француза Тереха, опредѣленъ полячекъ С—вичъ, о которомъ можно сказать развѣ только то, что сказали запорожцы о турскомъ султанѣ: „усёго свита и подсвита блазень, хвастунъ и брехунъ!“ Будучи немногимъ чѣмъ постарше нѣкоторыхъ изъ насъ, онъ иногда пускался съ нами въ такія интимности, по части извѣстныхъ поползновеній, что Герасимъ Ивановичъ счелъ долгомъ вразумить сего непризваннаго педагога, какъ мальчишку. Лишенный такимъ образомъ удовольствія бесѣдовать съ нами въ классѣ, онъ сталъ приглашать насъ на домъ и нѣкоторыхъ изъ своихъ любимцевъ угощалъ не только чаемъ, но и клубникой... С—вичъ жилъ съ матерью, третировавшею его, какъ недоросля. О, продувная бестія была эти полька, у которой, не знаю почему, замѣтенъ былъ жидовскій акцентъ, когда она говорила по русски. Къ счастію, этотъ „блазень“ былъ у насъ недолго. Его смѣнилъ бывшій гувернеръ почетнаго попечителя М-г Denis. Замѣчательно, что этотъ галлъ, проживши въ Россіи около 10 лѣтъ въ русскомъ семействѣ камергера, ни слова не зналъ по русски и явился къ намъ на первый урокъ, какъ будто только что прибылъ изъ Парижа.

Первый урокъ новаго преподавателя прошелъ у насъ очень весело. Мы дружно принялись учить бусурмана по русски, прежде нежели онъ научитъ насъ чему нибудь по французски, при чемъ мы ругали его за непонятливость самыми площадными словами, а онъ только таращилъ глаза и спрашивалъ: Comment, comment? Qu'est ce ça durёn?

Не получивъ отъ насъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, онъ обратился въ сборной учительской къ сослуживцамъ за разъясненіемъ слова дурéнь, и потомъ, прійдя на другой день въ классъ, прямо обратился къ Шабловскому съ азартомъ.

— Ты—дурéнь! Я понимай—ты самъ дурéнь, bête, animal!

Чтобы отвлечь вниманіе француза отъ товарища, кто-то заикнулся о Наполеонѣ.

— Иии... Напóлеонъ бы великій шеловѣкъ! закричалъ Denis, ударяя кулакомъ по столу—и пошелъ расписывать.

Правда, мы не все и поняли изъ того, что онъ намъ торочилъ, но все таки наши познанія во французскомъ языкѣ были не на столько слабы, чтобы не понять, съ какимъ энтузіамомъ относится бывшій барабанщикъ de la grande armée къ своему идолу, къ этому le dieu des bons gens. Наше патріотическое чувство не могло не возмутиться отъ такого обоготворенія врага нашего отчества—корсиканца Бонапарта, о которомъ нѣкоторые изъ насъ знали тогда не больше гимназическаго сторожа Степана, любившаго во хмѣлю пѣть извѣстную солдатскую пѣсню того времени: „За горами за долами Бонапартѣ съ плясунами“ и пр.

— Да что ты тамъ врешь, мусью? отозвался кто то съ задней скамьи, развѣ намъ неизвѣстно, что сдѣлали съ французами русскіе въ 12 году? Дали вамъ, голоштанникамъ, джосу добре!

— Comment? comment? Qu'est ce que ça джосу?

Когда ему растолковали значеніе этого слова, онъ еще болѣе вошелъ въ азартъ:

— А Óстерлицъ? И далъ Напóлеонъ джосу, хе, хе, хе!..

Затѣмъ, когда бонапартисту напомнили про Ватерлó, онъ схватилъ мѣлъ и началъ рисовать на доскѣ планъ ватерлоской битвы, изрекая проклятія на маршала Груши, не поспѣвшаго на выручку героя ста дней.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось взаимное раздраженіе учителя и учениковъ, если бы не поспѣшилъ къ французу на помощь всевѣдущій Герасимъ Ивановичъ, который зачастую не прочь былъ и ухо приложить къ дверямъ, дабы узнать, что дѣлается въ классѣ.

По предмету рисованія въ VI классѣ я продолжалъ „отдѣлывать“ своего козла, начатаго еще въ V классѣ и нарисованнаго

разновременно самимъ Шатою, которому я по временамъ преподносилъ свое художественное произведеніе для поправокъ. Козелъ мой былъ однако же такъ старъ, что началъ даже линять отъ времени и къ концу года совершенно разлѣзся. Какъ ни старался я подклеить его, чтобы продлить существованіе почтеннаго животнаго, но къ величайшему ущербу жанровой живописной школы русской, твореніе мое безвозвратно погибло для потомства.

Въ ряду преподавателей гимназіи былъ одинъ весьма замѣчательный человѣкъ—учитель исторіи Михаилъ Гавриловичъ Ерофѣевъ, который едва ли не болѣе всѣхъ своихъ товарищей, вмѣстѣ взятыхъ, способствовалъ нашему развитію. Уроки исторіи не ограничивались у него, какъ у нашего словесника, однимъ задаваньемъ и спрашиваньемъ; онъ даже вовсе не придерживался казеннаго учебника Кайданова и Смирнова, относясь къ нимъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Зная основательно нѣмецкій языкъ, Михаилъ Гавриловичъ диктовалъ намъ среднюю и новую исторію изъ Геерена, Лудена и др. нѣмецкихъ авторовъ. Записки эти постоянно дополнялись подробнымъ устнымъ изложеніемъ важнѣйшихъ событій. Историкъ нашъ обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова, много читалъ и съ любовію дѣлился съ нами плодами своихъ ученыхъ занятій.

Къ стыду нашего Коконко, Михайло Гавриловичъ прежде его познакомилъ насъ съ Гоголемъ, о которомъ въ то время въ нашей журналистикѣ шли самые разнорѣчивые толки. Закоренѣлые классики, воспитанные на одахъ Ломоносова и Державина, съ пѣной у рта бранили все юное, свѣжее, жизненное, считая такъ называемую „натуральную школу“ профанаціей искусства, отводя ея родоначальнику Гоголю низменное мѣсто въ ряду жалкихъ подражателей Бальзака. Нашъ историкъ настолько обладалъ критическимъ умомъ и здравымъ литературнымъ сужденіемъ, что, прочитавъ „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, чрезвычайно мѣтко оцѣнилъ великій талантъ будущаго творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“.

„Въ этой смѣшной повѣсти, господа, проглядываетъ высокое дарованіе. Это одно изъ первыхъ произведеній молодаго писателя. Судя по началу, отъ него можно ожидать геніальныхъ произведеній“; сказалъ онъ намъ однажды во время урока.

Отъ великаго до смѣшнаго—одинъ шагъ, говорятъ французы. Въ то время, когда М. Г—чъ, поговоривъ о Гоголѣ, приступилъ къ характеристикѣ Густава Адольфа, въ классъ ввалился пьяный Павло́, волоча за собой на веревкѣ огромное березовое полѣно.

— Треба вамъ, панычу, колодку привязать, обратился онъ къ нашему наставнику, и потомъ, ставши на одно колѣно, примостился привязать бревно къ ногѣ учителя.

Съ ужасомъ вскочилъ М. Г—чъ съ каѳедры и сталъ гнать Павла изъ класса, но тотъ не вышелъ до тѣхъ поръ, пока не получилъ двугривеннаго на водку.

Исторія сія случилась съ нашимъ историкомъ на масляной, въ понедѣльникъ—день, въ который, по существующему издревле въ городѣ обычаю, всѣмъ холостякамъ, не успѣвшимъ до заговинъ жениться, привязываютъ колодки, налагая на нихъ какъ бы штрафъ за уклоненіе отъ брачныхъ узъ. Вымороченныя такимъ образомъ деньги тотчасъ же пропиваются въ кругу честной компаніи. Вотъ причина, отчего въ сей „колодочный день“ въ градѣ нашемъ бываетъ веліе піянство и безобразіе.

Директоръ И. Ѳ. Тимковскій и его преемникъ.

Гиперіонъ, въ сравненьи съ симъ сатиромъ.
Шекспиръ.

Позднею осенью 1838 года, въ жизни нашего заведенія совершился переломъ: директоръ нашъ Илья Ѳедоровичъ[1]), докторъ правъ и философіи, уволенъ въ отставку, а на его мѣсто перемѣщенъ изъ Каменца-Подольскаго какой то штабъ-лѣкарь Батаровскій. Сотрудникъ гр. Аракчеева по устройству военныхъ поселеній, первый попечитель кіевскаго учебнаго округа, Егоръ Ѳедоровичъ фонъ Брадке нашелъ, что Тимковскій, при всей своей учености, не можетъ долѣе оставаться на службѣ. Вникая во всѣ тонкости учебнаго дѣла, отъ университета до приходскаго училища, фонъ Брадке, этотъ

[1]) По окончаніи московскаго университета, Тимковскій слушалъ лекціи въ Геттингенѣ, удостоенъ ученой степени доктора и состоялъ членомъ разныхъ ученыхъ обществъ. 6 лѣтъ былъ профессоромъ харьковскаго университета, будучи, сверхъ того, ревизоромъ по округу. Посѣтивъ новгородъ-сѣверскую гимназію, женился на дочери Халанскаго, получивъ въ приданое с. Турановку глухов. уѣзда.

великій человѣкъ на малыя дѣла, любилъ всему дать строгій порядокъ, опредѣленную форму и направленіе. Регламентація его режима заходила далеко за предѣлы умѣренности: онъ старался подвести подъ правила и такія явленія учебной жизни, которыя ни подъ какія правила не укладываются. Очень естественно, что нашъ Илья Ѳедоровичъ, какъ администраторъ, не могъ удовлетворить требованіямъ такого формалиста. Управляя гимназіей большую половину года изъ Турановки, за 40 верстъ отъ города, куда отсылались всѣ полученныя изъ округа бумаги, требовавшія, при „барабанной скоропоспѣшности“ [1]) попечителя и его секретаря Зимовскаго, немедленной отписки, Тимковскій отвѣчалъ на нихъ не скоро (а иногда дѣлалъ на нихъ возраженія), не по формѣ, за что получалъ выговоры и подтвержденія. Но все это мало на него дѣйствовало: относительно бюрократической точности, онъ былъ неисправимъ и до конца своей службы остался вѣренъ самому себѣ, послѣ того, какъ будучи глуховскимъ судьею, въ два года рѣшилъ одно дѣло. Такая небрежность, относительно требованій начальства, выводила попечителя изъ терпѣнія, какъ человѣка аккуратнаго по аракчеевски и мелочнаго до щепетильности. „Форма и буква суть вещи неизбѣжныя, безъ нихъ въ правленіи нѣтъ устойчивости“, говоритъ самъ Брадке въ своихъ автобіографическихъ запискахъ. Понятно, что нашъ достойнѣйшій классикъ не могъ не показаться такому рьяному бюрократу аномаліей въ ряду другихъ директоровъ, ограничивавшихъ свою учебную дѣятельность исключительно одной отпиской.

Главный обвинительный пунктъ, падавшій на нашего директора — пребываніе его въ учебное время въ Турановкѣ, по моему мнѣнію, не столь важенъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Кая польза, братія моя, заведенію отъ того, что иной директоръ, не выѣзжая изъ города, сидитъ въ своей квартирѣ, какъ падишахъ въ халатѣ, и только подписываетъ канцелярскія бумаги, не заглядывая въ классы? Вѣдь были же въ наше время такіе директора, которые посѣщали гимназію еще рѣже Тимковскаго, считаясь въ то же время образцовыми администраторами. Другой, пожалуй, и часто шляется по классамъ, сопровождаемый шумомъ и шарканьемъ учениковъ, но

[1]) Выраженіе это принадлежитъ б. воспитаннику новгородъ-сѣверской гимназіи, племяннику Тимковскаго, ректору кіевск. универ. Максимовичу.

какая отъ того польза? Придетъ, скажетъ нѣсколько ненужныхъ словъ, такъ чтобъ только не молчать, замѣтитъ нѣсколько неостриженныхъ подъ гребенку головъ, разстегнутые крючки или отсутствіе пуговицы и пойдетъ отыскивать инспектора, чтобы дать ему нагоняй за упущеніе по службѣ. Вслѣдъ за директоромъ, въ классъ, какъ ураганъ, врывается инспекторъ; весь красный, какъ буракъ, начинаетъ ругаться и шарпать виновныхъ за нарушеніе формы, а учитель въ это время стоитъ подлѣ доски, какъ автоматъ, и слушаетъ ругань, вовсе не относящуюся ни къ педагогіи вообще, ни къ его уроку въ особенности.

Рѣдкія посѣщенія Ильею Ѳедоровичемъ гимназіи были глубоко плодотворны для учащихся. Его задушевныя, проникнутыя пламенною любовію къ молодому поколѣнію рѣчи—импровизаціи будили вѣру въ достоинство человѣка, вкореняли уваженіе къ наукѣ, къ труду; его выразительное, прочувствованное чтеніе во время говѣнья располагало воспитанниковъ къ молитвѣ. Не говорю уже объ экзаменахъ: тутъ не одни ученики, но и сами преподаватели должны были отдавать отчетъ въ своихъ познаніяхъ. Представляя своихъ питомцевъ къ испытанію, каждый старался пополнить пробѣлы въ собственныхъ знаніяхъ, чтобы удовлетворить высокимъ требованіямъ строгаго цѣнителя и взыскательнаго судіи, вполнѣ компетентнаго въ дѣлѣ науки. Въ ученомъ мірѣ Тимковскій въ свое время пользовался извѣстностію, какъ великій знатокъ римской литературы, какъ филологъ, ораторъ и отчасти поэтъ. Употреблявшійся у насъ тогда, какъ учебное пособіе, „Опытный способъ къ философическому познанію русскаго языка“ считался въ оное время солидно ученымъ сочиненіемъ. Контроль такого начальника заставлялъ каждаго преподавателя быть на сторожѣ, чтобы не дойти до апатіи и непотизма, часто неразлучныхъ съ однообразною учительской профессіей. Конечно, въ семьѣ не безъ урода: и между нашими педагогами были такіе субъекты, которыхъ не пробудила бы къ жизни и послѣдняя труба архангела, но гдѣ и когда ихъ не было?

Въ заключеніе своей апологіи, считаю долгомъ напомнить всѣмъ, кто слѣдилъ за судьбами нашего общественнаго образованія, чѣмъ были наши гимназіи въ 20 и 30 годахъ нынѣшняго столѣтія? Если онѣ были плохи, то все таки новгородъ-сѣверская гимназія, при

Тимковскомъ, считалась лучшею въ округѣ и воспитанники ея славились знаніемъ латыни, считаясь въ то же время самыми развитыми людьми. Харьковскій университетъ, до увольненія Тимковскаго, принималъ нашихъ гимназистовъ безъ испытанія, по аттестаціи директора. Въ фактѣ этомъ я нахожу самое краснорѣчивое опроверженіе издавна вкоренившагося мнѣнія въ извѣстныхъ педагогическихъ кружкахъ о служебной дѣятельности Тимковскаго, дѣятельности, которая развѣ только съ канцелярской точки зрѣнія можетъ показаться безполезною.

Въ одинъ пасмурный день, осенью, по гимназіи пронеслась вѣсть о пріѣздѣ директора. Такъ какъ посѣщенію его всегда предшествовала суета инспектора и возня сторожей съ подтиркою половъ, то настоящій внезапный пріѣздъ Ильи Ѳедоровича не могъ не показаться чѣмъ то чрезвычайнымъ. Герасимъ Ивановичъ какимъ то таинственнымъ голосомъ передалъ намъ приказаніе собраться въ залу. Пока сходились ученики и занимали указанныя мѣста, Илья Ѳедоровичъ стоялъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, подъ портретомъ кн. Репнина. Никогда не видали мы его такимъ мрачнымъ, какъ въ этотъ памятный для насъ день. Воцарилась мертвая тишина. Окинувши все собраніе грустнымъ взглядомъ, директоръ досталъ изъ кармана приготовленную имъ рѣчь (чего онъ прежде никогда не дѣлалъ) и началъ:

„Дѣти! я васъ оставляю. Пишите отцамъ своимъ, что меня уже нѣтъ съ вами!“

Послѣ этихъ словъ, гроза дѣтей инспекторъ, самъ никогда не плакавшій, но заставлявшій плакать другихъ, первый не выдержалъ и зарыдалъ. А какъ плачъ, какъ и смѣхъ, заразителенъ, то многіе изъ учениковъ тоже заплакали. Если бы И. Ѳ—чъ не запасся на сей разъ тетрадкой, то едва ли бы онъ былъ въ состояніи продолжать свою рѣчь отъ сильнаго душевнаго волненія, котораго онъ не въ силахъ былъ преодолѣть, при всей твердости своей воли, по истинѣ катоновской. Къ величайшему прискорбію нашему, рѣчь эта ни у кого, кажется, не сохранилась въ такомъ видѣ, въ какомъ она была произнесена. Передавать же ея содержаніе по памяти я не берусь, боясь уронить ея достоинства [1]).

[1]) Записки И. Ѳ. Тимковскаго помѣщены въ „Москвитянинѣ“ 1851, №№ 9 и 10; 1852, №№ 17, 18 и 20. Послѣднія перепечатаны въ исправл. видѣ въ Р. Архивѣ 1874, кн. 1, стр. 1377.

Онъ кончилъ... а мы все еще стояли, какъ осужденные, выслушавшіе свой смертный приговоръ. Опомнившись, наконецъ, отъ разразившагося надъ нами удара, нѣкоторые изъ насъ начали высказывать вслухъ свое негодованіе и ропотъ на того, кто былъ виновникомъ постигшей катастрофы.

Недѣли двѣ спустя, пріѣхалъ нашъ новый начальникъ, какой то докторъ медицины, должно быть залечивать раны и ампутировать пораженные члены разслабленнаго организма нашей гимназіи. Мы, по привычкѣ, ждали, что вотъ вотъ позовутъ насъ въ залу слушать рѣчь, долженствовавшую, по мнѣнію нѣкоторыхъ остроумцевъ, предохранить насъ на первый разъ отъ простуды и поноса, а тамъ и отъ болѣе серьезныхъ болѣзней. Но ничего подобнаго не дождались.

Прибывши, наконецъ, въ гимназію, нашъ новый директоръ засѣменилъ ножками по классамъ и для перваго дебюта заявилъ, въ VI классѣ, что онъ „постарается вывести тимковщину“, что онъ де ежедневно будетъ посѣщать гимназію, будетъ за нами наблюдать и строго взыскивать за шалости и манкировки. Отрекомендовавшись такимъ манеромъ, онъ вышелъ изъ класса на цыпочкахъ, по обычаю докторовъ, уходящихъ изъ комнаты своихъ пацiентовъ. Докторскій визитъ и предписанный намъ рецептъ, совершенно, въ сущности, здоровымъ юношамъ, больно намъ не понравился, поселивъ въ насъ недовѣріе къ искусству врача—педагога, который „ни сѣла ни пала—дай, баба, сала“—похваляется вывести „тимковщину“.

— Этого мы еще будемъ посмотрѣть! какъ выражался во время оно нашъ косоглазый смотритель—аптекарь, какъ то еще тебѣ удастся вывести.

Проходитъ день, другой, недѣля, мѣсяцъ—не видать нашего директора! Не всѣ даже и присмотрѣлись къ нему хорошенько; хотѣлось бы еще разъ взглянуть на него, каковъ онъ? Иные утверждали, что у него глаза красны, какъ у рака; другіе прибавляли, что это происходитъ отъ знакомства съ бахусомъ... Таинственность и замкнутость его холостой жизни привела насъ къ теоріи догадокъ и предположеній. Сначала утверждали, что онъ якобы день и ночь сидитъ надъ дѣлами, запущенными его предмѣстникомъ. Но какъ бы дѣла канцелярiи запущены ни были, все таки ихъ можно привесть въ порядокъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ; да, наконецъ, есть же въ гим-

назіи дѣла и поважнѣе канцелярскихъ. Хоть бы черезъ окно увидѣть его, но ставни отъ улицы постоянно закрыты.

Настала весна. Сказанія о домашней жизни директора стали принимать характеръ чисто миѳологическій, напомнивъ намъ нѣкоторыя изъ метаморфозъ Овидія, именно тѣ, въ которыхъ изображаются любовныя похожденія олимпійцевъ. Мы узнали доподлинно, что нашъ директоръ построилъ въ саду бесѣдку и тамъ постоянно прохлаждается. Въ этомъ, конечно, нѣтъ ничего предосудительнаго; но не въ бесѣдкѣ дѣло, а въ томъ, что изъ директорскаго сада продѣлана калитка въ инспекторскій, а изъ инспекторскаго въ сосѣдній учительскій, и что директоръ, переодѣтый пастушкомъ, или просто въ халатѣ, изволилъ по ночамъ прогуливаться по садамъ, и не одинъ... Это тоже въ своемъ родѣ метаморфоза, но только не та, которую мы переводили въ прошломъ году съ Ильею Ѳедоровичемъ на экзаменѣ: значитъ, вывелъ таки „тимковщину“, поставилъ на своемъ.

Время близилось къ экзаменамъ. Собравшись вечеромъ у одного изъ товарищей, мы вспоминали счастливые годы директора Тимковскаго и недоумѣвали, что будетъ съ нашими экзаменами при новыхъ порядкахъ. „Тимковщина“ дѣйствительно стала мало по малу выдыхаться, уступая мѣсто иному направленію, которое хотя еще вполнѣ не выяснилось, но уже довольно обозначилось.

Наканунѣ перваго мая инспекторъ объявилъ намъ курьезную новость, что г. директоръ, по обычаю западныхъ школъ, затѣялъ праздновать „маёвку“—штука до того небывалая на лѣвой сторонѣ Днѣпра[1]). На другой день мы собрались въ гимназію безъ книгъ и большой гурьбой повалили въ Полковницкій гай. Воспитанникамъ приготовлено угощеніе, состоявшее изъ булокъ, чаю, апельсинъ и холоднаго жаркаго. Для учителей были въ изобиліи водка, вино и ромео. Намъ захотѣлось тоже отвѣдать содержимаго въ бутылкахъ и потому мы отрядили депутацію къ распорядителю празденства Эдуарду Андреевичу—просить по одной бутылкѣ для двухъ высшихъ классовъ. Распорядитель спросилъ на то разрѣшенія директора, ко-

[1]) За интимныя отношенія къ полякамъ и за потворство ихъ шляхетскимъ притязаніямъ въ юго-западномъ краѣ Батаровскій изъ Каменца переведенъ въ Новгородъ-Сѣверскъ.

торый вмѣсто двухъ велѣлъ отпустить по четыре. Попробовавъ хмѣльной влаги, мы вошли во вкусъ и снарядили отъ себя гонца въ городъ купить вина побольше да позаористѣе, такъ что къ вечеру и мы были такъ же пьяны, какъ и наши наставники, не исключая, разумѣется, и главнаго виновника торжества. Этотъ развеселый праздникъ имѣлъ для насъ такое значеніе, какое имѣли для рабовъ древняго Рима „сатурналіи“, когда каждому рабу вольно было выражать вслухъ свои мысли въ присутствіи господъ, не боясь за то наказанія [1]). Подъ эгидой этого священнаго права, разгоряченные дарами Вакха, мы наговорили въ глаза своимъ наставникамъ довольно горькой правды, но больше всѣхъ досталось директору: пусть молъ знаетъ, что намъ хорошо извѣстна классическая поговорка: in vino—veritas! Несмотря однакожъ на такую продерзость, наши добрые воспитатели не только не разсердились на насъ, а напротивъ, ни съ того, ни съ сего, полѣзли съ нами обниматься и цѣловаться, увѣряя насъ въ своей любви и преданности.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы шумною толпой, съ пѣснями и свистомъ, тронулись въ обратный путь. Директора и нѣкоторыхъ учителей, конечно, для бо́льшаго почета, вели подъ руки. Сограждане наши, отправляясь, по обыкновенію, въ объятія Морфея съ заходомъ солнца, давно уже почивали мертвымъ сномъ, какимъ спятъ вообще всѣ недумающіе люди,—какъ вдругъ по стогнамъ града раздались залихватскія пѣсни входившихъ въ городъ гимназистовъ. Мирнымъ жителямъ спросонку показалось, что въ городъ ихъ вступаютъ солдаты, коихъ шествіе, какъ извѣстно, сопровождается воинственными кликами и трубными звуками; но каково же было ихъ удивленіе, когда, протерши глаза, они увѣрились, что орутъ пѣсни не мужественные сыны Марса, а юные питомцы Аполлона, при участіи самого начальства и всего ученаго сунклита.

— Оце кумедыя! Сёго ще зроду не було! сказалъ одинъ изъ зрителей сторожилъ, Парѳенъ Мулюха, запирая двери и возвращаясь въ свою конуру.

— Горе граду, идѣже князь младъ! пророкъ во всеуслышаніе часовыхъ дѣлъ мастеръ Ѳома Ивановичъ Шотъ, стоя въ одной рубахѣ у открытаго окна своего дома, мимо котораго мы проходили.

---

[1]) Дни, посвященные Сатурну, который, по преданію, царствовалъ въ золотой вѣкъ, когда люди всѣ были равны.

— Это... это ни съ чѣмъ несообразно! выразился сдержанно нашъ умный историкъ Михаилъ Гавриловичъ, сдѣлавъ ему одному свойственную гримасу, въ которой ясно выразилось глубочайшее презрѣніе къ виновнику этого скандала.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что нашъ новый начальникъ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско во мнѣніи всего городскаго общества, не исключая и самихъ учениковъ, у которыхъ онъ, посредствомъ „маёвки“, хотѣлъ заискать популярности. Нѣкоторые легкомысленные юноши—будущіе пролазы—дѣйствительно поддались на эту приманку, но ученики съ серьезнымъ направленіемъ, по случаю учиненнаго дебоша, еще больше стали сожалѣть объ утратѣ незабвеннаго Ильи Ѳедоровича. Но сожалѣнію нашему не было предѣловъ, когда начались экзамены. Относясь къ учебному дѣлу съ одной лишь формальной стороны, нашъ новый директоръ во время испытанія игралъ совершенно пассивную роль, безучастно выслушивая наши отвѣты и ставя въ своемъ спискѣ отмѣтки зря, или сообразуясь съ годичными баллами, не всегда справедливыми. Побывавъ на двухъ-трехъ такихъ экзаменахъ, мы начали высказывать свое мнѣніе о директорѣ, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ лицъ.

— Горячія вы головы, господа! замѣтилъ намъ директорскій письмоводитель Буковскій внушительно, пословица говоритъ: палку поставь— и палки нужно бояться!

— Нѣсть власть, аще не отъ Бога, твердилъ нашъ законоучитель Янчевскій, укрощая строптивыхъ, повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покаряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ.

— Смирись! кричалъ нашъ французъ Denis, водворяя тишину въ классѣ, silence, messieurs, silence!

— Молчать, дубина! честилъ насъ по русски нетерпѣвшій никакихъ противорѣчій словесникъ Коконко.

Эге, подумали мы, значитъ не одинъ письмоводитель, по невѣдѣнію, въ простотѣ сердечной, сотворилъ себѣ кумира въ видѣ палки, но и люди, гордящіеся своимъ образованіемъ въ одинъ голосъ проповѣдуютъ все тотъ же молчалинскій принципъ самоуничиженія, что мы, въ нѣкоторомъ родѣ разумныя существа, не можемъ и не должны „смѣть свое сужденіе имѣть“.

У одного только нашего Албертовича слышалось на урокахъ словцо, котораго очень не жаловали прочіе наши наставники.

— А разсуждай! выкрикивалъ онъ постоянно, при спрашиваньи урока; но и у него это хорошее словцо употреблялось въ самомъ узкомъ значеніи, а именно: когда какой нибудь самозванный иксъ (X), займетъ мѣсто, которое, по всей справедливости, должно принадлежать зету (Z), чего бы, конечно, не случилось, если бы, слѣдуя мудрому совѣту почтеннаго математика, соблюдая условія задачи, мы больше разсуждали, чѣмъ молчали, о чемъ такъ усердно хлопочетъ и чего такъ страшно не любитъ другой намъ педагогъ— преподаватель логики Кизиветтера.

Въ директорство Батаровскаго съ нашимъ уважаемымъ историкомъ Михаиломъ Гавриловичемъ Ерофѣевымъ случилась исторія, которая была бы немыслима въ управленіе гимназіей И. Ѳ. Тимковскимъ.

Въ маленькомъ нашемъ городкѣ поселилась, для воспитанія дѣтей, великая аристократка, какая то промотавшаяся графиня, забившаяся, послѣ за-границы, въ глушь на подножный кормъ. Такъ какъ за приватные уроки учителямъ платить было нечѣмъ, то она подбилась къ директору и при его посредствѣ хотѣла учить дѣтей задаромъ. Батаровскій, дорожа сіятельнымъ знакомствомъ, сталъ вербовать учителей. Всѣ согласились, за исключеніемъ одного Ерофѣева. Изъ за этого между ними возникли большія контры, тянувшіяся вплоть до пріѣзда попечителя на ревизію. Князь Давыдовъ, какъ извѣстно, не стѣсняясь, всѣмъ учителямъ говорилъ „ты.“ Пришелъ онъ на урокъ исторіи и, не слушая отвѣтовъ учениковъ, прямо обратился къ учителю съ выговоромъ, что, по заявленію директора, предметъ его идетъ плохо, что онъ не умѣетъ преподавать, а только грубитъ начальству и что, вслѣдствіе такихъ причинъ, онъ, князь, переведетъ его, Ерофѣева, въ уѣздное училище.

Чего стоило нашему почтенному историку, при его благородномъ самолюбіи, перенесть такое наглое оскорбленіе въ присутствіи учениковъ, привыкшихъ видѣть въ немъ перваго преподавателя гимназіи какъ по учености, такъ и по развитію умственному! Изъ гимназіи князь отправился на обѣдъ къ М. О. Судіенку. За столомъ зашла рѣчь о времяпровожденіи въ такомъ мизерномъ городкѣ, какъ Новгородъ-Сѣверскъ. Каково же было удивленіе его сіятельства, (если только оно, это сіятельство, чему нибудь и когда ни-

будь удивлялось), когда Михаилъ Осиповичъ сказалъ, что единственный въ городѣ человѣкъ, обществу котораго онъ обязанъ многими пріятными вечерами, тотъ самый Ерофѣевъ, котораго онъ, князь, купно съ директоромъ, думаютъ упрятать въ уѣздное училище. Просвѣщенный умъ Судіенка по достоинству оцѣнилъ нашего Герена, какъ мы прозвали своего историка: по его мнѣнію, это былъ человѣкъ, серьезно занимающійся наукой, такъ что мѣсто ему не въ гимназіи, а въ университетѣ.

— Ааа! воскликнулъ князь, такъ вотъ онъ у васъ какой,—ну такъ и у меня будетъ хорошъ.

Воротившись въ квартиру, попечитель нашелъ у себя на столѣ прошеніе Михаила Гавриловича объ отставкѣ. Посылаетъ за нимъ князь и предлагаетъ взять просьбу назадъ: Ерофѣевъ отказался въ довольно рѣзкой формѣ.

— Ваше сіятельство! отвѣтилъ ему Ерофѣевъ, я служть не намѣренъ.

Дѣло кончилось тѣмъ, что Ерофѣева перемѣстили въ немировскую гимназію, куда онъ, кажется, и не ѣздилъ, такъ какъ, по протекціи брата, служившаго въ Петербургѣ въ какомъ то департаментѣ, наставникъ нашъ получилъ мѣсто совѣтника въ курской казенной палатѣ, гдѣ, говорятъ, онъ началъ свою дѣятельность съ того, что сталъ учить палатскихъ чиновниковъ русской грамматикѣ, а кончилъ тѣмъ, что, желая искоренить взяточничество, впалъ въ немилость начальства и хотя не былъ уволенъ отъ службы, благодаря той же поддержкѣ брата, но въ концѣ разстроилъ свое здоровье и долженъ былъ выйти въ отставку.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ его въ 50-тыхъ годахъ страдающимъ сильнымъ разстройствомъ нервовъ и спазмами. Больной питался однимъ бульономъ, не могъ спать, не принявши опіума. Забытый всѣми труженикъ науки доживалъ остатокъ дней своихъ въ виду того заведенія, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Изъ ученыхъ его трудовъ напечатанъ только переводъ „Исторіи среднихъ вѣковъ“ Лудена.

Поѣздка въ деревню. Смерть отца. Иванъ Михайловичъ примиряется съ Богомъ.

Живя постоянно внѣ дома и занятый во все остававшееся отъ уроковъ время то вознею съ бездарными мальчуганами, то собственной работой, я не могъ часто навѣщать родныхъ, бывая дома только по субботамъ. Пользуясь моимъ приходомъ, матушка моя, по старому козацкому звычаю, мыла мнѣ голову, какъ поется въ нашей народной пѣснѣ:

Иды, сынку, до домоньку—
Змыю тоби головоньку!.

Видя гнетущую нужду семейства, я отдавалъ матери послѣднія трудовыя деньги, получаемыя частію отъ Ивана Михайловича, частію отъ учениковъ, приходившихъ ко мнѣ на репетиціи. Эта ничтожная помощь не могла, конечно, удовлетворить всѣмъ домашнимъ потребностямъ; пять душъ семейства, въ числѣ коихъ была слѣпая 80-ти лѣтняя бабушка и двѣ сестры, почти дѣвочки. Отецъ въ послѣднее время сталъ сильно хворать и ровно ничѣмъ не занимался. При такихъ условіяхъ, поѣздка въ деревню на Рождество Христово была неизбѣжна. Хотя зимой, особенно у такого надоѣдливаго барина, какъ Иванъ Михайловичъ, мнѣ предстояла смертная скука, но для сокращенія расходовъ по дому, я долженъ былъ волей-неволей отправиться. При прощаніи съ отцомъ, я въ первый разъ замѣтилъ, что онъ очень плохъ. Первымъ движеніемъ моимъ, послѣ такого печальнаго открытія, была рѣшимость остаться на праздники дома, но батюшка сталъ меня сильно упрашивать не дѣлать этого, увѣривъ меня, что болѣзнь пройдетъ и что опасности никакой не предвидится. Скрѣпя сердце, я поѣхалъ въ Боровичи, куда меня главнымъ образомъ тянулъ сундукъ съ французскими книгами, какими то судьбами уцѣлѣвшій отъ сѣнинскаго погрома, вмѣстѣ съ старинной мебелью. Къ сундуку этому я давно подбирался, пообѣщавъ барину заняться составленіемъ каталога всѣмъ хранившимся тамъ книгамъ. По прибытіи на мѣсто, я безотлагательно приступалъ къ хозяину съ просьбой передать мнѣ ключъ и наконецъ, о радость! щелкнулъ замокъ и передо мною лежала масса запыленныхъ книгъ въ старинныхъ переплетахъ. Скупой рыцарь (у Пушкина) не радовался такъ, открывъ сундукъ съ червонцами, какъ

обрадовался я, увидѣвъ передъ собой нетлѣнныя сокровища человѣческаго ума: то были, большею частію, творенія знаменитыхъ энциклопедистовъ, жрецовъ богини Разума, провозвѣстниковъ свободы, поборниковъ правъ человѣка—творенія, подготовившія великій переворотъ 1789 года... Благодаря самостоятельному труду, я былъ настолько уже силенъ во французскомъ языкѣ, что могъ читать эти книги при небольшомъ пособіи лексикона. Передо мною открылся новый міръ идей и понятій, совершенно непохожій на тотъ тѣсный, удушливый, замкнутый кругозоръ, въ которомъ до того времени коснѣла моя умственная жизнь. Всѣ тѣ основы, на которыхъ построено было, на мѣдные гроши, еще недоконченное зданіе моего образованія, сильно затрещали... Особенно разрушительно повліяли на мой недоразвившійся умъ „Questions sur l'encyclopédie“ Вольтера, изд. 1792 года. Совершавшійся въ моей внутренней жизни переломъ привелъ меня въ состояніе человѣка, волшебною силой перенесеннаго изъ душной комнаты на высокую гору, откуда ему, при блескѣ лѣтняго солнца, открылась безпредѣльная даль. У меня закружилась голова отъ прилива новыхъ мыслей, сомнѣній, противорѣчій, между тѣмъ какъ я и десятой доли не успѣлъ прочесть изъ того, что было отложено мною изъ заповѣднаго сундука. Чтеніе было прервано пріѣздомъ моего родственника: отецъ былъ при смерти. Я поспѣшилъ домой, сколько могъ, и, пріѣхавши вечеромъ, засталъ больнаго при послѣднихъ минутахъ. Во второй разъ въ жизни приходилось мнѣ испытывать потерю близкаго существа; но теперь мнѣ было во сто кратъ тяжеле на душѣ, чѣмъ при смерти столѣтняго дѣда: сознательнѣе и глубже чувствовалъ я, въ виду безпомощной вдовьей жизни моей матери. Все, что вынесла она, отчасти, быть можетъ, по винѣ отца, теперь было забыто. Что было, то прошло и слава Богу! насъ пугало теперь то, что будетъ впереди. Перспектива пяти лѣтъ моего ученія представлялась намъ безконечною.

Никакая философія, никакой стоицизмъ не устоитъ предъ страшнымъ таинствомъ смерти! Ни умирающіе, ни остающіеся въ живыхъ,—несмотря на твердое убѣжденіе въ неизбѣжности ежеминутно повторяющагося явленія смерти, не взирая ни на силу воли, ни даже на вѣру въ загробную жизнь,—не могутъ безъ жгучей душевной боли перенесть этой „вѣчной“ разлуки съ дорогими сердцу существами...

Отца похоронили 31 декабря. Не радостно встрѣтили мы первый день новаго года. Погоревавши еще два—три дня въ кругу родныхъ, я перешелъ на свою квартиру къ квартальному. Дѣти еще не пріѣзжали. Пользуясь досугомъ, я принялся за работу. Некогда было предаваться безплодной печали: „плачемъ мертваго ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь“.

Теперь на мнѣ одномъ, какъ старшемъ въ семействѣ, лежала обязанность поддержать родныхъ и обезпечить ихъ горемычное существованіе. Обдумывая свое положеніе, я прежде всего постановилъ, во что бы то ни стало, достигнуть ближайшей цѣли—окончить гимназію, не задаваясь дальнѣйшими планами: „зане довлѣетъ дневи злоба его“. Не ожидая ни отъ кого никакой помощи, я возложилъ упованіе на свои силы, на свой трудъ.

„Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми“, говоритъ сама мудрость устами Даніила Заточника. Впередъ же, впередъ! 10 января пріѣхалъ съ дѣтьми Иванъ Михайловичъ, въ сопровожденіи пяти подводъ съ мѣшками и шестой—съ жидомъ Мошкой. Дѣло въ томъ, что еврей, поселившись, съ согласія помѣщика, на хуторѣ, началъ систематически спаивать всю его дворню. Лакеи и горничныя стали воровать барское добро и таскать въ шинокъ. Баринъ неоднократно предостерегалъ Мошку не принимать краденыхъ вещей, не давать людямъ водки и гнать ихъ отъ себя; но шинкарь, по своей жидовской натурѣ, не могъ удержаться отъ соблазна легкой наживы и продолжалъ свой промыселъ. Выведенный изъ терпѣнія помѣщикъ расправился съ нимъ самолично, по вольности россійскаго дворянства, не прибѣгая къ суду: взявъ съ собой нѣсколько человѣкъ дворовыхъ, нагрянулъ на шинокъ, перевернулъ вверхъ дномъ всѣ жидовскіе бебехи, забралъ свои вещи, а самого жида заковалъ въ цѣпи и посадилъ въ холодную. Продержавъ Мошку въ заключеніи цѣлую недѣлю, баринъ, отправляясь въ городъ, велѣлъ везти за собой и „поганаго жида“, не снимая съ него цѣпей. Хитрый іудей, повидимому, совершенно покорился своей участи, перенесъ безропотно недѣльный арестъ и во всю дорогу до самаго города не промолвилъ ни слова: только сидѣлъ на саняхъ и бормоталъ молитвы. Но едва подводы въѣхали на базарную площадь, онъ поднялся на саняхъ во весь ростъ и заоралъ благимъ

матомъ: гвултъ! Чуть не со всего города сбѣжались жиды на площадь, схватили Мошку и потащили къ городничему; потомъ цѣлою массой двинулись къ нашей квартирѣ и осадили домъ квартальнаго со всѣхъ сторонъ, произнося непривычныя для дворянскаго уха кривоносовскаго эсквайра ругательства. Только затрещины и зуботычины нашего хозяина и самого городничаго избавили насъ отъ блокады. Шинкарь подалъ жалобу на помѣщика, который съ толпою своихъ крестьянъ разбойнически напалъ на его жилище, разорилъ и разграбилъ все его имущество, перепугалъ до смерти его жену, бывшую въ то время—„на снёсѣ," самого же его, Мошку, заковалъ въ цѣпи, истязалъ побоями, морилъ шесть дней голодомъ и холодомъ и проч.

Уѣздный судья, задобренный щедрою рукой барина, рѣшилъ дѣло въ его пользу. Жидъ подалъ „на апелляцію" въ губернію, но и тамъ Иванъ Михайловичъ успѣлъ подмаслить юстицію и Мошка остался съ носомъ. Неугомонный шинкарь собирался было идти пѣшкомъ въ Петербургъ, „до самого Чара", но о результатахъ этого предпріятія ничего неизвѣстно. Знаю только, что помѣщику это казусное дѣло обошлось до 2 тыс. асс.

Сюрпризъ за сюрпризомъ. Передъ масляной изъ Боровичъ пришла вѣсть, что Иванъ Михайловичъ женился или, точнѣе, повѣнчался съ своею Гапочкой. Въ началѣ медоваго мѣсяца онъ и самъ прикатилъ въ городъ. Вся наша городская интеллигенція кинулась поздравлять новобрачнаго, безъ сомнѣнія, разсчитывая на хорошую выпивку. Но господа эти сильно обманулись въ своихъ разсчетахъ. Иванъ Михайловичъ принялъ ихъ чрезвычайно „сухо", въ буквальномъ значеніи слова, т. е. не далъ имъ и по рюмкѣ водки промочить горло. Гости разошлись, недовольные хозяиномъ, извѣстнымъ хлѣбосоломъ и весельчакомъ. Баринъ остался одинъ.

Я въ это время сидѣлъ за своимъ рабочимъ столикомъ и не шелъ къ нему безъ приглашенія. Но соскучившись, баринъ позвалъ меня къ себѣ и обратился къ Бѣлкѣ съ такимъ распоряженіемъ:

— Бѣлка! поди ты къ Цапеницкому, да спроси у него вина, самаго лучшаго, какое только у него есть въ погребѣ. Да смотри же, такъ и скажи: Иванъ Михайловичъ приказалъ спросить бутылку вина самаго лучшаго, слышишь? такъ и скажи: самаго лучшаго! да смотри, живо!

Вино было принесено. Баринъ налилъ двѣ рюмки и одну предложилъ мнѣ съ такимъ неожиданнымъ предисловіемъ:

— Выпьемъ, любезный другъ мой М.—К—чъ съ тобою! Ты одинъ желаешь мнѣ добра: одинъ ты не поздравилъ меня. Я самъ знаю, что сдѣлалъ величайшую глупость, но зачѣмъ мнѣ объ этомъ напоминать? Они подлецы смѣяться приходили надо мной, а не поздравлять — выпьемъ же, ты одинъ меня не поздравилъ!

Затѣмъ, какъ бы оправдываясь передо мною, или лучше сказать, передъ своею совѣстью, понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Треба жъ було, братику, хоть на старости примириться съ Богомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а неуклюжая, простоватая Ганка преобразилась de jure въ настоящую помѣщицу Агафію Григорьевну. Теперь она еще крѣпче станетъ держать бразды правленія по дому и никому не позволитъ перечить своему ндраву. Самъ Иванъ Михайловичъ долженъ будетъ плясать по ея дудочкѣ и перестанетъ якшаться съ Маевскимъ и прочими картежниками, сдѣлавшись примѣрнымъ семьяниномъ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы родилась дочь, законная наслѣдница кривоносовскаго имѣнія. Восторгу Ивана Михайловича и его супруги не было границъ. Но злая судьба жестоко подшутила надъ счастливой четой: малютка умерла черезъ полгода, между тѣмъ какъ прочія дѣти, рожденныя до брака, всѣ до одного живехоньки. Надобно было видѣть стараго барина у могилы своей дочери: такого безутѣшнаго отчаянія трудно было ожидать отъ человѣка, смотрѣвшаго на жизнь съ точки зрѣнія эпикурейскаго мудреца.

— Прощай, мое сокровище! вопилъ онъ всенародно надъ могилой ребенка, помѣщица ты моя кривоносовская! Наслѣдница ты моя безталанная!

Годичныя наши испытанія, съ грѣхомъ пополамъ, кончились. Настали каникулы, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали мои ученики—Андрюша и Яша, зачеркивая каждый день, ложась спать, по одной цифрѣ на висѣвшей надъ ихъ головою табличкѣ, на которой изображались дни, остававшіеся до роспуска, когда они, заперевъ въ сундукъ противные учебники, поѣдутъ домой мучить козла да объѣдаться жирными яствами.

Счастливое, глупое, невозвратное дѣтство! Жалѣть ли о тебѣ, или благословлять Провидѣніе, что ты такъ скоро проходишь и не возвращаешься къ намъ съ своими ребяческими радостями и печалями? О нѣтъ, лучше не возвращайтесь вы, счастливые, глупые, ребяческіе годы!

Вступивъ съ нѣкотораго времени въ новый періодъ сознательно разумной жизни, я мало по малу сталъ охладѣвать къ своимъ вакаціоннымъ развлеченіямъ. Меня не тянуло уже съ такою неудержимою силой къ ружью и къ удочкѣ, какъ это было еще такъ недавно. Хотя я никогда не покидалъ ни охоты, ни уженья, но сталъ пользоваться ими умѣреннѣе, видя въ нихъ уже не цѣль, а средство, сближающее человѣка съ природой. Во второй разъ я долженъ былъ измѣнить своей любимицѣ, оставивъ добровольно на цѣлый мѣсяцъ завѣтныя мѣста, доставлявшія мнѣ столько счастливыхъ дней въ прежніе годы. Частію финансовыя соображенія, частію большой сундукъ съ французскими книгами заставили меня сразу согласиться на приглашеніе въ деревню, тѣмъ болѣе, что и тамъ можно подышать свѣжимъ воздухомъ полей и луговъ, размять согбенные сидячею жизнію члены, освѣжить умственныя силы здоровымъ и крѣпкимъ сномъ, послѣ купанья подъ мельничнымъ колелесомъ, сномъ, какимъ обыкновенно спятъ молодые люди послѣ дѣятельно проведеннаго дня, частію въ пустыхъ, ничего незначущихъ разговорахъ. При такихъ условіяхъ, даже утомительные до тошноты разсказы барина о генералахъ и сенаторахъ не могли помѣшать мнѣ наслаждаться отдыхомъ. За симъ

Еще одно послѣднее сказанье—
И лѣтопись окончена моя!

Седьмой классъ (1839 — 40 годъ).

„Земля! Земля!“ вскричали измученные долгимъ плаваніемъ спутники великаго Колумба, узрѣвши берегъ новаго свѣта.

„Седьмой классъ!“ подумалъ я вслухъ, идучи домой съ послѣдняго шестикласснаго экзамена подѣлиться своею радостію съ матушкой. Да, продолжалъ я раздумывать, немалое пространство проплылъ и я, блуждая по житейскому морю „безъ кормила и весла“ —

безъ путеводителя, безъ средствъ! Въ продолженіе десяти лѣтъ моего ученія много претерпѣлъ я нужды и лишеній, не разъ сбивался съ истиннаго пути—и вотъ, слава Богу, почти уже у берега. Полный надеждъ и упованій на свои собственныя силы, я сталъ глядѣть впередъ безъ страха.

Испытавъ невыгоды совмѣстнаго помѣщенія съ учениками, я, еще будучи въ деревнѣ, началъ приставать къ Ивану Михайловичу съ просьбою о перемѣнѣ квартиры, чтобы у меня была особенная комната. Въ послѣднемъ классѣ мнѣ предстояло много работы и потому я нуждался въ отдѣльномъ помѣщеніи, а не въ углѣ, какъ было до сихъ поръ. Внявъ моему гласу, помѣщикъ нанялъ намъ квартиру болѣе удобную, подлѣ самой брамы, у Ѳомы Ивановича Шота. Устроившись на новосельѣ, я составилъ себѣ планъ занятій на весь годъ. Нужно было повторить весь гимназическій курсъ, пройденный съ большими пробѣлами и прорѣхами, и приготовить вновь пройденное въ VII классѣ. Правда, въ описываемое время получить аттестатъ было несравненно легче, чѣмъ теперь, когда требованія увеличились противъ прежняго въ три раза, и я, безъ особенныхъ усилій, могъ пріобрѣсть этотъ важный документъ, но мнѣ необходимо было окончить гимназію cum eximia laude, чтобы имѣть болѣе шансовъ на поступленіе въ университетъ казеннокоштнымъ студентомъ, такъ какъ мнѣ, бѣдняку, другаго выхода не было: въ этомъ для меня состоялъ вопросъ жизни и смерти, гамлетовское „быть или не быть?“

Распредѣливъ въ началѣ учебнаго года предметы гимназическаго курса такимъ образомъ, чтобы не упустить изъ виду ничего существеннаго, я, съ чисто нѣмецкою аккуратностію, неуклонно слѣдовалъ составленному плану. Только пріѣзды барина нарушали по временамъ заведенный мною порядокъ, да на первыхъ порахъ немало мѣшалъ мнѣ мой новый хозяинъ Ѳома Ивановичъ. Вольноотпущенникъ Судіенка, часовщикъ по ремеслу, хотя и не весьма искусный, но единственный въ городѣ, хозяинъ мой, по внушительной наружности, скорѣе смахивалъ на помѣщика средней руки, чѣмъ на бывшаго двороваго человѣка. По праздникамъ Ѳома Ивановичъ любилъ почитывать библію, вслѣдствіе чего возъимѣлъ большія претензіи на титулъ просвѣщеннаго человѣка. Будучи принятъ, какъ

гость, у почтеннаго архимандрита Геннадія, часовщикъ позволялъ себѣ вступать въ словопренія съ духовенствомъ, а разъ даже присутствовалъ при богословскомъ диспутѣ съ нѣкіимъ уніатскимъ попомъ, сосланнымъ на эпитемію въ новгородсѣверскій монастырь за то, что не соглашался „возсоединиться“. Если вѣрить Ѳомѣ Ивановичу, то онъ „срѣзалъ уніата“ какимъ то такимъ сильнымъ аргументомъ, что тотъ, по его словамъ „а не пикнулъ“ и тотчасъ возсоединился.

Хозяинъ мой былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, либералъ и вольнодумецъ, до чего онъ дошелъ собственнымъ умомъ, чѣмъ онъ гордился. Во едину отъ субботъ, вечеромъ, онъ по обыкновенію пришелъ ко мнѣ побесѣдовать.

— А я, говоритъ, только что чѣлъ Соломоновы премудрости и между нами будь сказано, не мало удивляюсь, за что его считаютъ великимъ мудрецомъ? Не понимаю, что за мудрость писать такъ, чтобы тебя никто не разумѣлъ?—Потомъ, понизивъ голосъ, конфиденціально прибавилъ: „Какія, доложу вамъ, Соломонъ глупости городитъ—это страхъ!“

Относясь критически ко всему прочитанному, Хома не все, однако жъ, порицалъ. Многое изъ исторіи древней культуры онъ предпочиталъ даже современнымъ изобрѣтеніямъ; такъ, напр., стѣнобитныя орудія, или тараны, употреблявшіеся при взятіи крѣпостей, онъ считалъ болѣе страшными, чѣмъ наша осадная артиллерія: „мы только, говорилъ онъ, не умѣемъ сдѣлать этихъ орудій, какъ слѣдуетъ, да и утверждаемъ, что они не годны“. Однажды хозяинъ выпросилъ у меня сочиненія Гоголя и, возвращая книгу, высказалъ такое рѣшительное сужденіе о нашихъ литераторахъ:

— Всѣ сочинители мошенники. Они только деньги выманиваютъ у нашего брата—простака.

Хома Ивановичъ былъ человѣкъ тучный и потому любитъ прохладу, работая всегда въ одномъ бѣльѣ, въ шлепанцахъ на босу ногу. Въ такомъ костюмѣ онъ выходилъ иногда и за ворота посидѣть на лавочкѣ и побалагурить съ своимъ сосѣдомъ унтеръ-офицеромъ Павлушкой. Любилъ также при случаѣ здорово бить муху, особенно когда случалось ему поѣхать починивать допотопные прадѣдовскіе часы по усадьбамъ ближайшихъ помѣщиковъ. Нашему барину Хома Ивановичъ нравился.

Первое полугодіе прошло быстро, въ усиленныхъ занятіяхъ. Къ концу ноября я подвелъ итоги своимъ работамъ и остался собою доволенъ: сдѣлано было дѣйствительно много. Въ награду за прилежаніе, я позволилъ себѣ льготу на праздникахъ Рождества и съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе новой барыни провесть недѣльку другую въ кругу ея многочисленнаго семейства. Хотя зимой на хуторѣ не предвидѣлось особенныхъ развлеченій, но я о нихъ мало заботился. Меня все еще не переставалъ привлекать къ себѣ сундукъ съ книгами. Чтеніе серьезныхъ книгъ было для меня гораздо занимательнѣе болтовни стараго барина, который, замѣтивъ, что я слушалъ его безъ должной аттенціи, вломился въ амбицію и пересталъ звать меня въ кабинетъ. Такъ прошли всѣ праздники.

Откормивши милыхъ чадъ своихъ и ихъ репетитора разными пундыками и пряженцами, Агафья Григорьевна снарядила насъ въ путь съ цѣлымъ обозомъ провизіи. Кушали въ то время помѣщики знатно, а новоиспеченная помѣщица была большая мастерица заказывать обѣды и ужины доморощенному повару, спеціально подготовленному ею для стряпанья любимыхъ блюдъ Ивана Михайловича. Баринъ кушалъ плотно, хотя за ужинъ никогда не садился, безпрестано повторяя, что въ Петербургѣ никогда не ужинаютъ. Но едва ли онъ каждый вечеръ не съѣдалъ больше нашего, прохаживаясь вокругъ стола и пробуя, въ значительномъ количествѣ, каждаго блюда.

Чѣмъ ближе подходило время окончательныхъ испытаній, тѣмъ тревожнѣе принимались за дѣло мои товарищи. Изъ соревнованія, а можетъ быть и изъ зависти, каждый изъ насъ старался скрыть отъ другаго, что́ онъ уже успѣлъ приготовить, утаивая и уменьшая количество повторенныхъ предметовъ. Одинъ только Миша Горяиновъ, добрая душа, въ этомъ случаѣ говорилъ правду: „Богъ меня вбей— ничего не знаю!“

Замѣтивъ такое предательское настроеніе товарищей, я тоже стушевался и ни гу-гу о томъ, что у меня еще въ апрѣлѣ было все готово. Одной лишь математики, какъ ни бился я надъ нею, никакимъ образомъ не могъ преодолѣть. Я ее никогда не зналъ, да и не имѣлъ къ ней ни малѣйшаго расположенія. Не получивъ твердыхъ основаній въ низшихъ классахъ, я, очевидно, не въ состояніи

былъ понять ни уравненій, ни дограиѳмовъ, ни бинома Ньютонова, а объ аналитикѣ и говорить нечего. Въ этой мудреной штукѣ самъ Бонче ни бельмеса не смыслилъ. Вызубритъ бывало предстоящій къ объясненію урокъ и начнетъ писать на доскѣ формулы. Пишетъ-пишетъ да и станетъ на половинѣ въ тупикъ—ни тпру, ни ну! Стоитъ передъ доскою да знай нанихаетъ табакомъ носъ, съ цѣлію возбудить дѣятельность мозга наркотическимъ порошкомъ. Слеза бывало прошибетъ бѣднаго Бонче, а задача все таки оставалась нерѣшенною до слѣдущаго урока. Спрашивается, какимъ же способомъ, съ плохими началами въ математикѣ, дошолъ я до седьмаго класса? А благодаря великодушной снисходительности того же Бонче. Надобно знать, что сей почтенный педагогъ, будучи обремененъ большимъ семействомъ отъ двухъ женъ, не могъ прожить тогдашнимъ, болѣе чѣмъ скуднымъ, жалованьемъ, стало быть, по необходимости, нужно было искать другихъ источниковъ т. е. содержать пансіонеровъ да заставлять учениковъ брать частные уроки. Изъ-за пансіонеровъ всегда и вездѣ между преподавателями происходили ссоры и дрязги, а изъ за того, чтобы заставить воспитанниковъ брать уроки, безъ зазрѣнія совѣсти, дѣлались прижимки. Вотъ отчего самый безкорыстный изъ извѣстныхъ мнѣ въ пяти гимназіяхъ учителей математики Матвѣй Албертовичъ Доморацкій отъ всей души ненавидѣлъ Осипа Григорóвыча и, стараясь попасть по коню, билъ по оглоблямъ, ставя пансіонерамъ своего коллеги „единицы“.

Не зная моего состоянія, Бонче еще въ V классѣ сталъ было прижимать меня; но я, сразу поняви въ чемъ дѣло, отправился къ нему на домъ и откровенно объяснилъ ему, что съ меня взятки гладки, что онъ окажетъ великую божескую милость, если не будетъ препятствовать моимъ переводамъ, а что я, съ своей стороны, буду зубрить формулы и отвѣчать ему разъ въ мѣсяцъ. Бонче, спасибо ему, внялъ моей просьбѣ и заключилъ со мною конвенцію такого рода: если я буду сидѣть на урокѣ, понуривъ голову—знакъ, что я не готовъ, не спрашивай, молъ, меня! Если же стану весело смотрѣть въ глаза учителю, это означало, что вызубрилъ урокъ и меня смѣло можно вызвать къ доскѣ.

Окончательныя наши испытанія, производимыя безъ всякой торжественности, какою обыкновенно сопровождались они во время не-

забвенной „тимковщины“, прошли съ прибавкой всяческихъ скандаловъ, какихъ не случалось прежде. На экзаменѣ по физикѣ произошелъ такой, напр., курьезъ.

Вызвали Василія Глотова. Взялъ онъ „вопросъ“ о лейденской банкѣ; нарисовалъ чертежъ и сталъ отвѣчать:

„Если мы пронустимъ проволоку внутрь банки“...

— Але не внутрь, а знаружи! прерываетъ его преподаватель, думая, по незнанію русскаго языка, что слово внутрь значитъ снаружи. Ваську хотѣлъ поддержать Бонче́ и сталъ увѣрять Матвѣя Албертовича, что ученикъ выразился правильно, сказавши внутрь.

— А ты почему знаешь? окрысился физикъ.

— Не только знаю, но я самъ опыты производилъ, отвѣчалъ самоувѣренно математикъ.

— А ей Богу, неправда! усумнился физикъ.

— Отчего же неправда? Я развѣ не могу дѣлать опытовъ?

— Очевидно, не можешь, для того, что ты дурны!

— Это еще вопросъ—кто изъ насъ дуракъ: мы своихъ головъ не вѣсили.

— А ей Богу, не нужно вѣшать, бо я знаю, въ твоей головѣ солома!

Видя, что разговоръ началъ принимать совсѣмъ не педагогическій характеръ, директоръ прекратилъ его, а Бонче́, отплевываясь на всѣ четыре стороны, вышелъ изъ класса.

Послѣ Тимковскаго, который, какъ мы видѣли, всегда самъ производилъ испытанія, пробирая и учениковъ, и учителей, при новомъ директорѣ они обратились въ чистѣйшую лотерею. У него положено было правиломъ не предлагать отвѣчающему на взятый билетъ никакихъ постороннихъ вопросовъ; вслѣдствіе такого распоряженія, я, не зная математики, по счастливой случайности, получилъ весьма хорошія отмѣтки, такъ какъ на мою долю выпали самые пустые билеты. Голосъ преподавателя, при большинствѣ другихъ членовъ педагогическаго совѣта, ничего не значилъ. Вообще говоря, успѣхи мои превзошли ожиданія: я получилъ первый аттестатъ, при

чемъ, вмѣсто золотой медали, которою награждаютъ отличныхъ учениковъ въ другихъ гимназіяхъ, мнѣ дали четыре тома Тита Ливія, залежавшагося въ складѣ до того, что его и мыши не захотѣли ѣсть [1]).

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1]) При Тимковскомъ золотыя медали не выдавались, но получаемые окончившими съ успѣхомъ гимназію аттестаты цѣнились воспитанниками дороже золота. Вотъ одинъ изъ такихъ аттестатовъ, выданный П. А. Антоновичу, бывшему попечителю кіевскаго учебнаго округа.

№ 1. Увольнительное свидѣтельство.

Имя: Платонъ Антоновичъ-Войшинъ, малороссійской черниговской губерніи кролевецкаго повѣта, дворянина, коллежскаго протоколиста Александра Антоновича-Войшина сынъ; родился въ городѣ Кролевцѣ ноября 13 дня 1811 года.

Время поступленія гимназіи: выпускаемый, по изученію въ кролевецкомъ повѣтовомъ училищѣ, поступилъ новгородсѣверской гимназіи въ 1-й классъ, августа 1-го дня 1824 года; въ оной находился пять лѣтъ, изъ того 2 года въ четвертомъ классѣ.

Поведеніе. Въ отношеніи къ соучащимся, находясь всегда скромно и степенно, съ добродушіемъ и привѣтливымъ угожденіемъ, пріобрѣлъ общее уваженіе и любовь; *въ отношеніи къ начальству*, при наблюденіи порядка и правилъ съ добростію нрава, никогда не подавалъ повода учителямъ и начальству порицать что либо какъ въ классномъ, домашнемъ и городскомъ его поведеніи, такъ и въ склонностяхъ и употребленіи времени; обыкновенныя учебныя исправленія принималъ съ откровеннымъ и стремительнымъ желаніемъ своего образованія; не было между начальствомъ и имъ иныхъ отношеній, кромѣ чистаго благонравія, сыновней преданности и выразительнаго почтенія со стороны его,—удовольствія, сердечнаго расположенія и надежной попечительности со стороны начальства; сіи качества его соединены были съ убѣжденіемъ въ кротости мнѣній и духѣ благочестія, съ которыми всегда прилѣжалъ къ изученію Закона Божія и Священнаго писанія и въ томъ оказалъ отличные успѣхи. *Примѣчаніе.* Въ прилежаніи всегда видны были особенное постоянство съ пріятными и весьма способными дарованіями, исправное посѣщеніе классовъ съ трудолюбіемъ въ домашнихъ занятіяхъ; привязанность къ достиженію высшихъ знаній съ ревностнымъ исполненіемъ уроковъ, задачъ и ежемѣсячныхъ переводовъ, преложеній, разборовъ и сочиненій, за что во всѣхъ четырехъ классахъ гимназіи получалъ похвальныя свидѣтельства.

Познанія: Выпускаемый въ латинскомъ языкѣ пріобрѣлъ отличную способность чтенія, понятія и изъясненія писателей, прозаиковъ и поэтовъ; въ сочиненіи и выраженіи на семъ языкѣ хотя не имѣлъ опытовъ, но въ переводахъ на оный весьма много достигъ грамматической правильности и нѣсколько даже выбора и чистоты рѣченій; въ началахъ греческаго языка средственные успѣхи; въ географіи и древней исторіи очень хорошіе; въ хронологіи, древностяхъ, новѣйшей всемірной и россійской исторіи хорошіе; по части математики: въ алгебрѣ и геометріи, въ приложеніяхъ алгебры къ геометріи и въ тригонометріи превосходные; въ началахъ высшихъ исчисленій, высшей геометріи и механики очень хорошіе; въ естественной исторіи и физикѣ очень хорошіе; въ нѣмецкомъ языкѣ изрядные; въ французскомъ

языкѣ получилъ свободное понятіе и изъясненіе писателей, хорошій выговоръ и въ выраженіи на ономъ нѣсколько грамматической правильности; знаніе правилъ россійскаго и славянскаго языковъ, логики и риторики превосходные; приложеніи оныхъ, чистота и сила языка и слога въ помѣсячныхъ и экзаменаціонныхъ переводахъ и сочиненіяхъ показываютъ обильное и вѣрное размышленіе о предметѣ и тщательность о возвышеніи сихъ способностей, при томъ въ правилахъ изящества и въ исторіи словесности оказалъ очень хорошіе успѣхи; въ рисованьи, черченіи и почеркѣ чистописанія хорошіе. Всѣми же предметами не по одной обязанности, но съ любомудріемъ и охотою занимался; особенная его наклонность примѣтна къ важности исторіи, правамъ и достоинству слога.

Нынѣ, окончивъ свой курсъ, онъ, Антоновичъ, заслужилъ объявленное при публичныхъ испытаніяхъ имя примѣрнаго ученика гимназіи; почему слѣдуетъ его Антоновича-Войшина, для усовершенствованія въ познаніяхъ, отправить въ Императорскій харьковскій университетъ на казенный счетъ и съ тѣмъ ему сей аттестатъ, перваго номера, о вышеписанномъ, по основаніи Высочайше утвержденнаго устава учебныхъ заведеній § 62 и постановленій начальства, за подписаніемъ директора и учителей гимназіи, съ приложеніемъ гимназической печати данъ 1829 г. іюля 7 дня. Подлинное подписано: Директоръ гимназіи, докторъ правъ и философіи, королевскаго великобританскаго геттингскаго ученаго общества членъ и кавалеръ Илья Тимковскій, законоучитель соборный протоіерей Стефанъ Ленковскій; исторіи, географіи и статистики учитель Петръ Левицкій, учитель латинскаго, греческаго и временно нѣмецкаго языковъ коллежскій совѣтникъ Кириллъ Капля; учитель философіи и россійской словесности Григорій Македонскій; учитель математическихъ наукъ Иванъ Сбитневъ; учитель естественныхъ наукъ и инспекторъ учениковъ Герасимъ Ивановскій; учитель рисованія и черченія Степанъ Кириловъ. Печать красная.

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Моя портретная галлерея.

Одних ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Саади нѣкогда сказалъ.

Внося въ свои „Воспоминанія“ послѣднее сказанье о гимназіи, не могу отказать себѣ въ удовольствіи поговорить на прощанье о неразлучныхъ спутникахъ пройденнаго мною пути. Мнѣ пріятно возобновить въ памяти нѣкогда дорогіе образы товарищей и пожить съ ними мысленно тою задушевною жизнію, какою жилось лѣтъ 45 тому назадъ.

До окончанія гимназическаго курса дотянули весьма немногіе изъ насъ. Восходя, какъ по крутой лѣстницѣ, все выше и выше къ вожделѣнному VII классу, мы съ каждымъ годомъ теряли ихъ десятками, такъ что до конца курса насъ осталось всего лишь 14 человѣкъ.

Константинъ Дмитричъ Ушинскій (1824—1870). Въ 1835 году въ III классъ преобразованной семиклассной гимназіи поступилъ изъ домашняго приготовленія новичокъ, обратившій на себя вниманіе всего класса какъ привлекательною наружностію, такъ и своимъ почти дѣтскимъ возрастомъ: ему было неполныхъ 12 лѣтъ. Это былъ нашъ будущій педагогъ К. Д. Ушинскій, „осушившій дѣтскія слезы, ручьями лившіяся въ первыхъ рутинныхъ школахъ“, котораго „Родное слово“ и „Дѣтскій міръ“ сдѣлались

[1]) См. „Кіевская Старина“ № 7, іюль.

незамѣнимыми учебниками и въ роскошныхъ палатахъ богача-аристократа и въ курной избѣ бѣдняка-крестьянина.

Предоставляя будущему біографу[1]) оцѣнить по достоинству его педагогическіе и ученые труды, я коснусь лишь моихъ личныхъ отношеній къ нему, какъ соученику-товарищу по гимназіи[2]).

Въ годъ поступленія Константина Дмитрича въ гимназію почти половина учениковъ III класса принадлежала, какъ мы видѣли, къ аборигенамъ заведенія, прошедшимъ всѣ мытарства повѣтоваго училища и попавшимъ въ гимназію совершенно случайно, благодаря лишь введенію устава 1828 года. Они представляли своеобразный типъ, сходный отчасти съ тѣмъ, который обрисованъ Помяловскимъ въ „Очеркахъ бурсы“. Изъ подъ розогъ Каменскаго, да изъ подъ палъ Игнатьева иными они и не могли выйти; это были антики во всей первобытной ихъ дикости, съ крайне демократической закваской. Счастливцевъ, подобныхъ К. Д—чу, которые, минуя повѣтовое училище, попадали прямо въ гимназію, между нами было весьма немного: то были дѣти достаточныхъ дворянъ, имѣвшихъ возможность приготовить въ гимназію мальчика посредствомъ домашняго учителя, тогда какъ для бѣдняковъ—плебеевъ хожденіе по мукамъ было неизбѣжно.

На новичка Костю, мальчика женственно-деликатнаго сложенія, всегда чистенько одѣтаго, наши 18—20 лѣтніе „молодцы“, съ перваго же дня его поступленія въ ихъ общество, посмотрѣли косо и стали чинить ему разныя гадости. Дѣйствительно, по своей наружности К. Д—чъ рѣзко отличался отъ взрослыхъ товарищей и выглядѣлъ между ними кровнымъ аристократикомъ, какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ.

Отецъ его, Димитрій Григорьевичъ, воспитанникъ московскаго университетскаго пансіона, принадлежалъ къ одной изъ старинныхъ малороссійскихъ фамилій. Служилъ онъ сперва по гражданскому вѣдомству, потомъ въ 1801 году поступилъ въ формировавшійся тогда дворянскій полкъ, а оттуда въ уфимскій, съ которымъ и

[1]) До сихъ поръ появился въ печати лишь „Краткій біографическій очеркъ“ Фролкова, Спб. 1881 г. съ портретомъ.

[2]) Бѣглыя замѣтки о дѣтствѣ Ушинскаго сообщены мною редакціи „Народной школы“ прежде (см. „Народн. школа“ 1874 г. № 4).

участвовалъ въ отечественной войнѣ 1812 года. По окончаніи военныхъ дѣйствій, онъ вышелъ въ отставку и навсегда поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

По воспитанію, по связямъ и по домашней обстановкѣ Д. Г—чъ былъ значительнымъ лицомъ въ городѣ между проживавшими тогда въ немъ дворянами. Домъ его, на возвышенномъ берегу Десны, въ самомъ концѣ города, подлѣ церкви Покрова, имѣлъ видъ барской усадьбы—съ обширнымъ дворомъ, службами и фруктовымъ садомъ, окаймленнымъ тѣнистыми липами и дубами, изрытымъ переполненными зеленью оврагами; но, несмотря на то, что Д. Г—чъ владѣлъ сотнею десятинъ пахатной земли и 30 крѣпостными, состояніе его было не изъ блестящихъ.

Въ 1835 году онъ овдовѣлъ, а въ 1837-мъ женился во второй разъ въ шостенскомъ пороховомъ заводѣ на сестрѣ генерала Гербеля, послѣ чего кругъ его знакомства еще болѣе расширился. У него часто бывали гости, большею частію военные.

Въ 1840 году Д. Г—чъ былъ избранъ уѣзднымъ судьею и, судя по одному факту, нисколько не походилъ на тогдашнихъ Ляпкиныхъ-Тяпкиныхъ [1]).

При такой обстановкѣ росъ и воспитывался К. Д—чъ. Родился онъ отъ первой жены Д. Г—ча, урожденной Каннистъ. Первыя основы будущаго педагога были положены прочно и серьезно и этимъ онъ, какъ кажется, былъ обязанъ своей матери, о которой онъ всегда вспоминалъ съ чувствомъ самой горячей любви. Хорошо составленная библіотека отца, большею частію находившаяся въ полномъ распоряженіи сына, безъ сомнѣнія, много способствовала развитію въ ребенкѣ съ ранняго возраста любви къ чтенію.

Живя дальше всѣхъ насъ отъ гимназіи, на противоположномъ концѣ города, К. Д—чъ большею частію ходилъ въ классъ пѣшкомъ, такъ какъ улицы нашего городка, по причинѣ гористой мѣстности,

[1]) Въ 1843 году, будучи студентомъ, я имѣлъ дѣло въ судѣ. Надсмотрщикъ крѣпостныхъ дѣлъ Терлецкій, не получая отъ меня прилагательнаго, цѣлую недѣлю кормилъ меня завтраками. Я отправился къ судьѣ съ жалобой. Д. Г—чъ, посадивъ меня на дрожки, привезъ въ судъ и послалъ сторожа за Терлецкимъ, который, по случаю праздника, въ то время ловилъ за рѣкой раковъ. Его привезли пьянаго и судья приказалъ ему выдать документъ, крѣпко намылилъ ему голову.

не во всякое время года удобны для ѣзды, особенно для живущихъ на Заручьѣ. Мальчику ежедневно приходилось прошагать туда и обратно около 6 верстъ; но онъ любилъ этотъ длинный путь, идущій по живописному крутому берегу Десны, черезъ оврагъ, отдѣляющій городъ отъ Покровщины и не разъ плакалъ, если ему почему либо приходилось одну или двѣ ночи провести въ городѣ. „Я бѣжалъ изъ гимназіи домой, писалъ онъ впослѣдствіи: какъ будто меня тамъ ждало нивѣсть какое сокровище“. Такъ какъ я жилъ почти на половинѣ его пути, то, возвращаясь изъ гимназіи домой постоянно вмѣстѣ, мы скоро подружились.

Въ 1835 году 12-лѣтній Костя засталъ меня въ III классѣ, если не самымъ старѣйшимъ аборигеномъ, то все таки цѣлыми тремя годами старше себя. Несмотря, однакожъ, на такое неравенство лѣтъ, К. Д., по своей развитости и по своимъ быстрымъ способностямъ, не уступалъ въ ученіи не только мнѣ, но и тѣмъ, которые были почти вдвое старѣе его.

Примыкая по семилѣтнему пребыванію въ школѣ больше къ великовозрастнымъ, я тоже на первыхъ порахъ косился на Костю, но поддаваясь сближенію съ „панычемъ“, хотя меня сразу очаровалъ этотъ умный и красивый мальчикъ: меня тянуло къ нему, такъ сказать, противъ воли. При всемъ томъ, только тогда, когда я вполнѣ увѣрился, что душевныя его качества не менѣе симпатичны, что онъ, напр., нисколько не гордился своими сословными преимуществами, удостоивая бесѣды моихъ родныхъ и раздѣляя иногда со мной мой простой завтракъ, когда случалось ему уйти изъ дому безъ чаю,—только тогда я съ нимъ сблизился, рискнувъ даже утратить чрезъ то расположеніе старыхъ товарищей, не переставшихъ относиться къ Костѣ съ недоброжелательствомъ за его благовоспитанность, которая мѣшала имъ втянуть новичка въ свою среду и навязать ему нравы и обычаи, усвоенные ими въ „чистилищѣ“. Но такъ какъ я пожертвовалъ ихъ дружбой не изъ какихъ нибудь корыстныхъ видовъ, а чисто по сердечному влеченію, то такая измѣна не имѣла для меня чувствительныхъ послѣдствій, въ родѣ потасовки. Впослѣдствіи, при переходѣ изъ четвертаго въ пятый классъ и далѣе, идя дружно впередъ, мы каждый годъ роняли на

своемъ пути этихъ ватажковъ классныхъ, такъ что не только до 7-го, но и до 5-го класса ни одному изъ нихъ не удалось добраться.

Бесѣды наши съ Костей не всегда ограничивались однѣми школьными дрязгами, мы часто разсказывали другъ другу о своихъ домашнихъ дѣлахъ. Все, что онъ передавалъ мнѣ объ образѣ жизни своихъ родныхъ и знакомыхъ отца, для меня было совершенно ново, тамъ, въ этомъ недоступномъ для меня кругѣ, все было не похоже на бѣдную обстановку той среды, въ которой протекало мое невеселое дѣтство. Равнымъ образомъ все, что я сообщилъ Костѣ о себѣ, въ такой же степени интересовало его. Дружба наша росла съ лѣтами. Несмотря, однакожъ, на такое сближеніе, въ домѣ у него я не бывалъ въ качествѣ гостя: по своей застѣнчивости и неразвязности я боялся туда проникнуть. За то онъ бывалъ у меня очень часто. Я посвятилъ его во всѣ таинства охоты и уженья— удовольствія, до знакомства со мной ему совершенно чуждыя. Катанье на лодкѣ онъ до того полюбилъ, что, оставаясь часто въ гимназіи до начала послѣобѣденныхъ уроковъ вмѣстѣ съ другими, далеко живущими товарищами онъ принималъ дѣятельное участіе въ снаряженіи преинтересной флотиліи на сосѣдней лужѣ, при чемъ доски съ монастырскаго забора служили проказникамъ для устройства плотовъ. Охоты съ ружьемъ К. Д. не взлюбилъ съ перваго же разу, не могши понять удовольствія „убивать бѣдныхъ птичекъ“. Эта черта въ характерѣ К. Д—ча, свидѣтельствующая о чрезвычайной мягкости его натуры, осталась въ немъ до смерти: онъ не позволялъ своимъ дѣтямъ убивать пойманную мышь, заставляя ихъ выпускать ее на волю.

Впрочемъ, главною цѣлію нашихъ частыхъ экскурсій за городъ и за Десну была не охота, или рыбная ловля, „а воля, просторъ, природа, прекрасныя окрестности города, душистые овраги, колыхающіяся поля“. Эти то поэтическія прогулки наши глубоко запечатлѣлись въ памяти будущаго педагога и не разъ вызывали въ душѣ его живѣйшія воспоминанія; имъ онъ придавалъ впослѣдствіи великое воспитательное значеніе.

„Я вынесъ, говоритъ онъ, изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно

соперничать вліянію педагога, что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысль и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ".

Природа и свобода, по его мнѣнію, два великіе фактора въ воспитаніи юноши. „Боже мой! говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ кручахъ, нависшихъ надъ Десною!"

Каждый годъ, съ приближеніемъ экзамена, мой пріятель испытывалъ сильную тревогу. По нѣкоторымъ предметамъ,—какъ напр. по исторіи у М. Г. Ерофѣева, который отъ всей души презиралъ учебникъ Кайданова, диктуя намъ урокъ изъ нѣмецкой книжки и по математикѣ,—мы учились по записямъ, каковыхъ никогда у Кости не водилось, а если и были какіе нибудь клочки, то и тѣ горничныя истребляли на папильотки. Онъ вовсе не способенъ былъ къ усидчивому и кропотливому труду. Дома ему часто мѣшали заниматься гости и домашніе, такъ что, прійдя въ классъ, наскоро бывало пробѣжитъ урокъ, или прослушаетъ какъ другой читаетъ, а придется до дѣла, отвѣчаетъ учителю лучше просидѣвшихъ за книгой до полуночи. Онъ постоянно приставалъ ко мнѣ, чтобы готовиться къ экзаменамъ съ нимъ вмѣстѣ, но я долженъ былъ ему часто въ этой просьбѣ отказывать, а тѣмъ болѣе идти къ нему для того на Покровщину: у меня, кромѣ своихъ собственныхъ занятій, были еще репетиціи съ учениками, доставлявшія мнѣ хлѣбъ насущный; не могъ же я, ради дружбы, оставить дѣтей безъ присмотра.

Въ послѣднихъ двухъ классахъ у насъ какъ то вошло въ моду „заниматься самостоятельно", помимо классныхъ уроковъ, особенно новѣйшими иностранными языками, потому что на нашихъ французовъ и нѣмцевъ тогда, какъ и теперь, полагаться слишкомъ рискованно. Когда мы были въ VI классѣ, К. Д., по его словамъ, спеціально занимался нѣмецкимъ языкомъ. Онъ сталъ приносить въ гимназію нѣмецкихъ авторовъ и какой то нѣмецкій журналъ, получаемый мачихой, и къ удивленію нашему сразу приступилъ

къ чтенію по нѣмецки безъ помощи словаря. Убѣдившись собственнымъ опытомъ, какъ трудно нашему брату достигнуть такого совершенства въ знаніи иностраннаго языка и зная притомъ степень подготовки Ушинскаго, мы, несмотря на то, что у него дома была учительница, настоящая нѣмка, усумнились въ его непомѣрно быстрыхъ успѣхахъ и стали надъ нимъ подтрунивать; нѣкоторые острили, что онъ, желая пустить пыль въ глаза товарищамъ, прежде всего самъ себя надуваетъ, показывая видъ, что понимаетъ что нибудь въ твореніяхъ Шиллера и Гете. Сознавая справедливость такихъ замѣчаній со стороны товарищей, я, по дружески, сталъ говорить Костѣ о его неумѣстной мистификаціи, на что онъ мнѣ тономъ убѣжденія сказалъ, что онъ не только самъ не перестанетъ читать безъ лексикона, но и мнѣ совѣтуетъ дѣлать тоже.

— Да какъ же я стану читать книгу, не зная многихъ словъ? возразилъ я ему.

— Это, говорилъ онъ, ничего, что нѣкоторыя слова останутся тебѣ неизвѣстными—ты читай дальше. Понявши слѣдующую мысль, поймешь и предъидущую.

Мой пріятель и тутъ остался вѣренъ самому себѣ: не привыкши къ усидчивому труду, онъ не любилъ „возиться съ лексиконами“, а пользуясь довольно ограниченнымъ запасомъ словъ и не справляясь съ грамматикой, прямо отъ перевода нѣмецкой христоматіи, съ помощію словаря, перешагнулъ къ чтенію авторовъ.

Получивъ такимъ образомъ возможность читать больше и притомъ лучшихъ иностранныхъ писателей, Ушинскій уже въ эти годы сталъ надъ многимъ задумываться. Постоянное чтеніе, безъ разумнаго руководства, слишкомъ рано и сильно развило въ немъ мечтательность.

Дѣйствительно, на него по временамъ нападала хандра: онъ становился то задумчивымъ, то раздражительнымъ; въ спорахъ не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія. Заложивъ руки въ карманы, ходилъ онъ по классу, бросая по временамъ презрительно-насмѣшливые взгляды на суетившихся передъ уроками товарищей. Такая эксцентричность Кости Ушинскаго тоже была предметомъ остротъ со стороны товарищей, которыхъ не могло не задѣвать такое пренебреженіе къ нимъ. Его дразнили за то „ученѣйшимъ и философомъ“.

Что касается меня лично, то я прощалъ ему все; неровное обращеніе со мною меня не сердило; я терпѣливо переносилъ его сарказмы и важничанье.

Придетъ онъ бывало ко мнѣ и, не поздоровавшись, прямо отправляется въ садъ, ляжетъ подъ яблоней, заложивъ руки подъ голову и устремивъ свои черные блестящіе глаза въ безпредѣльную небесную синеву и остается въ такомъ созерцательномъ положеніи иногда цѣлый часъ, а я сижу себѣ въ комнатѣ и не подхожу къ нему, сдѣлавъ видъ какъ будто вовсе не замѣчаю. Соскучившись одинъ, мой Костя приходилъ ко мнѣ самъ въ комнату и, поигравши со мною въ молчанку, мало по малу разговорится и, какъ ни въ чемъ не бывало, повеселѣетъ. О томъ, что роилось въ горячей головѣ юноши въ такія грустныя минуты, онъ мнѣ ничего не говорилъ, да едва ли и можетъ сказать что нибудь юноша о своихъ неясныхъ, безотчетныхъ грезахъ, когда впервые пробуждается въ немъ мысль и чувство.

Гимназическій курсъ близился къ концу. Если до сихъ поръ моему Костѣ счастливо сходили съ рукъ переводные экзамены, то окончательныя испытанія, когда приходилось отдать отчетъ со всего гимназическаго курса, не могъ не показаться страшнымъ даже такому даровитому ученику, какимъ всѣ считали Ушинскаго. По нѣкоторымъ предметамъ мы стали прилежно готовиться вмѣстѣ—то у меня въ квартирѣ, то у него во флигелѣ или въ саду. Къ сожалѣнію, онъ увидѣлъ всю опасность своего положенія передъ самими экзаменами, когда было уже слишкомъ поздно помочь бѣдѣ: ему не дали аттестата.

Не падая духомъ, Костя сталъ собираться въ Москву держать вступительный экзаменъ въ университетъ.

— Я имъ докажу, говорилъ онъ, при прощаньи со мною, объ учителяхъ, что стóю аттестата больше чѣмъ какой нибудь Лазарь Фесенко или гуляка Шабловскій.

Если, вслѣдствіе постигнувшаго его фіаско, К. Д—чъ вынесъ изъ гимназіи чувство досады и озлобленія на нѣкоторыхъ педагоговъ, то въ душѣ его навсегда осталось глубокое чувство признательности къ обожаемому имъ директору Тимковскому. Спустя много лѣтъ послѣ выхода изъ гимназіи, въ одномъ изъ своихъ писемъ К. Д—чъ, вспоминая о Тимковскомъ, пишетъ слѣдующее:

„Миръ праху твоему почтенный старецъ! Твоимъ нелицемѣрнымъ, продолжавшимся до гроба служеніемъ наукѣ, твоимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ ней и твоею постоянною вѣрою въ другую, гораздо болѣе высшую святыню, ты посѣялъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ такія сѣмена, которыя да поможетъ намъ Богъ передать своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ".

Еще задолго до начала экзаменовъ изъ Харькова, изъ Кіева и изъ Москвы стали приходить восторженныя письма отъ студентовъ сѣверянъ. Каждый выхвалялъ свой университетъ. Но всѣхъ краснорѣчивѣе расписывалъ бѣлокаменную Семенъ Савичъ Глотовъ—студентъ-артистъ, хористъ и аферистъ. Еще будучи гимназистомъ. Савичъ отличался необыкновенною способностію къ пейзажной живописи, срисовавъ à vol d' oiseau весь городъ и славился эффектнымъ произнесеніемъ стиховъ на торжественныхъ актахъ. Поступивъ въ московскій университетъ, онъ сдѣлался отъявленнымъ меломаномъ по театральному искусству и несмѣняемымъ посѣтителемъ райка, произносилъ съ великимъ пафосомъ знаменитые монологи изъ Уголино и Гамлета, стараясь превзойти въ декламаціи самаго Мочалова. Почти половину изъ окончившихъ со мною курсъ онъ склонилъ на свою сторону; другая половина направилась въ Харьковъ; на мою долю остался Кіевъ и то потому, что выборъ для меня былъ немыслимъ.

Надобно знать, что гимназія наша, славившаяся въ достопамятное управленіе ею Тимковскимъ, за два года директорства Баторовскаго, который задался несчастною мыслію „вывести тимковщину", уже успѣла пасть во мнѣніи всѣхъ университетовъ и нашихъ сѣверянъ стали подвергать вступительному экзамену съ большою строгостію, недовѣряя гимназической аттестаціи; но несмотря на то, К. Д—чъ выдержалъ экзаменъ удовлетворительно.

Въ Москвѣ, съ распростертыми объятіями, ждалъ дорогихъ гостей Сеня Глотовъ. Онъ обязательно предложилъ имъ свои услуги по части найма квартиры и убѣдилъ ихъ отдать ему на сохраненіе всѣ привезенныя ими съ собой деньги. Обрадованные такой услужливостію провинціалы ввѣрили ему свои тощіе капиталы. Получивъ деньги, Савичъ изчезъ; пропадалъ гдѣ то цѣлую недѣлю и явился къ своимъ любезнымъ землякамъ безъ гроша. Благодаря этому плуту,

наши сѣверяне, а въ ихъ числѣ и К. Д—чъ, на первыхъ же порахъ испытали большую нужду.

Разставшись съ К. Д. Ушинскимъ въ 1840 году, я совершенно потерялъ его изъ виду и не зналъ, что съ нимъ до тѣхъ поръ, пока имя его не стало извѣстнымъ въ печатномъ мірѣ. Слыша и читая о его педагогической дѣятельности, я радовался его успѣхамъ и по истинѣ гордился такимъ товарищемъ. Зналъ я и о томъ, что онъ женился счастливо и что по временамъ онъ пріѣзжалъ лѣтомъ въ родное имѣніе своей жены въ деревню Богданку (Дорошенковъ хуторъ тожъ), въ 15 верстахъ отъ Новгородсѣверска, за Десной; но мнѣ не приходилось въ то время бывать на родинѣ и я ни разу не видался съ нимъ до самой его смерти.

Подробности случившейся въ его семьѣ катастрофы переданы мнѣ въ слѣдующемъ видѣ. Жена его съ дѣтьми пріѣхала на хуторъ въ началѣ каникулъ. Старшій сынъ Павелъ, вырвавшійся на волю послѣ окончанія военной гимназіи, съ увлеченіемъ предался сельскимъ удовольствіямъ—охотѣ, катанью на лодкѣ и т. п. У него было собственное ружье, заряжавшееся съ казенной части, купленное за границей и револьверъ. Однажды пріѣхали въ Богданку знакомые сверстники дѣтей, и погостивши нѣсколько дней на хуторѣ, всѣ вмѣстѣ отправились на линейкѣ въ м. Воронежъ. Паша навѣсилъ на себя всѣ свои охотничьи принадлежности: сумку, пистонницу, револьверъ и ружье. Подъѣзжая къ Воронежу, онъ соскочилъ зачѣмъ то съ линейки—сумка ударилась объ револьверъ, отчего послѣдовалъ выстрѣлъ, пуля попала въ бокъ, пошла вверхъ и засѣла въ плечѣ. Дали знать несчастной матери, которая и привезла едва живаго сына въ Богданку. Чрезъ нѣсколько часовъ его не стало. На другой день въ полдень его похоронили, а ввечеру пріѣхалъ отецъ. Поздоровавшись съ семействомъ, онъ спросилъ о Пашѣ, ему сказали, что онъ спитъ во флигелѣ, утомившись на охотѣ. На другой день К. Д. всталъ, по обыкновенію, очень рано и вышелъ на балконъ, съ тѣмъ, чтобы идти во флигель, но пути отъ прислуги узналъ о случившемся и упалъ въ обморокъ...

Въ это самое время мнѣ случилось быть на родинѣ. Еще въ городѣ я узналъ, что К. Д. пріѣхалъ въ свою деревню.

Ну, слава Богу! наконецъ то мы увидимся ровно черезъ 30 лѣтъ. Если

для друга, по пословицѣ, семь верстъ не околица, то не заѣхать къ товарищу, когда почтовая дорога проходитъ мимо воротъ его дома было бы непростительно неловко. И что же? Пріѣзжаю на богдановскую станцію и узнаю, что два дня тому назадъ случилась печальная катастрофа.

Хорошо или дурно я поступилъ, но я не имѣлъ духу заѣхать къ старому пріятелю въ *такую* минуту.

Поровнявшись съ домомъ, я велѣлъ ямщику ѣхать шагомъ, видѣлъ своего дорогаго Костю въ бѣлой фуражкѣ быстро шагавшимъ по комнатѣ, понуривъ голову [1])...

Да укрѣпитъ и утѣшитъ тебя Господь! проговорилъ я почти вслухъ, а я плохой утѣшитель страждущихъ... Да и нуждались ли осиротѣвшіе люди въ чьемъ бы то ни было утѣшеніи?...

Потеря любимаго сына неблагопріятно отозвалась какъ на здоровьѣ К. Д—ча, такъ и на его душевномъ состояніи. Онъ умеръ въ томъ же 1870 году въ Одессѣ.

Тѣло его перевезено въ Кіевъ и похоронено въ Выдубицкомъ монастырѣ, подъ огромнымъ каштановымъ деревомъ, на берегу Днѣпра.

Михаилъ Семеновичъ Горяиновъ, двоюродный братъ Г—ва, отставшаго отъ насъ съ VI класса, по болѣзни,—втеченіе почти всего гимназическаго курса, начиная съ 3-го класса, удерживалъ всегда второе мѣсто послѣ своего даровитаго земляка, хотя правду сказать, онъ никогда не считался, въ кругу товарищей, звѣздою первой величины, свѣтя, такъ сказать, не собственнымъ, а заимствованнымъ свѣтомъ.

Чрезвычайно мнительный насчетъ своего здоровья, онъ вѣчно жаловался на боль въ груди, твердя одну и туже пѣсню: „Богъ меня убей, цѣлую ночь не спалъ“.

Добрѣйшая душа, славный товарищъ, любимецъ всего класса, никогда никого не оскорбившій даже словомъ.

Окончивъ харьковскій университетъ по факультету юридическому, онъ служилъ довольно долго въ Рязани въ должности члена окружнаго суда; потомъ переведенъ былъ въ Тулу, гдѣ и умеръ года три тому назадъ.

---

[1]) Домашніе слышали, какъ онъ рыдалъ при этомъ, какъ онъ кричалъ: „Паша! Паша! не можетъ быть“!.. Эти слова онъ не разъ повторялъ и впослѣдствіи.

Левушка Павловскій, репетиторъ инспекторскихъ пансіонеровъ и потому обязанный подавать собой примѣръ благонравія, прилежанія и образцовой аккуратности. Вѣчно остриженный подъ гребенку, по образу и по подобію самого инспектора, который, обходя классы, чтобы не мѣшать преподавателю, часто дѣлалъ замѣчанія одними жестами, напр. если нужно было напомнить ученику, что ему пора остричься, онъ показывалъ только на свою голову, дѣйствительно въ семъ отношеніи образцовую. Левушкѣ дали прозвище „товкачъ“, потому что онъ постоянно товкся, т. е. суетился, а при выдачѣ урока моталъ головой. Онъ былъ мало даровитъ и потому работалъ до одуренія. Хотя по занимаемому имъ положенію въ домѣ инспектора, онъ имѣлъ полную возможность пакостить товарищамъ, но при самомъ тщательномъ изслѣдованіи его дѣйствій, не замѣчено ничего, что бы изобличало въ немъ инспекторскаго наушника. Другой на мѣстѣ Левушки не выдержалъ бы и поддался искушенію, а онъ устоялъ, и за это мы его любили, хотя и не могли удержаться отъ смѣху при его эксцентрическихъ выходкахъ.

Сидитъ онъ бывало обыкновенно на первой скамьѣ, съ краю, какъ струна, готовый ежеминутно вскочить съ мѣста, стремительно, въ одинъ пріемъ, словно подтолкнутый снизу пружиной; вперитъ глаза въ учителя, какъ бы желая вскочить ему въ ротъ и будучи спрошенъ, не говоритъ обыкновенно спокойнымъ тономъ, а кричитъ во всю мочь, мотаясь во всѣ стороны и топчась ногами, то сбиваясь и путаясь, то поправляясь, какъ будто боясь, чтобы не остановили его на половинѣ отвѣта. Отъ такой торопливости и самые отвѣты Левушки выходили не такъ удачны, какъ бы слѣдовало ожидать отъ ученика съ безпримѣрнымъ прилежаніемъ. Онъ вѣчно недоволенъ собой и приходилъ въ отчаяніе отъ своихъ неудачъ.

Разъ, помню, задана была на урокъ первая элегія Овидія. Мы должны были не только сами перевесть ее, но и выучить наизустъ первые 25 стиховъ по скансіи. (У насъ проходилась латинская просодія, какъ отдѣльный предметъ, весьма подробно; это былъ конекъ нашего маэстро вокальной музыки О. А. Самчевскаго).

Спросивши нѣсколько человѣкъ и уткнувшись въ книгу, учитель занялся пріисканіемъ новой элегіи для перевода. Но Левушка, которому, во что бы то ни стало, хотѣлось блеснуть искусствомъ про-

износить латинскіе пентаметры, какъ то больше обыкновеннаго вытягивалъ впередъ шею, смотря на учителя. Настала продолжительная пауза. Вдругъ Лавреченко, превосходно подражавшій голосу каждаго преподавателя, произнесъ фамилію Левушки, а тотъ, какъ сорвавшійся съ цѣпи, вскочилъ и потелъ валять:

Quum subit illius tristissimae nactis imago,
Quae mihi supremum tempus in urbe fuit..

Отъ такой неожиданности Осипъ Акимовичъ вздрогнулъ, а гомерическій смѣхъ всего класса заглушилъ образцовую декламацію одураченнаго Левушки.

Считая себя великимъ математикомъ, Павловскій поступилъ въ харьковскій университетъ на математическій факультетъ, но и тамъ ничѣмъ особеннымъ не заявилъ своей спеціальности. Умеръ онъ давно, еще въ молодыхъ лѣтахъ.

Лучшимъ знатокомъ латыни считался у насъ *Иванъ Дворецкій*, переводившій еще въ VI классѣ á livre ouvert труднѣйшіе и длиннѣйшіе періоды рѣчей Цицерона, за то и его самого прозвали Цицерономъ. Куда дѣвался этотъ даровитый черненькій человѣчекъ, рѣшительно неизвѣстно. А жаль, если судьба забросила его въ неприглядную глушь уѣзднаго городишки, обрекши на служеніе Ѳемидѣ, такой же слѣпорожденной богинѣ, какъ и сама она, эта судьба, раздающая жребіи злополучнымъ смертнымъ зря, безъ разбору...

Замѣчательно, что нашъ маленькій *Cicero*, приводившій въ восторгъ директора Илью Ѳедоровича своими отчетливыми переводами труднѣйшихъ авторовъ, знавшій порядочно новѣйшіе языки, словесность [1]), исторію — изъ рукъ вонъ плохъ былъ по математикѣ, какъ онъ самъ называлъ эту недостижимую для него науку. Онъ не въ состояніи былъ рѣшить самой простой ариѳметической задачи, а объ алгебрѣ и аналитической геометріи и говорить нечего. Только благодаря заступничеству другихъ преподавателей и самого директора, Бенче не препятствовалъ его переходу изъ одного класса въ другой. Такъ онъ и гимназію окончилъ, оставшись круглымъ невѣждой въ „математикѣ“.

[1]) Обладая необыкновенною памятью, онъ зналъ наизусть всего „Евгенія Онѣгина“ Пушкина.

Вася Глотовъ, широкая русская натура, чрезвычайно способный малый, но вспыльчивый до бѣшенства. Артистическихъ талантовъ своего брата Семена онъ не имѣлъ, чувствуя больше призванія къ реальнымъ наукамъ. Василій Глотовъ слылъ у насъ первѣйшимъ физикомъ и Матвѣй Албертовичъ былъ отъ него всегда въ восторгѣ.

Не отвергая въ человѣкѣ наслѣдственныхъ качествъ, я тѣмъ не менѣе допускаю, что раціональное воспитаніе многое можетъ въ молодой душѣ исправить и направить къ лучшему, привить, такъ сказать, привычку дѣлать одно хорошее и удаляться отъ худого.

Тутъ не послѣднюю роль играетъ окружающая мальчика среда-примѣръ старшихъ. Вася, съ самаго ранняго дѣтства, былъ лишенъ такихъ благопріятныхъ условій: вся фамилія Глотовыхъ была заражена наслѣдственнымъ порокомъ пьянства, не исключая и самихъ женщинъ [1]). Изъ роднаго дома онъ на бѣду свою попалъ на квартиру къ гарнизонному капитану Головкевичу, выслужившемуся изъ кантонистовъ бурбону. Капитанша была какъ разъ подъ пару капитану, не уступая ему ни въ чемъ — ни въ невѣжествѣ, ни въ казарменныхъ замашкахъ. За болѣзнію мужа, она часто не хуже его расправлялась фухтелями съ гарнизонною крупой — первѣйшими въ городѣ ворами и пьяницами; а ругалась едва ли даже не лучше своего супруга. Ее, какъ огня, боялось все населеніе „Шопы“: бублейницы и перепечайки, какъ извѣстно, никому неуступающія пальмы первенства въ искусствѣ браниться. Дѣтей у Головкевичей не было.

Спрашивается, какое нравственное вліяніе могла имѣть на своихъ квартирантовъ подобная чета? А между тѣми квартира Головкевичей считалась въ числѣ лучшихъ, каковы же должны были быть худшія?

По части „піитики“ 16-лѣтній Вася не уступалъ записнымъ пропойцамъ, а въ дебоширствѣ во хмѣлю не имѣлъ себѣ равнаго. За образецъ для подраженія, онъ взялъ поэта Полежаева. Поэму его, „Сашка“, прославляющую дебоши московскихъ студентовъ, онъ зналъ наизустъ и при всякомъ удобномъ случаѣ цитировалъ изъ нея куплеты. Товарищи постоянно слѣдили за Васей, предохраняя его отъ уличныхъ скандаловъ. Каждый изъ насъ, узнавши, что Васька

[1]) О родномъ дядѣ его профессорѣ Гриневичѣ будетъ сказано ниже.

закутилъ, обязанъ былъ немедленно дать знать сосѣднимъ товарищамъ, которые должны были спѣшить туда, гдѣ находился буянъ, брали его подъ руки, какъ архіерея, и отводили на квартиру, потомъ, приставивши къ нему надежную стражу, расходились по домамъ. Улизнувши же отъ наблюденія товарищей, онъ непремѣнно натворитъ безобразій и проснется въ карцерѣ.

Благодаря гуманной снисходительности къ человѣческимъ слабостямъ Герасима Ивановича, Глотовъ окончилъ курсъ съ аттестатомъ и отправился въ Москву къ брату Сенѣ, но, сдѣлавшись студентомъ, не только не исправился, но повелъ себя въ столицѣ еще хуже, такъ что ему скоро приказано было оставить университетъ. Въ 1841 году, вмѣстѣ съ братомъ, прибыли они въ Кіевъ, но ихъ въ студенты не приняли, благодаря волчьему билету, выданному имъ изъ московскаго университета. Старшій братъ Семенъ сдѣлался въ концѣ концовъ отъявленнымъ жуликомъ не уступая ни въ чемъ московскимъ. Многіе простяки студенты какъ въ Москвѣ, такъ и въ въ Кіевѣ, дорого поплатились за свою дружбу съ нимъ: у одного онъ выманилъ часы, у другого енотовую шубу, у третьяго и десятаго деньги. Года черезъ два пронесся слухъ, что Васинъ братъ умре, а Вася отправился на родину въ деревню.

Ѳедотичъ К—ко, сынъ вольноотпущенника князей Голицыныхъ, славился необыкновенно изящнымъ почеркомъ, характера былъ необщительнаго и скрытнаго, чему отчасти способствовало его плебейское происхожденіе, которымъ постоянно корилъ его нашъ доморощенный педагогъ Герасимъ Ивановичъ. Отецъ Ѳедотича, по знакомству, помѣстилъ его на квартирѣ у купца Волоха, который за одно съ своею супругой, пилъ безъ просыпу. Находясь въ сообществѣ такой безобразной четы, К—ко пріучился потягивать разныя настойки, да такъ втянулся, что мы, приходя навѣстить мнимо больнаго коллегу, находили у него подъ кроватью бутылки съ водкой. Кое какъ ему удалось кончить гимназію и поступить въ московскій университетъ, а потомъ на службу въ городскую думу, гдѣ, какъ видно, можно было во время оно служить не только не думая, но даже не чувствуя собственной головы на плечахъ.

Первый баритонъ нашего гимназическаго хора *Гриша Шаблювскій*, физически развитой не по лѣтамъ, достигшій уже въ

V классѣ значительной тучности, унаслѣдованной имъ отъ своего родителя, городскаго головы Петра Петровича. Гуляка и дебоширъ, которому прощалось все ради его баса, Гриша былъ однимъ изъ аборигеновъ гимназіи, уцѣлѣвшій отъ чистилища и дошедшій до VII класса, а потому и отличавшійся грубостію первобытнаго человѣка. Окончивъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ юристомъ, онъ, говорятъ, дослужился до степеней извѣстныхъ и благопріобрѣлъ порядочное состояніе.

Другой гуляка изъ нашего выпуска—вѣчный студентъ лицея кн. Безбородка въ Нѣжинѣ, *Егоръ Ш—ко*, сынъ богатой помѣщицы мѣстечка Воронежа, глуховскаго уѣзда. Во время пребыванія своего въ гимназіи, онъ, ради протекціи, постоянно жилъ у наставниковъ, которые, получая отъ матери приличные куши, втеченіе семи лѣтъ, ничему путному его не научили. Ни разу въ жизни своей Ш—ко не выучилъ ни одного урока, былъ большой ходокъ по части всевозможныхъ дебошей, безнаказанно отливалъ пули учителямъ, особенно французу и Шатѣ, велъ безпрерывную прю съ инспекторомъ и не терпѣлъ никакихъ серьезныхъ бесѣдъ. Любитель крѣпкаго словца, онъ не стѣснялся ничьимъ присутствіемъ: даже въ обществѣ мамаши и сестры институтки онъ часто, забывшись, по привычкѣ употреблялъ непечатныя слова. Просидѣвъ два года въ 7 классѣ и не получивъ аттестата, поступилъ въ лицей кн. Безбородка. Въ Нѣжинѣ до сихъ поръ свѣжо преданіе о его похожденіяхъ. Пробывъ болѣе 6 лѣтъ въ лицеѣ и не окончивъ его, Ш—ко поступилъ въ гусары, но и тамъ, кажется, ничего не выслужилъ. Наконецъ, умаявшись, поселился въ наслѣдственномъ домѣ и закутилъ по вольности дворянства...

Микола Русскій, уроженецъ г. Трубчевска, единственный между нами москаль (такъ называютъ въ Малороссіи всякаго захожаго великоросса), былъ предметомъ всегдашнихъ шутокъ и остротъ со стороны товарищей. Несмотря на то, что онъ былъ только одинъ между нами, хохлами, казалось, долженъ бы былъ стушеваться и ассимилироваться, уступивъ кое что изъ своей національности, москаль нашъ остался вѣренъ до конца своему орловскому типу. Обладая значительной физикой и чисторусской отвагой, онъ отвѣчалъ на шутки и поддразниванья потасовкой, употребляя некрасивыя словца изъ своего трубчевскаго жаргона.

Какъ вообще всѣ наши великорусскіе народные богатыри, нашъ Микола интеллектуальными способностями не отличался, какъ будто въ пику латынянамъ, что in corpore sano mens sana., но прилежанія былъ примѣрнаго. Это былъ порядочный зубрило, вѣчно завидовавшій успѣхамъ товарищей и никому не прощавшій первенства.

Особенно часто надоѣдалъ Русскому *Гриша Лаврененко*. Если, напр., принесетъ кто нибудь въ классъ цѣнную вещь и ставетъ хвалиться ею предъ товарищами, то онъ выразительнымъ жестомъ покажетъ, что при москалѣ не слѣдуетъ хвалиться своимъ добромъ, потому, извѣстно „за цыбульку зариже“. А то вдругъ разскажетъ какой нибудь анекдотъ про кацаповъ: „Батя!—Чаго, мой сынъ?—Срѣжь хохла!—Для ча тѣ, мой сынъ?—Посмотрю. какъ онъ будетъ кувыркаться.

Алеша Разночинецъ, юноша съ виду смирный, но приведенный въ ярость, свирѣпый какъ разъяренный буйволъ. А ничѣмъ его нельзя было такъ разсердить, какъ назвавъ разночинцемъ. Онъ часто мстилъ за подобное оскорбленіе, такъ что, еслибъ не вступались товарищи, то простая потасовка могла бы кончиться увѣчьемъ обидчика. Между тѣмъ какъ въ обыкновенномъ нормальномъ состояніи Алешка былъ довольно пріятнымъ собесѣдникомъ. Я часто навѣщалъ его, особенно тогда, когда онъ квартировалъ у воздвиженскаго дьячка—на Джагани. Съ хозяевами онъ жилъ дружно... до первой лишь ссоры или лучше сказать, драки, потому что ссора у нашего разночинца безъ драки была немыслима: послѣдняя вытекала изъ первой, какъ слѣдствіе изъ причины, а обѣ вмѣстѣ и ссора и драка имѣли одну общую, всегдашнюю причину—разночинца.

Интересно было бы знать, какой характеръ выработался изъ этого неукротимаго нрава. Такіе люди чаще другихъ попадаютъ въ такъ называемыя непріятныя исторіи какъ въ частной жизни, такъ и на служебномъ поприщѣ и исчезаютъ потомъ безслѣдно.

И. К. Лазаревичъ поступилъ къ намъ, кажется, въ V классъ изъ какого то петербургскаго корпуса въ 1837 году. Это былъ весьма развитой и благовоспитанный юноша, котораго мы почему то съ перваго же дня своего знакомства съ нимъ, стали величать не по фамиліи, а по имени—отчеству Павломъ Кириловичемъ. Изъ столицы онъ привезъ съ собой, между другими литературными произ-

веденіями, „Ревизора“ Гоголя въ рукописи и мастерски читалъ намъ эту комедію. „Ревизоръ“ былъ для насъ животрепещущей новостью и чтеніе его произвело на насъ сильное впечатлѣніе, на зло современнымъ журнальнымъ зоиламъ и нашимъ доморощеннымъ эстетикамъ. Павелъ Кирилловичъ видѣлъ эту комедію на столичной сценѣ и превосходно подражалъ дикціи актеровъ, сообщая намъ при томъ любопытныя подробности объ устройствѣ театра, о которомъ мы, пробавляясь вертепомъ, не имѣли ни малѣйшаго понятія.

Новый нашъ коллега—натура деликатная и впечатлительная, а слѣдовательно и влюбчивая,—скоро, по прибытіи въ провинцію, воспылалъ непреоборимою страстію къ нѣкоей Катенькѣ Бѣловой, дочери мѣстнаго плутократа. Отецъ ея, бывшій крѣпостной богача Демидова, повѣренный по дѣламъ иностранныхъ конторъ его, прошелъ огонь и воду и мѣдныя трубы и наконецъ, нажившись большой капиталъ, поселился въ Новгородъ-Сѣверскѣ. За долголѣтнюю свою службу онъ получилъ отъ своего патрона позволеніе построить для себя домъ, на его, Демидова, счетъ, какой ему, Бѣлову, будетъ угодно. Вольноотпущенникъ застроилъ почти всю Казацкую улицу и развелъ садъ, въ нѣсколько десятинъ, въ англійскомъ вкусѣ. Поселившись въ самомъ большемъ изъ построенныхъ домовъ, онъ перевезъ туда прежде всего огромной величины желѣзный сундукъ, со многими секретными запорами, привинтилъ его извнутри къ полу, вложилъ туда всѣ свои сокровища и сталъ раздавать деньги за жидовскіе проценты, подъ залогъ недвижимой собственности, своимъ новымъ согражданамъ—и закабалилъ полгорода. Кромѣ Катеньки, у Бѣлова было еще трое дѣтей: старшая дочь, вышедшая замужъ за Бардоша, котораго нашъ нѣмецъ Штранге называлъ въ шутку der kriwische Barder (по причинѣ его хромоты), и два сына, изъ коихъ младшій, горбунчикъ, обладалъ геніальными способностями, развитой не по лѣтамъ. Онъ мнѣ напоминаетъ собой малютку Павла Домби, сына такого же безсердечнаго богача, какимъ былъ и его отецъ. Хилое и слабое тѣло не выдержало непомѣрнаго развитія духовныхъ силъ и маленькій Бѣловъ безвременно сошелъ въ могилу, дошедши только до V класса. Отецъ не то, чтобы страстно любилъ его, но гордился имъ и возлагалъ на него блестящія надежды въ будущемъ и тѣмъ сильнѣе восчувствовалъ свою утрату, что другой

сынъ былъ совершенный идіотъ, а впослѣдствіи пьяница и бродяга, не разъ сидѣвшій въ острогѣ. Смерть младшаго сына подѣйствовала на нашего банкира убійственно: съ горя онъ страшно раснился.

Similis similem gaudet, говоритъ латинская поговорка. Сограждане мои восчувствовали къ богачу тѣмъ вящшее благоговѣніе, чѣмъ болѣе усиливался въ немъ этотъ порокъ. Всѣ стали раболѣпно кланяться желѣзному сундуку и превозносить до небесъ добродѣтели его обладателя.—„Все куплю!—сказало злато".—И года черезъ два Бѣлова выбрали головою. Три дня и три ночи новый голова поилъ своихъ избирателей, подавая имъ примѣръ собственной персоной. Этимъ онъ снискалъ въ городѣ большую популярность. У него постоянно сидѣли гости—охотники до хорошей закуски и добраго вина. Шли къ нему въ домъ, какъ въ гостинницу. Угощая такимъ образомъ не только пролетаріевъ-чиновниковъ, но почти всю городскую интеллигенцію, не исключая и нашихъ педагоговъ, хозяинъ относился къ своимъ гостямъ невѣжливо и былъ съ ними на распашку, мстя имъ за выпитое вино грубостями и даже бранью. Жена его была безличное существо и уже давно числилась въ отставкѣ, передавъ свои супружескія обязанности другимъ.

Къ такому то семейству принадлежалъ идеалъ нашего поэта Павла Кирилловича. Катенька, дѣвица невысокаго росту, живая, бойкая и далеко не красавица, впрочемъ неглупая, хотя и съ весьма поверхностнымъ воспитаніемъ. Къ этимъ невысокой пробы качествамъ развѣ можно прибавить еще одно, которымъ она обладала въ совершенствѣ—это кокетство. Увлекши юношу-гимназиста, она, конечно, не видѣла въ немъ подходящей партіи, но ухватилась за него обѣими руками потому, что онъ въ своихъ стихотвореніяхъ сравнивалъ ея красоту со всевозможными божествами греческой миѳологіи, тѣмъ болѣе, что это нисколько не мѣшало ей кокетничать съ офицерами дивизіоннаго штаба, квартировавшаго въ одномъ изъ домовъ ея родителя.

Жестокая Катенька! ты не оцѣнила по достоинству божественнаго пламени любви, охватившаго душу Павла Кирилловича; ты равнодушно принимала отъ него эти милые акростихи, вмѣстѣ съ бонбоньерками; ты подсмѣивалась изподтишка надъ тремя звѣздочками, свѣтившими яркимъ свѣтомъ въ заглавіи любовныхъ посла-

ній, которыя лились неудержимымъ потокомъ изъ подъ пера непонятаго тобой пѣвца. И, быть можетъ, не разъ (какое низкое коварство!) твое бездушное кокетство доводило тебя до святотатственнаго поруганія и преступнаго глумленія, въ обществѣ дивизіоннаго адъютанта, надъ этимъ вдохновеннымъ лепетомъ сердца, которое билось такъ долго, такъ мучительно, тобой, одной тобой!...

Бѣдный пѣвецъ! Сколько онъ исписалъ бумаги и потратилъ золотаго времени, воспѣвая твои русыя кудри и твои изъзелена-голубые глаза, и твои розовыя губки, и даже ямочки на щекахъ! И во время уроковъ въ классѣ, среди шумнаго общества товарищей, и дома въ ночной тиши—онъ неустанно бряцалъ на своей лирѣ, не подозрѣвая того, что ты готовишь ему сюрпризъ—свадьбу съ отставнымъ маіоромъ. Бѣдный пѣвецъ!

Однажды ночью прибѣгаетъ ко мнѣ человѣкъ съ запиской отъ П. К—ча. „Спѣши ко мнѣ, писалъ онъ, а не то, застрѣлюсь“. Прихожу, а мой поэтъ ревмя реветъ. Все, говоритъ, кончено: она измѣнила! Я не переживу этого удара. — Ces sont des poustiaki! любезный другъ, утѣшалъ я его словами Ивана Михайловича: плюнь ты, братецъ, на это на все! А если жаль тебѣ твоихъ незрѣлыхъ твореній, то пошли къ ней Гришу и потребуй ихъ назадъ: онѣ пригодятся тебѣ еще не разъ въ жизни. Да и очень кстати: тамъ у тебя такіе стихи, что ко всякой женщинѣ придутся—къ NN, къ *** и т. п. А если ты, мой милый поэтъ, бросишь въ огонь всю эту (извини меня) романтическую чепуху, то еще лучше сдѣлаешь: влюбишься въ другую, еще больше, еще лучше напишешь. Чѣмъ тебѣ стрѣляться, не лучше ли послать къ Цапеницкому за бутылочкой французскаго: благо завтра воскресенье—можно и покалякать, хоть до свѣту“.

За бутылкой мой поэтъ повеселѣлъ и сознался, что пистолетъ не заряженъ вовсе, по очень простой причинѣ—пороху не было.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого вечера Павелъ Кирилловичъ лихо отплясывалъ на свадебномъ балѣ своего низверженнаго кумира, не уступая ни въ вальсѣ, ни въ мазуркѣ даже дивизіонному адъютанту Церпицкому, знаменитому танцору и сердцеѣду.

Спустя ни больше, ни меньше, какъ 35 лѣтъ послѣ описаннаго мною романа, на кіево-курской желѣзной дорогѣ мнѣ случилось си-

дѣть въ вагонѣ II класса съ одной беззубой, но чрезвычайно живой и вертлявой старушкой. Поразговорившись съ нею я, къ величайшему моему удивленію, узналъ въ ней—

Предметъ и мыслей и пера
Et caetera, et caetera—

Катеньку Бѣлову. Пожуировавши на своемъ вѣку вволюшку при жизни стараго маіора, выдавъ дочь замужъ за студента и женивши сына студента на гимназисткѣ, она сама женила на себѣ 25-лѣтняго чиновника, отписавъ ему все свое имущество, ко вреду собственныхъ дѣтей, у которыхъ тоже есть дѣти. Вотъ къ чему сводятся, вотъ на что переводятся идеалы нашей неразумной юности!...

Для ознакомленія читателя съ особенностями піитическаго дарованія Павла Кирилловича, я бы могъ привесть нѣсколько стихотвореній; но онѣ всѣ такъ похожи одно на другое, такъ безцвѣтны, что едва ли кого нибудь могли бы заинтересовать. Тутъ есть все, чѣмъ отличались мелкія лирическія стихотворенія тогдашняго времени, надъ которыми истощалъ свое остроуміе баронъ Брамбеусъ: тутъ и дѣва, и луна, и мечта... Теперь такихъ стихотвореній не пишутъ.

Изъ напечатанныхъ стиховъ нашего лирика мнѣ извѣстно лишь одно „Марій на развалинахъ Карѳагена“. Оно начинается такъ:

Кто тамъ, на развалинахъ пышнаго града,
Главою поникши, въ раздумьи сидитъ?
Лицо его мрачно и съ перваго взгляда
Слезу состраданья въ душѣ пробудитъ...

Моя „портретная галлерея“ была бы не полна, если бы я не помѣстилъ въ ней еще двѣ личности, которыя, не увлекаясь, подобно прочимъ, ни педагогіей, ни поэзіей, ни даже кутежами, не ломая головы надъ тѣмъ, какой избрать родъ дѣятельности, сообразно своимъ способностямъ, чтобы принесть обществу большую долю пользы, прямо съ университетской скамьи задались эгоистическою цѣлію, не разбирая средствъ, достигнуть личнаго благосостоянія.

Павелъ Ивановичъ К—ій—юноша видный, довольно красивый, что называется кровь съ молокомъ, но до приторности сладкорѣчивый маменькинъ сынокъ, чрезмѣрно занятый собой и

вѣчно препиравшійся съ инспекторомъ за волосы и цвѣтные галстухи. Кокетливо выступая изъ за скамьи и сладко улыбаясь, онъ отвѣчалъ учителю урокъ. М. Г. Ерофѣевъ, никому не прощавшій пошлости и пустоты, не могъ равнодушно взглянуть на него безъ того, чтобы не сдѣлать презрительной гримасы. Но сарказмы уважаемаго наставника мало дѣйствовали на нашего франта. Разъ, встрѣтивши его на улицѣ въ какомъ то вычурнаго покроя архалукѣ, въ гарусной фескѣ съ кисточкой, Михаилъ Гавриловичъ на другой же день, передъ цѣлымъ классомъ, сталъ Пашеньку пудрить, представивъ въ комическомъ видѣ его костюмъ, походку, манеры. Никогда не докладывая инспектору о замѣченныхъ имъ за ученикомъ проказахъ, Ерофѣевъ всегда самъ расправлялся съ нимъ орудіемъ насмѣшки, чего мы боялись во сто кратъ больше, чѣмъ инспекторскихъ выговоровъ и даже карцера. Пашенька былъ влюбленъ въ дочь почтмейстера, своего хозяина, пробовалъ даже писать стихи и завелъ альбомъ съ сладенькими акростихами и четверостишіями, въ число коихъ и я внесъ свои ямбы, во вкусѣ овидіевыхъ плачей. Когда предметъ его страсти былъ увлеченъ подъ вѣнецъ армейскимъ поручикомъ, Пашенька, въ порывѣ отчаянія, чуть было не вызвалъ похитителя на дуэль, которая не состоялась лишь по весьма простой причинѣ, по неимѣнію пистолета. Но онъ, подобно Павлу Кирилловичу, скоро утѣшился и много танцовалъ на свадьбѣ измѣнницы, хохоча до неприличія надъ всякою неловкостію пѣхотныхъ офицеровъ, которые чуть было не поколотили его, обозвавъ мальчишкой—школьникомъ.

Едва ли мой красавецъ Пашенька не единственный изъ нашего курса юноша, избравшій благую часть празднаго сибарита—помѣщика. Окончивъ, съ грѣхомъ пополамъ, харьковскій университетъ, Павелъ Ивановичъ поступилъ куда то на службу, хотя, какъ единственный сынъ и наслѣдникъ дражайшихъ родителей, имѣвшихъ изрядное состояніе въ г. Сосницѣ, онъ былъ достаточно обезпеченъ и слѣдовательно могъ и не разсчитывать на служебную карьеру и сопряженные съ ней труды и непріятности. Такъ онъ и поступилъ, избравъ кратчайшій путь къ благополучію—выгодную женитьбу. Для этого онъ имѣлъ всѣ нужные шансы: одно то, что видный изъ себя мужчина, съ очаровательными манерами, на пріобрѣтеніе которыхъ, безъ сомнѣнія, потрачено было больше времени, чѣмъ на пріобрѣтеніе

познаній, другое то, что столбовой дворянинъ, сынъ суворовскаго сподвижника, третье, наконецъ, то, что все таки человѣкъ университетскаго образованія. Задавшись такой нетрудной жизненной задачей и разсчитывая предварительно на эффектъ, долженствовавшій поразить воображеніе обладательницы крѣпостныхъ душъ и достаточнаго количества десятинъ, тезка Павла Ивановича Чичикова составилъ планъ аттаки и повелъ ее по всѣмъ правиламъ новѣйшей стратегіи, отступивъ на сей разъ отъ суворовской тактики отца, заключавшейся, какъ извѣстно, въ трехъ словахъ: натискъ, быстрота, глазомѣръ. Ухаживанье его, какъ и слѣдовало ожидать, увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Пашенька оставилъ службу, зажилъ баріномъ, уты, утолстѣ и забы Бога. Какъ „пріобрѣтатель", онъ превзошелъ свой прототипъ Чичикова: тотъ пріобрѣталъ души мертвыя, которыя „выѣденнаго яйца не стоютъ", а Пашенька благопріобрѣлъ не фиктивныя земли „въ херсонской губерніи", а дѣйствительно существующія въ сосницкомъ уѣздѣ черниговской губерніи и стоющія сотню тысячъ, съ тысячными доходами.

Когда лѣтъ черезъ 20 мнѣ пришлось встрѣтиться съ очаровательнымъ Пашенькой въ Кіевѣ, уже послѣ „эмансипаціи", признаюсь, за человѣка стало страшно: забывъ прирожденное благоприличіе и сладкорѣчивость, онъ, съ пѣной у рта, сталъ проповѣдовать такія гадости, которыя были бы въ пору самому жестокосердому американскому плантатору. Сопоставивъ помѣщика Пашеньку съ тѣмъ сахарнымъ романтикомъ, какимъ я его зналъ гимназистомъ и студентомъ, невольно подумаешь, вмѣстѣ съ Гоголемъ: „неужели такъ можетъ измѣниться человѣкъ? Прежній пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показать ему его теперешній портретъ". Впрочемъ, еще на школьной скамьѣ я подмѣчалъ фальшь въ этомъ характерѣ. Я всегда недовѣрчиво относился къ его излія-ніямъ, къ его рыцарскому благородству и честности, которыми онъ такъ любилъ драпироваться въ юности. Не вѣрилъ я ни его душевнымъ страданіямъ, ни его разочарованіи. И откуда могло взяться недовольство жизнію у этого баловня фортуны, у этого обожаемаго маменькина сынка, незнакомаго съ настоящимъ горемъ, съ дѣйствительною нуждой?—думалъ я тогда, слушая его жалобы на судьбу. Что она сдѣлала ему эта судьба и за что ему проклинать ее?

„По рукоять ножа возненавидѣло меня счастіе (писалъ онъ изъ Харькова въ 1840 году). Со дня послѣдняго нашего свиданія въ Сосницѣ, начинается рядъ неудачъ, идущихъ въ возрастающей прогрессіи и почти сокрушившихъ и душу мою, и тѣло. Ненавистный клинъ судьбы далѣе и далѣе раскалываетъ мое сердце. Каждый злобный ударъ вырываетъ изъ моей груди призывъ чувствительной души, души, которая бы усладила мои горькія обстоятельства. Но гдѣ я ее найду? Пуще божьяго гнѣва опротивѣлъ мнѣ весь Харьковъ. Одинъ только Миша Горяиновъ отъ чистаго сердца жметъ мою руку. На зарѣ юности слились наши сердца призывомъ дружества и развѣ вѣчность расплететъ ихъ. Но и здѣсь проклятыя обстоятельства рвутъ листки изъ бальзамической вѣтви, такъ тѣсно соединившей насъ. Ахъ, я помню, мой милый, какъ мы съ тобой когда то мечтали. Какъ оживотворялъ ты меня, когда я падалъ духомъ, когда *бысъ*, этотъ проклятый *аспидъ* (дочь почтмейстера), высосавшій благороднѣйшія капли моего существа, влагалъ въ мое сердце отчаяніе... Неужели ты забылъ?“

Что жъ тамъ случилось? Вправѣ спросить каждый, прочитавъ эти раздирательныя жалобы на судьбу. Ровно ничего — все обстояло благополучно. Родители аккуратнѣйшимъ манеромъ высылали деньги, чтобы Пашенька ни въ чемъ не терпѣлъ ни малѣйшей нужды. онъ всегда былъ прилично одѣтъ, согрѣтъ и накормленъ, не то что мы, горемычные, ходившіе подчасъ въ университетъ на собственной подошвѣ и обѣдавшіе сухой булкой, вмѣсто борщу и жаркого.

„Съ самыхъ, братъ, пеленокъ мнѣ не лучше, продолжаетъ Пашенька, вотъ теперь я думалъ: сокроюсь подъ щитомъ Минервы, украду изъ подъ ея волшебной ножки транспонтиръ и вымѣряю уголъ счастія“ и проч. и проч. все въ томъ же родѣ à la Марлинскій.

Или вотъ еще образчикъ слога, какимъ старались писать въ наше время юноши, воспитанные на повѣстяхъ того же автора: „Благодарю тебя, что твое сердце принимало участіе въ моихъ обстоятельствахъ. Скажу тебѣ, что это былъ девятый валъ неудачъ, но онъ миновалъ, превративъ мою душу въ самородный алмазъ, гдѣ подъ тусклою оболочкой скрывается море сіяній. Я дитя не плаксивое, какъ прежде, но дитя — мужъ. Моя юность — одряхлѣвшая опытность — не привѣтствуетъ легкому воздуху ароматическаго края (!?) и проч.

Алешка Пролазъ, бездарнѣйшій юноша, но чрезвычайный практикъ въ житейскихъ дѣлахъ. Никогда ничего не зналъ онъ основательно, но всегда умѣлъ вывернуться и отбрехаться. Урокъ онъ отвѣчалъ всегда такъ, что трудно было рѣшить, знаетъ ли онъ что нибудь или положительно ничего не знаетъ? Случись это съ другимъ, менѣе Алешки увертливымъ ученикомъ, безъ всякаго сомнѣнія, ему поставили бы единицу, но ему всегда сходило съ рукъ благополучно. Всѣ преподаватели знали, что Алешка пороху не выдумаетъ, ну и помирились съ мыслію, что онъ долженъ получить переводъ въ высшій классъ. „Все же не молчитъ, думали наши педагоги, для успокоенія своей совѣсти, и съ помощью все таки кое что отвѣчаетъ, къ тому же онъ такой услужливый, вѣжливый—отчего жъ ему не сдѣлать снисхожденія?“ Съ товарищами Алешка былъ въ отличныхъ отношеніяхъ, ему ни въ чемъ не было отказа: ни въ запискахъ, ни въ переводахъ. Посредственный теноръ гимназическаго хора, онъ очень много помогалъ регенту Осипу Акимовичу въ собираніи на спѣвки дискантовъ и альтовъ, за что пользовался у него, страстнаго любителя пѣнія, особеннымъ благоволеніемъ, сдѣлавшись домашнимъ человѣкомъ. Онъ успѣлъ броситься въ глаза и новому директору, на котораго мы всѣ до окончанія гимназіи смотрѣли изподлобья. У товарищей Алешка заслужилъ расположеніе, частію обязательною угодливостію, частію незавидною ролью класснаго шута, забавлявшаго насъ своими дурачествами. Такъ онъ, между прочимъ, переложилъ въ стихи оду Горація „ad Postumum“:

Постумъ, Постумъ увы!
Проходятъ быстро годы.... и проч.

А французу Denis прочелъ однажды, яко бы по книгѣ, такую дребедень: „Жанъ теля насэ, Марина льонъ трэ, Илья грушъ жрэ!“ А то выдумаетъ очень ужъ вольный переводъ, не зная ни одного слова и валяетъ безъ запинки, не краснѣя, во всю ивановскую, пользуясь незнаніемъ учителемъ русскаго языка, къ общей потѣхѣ всего класса.

Люди, подобные Алешкѣ Пролазу, никогда не пропадаютъ на жизненномъ пути, несмотря на все ихъ умственное убожество, даже, напротивъ, они, скорѣе даровитыхъ, достигаютъ извѣстной степени благосостоянія. Поступивъ въ харьковскій университетъ на юриди-

ческій факультетъ, Пролазъ нашъ съ перваго же года повелъ себя такъ, что его скоро отличили всѣ профессора: онъ первымъ встрѣчалъ ихъ на корридорѣ съ нижайшей просьбой одолжить ему записки или какую нибудь книгу. Мало того, онъ проникнулъ въ профессорскіе дома, втерся въ ихъ семейства и сдѣлался у нѣкоторыхъ изъ нихъ почти домашнимъ человѣкомъ.

Но никто изъ ученыхъ мужей не жаловалъ такъ Алексѣя Трофимовича, какъ профессоръ богословія: послѣ обѣдни ему высылалась просфора, какъ какому нибудь генералу. И было за что воздавать ему такія почести: во первыхъ, онъ не пропускалъ ни одного богослуженія, стоялъ всегда на лѣномъ клиросѣ, пѣлъ съ дьячкомъ, читалъ часы, ходилъ иногда вмѣсто старосты съ кошелькомъ. Возмущенные его продѣлками товарищи рѣшились, наконецъ, дать ему урокъ. Дождавшись Лазаревой субботы, нарядились въ полную форму и отправились въ квартиру Пролаза поздравить съ днемъ ангела. Но и послѣ такого протеста со стороны студентовъ, гг. профессора не измѣнили своихъ отношеній къ Лазарю: ему дали кандидатскій дипломъ, да чуть ли еще не первымъ выпустили: „Иди молъ, любезный, въ свѣтъ, продолжай подвизаться по части лести и низкопоклонства!“

Съ окончаніемъ университета, подвиги Алешки не только не кончились, но едва начинались. Обрисовался онъ вполнѣ на должности чиновника особыхъ порученій при черниговскомъ губернаторѣ Гессе. Извѣстно, чего стоили раскольникамъ преслѣдованія ихъ, въ николаевское время, за древнее благочестіе. Въ православіе ихъ не обратили, а дали только возможность цѣлымъ сотнямъ чиновниковъ нажить капиталы. Всѣ побывавшіе въ Стародубьѣ въ должности полиціймейстера или окружного или просто наскокомъ производившіе слѣдствіе объ укрывательствѣ какого нибудь бѣглаго попа, обезпечили себя и свое потомство на многіе годы. Алешка нашъ до того сталъ знаменитъ своими безпощадными поборами, что изъ самого Питера пришло наконецъ предписаніе на имя губернатора, не посылать его ни на какое слѣдствіе въ раскольничьи слободы. Когда я видѣлся съ Алешкой въ одной изъ кіевскихъ гостинницъ, уже послѣ его отставки, то онъ, подобно Чичикову, сталъ рисоваться передо мною гонимымъ за правду, хотя мнѣ досконально было извѣстно,

что у него около сотни тысячъ капиталу, да нѣсколько сундуковъ какого бы вы думали добра?—Старинныхъ иконъ въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, награбленныхъ имъ при обыскахъ домовъ и церквей. Кончились ли съ отставкой славные подвиги Пролаза, или быть можетъ онъ, подобно щедринскому Порфирію Петровичу, въ настоящую минуту гдѣ нибудь въ благословенномъ уголку Малороссіи, окруженный многочисленнымъ семействомъ, наслаждается великолѣпнымъ закатомъ солнца и слываетъ примѣрнымъ семьяниномъ и почтеннымъ человѣкомъ. „Тамъ на лонѣ природы сладко отдохнуть ему отъ треволненій житейскихъ, сладко вести бесѣду съ своею чистою совѣстью, сладко сознать, что онъ человѣкъ, казенныхъ денегъ не расточающій, свои берегущій, чужихъ не желающій". (Губернскіе очерки Щедрина).

На перепутьи.

Распростившись съ гимназіей, подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, я чувствовалъ себя несказанно счастливымъ. Но такое свѣтлое настроеніе духа продолжалось недолго. Оно омрачилось внезапно налетѣвшей тучей. Что жъ будетъ дальше? задавалъ я себѣ вопросъ. Мать моя, не спрашивая о причинѣ моей грусти, чуткимъ материнскимъ сердцемъ поняла, что творилось въ душѣ моей и стала горько плакать. Гнетущая душу нужда охладила всѣ мои благородные порывы, всѣ стремленія къ свѣту. Что мнѣ дѣлать съ моимъ отличнымъ аттестатомъ, коли у меня нѣтъ никакихъ средствъ добраться даже до Кіева, не только прожить тамъ четыре года? Ни откуда и ни отъ кого я не ждалъ помощи въ своемъ безвыходномъ положеніи. Былъ у насъ недавно богатый родственникъ, къ которому покойный отецъ заставилъ меня когда то подъ свою диктовку нацарапать слезное посланіе, едва только я научился писать съ прописи. И выслалъ онъ тогда, якобы на мое ученіе 75 рубл. асс. Но этотъ, никогда мною не виданный благодѣтель, одинокій старый холостякъ, къ сожалѣнію, вналъ на старости лѣтъ въ мистицизмъ, отправился въ Іерусалимъ и тамъ, у гроба Господня, отдалъ душу Богу, а монахамъ все свое достояніе. А какъ бы пригодился теперь этотъ благодѣтель!

Была у меня богатая тетка купчиха, родная сестра моего отца. но она до того была скупа, что не хотѣла призрѣть родной матери, слѣпой 80-лѣтней старухи, которая до самой смерти жила у моей матери. Даже похоронить не пожелала на свой счетъ эта каменная женщина. Все, что было у насъ въ домѣ поцѣннѣе, находилось у ней подъ залогомъ. Когда старшая сестра выходила замужъ и ей нужно было дать кое что изъ заложенныхъ вещей въ приданое, то ни просьбы, ни слезы моей матери не тронули черствую душу этой Мегеры. Присчитавъ на занятыя деньги жидовскіе проценты. Кузькина мать объявила, что не возвратитъ изъ вещей ничего, пока ей не отдадутъ полностію всей суммы.

Къ Роману Титовичу, хотя и богатому, но дальнему родственнику, я не осмѣлился обратиться. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ искренно желалъ мнѣ добра, преподавъ своевременно благой совѣтъ, за что я ему вѣчно останусь благодаренъ; но мой случайный доброжелатель далъ этотъ совѣтъ съ большою готовностью и даже сочувствіемъ именно потому, что онъ ему ничего не стоилъ. Всякій „съ нашимъ удовольствіемъ“, готовъ давать совѣты своему ближнему, лишь бы только тотъ не просилъ у него вещественной помощи: ибо, коль скоро рѣчь коснется до денегъ, каждый крѣпко держится за свой карманъ. и мнѣ, какъ „Крестьянину въ бѣдѣ“,

Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ
И отъ родныхъ и отъ друзей любезныхъ,
А чуть о помощи имъ заикнешься—
То лучшій другъ
И нѣмъ и глухъ.

По поводу моего тогдашняго затруднительнаго положенія припомнилось мнѣ одно шутовское, но далеко не глупое, изрѣченіе нашего мѣстнаго пролетарія—Шеремеревича. Исключенный изъ харьковскаго университета студентъ за разные дебоши, этотъ несчастный скиталецъ избралъ постояннымъ мѣстожительствомъ Новгородъ-Сѣверскъ. Жилъ онъ на съѣзжей, вмѣстѣ съ десятскими, питался съ арестантами, зимой и лѣтомъ ходилъ въ одномъ и томъ же нанковомъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами, строчилъ просьбы и ябеды безграмотнымъ мѣщанамъ и жидкамъ, получалъ за труды по гривеннику и тотчасъ же пропивалъ свой заработокъ купно съ десятскими.

Въ городѣ его хорошо знали, любили и жалѣли по своему. Но Шеремеревичъ никогда не довольствовался такими невещественными знаками расположенности къ нему горожанъ и постоянно повторялъ свое любимое изреченіе: „Что касается любви и сердца, то всѣ „мое почтеніе г. Шеремеревичъ!“ Что же касается до mir gekauff (т. е. купить мнѣ водки) то всѣ они распротакіе сыны!“

Въ моемъ критическомъ положеніи нашелся еще одинъ совѣтникъ—нашъ инспекторъ Герасимъ Ивановичъ. Какъ товарищъ моего отца по ученію, онъ счелъ своимъ долгомъ оказать мнѣ свое покровительство и наставить на путь, въ онь же пойду. Призвавъ меня къ себѣ, онъ спросилъ: что́ я намѣренъ съ собой дѣлать? Я, конечно, отвѣтилъ ему, что желаю поступить въ университетъ.

— Да какъ же ты поступишь, не имѣя ровно никакихъ средствъ? Пропадешь, какъ муха. Лучше послушайся моего совѣта: иди въ учители уѣзднаго училища на готовую вакансію въ Остеръ—будешь получать жалованье и матери помогать. Правда, такъ будетъ хорошо.

Поблагодаривъ непрошеннаго благодѣтеля за его премудрый совѣтъ, я сказалъ, что подумаю, хотя, уходя отъ него, далъ себѣ слово не видѣться съ нимъ болѣе, чтобы не соблазниться его заманчивымъ предложеніемъ.

Товарищи мои, черезъ нѣсколько дней послѣ акта разъѣхались по домамъ, условившись заранѣе, кто съ кѣмъ куда отправится. Хотя до того многіе изъ насъ бредили Москвой, благодаря пышнымъ рекламамъ стараго пріятеля Сени Глотова, но пораздумавши, большая часть порѣшила ѣхать въ Харьковъ, гдѣ экзаменовали полегче, чѣмъ въ Москвѣ и Кіевѣ. Въ городѣ остался я одинъ.

Такъ иногда передъ зарею,
Туманной утренней порою,
Когда поднимется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется—
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ. (*Пушк.*).

Въ то время, какъ я ломалъ голову надъ тѣмъ, какъ добраться до Кіева, не истощивъ своихъ капиталовъ, полученныхъ мною, въ количествѣ 50 рублей асс. за послѣднее полугодіе отъ Ивана Михай-

ловича: плыть ли мнѣ по Деснѣ рѣкѣ на плотахъ, или, по образу пѣшаго хожденія, отправиться вмѣстѣ съ богомольцами съ котомкой на плечахъ,—мною получено письмо, разрѣшившее этотъ головоломный вопросъ. Изъ остерскаго уѣзда мнѣ писалъ лѣсничій:

„Послѣднее ваше письмо, любезнѣйшій М. К—чъ, въ коемъ вы выражаете восторгъ о будущей вашей въ Кіевѣ жизни, я получилъ и душевно радуюсь, что изъ числа нашей родни хотя одинъ вы питаетесь надеждой выйти на поприще славы. Дай Богъ, чтобы сіи поселившіяся у васъ мысли не ослабѣвали, и чтобы умъ вашъ изощрялся до высшей степени генія ученаго человѣка"...

Лѣсничій, какъ видите, воспарилъ, но меня интересовало не пареніе его, а то, что слѣдовало въ письмѣ дальше:

„Не одинъ разъ мы семейно разсуждали, какимъ бы образомъ доставить вамъ случай безъ хлопотъ доѣхать къ намъ, а отсель достигнуть желаемой вами цѣли и мой Терентій съ жадностію ожидаетъ, когда ему скажутъ: „а запрягай, да поѣзжай въ Новгородокъ"! Готовьтесь же къ отъѣзду, я скоро пришлю лошадей за сыномъ Иваномъ, то вы, вмѣстѣ съ нимъ, и пріѣдете въ Сваромье".

Ну, слава тебѣ Господи! Одно препятствіе устранено. Веселый и радостный день, слѣдовавшій за полученіемъ письма, я провелъ на лугу, исходивъ его, на прощанье, вдоль и поперекъ. Богъ знаетъ, насколько времени придется покинуть завѣтныя мѣста, привлекательнѣе которыхъ я не могъ ничего вообразить, не видѣвъ до того времени ничего лучшаго.

Не забылъ я, на прощанье, посидѣть и на „горбочку", за троицкимъ садомъ, откуда представляется восхитительный видъ на далекое пространство и откуда можно обнять однимъ взглядомъ, à vol d'oiseaux задесенское приволье со всею его прелестью.

Въ то время, когда я, пріютившись на самомъ краю „горки", упивался красотою мѣстоположенія, невдалекѣ отъ меня, въ березнякѣ слышалось неистовое зубреніе бурсаковъ изъ монастырскаго училища, у которыхъ тогда еще не начинались каникулы. Одинъ мальчуганъ, закинувъ голову назадъ, зажмуривъ глаза, пронзительнымъ фальцетомъ твердилъ урокъ изъ географіи: „горы, горы, горы, горы! горы идущія, горы, идущія на сѣверъ". Другой, изъ великовозрастныхъ, топчась почти на одномъ мѣстѣ и ероша щетинистые во-

лосы, зубрилъ урокъ изъ исторіи, бубня подъ носъ себѣ: „И покорывъ народы малой Азіи, и покорывъ народы малой Азіи, народы малой Азіи!“... Бѣдные! какъ мнѣ стало жаль ихъ!

Но вотъ пріѣхалъ и Терентій на тройкѣ вороныхъ. Въ день нашего отъѣзда, на проводы собрались всѣ наши родные; пришла и тетенька, „позычивши очей у сѣрка“. Проводивъ меня за городъ до кладбища, стали прощаться, а Кузькина мать возьми да и сунь мнѣ въ руки что то завернутое въ бумажку: „Это, говоритъ, тебѣ, Михайло, на дорогу!“ Въ сверткѣ оказалось 10 гривенниковъ.

„Ишь ты, подумалъ я, разщедрилась!“ Первымъ моимъ движеніемъ была мысль бросить ей въ лицо эту подачку, но умоляющій взглядъ, брошенный на меня матушкой, которой приходилось съ ней оставаться, безъ всякой защиты, остановилъ мой порывъ.

При разставаньи съ родными, я не видѣлъ ни истерикъ, ни обмороковъ, сопровождающихъ обыкновенно эффектную разлуку членовъ великосвѣтской семьи. Моя мать шла рядомъ со мной безъ слезъ и воздыханій. Только смертная блѣдность лица и глубоко впалые глаза свидѣтельствовали о томъ, сколько ночей провела она безъ сна, снаряжая въ дорогу сына—единственную свою надежду и опору въ старости. Какую нравственную пытку она должна была вынести, не будучи въ состояніи помочь мнѣ въ такую критическую минуту...

Стали прощаться. Судорожно охвативъ мою голову обѣими руками, мать крѣпко, крѣпко прижала ее къ груди и перекрестивъ меня, пошатнулась, но мужественно устояла на ногахъ.

— Нехай тебѣ Богъ поможе, а я!...

Были послѣднія слова, долетѣвшіе до моего слуха, когда уже кучеръ тронулъ лошадей. Оглянулся еще разъ... но поднявшаяся за телѣгой пыль закрыла отъ меня дорогія лица.

Число учениковъ новгородъ-сѣверской гимназіи за 55 лѣтъ по сословіямъ.

Годы.	Общее число.	Дворянъ.	Разночинц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дворанъ.	Разночинц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дворанъ.	Разночинц.	Подат. сослов.
1808	83	66	2	15	1811	84	69	4	11	1814	91	81	2	8
1809	76	60	2	14	1812	96	80	2	14	1815	106	93	3	10
1810	79	66	3	10	1813	92	83	1	8	1816	103	91	3	9

Годы.	Общее число.	Дворянъ.	Разночинц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дворянъ.	Разночинц.	Подат. сослов.	Годы.	Общее число.	Дворянъ.	Разночинц.	Подат. сослов.
1817	117	109	1	7	1833	148	133	4	12	1849	240	206	5	29
1818	122	106	4	12	1834	164	148	3	13	1850	244	207	4	33
1819	118	102	3	13	1835	173	160	2	11	1851	245	207	4	34
1820	121	109	2	10	1836	198	183	3	12	1852	247	210	6	31
1821	116	103	1	12	1837	214	197	4	13	1853	243	206	6	31
1822	124	110	3	11	1838	231	210	5	16	1854	240	204	5	31
1823	129	114	5	10	1839	278	252	4	22	1855	233	183	5	35
1824	136	123	3	10	1840	303	270	7	26	1856	227	188	7	32
1825	133	120	3	10	1841	306	272	6	28	1857	251	207	10	34
1826	140	125	4	11	1842	318	284	5	29	1858	243	200	9	34
1827	138	122	3	13	1843	309	285	4	20	1859	259	215	12	32
1828	139	126	2	11	1844	308	280	4	24	1860	288	232	12	44
1829	143	130	3	10	1845	291	270	4	27	1861	294	238	10	48
1830	144	129	4	10	1846	282	249	6	27	1862	299	236	12	51
1831	142	130	3	9	1847	277	240	7	30					
1832	136	127	1	8	1848	251	220	7	24					

М. К. Чалый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

5. Университетъ.

(1840—1844).

Von der Wiege bis zur Bahre
Sind die schönsten die Studentejahre!
(*Изъ студенч. пѣсни*).

Путевыя впечатлѣнія и вступительный экзаменъ.

Возница нашъ Терентій оказался большимъ весельчакомъ и юмористомъ; но какъ ни усердствовалъ онъ, чтобы развеселить меня въ первый день нашего путешествія, его забавныя шутки и остроумные анекдоты не въ состояніи были разбить мою тугу. Болтовня его была мнѣ противна.

Перешагнувъ предѣлъ, отдѣлявшій меня втеченіе двадцати лѣтъ отъ всего, что находилось за чертою Новгородъ-Сѣверска, я впервые почувствовалъ себя одинокимъ, впервые сознательно отнесся къ своему прошлому. Безконечными вереницами толпились въ душѣ тѣни минувшаго: понесенныя мною утраты, угнетавшая меня нужда, семейныя драмы и огорченія... Вспомнились мнѣ и мои крохотныя удовольствія и впервые испытанное мною сердечное влеченіе къ той,

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 8, августъ.

которую я такъ скоро увижу опять, ровно черезъ два года; но увижу не дѣвочкой-подросткомъ, но женщиной развитой, способной оцѣнить высокое чувство первой юношеской любви. По мѣрѣ удаленія отъ родины и приближенія къ Сваромью, незамѣтно стали исчезать одинъ за другимъ носившіеся передо мной образы надолго покинутыхъ мною лицъ, уступая мѣсто одному, завладѣвшему всѣмъ существомъ моимъ ненаглядному образу.

Мѣста, черезъ которыя мы проѣзжали, не представляли ничего привлекательнаго. Все тѣ же бѣдные города, похожіе на села, за исключеніемъ развѣ одной особенности—желтыхъ тюремныхъ замковъ, построенныхъ по одному плану во всѣхъ уѣздныхъ городахъ черниговской губерніи, однимъ и тѣмъ же жидомъ—подрядчикомъ Быховскимъ.

— Видишь, Терентій, какія палаты для вашего брата—мужика выстроены, обратился къ возницѣ, самъ едва избѣжавшій тюрьмы, мой спутникъ.

— Де вже нашему брату—мужику у такихъ хоромахъ жити—воны мабуть для цанивъ збудованы, отвѣтилъ ему Терентій.

Попадались по пути бѣдныя деревушки и мѣстечки, огороды съ табакомъ, поля, уже на половину обнаженныя отъ высокой колосистой ржи. За Черниговомъ начался лѣсъ, мы въѣхали въ остерскій уѣздъ. Въ лѣсу попадались на встрѣчу мизерныя деревушки, прежде населенныя монастырскими, а нынѣ казенными крестьянами [1]). Послѣ секуляризаціи лаврскихъ имѣній, во владѣніи монаховъ остались одни озера да пруды. Положеніе крестьянъ при новыхъ порядкахъ значительно измѣнилось, но не къ лучшему. Въ прежніе годы они невозбранно занимались лѣсными промыслами, уничтожая цѣлыя десятины лѣсу и расчищая обнаженныя мѣста подъ запашку; теперь казенные лѣсничіе, соблюдая государственный интересъ, (и своего притомъ не забывая), разными карательными мѣрами прекратили, новидимому, безобразное истребленіе лѣсовъ, поставивъ крестьянъ въ безвыходное положеніе: лѣсничій налагаетъ штрафы и предастъ порубщиковъ суду, а окружной съ помощниками правятъ подати, которыхъ заработать негдѣ. Пока еще

[1]) Еще въ XVI столѣтіи большая часть остерскаго повѣта принадлежала Кіево-Печерской лаврѣ.

на привольныхъ лугахъ днѣпровскихъ красовались исполинскіе дубы и осокоры, бѣдняги кое какъ перебивались: повалитъ столѣтнее дерево, наколетъ дровъ да и свезетъ Днѣпромъ въ Кіевъ. Выручивъ такимъ способомъ десять-пятнадцать рублей, крестьянинъ удовлетворялъ первѣйшимъ своимъ нуждамъ до слѣдующей осени. Но когда луга обнажились отъ деревьевъ, когда рѣки и озера стали мельчать отъ засухи, положеніе ихъ стало по истинѣ критическимъ. Сравнительно съ прежними годами, народонаселеніе увеличилось почти въ два раза, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрасла и нужда до ужасающихъ размѣровъ. Еще ближайшія къ Кіеву села кое какъ перебиваются: то копицу сѣна, то рыбы пудъ продастъ, то наплететъ изъ лозы корзинъ, то наймется дрова возить съ пристани: все таки человѣку есть возможность зашибить копѣйчину; живущіе же въ лѣсной глуши, въ разныхъ наименованій Гутахъ — бѣдствуютъ страшно.

. . . . . .

. . . . .

данныхъ имъ типовъ заимствовалъ въ такой именно глуши, въ какой мы теперь очутились. Женщина исполинскаго роста и соразмѣрной оному толщины, съ ухарскими манерами и зычнымъ голосомъ, Ульяна Максимовна годилась бы въ гвардію Фридриха Прусскаго. Она казалась еще массивнѣе въ своихъ крохотныхъ комнатахъ. Домъ, вѣроятно, построенъ очень давно, когда она была еще такой крошкой, которую теперешняя Ульяна Максимовна могла бы спрятать въ свой неизмѣримый карманъ стараго капота, вмѣстѣ съ громучею связкой ключей. Поздоровавшись съ нами и приготовивши наскоро яичницу, чтобы заморить червяка, она отправилась на кухню готовить обѣдъ, а мы, позавтракавши, пошли, для возбужденія аппетита, прогуляться.

Село, куда мы пріѣхали, называется Ма́ксымъ, рѣчка, на которой оно находится—Ма́ксымъ, сельскій батюшка, от. Максимъ, родителя хозяйки звали также Максимомъ; половина почти населенія носила это излюбленное имя. Тутъ же не вдалекѣ протекаетъ и моя родимая Десна, на свиданіе съ которой я и поспѣшилъ. Купаясь въ ея прозрачныхъ струяхъ, я вообразилъ себя дома, подъ Замкомъ, на оболоньи. Потомъ мы сѣли въ лодку и переправились на другой берегъ рѣки. Мнѣ живо представилось приволье и широкій просторъ новгородсѣверскихъ луговъ, гдѣ протекли лучшіе годы моей жизни. Тамъ, свободный, какъ вѣтеръ, вырвавшись изъ душной темницы „чистилища“, я разгуливалъ на волѣ, забывая все на свѣтѣ—и свои домашнія злыдни и грозную линейку Якова Яковлевича и его противную „ариѳметичку“. Только тогда я былъ счастливъ, когда засаленныя тетради и безтолковые учебники смѣнялись ружьемъ и удочкой. Наука была для меня тогда мукой. Недаромъ у насъ сложилась школьная поговорка, характеризующая нашихъ непризванныхъ педагоговъ: попечитель — пече, смотритель — смотритъ, учитель—мучитъ, а не учитъ. Значитъ, куда ни повернись—всюду бѣда.

Пробѣгавшись на лугу и вторично освѣжившись купаньемъ, мы къ великому утѣшенію хлѣбосолки-хозяйки, обѣдали съ волчьимъ аппетитомъ. За то обѣдъ, обѣдъ!—объяденіе! За неимѣніемъ въ селѣ говядины, пострадала домашняя птица и дичь, которой въ Максимѣ было такое обиліе, что крестьяне, не зная цѣны убитой

и пойманной силками дичи, часто варили борщъ съ бекасами и дупелями, отчего истый охотникъ-гастрономъ непремѣнно упалъ бы въ обморокъ, пораженный такою профанаціей кулинарнаго искусства. Послѣ обѣда мы вышли изъ душной комнаты на дворъ, подъ навѣсъ. Неугомонная Ульяна Максимовна pour la bonne bouche, угостила насъ преоригинальнымъ концертомъ: покликавъ съ улицы замарашку мальчика, лѣтъ 14, она заставила его пѣть пѣсни самаго непристойнаго содержанія; между тѣмъ какъ тутъ же находились и ея собственныя дѣти: два мальчика и дѣвочка, которой было не менѣе 15 лѣтъ. Какъ видно, мамаша готовила будущему своему зятю второе изданіе собственной персоны — женщину гренадера, заглушая въ ней съ дѣтскихъ лѣтъ врожденное каждой женщинѣ чувство стыдливости.

Когда спала жара, Терентій напомнилъ намъ, что пора ѣхать, и мы распрощались съ Максимомъ и съ самой Ульяной Максимовной.— На другой день передъ закатомъ солнца, я въ первый разъ увидалъ Днѣпръ. Хотя и зналъ я изъ географіи о существованіи на земномъ шарѣ несравненно большихъ рѣкъ, но такъ какъ я ихъ не видалъ, то нашъ стародѣнный Днипро сильно поразилъ меня своимъ величественнымъ видомъ. Для меня, по крайней мѣрѣ въ то время, гипербола Гоголя казалась вполнѣ естественной: взглянувши на него впервые, невольно воскликнешь: „пышный! тебѣ нѣтъ равной рѣки въ мірѣ!“ И какою мизерною рѣченкой показалась въ моихъ глазахъ родимая Десна, въ сравненіи съ старымъ Днѣпромъ. „У, какая страшная пучина, глотающая людей какъ мухъ!“. У, какъ быстро текутъ синія воды его страшно и подойти, не только выкупаться въ нихъ.

Налюбовавшись съ высокаго берега величественною картиной Днѣпра, при солнечномъ закатѣ, ярко освѣтившемъ зеркальную его поверхность багровыми лучами, мы поплелись дальше—и къ вечеру въѣхали въ сельцо Сваромье, резиденцію лѣсничаго. Къ великому моему удовольствію, село раскинулось на самомъ берегу Днѣпра, значитъ, будетъ довольно времени наглядѣться на него, а теперь займемся кузиной.

Какъ пышно развернулся и разцвѣлъ этотъ полевой цвѣтокъ, подъ вліяніемъ освѣжительнаго воздуха днѣпровскихъ луговъ и лѣсовъ!

Совершенно деревенская простота домашней обстановки жилища лѣсничаго еще болѣе оттѣняли прелесть этого созданія. Съ перваго взгляда на нее я былъ пораженъ и очарованъ. Пылкое чувство первой юношеской любви, казалось, заглохшее въ самомъ зародышѣ, втеченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ моей трудовой жизни, охватило все существо мое. Страшный вулканъ, клокотавшій въ груди Амалатъ-Бека, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что творилось въ душѣ моей въ минуту роковой встрѣчи съ нею.

Тогдашнее молодое поколѣніе воспитывало свое чувство преимущественно на повѣстяхъ Марлинскаго: для насъ онѣ составляли кодексъ любви—ars amandi нашего времени. Мы—юноши старались подражать пламеннымъ героямъ романиста, если не въ жизни, то въ любовныхъ посланіяхъ къ своимъ богинямъ, за то съ глазу на глазъ съ ними, въ интимныхъ бесѣдахъ, мы были до глупости застѣнчивы и стыдливы. Даже, если случалось читать въ слухъ, въ присутствіи возлюбленной, страстное признаніе какого нибудь героя, „съ цѣлой Африкой любви“, то и тутъ бывало спасуешь и краснѣя пропустишь самое пикантное мѣсто любовной чепухи. О, мы были не то, что нынѣшніе безстыжіе Базаровы и Волоховы: о такихъ хищникахъ и губителяхъ невинности „благородныхъ барышень“ у насъ не было и слышно. Воспитанные на балладахъ Жуковскаго, мы до мозга костей проникались романтизмомъ, смотрѣли на „дѣву“, какъ на божество, любя ее чисто платонически; мечтали при лунѣ и писали стихи при сальной свѣчкѣ.

Но такъ какъ о всякомъ смертномъ можно сказать то же, что сказалъ влюбленный Фаустъ о Мефистофелѣ: Du spottgeburt von Dreck und Feuer, то идеальная любовь нашихъ романтиковъ не исключала собой и чисто плотскихъ поползновеній: стыдливый романтизмъ часто шелъ рука объ руку съ самымъ необузданнымъ развратомъ: „иной, высшій даже сердцемъ человѣкъ, съ умомъ высокимъ, начиналъ съ идеала Мадонны, а кончалъ идеаломъ садомскимъ [1])“.

Такое явленіе не ново. То же самое было и въ средніе вѣка не только съ нашими недодѣланными рыцарями, но и съ настоящими. Каждый изъ нихъ, какъ извѣстно, имѣлъ свою даму, любя ее чи-

[1]) Писатель 40-хъ годовъ—Достоевскій.

сто платонически, но эта „царица его сердца“ нисколько не мѣшала ему имѣть въ одно и тоже время цѣлый гаремъ женщинъ, надъ которыми онъ, въ свою очередь, царилъ безгранично. Въ то самое время, когда Петрарка въ своихъ сонетахъ повѣдалъ всему міру о глубокомъ отчаяніи, испытываемомъ имъ оттого, что Лаура не удостоиваетъ его взглядомъ, онъ находился въ интимныхъ отношеніяхъ съ другою женщиной, которая сонетовъ его не читала, но была матерью нѣсколькихъ его дѣтей. При такомъ видимомъ сходствѣ нашихъ селадоновъ съ рыцарями, между тѣми и другими огромная разница. У рыцарей существовало, по крайней мѣрѣ, фиктивное уваженіе къ женщинѣ въ образѣ „дѣвы“ или „дамы“, за которую они ломали копья на турнирахъ, у насъ и того не было:

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви...

Въ отношеніяхъ своихъ къ прекрасному полу мы приближаемся больше къ востоку, чѣмъ къ западу. И въ самомъ дѣлѣ, похожи ли мы, хоть въ какомъ нибудь отношеніи, на рыцарей? Развѣ на донъ-Кихота. Донъ-Кихотовъ у насъ дѣйствительно было довольно, но они съ настоящимъ донъ-Кихотомъ все таки мало имѣютъ общаго.

Благороднѣйшій Ламанчскій чудакъ-энтузіастъ, натура страстная и геніальная. Проникнутый до мозга костей идеею правды, общественнаго блага и любви, онъ ясно сознавалъ великость своихъ благородныхъ стремленій и, если потерпѣлъ неудачу въ погонѣ за идеалами. то это случилось только потому, что онъ немножко запоздалъ съ своими услугами человѣчеству, за что и былъ осмѣянъ безпощаднымъ Сервантесомъ, хотя въ своихъ восторженныхъ рѣчахъ и безкорыстныхъ стремленіяхъ донъ-Кихотъ столько же достоинъ смѣха, сколько и самый геніальный умъ при столкновеніи съ пошлымъ житейскимъ такъ называемымъ „здравымъ смысломъ“, которому высшренніе полеты генія всегда казались и будутъ казаться безуміемъ. Непонятый современниками геній, въ глазахъ близорукой толпы, тотъ же донкихотствующій чудакъ, съ тою лишь разницей, что донъ-Кихотъ задумалъ воскресить отжившую идею рыцарства, и, стараясь настоящему навязать прошедшее, настолько же опоздалъ явиться въ свѣтъ, насколько непризнанный геній поспѣшилъ своимъ рожденіемъ. Возвышаясь цѣлою головой надъ толпой, и слѣд., видя

дальше ея, геній стремится къ тому, чтобы приблизить настоящее къ отдаленному будущему, до котораго толпѣ пришлось бы ползти черепашьимъ шагомъ еще цѣлое столѣтіе.

И Сократъ, и Галилей, и Гусь заплатили жизнію за то, что слишкомъ забѣжали впередъ большинства своихъ современниковъ. Какъ много людей сгорѣло на кострахъ за то, что позднѣе было признано истиной!... Справедливо замѣтилъ кто то, что „исторія есть скорбный листъ многихъ задавленныхъ идей, многихъ умершихъ ученій, когда они возникали въ средѣ, неподготовленной къ принятію ихъ".

Но... виноватъ, кажется, я ужъ чересчуръ зарапортовался...

Какъ ни очаровательна была мѣстность Сваромья, съ его поэтическимъ кладбищемъ, на высокомъ берегу Днѣпра, осѣненномъ соснами; какъ ни сладко было мечтать тамъ, декламируя куплеты изъ „Сельскаго кладбища" Жуковскаго; какъ, наконецъ, ни крѣпки были цѣпи, приковывавшія меня къ очаровательной кузинѣ,—но я, новый Одиссей, долженъ былъ, съ болью сердца, порвать эти цѣпи и оставивъ чертоги волшебницы Цирцеи, продолжать неоконченное странствіе.

Такъ какъ ближайшій и удобнѣйшій путь до Кіева лежалъ по Днѣпру, то мнѣ предложили лодку, съ 14 лѣтнимъ гребцомъ, разсчитывая на мое собственное искусство править судномъ, въ чемъ я, прирѣчный житель, хорошо напрактиковался въ дѣтствѣ. Въ день моего выѣзда утро было великолѣпное. Я былъ готовъ въ минуту. Сборы недолгіе: поставивъ сундучекъ свой въ лодку, я могъ воскликнуть вмѣстѣ съ философомъ: omnia mea mecum porto! Все семейство лѣсничаго вышло на берегъ проводить меня. Отчаливъ лодку, я какъ то машинально и не хотя дѣйствовалъ весломъ, безпрерывно оглядываясь на покинутый берегъ. Но вотъ, обогнувши Лысую гору, Днѣпръ круто повернулъ влѣво—и Сваромье скрылось за горою.Ославъ своей Полинѣ послѣдній вздохъ, я со всѣхъ силъ налегъ на весло и утлый мой челнокъ помчался какъ птица.

Въ Межигорьѣ нужно было сдѣлать привалъ. Лѣсничій поручилъ завезть туда письмо къ любезному своему куму Ивану Марковичу Нечипоренку, который принялъ меня чрезвычайно радушно и угостилъ завтракомъ. Это былъ одинъ изъ числа чиновниковъ, завѣдывавшихъ императорскою фаянсовой фабрикой. Всѣ они полу-

чали приличное содержаніе и жили припѣвачи, ровно ничего не дѣлая. Получала ли казна какой нибудь доходъ отъ фабричныхъ издѣлій—не знаю; что же касается фабричной администраціи, то она не могла пожаловаться на недостатки.

Подъ Вышгородомъ насъ застигла гроза. Подулъ сѣверный вѣтеръ и Днѣпръ изъ синяго сдѣлался сизымъ—„Страшенъ тогда Днѣпръ! и нѣтъ ему равной рѣки въ мірѣ. Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали“ (Гоголь).

Мы съ Грицкомъ поспѣшили пристать къ берегу, вытащили на берегъ лодку и опрокинувъ ее такъ, что бы вѣтеръ дулъ намъ сзади, расположились въ своей импровизированной юртѣ съ большимъ комфортомъ. Я даже былъ отчасти радъ случившейся остановкѣ: до вечера было еще далеко, а тутъ представлялся прекрасный случай поглядѣть вблизи на разсердившагося старика, потрясавшаго въ безсильной злобѣ на укрывшихся отъ его гнѣва пловцовъ своими сѣдыми кудрями—волнами, которыя съ ужаснымъ ревомъ, какъ бѣшенныя, вспрыгивали на крутой берегъ, орошая насъ своими брызгами.

Струсившій было не на шутку Гриць, очутившись въ совершенной безопасности, да еще съ добрымъ кольцомъ колбасы да двумя пирогами, мало по малу пришелъ въ себя и до того расхрабрился, что даже сталъ напѣвать себѣ подъ носъ веселую пѣсеньку. Лѣтняя гроза проходитъ скоро. Вѣтеръ быстро разогналъ нависшія тучи и солнце засіяло съ новымъ блескомъ. Волны скоро улеглись и успокоились; поверхность Днѣпра еще незадолго до того словно изрытая исполинскимъ плугомъ, опять стала гладкою и прозрачною. Мы вылѣзли изъ своей засады, спустили на рѣку лодку и дружно принялись за весла. При яркомъ свѣтѣ полуденнаго солнца, предо мной открылась великолѣпная картина Златоглаваго „пращура русскихъ городовъ“. Кто желаетъ видѣть Кіевъ во всей его красѣ, тотъ пусть смотритъ на него со стороны Днѣпра. Не одинъ я, невидавшій до того ничего лучшаго, но и люди, объѣхавшіе Россію и половину Европы, утверждаютъ, что они не встрѣчали ничего живописнѣе Кіева: не сомнѣваюсь, что они смотрѣли на него именно съ сѣверо-восточной стороны изъ-за Днѣпра.

Къ городу мы пристали на Оболоньи, противъ бурсы, гдѣ обыкновенно останавливались тогда заднѣпряне съ своими дубами, нагруженными дровами или сѣномъ. Такъ какъ день клонился къ вечеру, то такихъ дубовъ мы встрѣтили довольно подъ Вышгородомъ, уже возвращавшимися порожнякомъ домой противъ теченія. Тянулись они весьма медленно, такъ что напр. сваромцы и тарасовцы или ночевали на половинѣ дороги, или, работая всю ночь, только на другой день къ обѣду поспѣвали вернуться. Оставивъ Гриця на лодкѣ стеречь сундукъ, я вышелъ на берегъ и не зналъ, куда мнѣ направить стопы свои. „Э, подумалъ я, коли, по пословицѣ, языкъ доводитъ до Кіева, то въ Кіевѣ доведетъ и до университета“. Прошедши двѣ-три улицы, и поровнявшись съ Братскимъ монастыремъ, я увидалъ много народу, мужчинъ и женщинъ, одѣтыхъ по праздничному, какъ будто куда то спѣшившихъ все по одному направленію—но Александровской улицѣ. По справкамъ оказалось, что они спѣшили въ Царскій садъ на гулянье. По случаю воскресенья въ этотъ день тамъ играла музыка, пошелъ и я туда. Гуляла тогда публика главнымъ образомъ въ верхнемъ саду, по большой аллеѣ, заканчивавшейся бесѣдкой, изъ которой открывался восхитительный видъ на Заднѣпровье. Эта часть сада въ настоящее время отошла къ Царскому дворцу, а для публичныхъ ея гуляній предназначена нижняя часть его, въ котловинѣ, заключенной между горъ, гдѣ, по иниціативѣ генералъ-губернатора Анненкова, въ 60-хъ годахъ, устроено Шато-де-Флеръ, съ лѣтнимъ театромъ и вокзаломъ. Сюда собирается теперь кіевская публика, невысокой впрочемъ пробы, не съ цѣлію насладиться красотами природы, а подышать воздухомъ, пропитаннымъ запахомъ керосина и фейерверочнымъ смраднымъ чадомъ, да позабавиться зрѣлищами, извращающими природу. Для первоначальнаго устройства Шато жадный къ наживѣ антрепренеръ, съ согласія городской думы, вырубилъ почти всю нижнюю часть сада. Подъ сѣкирой этого вандала—нѣмца пали и стройные вѣковые тополи, краса нашей украинской природы, и сотни фруктовыхъ деревьевъ. Исчезли и великолѣпныя клумбы цвѣтовъ; погибла безслѣдно и памятная всѣмъ намъ „аллея влюбленныхъ“, укрывавшая во время оно не одну стыдливую парочку отъ нескромныхъ взглядовъ гуляющихъ. Правда, нынѣшнія посѣтительницы шумнаго Шато вовсе не

нуждаются въ такомъ таинственномъ убѣжищѣ для своихъ rendez vous: онѣ открыто, при газовомъ освѣщеніи пьютъ коньякъ и шампанское и отплясываютъ канканъ, къ великому соблазну учащейся молодежи, преждевременно вкушающей отъ запретнаго плода Вакха и Венеры.

Въ саду между гуляющими я увидѣлъ много студентовъ; они прохаживались группами и громко разговаривали, но знакомаго между ними никого не замѣтилъ. Поворотивъ въ одну изъ боковыхъ аллей, я наконецъ встрѣтилъ тамъ студента Долинскаго. Хотя мы и мало были знакомы, но довольно было уже и того, что учились въ одномъ и томъ же заведеніи, чтобы, встрѣтясь въ чужомъ городѣ, не разговориться по дружески. Корпоративный духъ товарищества сближаетъ молодежь, располагая и обязывая ихъ ко взаимнымъ услугамъ. Отъ Долинскаго я узналъ квартиру нашихъ сѣверянъ Кулиша и Чуйковича. Неразлучные друзья, уроженцы м. Воронежа, глуховскаго уѣзда, жили на Графскомъ переулкѣ, позади извѣстнаго въ то время магазина Финке. Замѣтивъ съ первыхъ моихъ словъ, что я совершеннѣйшій провинціалъ—простота, котораго на каждомъ шагу въ незнакомомъ городѣ могли обмануть, добрый мой землякъ Пантелеймонъ Александровичъ, отложивъ въ сторону своего „Огненнаго Змѣя“, повѣсть, которую онъ писалъ тогда для „Кіевлянина“, (альманахъ, издаваемый Максимовичемъ), поспѣшилъ одѣться и отправился со мной нанять извощика для перевозки за свѣтло моего скарба съ Подола. Пріѣхавъ на пристань и распростившись съ Грицемъ, я вернулся на квартиру студентовъ и остался у нихъ ночевать. На другой день по утру мы съ Кулишемъ отправились искать квартиру. Небогатое студенчество ютилось тогда большею частію на Провальѣ, небольшомъ фольваркѣ, находившемся противъ университета, при спускѣ къ Днѣпру и состоявшемъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домиковъ съ огородами и садами, тянувшимися къ самому обрыву. Между домами шла неровная, изрытая ручьями улица. Тутъ то мы и нашли квартиру за 25 рубл. асс. въ мѣсяцъ, съ обѣдомъ, чаемъ и мытьемъ бѣлья. Хозяйка моя была бѣдная чиновница, промышлявшая студентами, а мужъ ея въ то же время проливалъ въ нѣкоторомъ родѣ кровь на Кавказѣ.

Пант. Ал. Кулишъ, будучи еще гимназистомъ, пріобрѣлъ между товарищами репутацію „сочинителя“ и искуснаго рисовальщика ак-

варелью. Его разсказы изъ быта воронежскихъ обывателей, читанные имъ въ кругу товарищей до прихода учителя, предвѣщали въ немъ будущаго украинскаго бытописателя. Но искусство не уживалось съ наукой: Пант. Ал—чъ оставилъ гимназію въ 1837 году, окончивъ только 5 классовъ. Слѣдующіе затѣмъ два года проведены имъ въ должности домашняго учителя и потомъ въ канцеляріи нѣжинскаго лицея въ качествѣ писца. 15 іюля 1839 года былъ вновь открытъ университетъ, послѣ временнаго его закрытія, и Кулишъ, хотя и выдержалъ вступительный экзаменъ, но какъ не окончившій полнаго гимназическаго курса былъ зачисленъ лишь вольнослушателемъ. Находясь въ такомъ неопредѣленномъ состояніи и не будучи обезпеченъ матеріально, онъ вовсе не посѣщалъ лекцій и скоро оставилъ университетъ.

Дня черезъ три послѣ моего прибытія въ Кіевъ привалила шумная толпа черниговцевъ, изъ коихъ трое оказались моими товарищами по новгородъ-сѣверскому уѣздному училищу, гдѣ они начали свое ученіе, но по обстоятельствамъ перешли въ Черниговъ, то были Т. И. Пристюкъ, Сережа Левицкій и Н. И. Сбитневъ. Всѣ они поселились у той же чиновницы на Провальѣ. Всѣ мы, съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали педеля съ повѣсткой о явкѣ къ экзамену, а между тѣмъ не зѣвали и просматривали учебники. Наконецъ насъ потребовали въ первый комитетъ.

Экзаменовъ, правду сказать, я не боялся; математика только немножко смущала; но такъ какъ у меня было рекомендательное письмо къ профессору Дьяченку отъ его университотскаго товарища, нашего словесника Коконко, то и математика была обезнечена. При всемъ томъ, мнѣ становилось иногда жутко, при могущей послѣдовать неудачѣ. Вопросъ состоялъ не въ томъ, выдержу ли я экзаменъ или нѣтъ, а въ томъ, поступлю ли на казенное содержаніе или останусь на улицѣ. Отъ разрѣшенія этого вопроса зависѣла вся моя будущность. Отдавши половину изъ привезонныхъ денегъ хозяйкѣ впередъ за мѣсяцъ, я остался при 25 рубляхъ асс. въ годъ, безъ малѣйшей надежды на манну небесную, которая падаетъ другимъ въ видѣ серебряныхъ рублей.

Первые два комитета прошли благополучно. Остался еще одинъ съ ужасной для меня математикой. Наканунѣ экзамена я понесъ

письмо къ профессору, который, пробѣжавъ его наскоро, сказалъ, что онъ будетъ экзаменовать меня строже другихъ, потому что меня рекомендуютъ, какъ отличнаго ученика. Такимъ образомъ, почтенный пріятель мой, вѣрный своему пакостному характеру, и тутъ подгадилъ, оказавъ мнѣ медвѣжью услугу. Н. А. Дьяченко сдержалъ свое благородное слово: пробралъ меня на обѣ корки по всѣмъ отдѣламъ математики и поставилъ превеликую единицу, которая хотя и не попрепятствовала поступить мнѣ на словесный факультетъ, но лишала права быть принятымъ въ институтъ казеннокошныхъ студентовъ. Вмѣсто меня былъ принятъ сынъ черниговскаго инспектора Сбитневъ, хотя онъ и не лучше меня сдалъ экзаменъ и могъ бы прожить на свои средства, не прибѣгая къ казенной благотворительности.

Идучи, повѣся носъ, изъ университета, я неожиданно встрѣтилъ на улицѣ Матвѣя Альбертовича, пріѣхавшаго въ Кіевъ хлопотать о перемѣщеніи.

— А какъ ты держалъ физику? спросилъ онъ.

— Физику то вашу я выдержалъ отлично, да съ математикой случилась бѣда—провалился!

— Очевидно! воскликнулъ физикъ, бо Осипъ Григорóвичъ дурны—самъ ничого не умѣетъ.

Оно то, пожалуй, и правда, да мнѣ то отъ того было не легче, что убѣдился горькимъ опытомъ въ справедливости такого мнѣнія о моемъ наставникѣ Бонче, который ровно никого ничему не научалъ во всю свою 35 лѣтнюю службу.

Потерпѣвъ жестокое пораженіе, я не пошелъ даже обѣдать на квартиру, а купивши пятикопѣечную булку, и подкрѣпивши свои силы, поплелся черезъ Царскій садъ на Подолъ—искать сваромцевъ, чтобы узнать, нѣтъ ли вѣсточки изъ за Днѣпра. Въ своемъ безвыходномъ положеніи я не искалъ утѣшенія въ сочувствіи новыхъ товарищей. Веселые и счастливые, выскочили они изъ университета и пустились бѣжать на Провалье, выдѣлывая по улицѣ, на удивленіе извощикамъ, преуморительные козлиные прыжки. Зналъ я, что, по случаю окончанія экзаменовъ, въ квартирѣ у насъ затѣвается кутежъ, но я не могъ въ немъ участвовать: мнѣ хотѣлось плакать, а не веселиться.

Мѣсяцъ въ деревнѣ.

Юность, юность! ты, какъ восходящее солнце, весь міръ обливаешь розовымъ свѣтомъ!... *Пассекъ.*

Спустившись къ Днѣпру, я поспѣшилъ на Оболонье и къ великой радости нашелъ тамъ самого хозяина того дома, гдѣ жилъ лѣсничій, да еще съ письмомъ отъ кузины. Ей было извѣстно, когда у меня оканчивались экзамены и вотъ она къ этому именно дню и прислала свои драгоцѣнныя строки, на синей бумажкѣ:

„Папенька и маменька уѣхали въ Новгородокъ, а я одна съ братьями осталась дома и страшно скучаю. Ежели вы окончили свои экзамены, то пріѣзжайте въ Сваромье студентомъ“ и проч.

Не чуя подъ собою ногъ, прибѣжалъ я на квартиру, захватить кое что изъ бѣлья и въ тотъ же день отправился въ путь, не столько впрочемъ для того, чтобы разсѣять скуку кузины, сколько для того, чтобы раздѣлить съ ней свое собственное горе. Кромѣ того, выѣздъ изъ Кіева до начала лекцій былъ необходимъ и въ финансовомъ отношеніи: съ 25 рублевой бумажкой въ карманѣ проживешь не долго. Этою, такъ сказать, карманною причиной я мотивировалъ внезапный свой отъѣздъ предъ товарищами. Никому не сказалъ я настоящей причины моего бѣгства за Днѣпръ никому не довѣрилъ тайны своего сердца: procul! tenеatis, profani!

Черезъ часъ я уже былъ на дубѣ и преусердно работалъ весломъ и шестомъ, какъ осужденный на галеры —Я сгоралъ нетерпѣніемъ какъ можно скорѣй увидѣться съ кузиной и торопилъ гребцовъ, которыхъ всего то и было двое: хозяинъ Тимишъ да его 13 лѣтняя дочурка Прися. Надъ моею поспѣшностью хромоногій мой Харонъ изподтишка подтрунивалъ, съ свойственнымъ малороссу юморомъ. Всѣ мои усилія ускорить медленный ходъ тяжелаго судна остались безполезными. Выбившись наконецъ изъ силъ, я бросилъ весло и завалился спать Втеченіе двухъ послѣднихъ недѣль, во время экзаменовъ, я спалъ очень мало и потому чувствовалъ сильное изнеможеніе. Крѣпкій и здоровый сонъ на свѣжемъ воздухѣ, на солнечномъ припекѣ, подкрѣпилъ мои силы. Не доѣзжая Межигорья, Тимишъ сдѣлалъ привалъ. Бѣднижка дѣвочка, работая безпрерывно

шестомъ, до того изнемогла, что какъ только выпустила изъ рукъ свое орудіе, тотчасъ же и уснула. Собираясь разложить огонь, суровый хохолъ не переставалъ ворчать на спящую Присю, на которой лежала обязанность „пошукать дровецъ“, т. е. насобирать валявшейся на берегу сухой лозы и щепокъ. Пожалѣвъ бѣдняжку, которая такъ сладко спала, раскинувшись на песчаномъ берегу, я предложилъ хозяину свои услуги и натаскалъ ему цѣлую кучу хворосту. Костеръ нашъ запылалъ великолѣпно, отражаясь на темномъ фонѣ рѣки, какъ въ зеркалѣ. Мы возлежали и курили молча, пока поспѣетъ „кантопля“, зарытая въ золу. Десятка два картофелинъ да небольшая тарань, поджаренная на угольяхъ, составили для троихъ насъ весь ужинъ. Тутъ же, у потухающаго костра, мы и заснули. Чуть лишь стало „благословляться на свитъ“, мы уже были за работой. Чѣмъ ближе подъѣзжали къ Сваромью, тѣмъ дружнѣе налегалъ я на весло, несмотря на мучившую меня боль отъ мозолей на обѣихъ рукахъ, отвыкшихъ за два послѣдніе года возни съ веромъ отъ такой мускульной работы.

Кузина вышла на встрѣчу съ двумя мальчиками далеко за село. Мальчуганы попросились къ Тимошу на дуба, а мы съ ней пошли по берегу. Какъ ни медленно подвигался дубъ противъ теченія, но мы шли еще медленнѣе, дорожа каждой минутой свиданія, несмотря на то, что свиданіе это должно было продлиться цѣлый мѣсяцъ.

Описывать подробно, день за днемъ, пребываніе мое въ Сваромьѣ впродолженіе сего блаженнаго мѣсяца, было бы съ моей стороны крайне рискованно, во первыхъ потому, что трудно и почти невозможно чрезъ 50 почти лѣтъ воспроизвесть тѣ впечатлѣнія, которыя испытывалъ я на двадцатомъ году своей жизни; во вторыхъ, если бы мнѣ и удалась такая смѣлая попытка, то едва ли моя сердечная хроника заинтересовала бы кого нибудь хоть настолько, чтобы дочитать ее до конца. Любовь всегда смѣшна, если о ней разсказываютъ, замѣтилъ кто то. Если сердечная исповѣдь страдальца Данта—la vita nuova—чаруетъ наше воображеніе и трогаетъ чувство поэтически-художественнымъ изображеніемъ первой любви поэта, то это не потому, чтобы творецъ „Божественной комедіи“ чувствовалъ какимъ нибудь особеннымъ образомъ, или любилъ такъ,

какъ никто любить не въ состояніи: любовь есть чувство общечеловѣческое; она въ сущности была всегда одна и та же у всѣхъ людей:

Das ist eine alte Geschichte,
Aber sie ist immer neu,
Und vem sie just passiret,
Dem bricht sie Herz entzwei (Heine).

Сила любви не зависитъ ни отъ взаимности, ни отъ достоинства любимаго предмета, все дѣло въ воспріимчивости нашей собственной души и въ ея способности сильно чувствовать. Въ „Новой жизни“ Данта мы восхищаемся, — помимо содержанія, помимо, такъ сказать, фактической стороны его поэтической исповѣди, —художественной формой, въ которую воплотилъ онъ свою сердечную исповѣдь. Но кто же отважится идти по стопамъ великаго поэта?

У всякаго смертнаго, одареннаго отъ природы сильнымъ и глубокимъ чувствомъ, есть безъ сомнѣнія, своя сердечная тайна, но не у всякого достанетъ духу исповѣдать ее предъ человѣки. Есть люди, которые желали бы забыть свое прошлое,

И съ отвращеніемъ читая жизнь свою,

подобно мрачному пѣвцу Британіи, враждебно относятся ко всему, что напоминаетъ имъ о прежнихъ страданіяхъ: это разочарованные жизнію люди. Другіе, напротивъ, при воспоминаніи о своихъ молодыхъ годахъ, таютъ отъ блаженства и до сѣдыхъ волосъ остаются вѣрными своимъ юношескимъ утопіямъ это—неисправимые романтики:

Они переживаютъ вновь
Былыя радости, протекшія страданья,
Давно погасшую любовь.

Средину между этими двумя крайностями занимаютъ люди, которые относятся къ своему прошлому совершенно объективно: не придавая особенной важности впервые пробудившемуся чувству къ первой, случайно встрѣтившейся въ жизни молодой и красивой женщинѣ, они смотрятъ на любовь, какъ на непреложный законъ природы, какъ на магнитную силу, влекущую одинъ полъ къ другому. Въ ихъ глазахъ предметъ ихъ страсти не божество, по и не демонъ: l'homme n'est ni bête, ni ange, говоритъ Паскаль. Заплативъ дань юности немалымъ количествомъ de jolies folies и пришедши въ зрѣ-

лый возрастъ, они отрезвляются и совершенно спокойно могутъ вспоминать свое прошлое, не питая къ нему „ни злобы, ни любви“, какъ будто все случившееся съ ними было не съ ними, а съ кѣмъ нибудь другимъ. Это, по моему мнѣнію самыя счастливыя натуры. Но... къ сожалѣнію, я „не изъ ихъ числа“.

Потерпѣвъ неудачу, относительно поступленія на казенное содержаніе, я сознавалъ, что душевное мое настроеніе требуетъ нравственной поддержки, для того, чтобы совершенно не пасть духомъ и не побѣжать съ поля жизненной битвы при первой такъ сказать, авангардной стычкѣ съ непріятелемъ. Поддержку эту я и нашелъ въ кузинѣ. Горячее участіе, принятое ею въ моей судьбѣ, сочувствіе моему горю и заботливость о моемъ душевномъ спокойствіи облегчали мои страданія, угомонивъ на время тревожныя опасенія за будущее. Не желая отравлять кратковременнаго счастія въ настоящемъ, я вовсе пересталъ думать о будущемъ. Изъ многаго множества стиховъ, посвященныхъ воспоминанію объ этихъ блаженныхъ минутахъ, почти ничего не сохранилось.

Въ послѣднихъ числахъ августа возвратились изъ путешествія лѣсничій съ лѣсничихой и узнавши, что я живу въ Сваромьи около мѣсяца, какъ то изумленно посмотрѣли на меня и испуганно на дочь, чѣмъ привели насъ въ большое замѣшательство: мы обое, какъ говорится, спекли рака. Но, произведши секретно слѣдствіе, т. е. допросивши мальчиковъ, съ которыми я иногда, для вида, яко бы занимался, служанку, остававшуюся дома и хозяевъ, жившихъ тутъ же въ одномъ дворѣ—совершенно успокоились. Повидимому, все обстояло благополучно. Ночевалъ я постоянно то въ клунѣ на снопахъ, то въ шалашѣ на баштанѣ; приходилъ утромъ часовъ въ 6 къ чаю и заставалъ кузину за самоваромъ совершенно одѣтой. Послѣ чаю мы обыкновенно читали романы и поэмы, преимущественно Марлинскаго и Пушкина; обѣдали рано, по деревенски, послѣ обѣда шли на баштанъ, выбирали тамъ для прохлады лучшій арбузъ и лакомились имъ въ шалашѣ. Этою послѣднею статьей лѣсничій остался недоволенъ: много ужъ черезчуръ мы истребили арбузовъ, почти половина которыхъ передъ отъѣздомъ была имъ помѣчена, кому какой предназначался: куму Нечипоренку, от. Иліодору, губернскому лѣсничему Вальтеру, ревизору Шульгину и т. д. Недосчитавшись нѣко-

торыхъ изъ помѣченныхъ, лѣсничій очень сердился. Въ свое оправданіе, мы ссылались на воровство, отъ котораго трудно было уберечь такой лакомый фруктъ—все равно что „горохъ при дорози, хто йде той скубне“ (стихотвор. Гулака Артемовскаго) А въ то лѣто, какъ будто намъ на искушеніе, арбузы уродились превосходные, какъ же было не соблазниться ими въ жаркіе дни, когда сверхъ того, неутолимый внутренній жаръ располагалъ насъ къ такому прохладительному дессерту?

Просидѣвши жару въ шалашѣ или же подъ соснами на кладбищѣ, мы, при закатѣ солнца, совершали прогулку по высокому берегу Днѣпра, катались на лодкѣ или удили рыбу. Поздно возвратившись съ прогулки, пили чай и расходились. Что жъ тутъ предосудительнаго могъ замѣтить самый строгій соглядатай въ нашихъ отношеніяхъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а мнѣ пришло время оставить эти прогулки и плыть въ Кіевъ. Стряхнувши съ себя лѣнь и нѣгу, я рѣшился вступить въ борьбу съ враждебными обстоятельствами и биться до послѣдняго издыханія: или на щитѣ, или со щитомъ!

Пріѣхавши въ городъ, я уже не засталъ на своей квартирѣ ни одного черниговца и ни одной изъ своихъ книгъ и другихъ вещей. Чиновница моя не только не считала себя отвѣтственной за пропавшее имущество, но даже требовала съ меня 12 рубл. за квартиру, которая въ мое отсутствіе числилась за мною. Дѣло въ томъ, что незадолго до моего возвращенія, съ Кавказа прибылъ ея благовѣрный, горьчайшій пьяница, который поразогналъ всѣхъ квартирантовъ и успѣлъ въ нѣсколько дней позакладывать въ кабакъ все, что ни попалось ему на глаза. Пострадали и мои вещи. Вслѣдствіе такого подлаго нахальства со стороны моей хозяйки и денного грабежа кавказскаго разбойника, я остался съ 12 рублями асс. въ карманѣ, безъ книгъ, даже безъ бѣлья, которымъ, съ такою заботливостью, снабжала меня на дорогу моя матушка. Осталось у меня почти только то, что я успѣлъ захватить съ собой, уѣзжая въ Сваромье. Сундукъ, правда, уцѣлѣлъ, но нечего было туда прятать. Всѣ мои соквартиранты—черниговцы устроились отлично: одни поступили на казенное содержаніе, другіе нашли выгодныя кондиціи; одинъ я, какъ оглашенный, бродилъ по стогнамъ богоспасаемаго града, ища себѣ пріюта. **М. К. Чалый.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Поиски за кондиціями. Профессоръ Гриневичъ.

Для того, чтобы получить кондицію, хоть бы то за столъ и квартиру, нужно было имѣть протекцію и знакомства, а у меня ни того, ни другаго не было. Кто то посовѣтовалъ обратиться къ смотрителю печерскаго дворянскаго училища Фридману. Иду къ нему. Училище помѣщалось тогда на печерской базарной площади, въ деревяномъ одноэтажномъ домѣ, съ мезониномъ и палисадникомъ. Самъ смотритель жилъ на мезонинѣ. Вхожу въ переднюю—никого нѣтъ. Я дальше—меня окликнули: кто тамъ? Не отзываясь на окликъ, иду дальше. Вхожу въ слѣдующую комнату—на диванѣ лежитъ въ халатѣ отвратительнѣйшая фигура въ очкахъ, съ искривленною на сторону физіономіей. Взглянувши на меня сердито—пресердито, фигура схватилась съ дивана и исчезла вонъ изъ комнаты, крича на бѣгу во все горло: Иванъ! Иванъ! потомъ дальше на лѣстницу, въ кухню, все продолжая звать Ивана. Я стою среди комнаты и не знаю, что мнѣ дѣлать? Возвращается мой смотритель, въ сопровожденіи Ивана, ложится на диванъ, принявъ совершенно то же положеніе, въ какомъ я засталъ его, и, обратясь къ лакею, сказалъ: „дай мнѣ сигару!“ А сигары лежали тутъ же на столикѣ, подлѣ дивана. Исполнивши свою обязанность, Иванъ не счелъ нужнымъ оставаться въ передней и опять отправился на кухню. Закуривъ сигару, смотритель спросилъ наконецъ, что мнѣ нужно? Я сказалъ, что очень нуж-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 9, сентябрь.

даюсь въ кондиціи. Фридманъ заговорилъ со мною по нѣмецки (должно быть выкрестъ, подумалъ я невольно), потомъ по французски, потомъ сталъ экзаменовать меня по латыни. Я съ смиреннымъ видомъ осмѣлился ему замѣтить, что я студентъ и что меня уже подвергали экзамену. „Это, говоритъ, ничего не значитъ: мнѣ нужно, чтобы репетиторъ говорилъ на иностранныхъ языкахъ. Прощайте!“

— Ахъ ты, жидовская образина! выругался я, сходя съ лѣстницы.

Объ этомъ невѣжливомъ и безобразномъ господинѣ по Кіеву ходилъ такой анекдотъ: вышелъ онъ однажды на балконъ въ халатѣ и въ красной фескѣ съ „китыцей“. Сидитъ и куритъ трубку. Возвращаются съ базара крестьяне. Одинъ изъ нихъ обратился къ другому, указывая кнутовищемъ на Фридмана, съ такою рѣчью:

— Онъ бачъ, яка малпа (обезьяна) сыдыть, та ще й люльку пыхкае, бисова вира.

Фридманъ вскакиваетъ, начинаетъ кричать и топать ногами, а крестьянинъ ему: грр, грр! бачъ, яка злюча, бисова малпа!...

Я нисколько не сомнѣваюсь въ истинѣ этого анекдота и не удивляюсь простакамъ, принявшимъ сего ученаго мужа, говорящаго на трехъ языкахъ, со включеніемъ еврейскаго жаргона, за обезьяну— сходство его съ шимпанзе поразительное!

Замѣчательно, что этотъ уродъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ начальства и имѣлъ въ Липкахъ обширный кругъ аристократическаго знакомства.

Проходивши весь день и потерпѣвъ вездѣ неудачи, я возвратился на квартиру, сѣлъ на своемъ пустомъ сундукѣ и принялся съ горя за колбасу, привезенную изъ деревни, давши себѣ слово не вкушать отъ стола негодной чиновницы, которая, желая меня скорѣе выжить, даже кровать велѣла вынести, такъ что я долженъ былъ растянуться на полу, отдавъ свое тѣло на съѣденіе плотоядным насѣкомымъ. Но не столько мѣшали мнѣ заснуть эти негодныя твари, сколько самъ хозяинъ, провосвавшій всю ночь съ женой и угомонившійся на разсвѣтѣ.

— Я за тебя кровь проливалъ! кричалъ онъ осиплымъ отъ пьянства голосомъ: я тебѣ пенсію выслужилъ, ты меня обязана почитать и уважать! Я моему государю дорого стою—я кавалеръ!..

На другой день я снова отправился на охоту за кондиціями. Зашедши въ соборную залу, я получилъ отъ неделя письмо изъ Москвы.

Вася Глотовъ просилъ меня побывать у его роднаго дяди, профессора римской словесности Ильи Ѳедоровича Гриневича.

„Познакомься съ нимъ, прибавляетъ онъ, авось онъ тебѣ пригодится“.

Изъ университета я прямо направилъ стопы къ профессору на Кресты. Гриневичъ принялъ меня радушно, какъ земляка, оставивъ у себя обѣдать. Семья у него была огромная: жена и штукъ 8 дѣтей, малъ мала меньше, да пансіонеровъ четверо—два мальчика и двѣ дѣвочки. Сѣли за столъ. Послѣ супу стоявшій за моимъ стуломъ запачканный и босой мальчикъ Микитка, по знаку барина, крикнулъ надъ самымъ моимъ ухомъ: кукуреку! что меня не столько испугало, сколько удивило, что профессоръ заставляетъ своего крѣпостнаго пѣть пѣтухомъ. „Должно быть, большой шутникъ этотъ баринъ“, подумалъ я.

Впродолженіе обѣда хозяинъ нѣсколько разъ вставалъ изъ-за стола и уходилъ въ свой кабинетъ, откуда всякій разъ возвращался облизываясь и покрякивая. Къ концу обѣда онъ совершенно опьянѣлъ и заговорилъ по латыни. Затѣмъ, не попрощавшись со мной, ушелъ и уже не возвращался. Жена просила меня придти вечеромъ—поговорить на счетъ кондиціи, которую Илья Ѳедоровичъ желаетъ предложить мнѣ. Вечеромъ, за чаемъ, мы условились: квартира со столомъ за 7 душъ учениковъ; кромѣ того, заниматься со старшимъ сыномъ Ильюшей по методу Жакото утромъ отъ 5 до 8 часовъ, а съ остальными тремя мальчиками и тремя дѣвочками послѣ обѣда, сколько влѣзетъ. Выгоды, положимъ, не блистательныя, но торговаться было неумѣстно: бери, что даютъ, коли не хочешь остаться на улицѣ съ пустымъ стомахомъ! Правда, профессоръ намекнулъ мнѣ про богатаго дядюшку своихъ пенсіонеровъ, Павла Петровича Должикова, въ домѣ котораго онъ жилъ, но это былъ лишь журавль въ небѣ.

На другой день утромъ я перевезъ на Кресты свой сундукъ. Меня помѣстили вмѣстѣ съ четырьмя мальчиками въ двухъ небольшихъ комнатахъ, поставивши для меня коротенькую, почти дѣтскую кровать, столикъ, стулъ, да еще одну кровать въ той же комнатѣ для Ильюши.

Илья Ѳедоровичъ Гриневичъ—личность, въ нѣкоторомъ родѣ, историческая. Въ 1816 году, имѣя уже ученую степень магистра,

онъ вмѣстѣ съ Ковалевскимъ былъ удостоенъ харьковскимъ университетомъ степени доктора философіи; но вслѣдъ за тѣмъ профессоръ Дегуровъ [1]) донесъ министру, что диссертаціи новоиспеченныхъ докторовъ буквально списаны съ печатнаго сочиненія профессора Шада и буквально сходны съ записками студентовъ; вслѣдствіи чего 13 декабря того же года ректоръ получилъ изъ министерства бумагу, въ силу коей отъ Гриневича и Ковалевскаго отобраны докторскіе дипломы, такъ какъ диссертаціи оказались дѣйствительно подложными. Послѣ такого скандала Гриневичу оставаться въ Харьковѣ было неудобно. Ему дали каѳедру въ Ришельевскомъ лицеѣ, а затѣмъ сдѣлали директоромъ кишиневской гимназіи, откуда онъ, не выслуживъ пенсіи, былъ уволенъ въ отставку, съ начетомъ значительной суммы за растрату казеннаго имущества.

По увольненіи изъ университета профессора Якубовича, 27 іюля 1839 года, Гриневичъ подалъ въ совѣтъ прошеніе о предоставленіи ему вакантной каѳедры римской словесности съ приложеніемъ къ нему брошюрки: „Письма о философскихъ предметахъ“ и перевода цицероновой рѣчи „Pro T. A. Milone“. На основаніи отзыва пр. Нейкирха, совѣтъ отказалъ Гриневичу; но онъ вошелъ съ прошеніемъ вторично „о допущеніи его хоть временно къ преподаванію латинскаго языка и словесности и на сей разъ „боголюбивѣйшій совѣтъ“ (такъ выразился Гриневичъ въ прошеніи), допустивъ его къ пробной лекціи „о жизни и сочиненіяхъ Тацита“ и признавъ оную удовлетворительною, предоставилъ ему каѳедру экстраординарнаго профессора, но съ адъюнктскимъ содержаніемъ въ 2300 рубл. асс., съ удержаніемъ 1/3 въ уплату числившейся за нимъ недоимки по кишиневской гимназіи.

Нашедши себѣ пристанище и нѣсколько успокоившись послѣ душевной передряги, я принялся за работу. Меня нисколько не пугали предстоявшіе труды и возня съ бездарными дѣтьми—дѣло для меня привычное: четвертый годъ я промышлялъ репетиціями; но меня

---

[1]) Во время французской революціи у Робеспьера былъ нѣкоторое время секретаремъ *Дюгуръ*, который, сберегая свою голову, бѣжалъ изъ Парижа и явился въ Россію благонамѣреннымъ эмигрантомъ. Въ Петербургѣ, въ качествѣ дѣтскаго гувернера онъ втерся въ дома вельможъ и скоро очутился профессоромъ харьковскаго университета подъ именемъ *Дегурова*; за доносъ, сдѣланный на сослуживцевъ, попалъ въ ректоры петербургскаго университета, по оттуда былъ выкуренъ попечителемъ

приводилъ въ смущеніе Жакото. Прошло три дня, а профессоръ не открывалъ мнѣ тайны этого чудотворнаго метода, научающаго говорить и даже писать по латыни незнающаго азбуки. Наконецъ тайна разоблачилась.

Развернувъ Цицерона, профессоръ указалъ на первую кателинарію:

— Съ этого, говоритъ, вы и начнете съ Ильюшей. Прежде всего пусть онъ выучитъ вотъ эту страничку наизусть.

— Позвольте, Илья Ѳедоровичъ, какъ ему выучить, коли онъ еще и латинской азбуки не знаетъ? возразилъ я.

— Въ этомъ то и штука, продолжаетъ ученый мужъ, иронически улыбаясь моему невѣжеству, на этомъ отрывкѣ мой сынъ долженъ научиться не только читать, но и пройти всю грамматику. Только, пожалуйста, не мудрствуя лукаво, дѣлайте такъ, какъ я вамъ предлагаю: пусть прежде выучитъ эту страничку наизусть.

— Не знаю, какъ это сдѣлать, а впрочемъ попробуемъ. Скачы, враже, якъ панъ каже! говорятъ у насъ за Днѣпромъ.

— Да, любезнѣйшій, займитесь съ моимъ сыномъ по методѣ Жакото—это и вамъ пригодится, когда вы будете учителемъ.

Преподавши такой мудреный способъ ученія, Илья Ѳедоровичъ ушелъ и я не видѣлъ его цѣлую недѣлю ни дома, ни на лекціяхъ: значитъ, получилъ жалованье и запилъ.

Принялся я за Ильюшу крѣпко. Будилъ его въ 5 часовъ и мучилъ латынью до 8. Вопреки данной мнѣ инструкціи, я сперва научилъ его читать, а потомъ уже, въ угожденіе папашѣ, заставилъ выучить полстраницы на память, такъ что онъ, какъ попугай, преизрядно барабанилъ; Quousque tandem, Catilina... даже съ повышеніями и съ пониженіями голоса на указанныхъ ему словахъ.

Когда профессоръ, по выздоровленіи, пришелъ въ нашу комнату, то былъ пріятно удивленъ быстрыми успѣхами своего сына. Затѣмъ, принялись за грамматику тѣмъ же рутиннымъ способомъ, т. е. съ помощію учебника, о чемъ профессоръ не долженъ былъ знать, возложивъ все упованіе на фокусника Жакото.

Уваровымъ и поселился въ Одессѣ, выстроилъ домъ и продалъ городу свою библіотеку, состоящую изъ 6846 томовъ, похищенныхъ „благопріобрѣтеннымъ способомъ“ изъ библіотекъ университетовъ харьковскаго и петербургскаго и частныхъ боярскихъ библіотекъ, какъ показывали этикеты. (См. „Рус. Старина“ 1888 г. № 9, стр. 589).

Занявшись битыхъ три часа съ Ильюшей, я отправлялся на лекціи, а послѣ обѣда усаживалъ за столъ всѣхъ своихъ питомцевъ и если не случалось послѣобѣденной лекціи, возился съ ними до самаго ужина. Профессоръ взвалилъ на меня всѣ предметы, не исключая и Закона Божія, оставивъ за собой только новѣйшіе языки, но съ дѣтьми никогда не занимался, возложивъ эту обязанность на профессоршу.

Видя мое усердіе, или точнѣе ослиное терпѣніе, въ нескончаемой вознѣ съ избалованными дѣтьми и не будучи въ состояніи вознаградить меня, сообразно моему труду, профессоръ свелъ меня однажды съ дядюшкой своихъ пансіонеровъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы онъ отъ себя назначилъ мнѣ какой нибудь гонораръ. Это былъ никто другой, какъ извѣстный кіевскимъ старожиламъ аферистъ Павелъ Петровичъ Должиковъ, съ именемъ котораго связано воспоминаніе о его пресловутой библіотекѣ, съ вывѣской: „Аптека для души“.

— Извольте, живо согласился Павелъ Петровичъ, я съ моимъ удовольствіемъ могу вамъ отъ себя дать сто рублей асс. въ годъ.

— Да мнѣ, говорю, теперь нужны деньги, я, какъ видите, до сихъ поръ не имѣю форменнаго сюртука и не заплатилъ за матрикулъ. (А о томъ, что я уже двѣ недѣли хожу въ университетъ на собственной подошвѣ, я, конечно, молчалъ).

— Теперь, говоритъ, при мнѣ нѣтъ денегъ, а вотъ я ужо приду, тогда и... до свиданія!

Да какъ ушелъ, то я его больше и въ глаза не видалъ.

Находясь въ такой крайности, я, скрѣпя сердце, обратился за помощью къ своему зятю В. Ф. Слищенку, прося его выслать мнѣ 20 рублей, или хоть сколько можно, но не дождавшись отъ него отвѣта, воспользовавшись сумятицей, поднятой въ университетѣ пріѣздомъ министра Уварова, я махнулъ за Днѣпръ, въ надеждѣ поживиться на счетъ кармана лѣсничаго, „чтобы заткнуть ротъ“ инспектору, недававшему мнѣ проходу и грозившему исключеніемъ.

Допхавшись на дубѣ до Староселья, я вышелъ на берегъ, надѣясь скорѣй добраться до Сваромья сухопутью, но на мою бѣду обывательскихъ лошадей въ селѣ не случилось и я долженъ былъ цѣлыхъ 10 верстъ плестись на волахъ. Это было въ половинѣ октября, холодъ былъ страшный, а ѣхать мнѣ пришлось лугомъ по-

надъ Днѣпромъ. Чтобы защитить меня отъ стужи, сердобольный возница, привернувши до стога, взвалилъ на меня съ полкопицы сѣна и мнѣ стало такъ тепло, что я проспалъ большую часть дороги. Наконецъ, сквозь сладкую дремоту, мнѣ послышался знакомый лай Милорда: волы подъѣзжали къ крыльцу лѣсничаго.

— А що? сѣнца мени привизъ? вопрошаетъ лѣсничій возницу, вышедши на крыльцо съ перомъ за ухомъ.

— Ни, ваше благородыя—я вамъ панка привизъ!

Не успѣлъ лѣсничій спросить: а дежъ твій панокъ? какъ я, сбросивши съ себя сѣно, предсталъ предъ нимъ во всей красѣ своей. Толстякъ лѣсничій расхохотался такой „студентской штукѣ“, а у кузины на глазахъ навернулись слезы: какъ видно, она въ моемъ путешествіи на волахъ въ холодъ и стужу, въ одной шинелишкѣ, подбитой вѣтеркомъ, усмотрѣла не одну „студентскую штуку“. Вошли въ комнату. Прежде чѣмъ я заикнулся о цѣли своего пріѣзда, скаредъ лѣсничій, а за нимъ и его дражайшая половина, еще большій скаредъ, догадавшись въ чемъ дѣло, затянули унисономъ дуэтъ на тему: „какъ трудно жить на свѣтѣ“, съ нескончаемыми варіаціями, въ которыхъ слышались жалобы на большіе расходы, малое жалованье и т. п.

Жестоко и противно евангельскому слову отказывать въ помощи просящему; но отказывать нуждающемуся прежде, чѣмъ онъ успѣетъ открыть ротъ о своей нуждѣ — безчеловѣчно. А вѣдь люди они были очень и очень не бѣдные. У нихъ порядочное свое состояніе да казенный лѣсъ при большой сплавной рѣкѣ, уносящей внизъ по теченію строевыя и нестроевыя деревья, о которыхъ не вѣдали ни ревизоры, ни управляющій палатой государственныхъ имуществъ, но о которыхъ извѣстно было мнѣ доподлинно. Притомъ, я былъ вправѣ не просить, а требовать за свои прежніе труды хоть какое нибудь вознагражденіе, но считая себя уже достаточно облагодѣтельствованнымъ пошитьемъ шинели и присылкой якобы за мной лошадей, я, скрѣпя сердце, вернулся въ Кіевъ, съ тѣмъ съ чѣмъ оттуда выѣхалъ, а всего то и нужно было 7 р. 50 к.— заплатить за матрикулъ.

Вытерпѣвъ грозу отъ инспектора за самовольную отлучку изъ города, о чемъ не преминулъ отрапортовать ему подлый недель, я, въ ожиданіи денегъ отъ зятя, принялся снова за свои занятія.

Наканунѣ моего возвращенія, 23 октября, инспекторъ донесъ попечителю, что студенты Малеванскій, Полтовичъ, Яровой, Р—ій и Бурцовъ пришли въ институтъ пьяные; попечитель доложилъ министру, а тотъ приказалъ немедленно исключить ихъ изъ университета. Съ первыхъ же словъ инспектора я замѣтилъ, что онъ хочетъ подвести меня подъ одну категорію съ этими забіяками, но выслушавъ мое оправданіе, онъ смягчился и рѣшилъ исключеніе замѣнить карцеромъ. Между тѣмъ министръ уѣхалъ, деньги за матрикулъ уплачены и я остался на свободѣ.

Профессоръ мой каждое первое число предавался запою. Семейство нуждалось страшно. Если бы не помогали ему добрые люди, то, при адъюнктскомъ содержаніи, съ удержаніемъ изъ него третьей части, едва ли бы дожилъ до половины мѣсяца и намъ всѣмъ приходилось бы плохо. Сколько мнѣ извѣстно, ему оказывали матеріальную поддержку преосвященный Иннокентій, профессоръ астрономіи Ѳедоровъ и знакомый всему городу „эмеритъ“ Абламовичъ. О послѣднемъ не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ.

Бывшій профессоръ физики въ кременецкомъ лицеѣ, долгое время путешествовавшій на счетъ виленскаго университета по Европѣ, а по закрытіи лицея переведенный въ университетъ св. Владиміра, Абламовичъ, по выходѣ въ отставку въ 1839 году, навсегда поселился въ Кіевѣ. Кто не зналъ въ началѣ 40-хъ годовъ этого антика? Проводя весь день на улицѣ, „эмеритъ“ только спалъ въ своей квартирѣ. Излюбленнымъ мѣстомъ его пребыванія былъ мостъ (гдѣ нынѣ никольскія крѣпостныя ворота): тутъ онъ обыкновенно стоялъ, облокотившись о перила, окруженный толпой студентовъ, рѣдкій изъ которыхъ, проходя по мосту, не былъ остановленъ словоохотливымъ старикомъ. Собравъ такимъ образомъ довольно людную аудиторію, профессоръ начиналъ свои нескончаемые разсказы и анекдоты, длившіеся до тѣхъ поръ, пока призывный звонокъ на лекціи не прерывалъ ихъ до слѣдующаго дня. А ему, какъ очевидцу французской революціи 1830 года и за тѣмъ польской, было о чемъ поразсказать и молодежь слушала его съ большимъ интересомъ. Да

и наружность эмерита была внушительная: онъ сохранилъ и свой профессорскій костюмъ (suknia akademicka), и остатокъ длинныхъ волосъ, когда то обильно разсыпавшихся по плечамъ, и даже свою традиціонную трость.

Оставшись на мосту одинъ, физикъ подзывалъ извощика и за четвертакъ велѣлъ ему ѣхать на Подолъ. Но едва тотъ тронется съ мѣста — „стой! стой!“ кричитъ профессоръ: знакомый попался на встрѣчу. Сидитъ себѣ на дрожкахъ и балагуритъ добрыхъ полчаса; потомъ, проѣхавши немного, опять останавливаетъ возницу и такимъ образомъ ѣдетъ на Подолъ добрыхъ два часа, да оттуда почти столько же, а тамъ и обѣдать пора. Если же случалось ему залучить кого нибудь въ квартиру, то гость въ другой разъ не скоро къ нему заглянетъ.

Разъ Илья Ѳедоровичъ попросилъ меня отнесть къ Абламовичу письмо. Жилъ тогда „эмеритъ“ на Московской улицѣ, занимая мезонинъ деревяннаго дома съ балкономъ на улицу. Это было вечеромъ. Засталъ я старика за чаемъ. Прочитавъ наскоро посланіе (рѣчь шла о деньгахъ), онъ спросилъ мою фамилію. Я назвалъ себя.

— А знаете ли вы, молодой человѣкъ, откуда „походитъ“ ваша фамилія?

— Есть, отвѣчаю, народная дума „Про Саву Чалого“, но едва ли можно доказать...

— Нѣтъ, вы меня старика послушайте: я вамъ историческимъ путемъ „выложу и доводу“ происхожденіе вашей фамиліи.

И началъ онъ свое историческое изслѣдованіе, чѣмъ бы вы думали? Походомъ Святослава на Византію! Слушалъ я его болтовню битыхъ два часа и неизвѣстно, долго ли еще пришлось бы слушать, если бы меня не выручилъ пришедшій къ нему гость. Я откланялся и ушелъ, пообѣщавъ зайти въ другой разъ дослушать генеалогію моихъ предковъ.

Чѣмъ дольше я жилъ у Гриневича, тѣмъ невыносимѣе становилось житье мое. Помимо вѣчной возни съ дѣтьми, онъ заставлялъ меня переписывать свои „философическія письма“, которыя, по его словамъ, долженствовали просвѣтить меня великими истинами. Объемистая тетрадь моего писанья, яко бы просмотрѣнная и одобренная

Иннокентіемъ, должна была появиться въ свѣтъ второю брошюрой. (первая напечатана была прежде въ Одессѣ). Содержаніе этихъ писемъ, если только они не переводъ съ французскаго, по всей вѣроятности, принадлежитъ профессору Шаду. Коли въ 1815 г. Илья Ѳедоровичъ не стѣснился склеить свою докторскую диссертацію изъ лекцій своего профессора еще при его жизни, то спустя 25 лѣтъ, по смерти Шада, онъ смѣло могъ выдать его философію за свою.

Профессоръ Шадъ человѣкъ замѣчательный. Въ 1814 году Шиллеръ и Гете рекомендовали его министру народнаго просвѣщенія, какъ знаменитость, и онъ получилъ каѳедру философіи и естественнаго права въ харьковскомъ университетѣ. Въ сочиненіяхъ его: „De viris illustribus Romae“ и „Institutiones juris naturae“ министерство усмотрѣло вредное направленіе, вслѣдствіе чего въ 1816 году Шадъ былъ высланъ за границу: его не спасли ни Шиллеръ, ни Гете. Мысли, показавшіяся опасными нашимъ охранителямъ тогдашняго времени, заключались между прочимъ въ слѣдующемъ: „Рабство, говоритъ Шадъ, въ собственномъ смыслѣ, по которому человѣкъ разсматривается, какъ вещь, противорѣчитъ естественному праву, хотя, съ другой стороны, были и теперь есть господа, считающіе своимъ правомъ отнимать у рабовъ своихъ не только имущество, но и жизнь и не признающіе за рабами личнаго человѣческаго права; однако такое убѣжденіе противно общественной жизни, какъ не основанное на общемъ благѣ“. (см. „Р. Мысль“ 1884, 2).

Казалось бы, что ученикъ такого гуманнаго профессора долженъ бы былъ весь проникнуться его высокими идеями, но къ сожалѣнію, сочиненія этого ученаго не имѣли на него ни малѣйшаго вліянія.—У нашего голяка-профессора римской словесности, по примѣру древнихъ римлянъ, были свои рабы, въ классическомъ значеніи этого слова. Несчастная семья его крѣпостныхъ людей состояла изъ дворника, его жены кухарки, горничной и 12-ти лѣтняго пѣтуха Микитки. Бѣдственное положеніе этихъ илотовъ едва ли можно вообразить. Вѣчно голодные, оборванные, съ синяками отъ побоевъ, которыми ихъ щедрою рукой почти ежедневно надѣлялъ ученый палачъ профессоръ—право они, не походили даже на людей. Особенно претерпѣвала кухарка Мавра. Какъ только придетъ съ

базара и станетъ отдавать отчетъ въ покупкахъ—и начнется истязаніе за какіе нибудь гроши. Эта бѣдная, забитая, замученная женщина, сдавая отчетъ, постоянно себя обсчитывала, путаясь и сбиваясь отъ страха. Пользуясь ея замѣшательствомъ, ее тутъ же уличали въ воровствѣ и нещадно били по щекамъ. Однажды, въ моемъ присутствіи, произошла такая расправа:

— А позвать ко мнѣ Мавру! прорекъ профессоръ.

Въ залу вошла, трясясь какъ въ лихорадкѣ, исхудалая, беременная женщина и остановилась у порога. Начался инквизиторскій допросъ, „съ пристрастіемъ“.

— Ты зачѣмъ своему щенку господское молоко даешь?

— Богъ мене накажи, я только двѣ ложечки дала слабой дытыни, щобъ перестала плакать—взмолилась Мавра, обливаясь слезами.

— А а, двѣ ложечки! двѣ ложечки? Становись на колѣни! Микитка! бей матку по щекамъ, да хорошенько! такъ ее, такъ! еще! еще! приговаривалъ профессоръ, поощряя идіота.

Но и этого показалось мало: самъ баринъ собственноручно далъ ей въ придачу нѣсколько паль лежавшей на учебномъ столѣ линейкой. Я не могъ вынести такого безчеловѣчія и оставивъ учениковъ, опрометью пустился бѣжать изъ дому; но куда?...

Кругомъ нашей квартиры гнѣздились дома терпимости; это были знаменитые во время о́но „Кресты“, гдѣ по цѣлымъ ночамъ совершались безобразнѣйшія оргіи. Дикія завыванія надорванныхъ, пьяныхъ голосовъ; громъ и трескъ проломленныхъ дверей, разбитыхъ оконъ; львиное рыканіе разгулявшагося купца; вопли и визгъ избиваемыхъ женщинъ—нерѣдко среди ночи пугали дѣтей и сокращали время, остававшееся у меня для сна, послѣ изнурительныхъ занятій. Самъ хозяинъ мой, предаваясь запою, въ присутствіи жены и дѣтей приставалъ съ любезностями къ кормилицѣ, красивой, дородной женщинѣ, произнося такія слова, какія только можно было услышать въ сосѣднихъ домахъ. Дѣти такъ привыкли къ подобнымъ безобразіямъ, что и себѣ иногда позволяли непечатную брань и рукопашную расправу съ прислугой. За это я сталъ съ нихъ взыскивать, къ великому неудовольствію родителей, не находившихъ въ такомъ поведеніи мальчиковъ ничего безнравственнаго.

Скоро у моихъ питомцевъ обнаружились нѣкоторые пороки, которымъ научилъ ихъ Микитка. Вслѣдствіе этого способности моего воспитанника день ото дня замѣтно тупѣли: память слабѣла, соображенія не стало вовсе—и съ виду сталъ онъ все болѣе походить на идіота Микитку. Очевидно, наши успѣхи въ латинскомъ языкѣ не только не подвигались впередъ, но пошли назадъ: онъ сталъ забывать и то, чему я успѣлъ научить его съ такими пожертвованіями, въ ущербъ своимъ собственнымъ занятіямъ. Терпѣніе мое наконецъ лопнуло.

Однажды, пробившись съ нимъ по пусту два часа и не видя ни малѣйшаго прогресса въ его успѣхахъ, я вспылилъ. Вырвавъ изъ рукъ его книгу, бросилъ ее въ уголъ, прибавивъ въ сердцахъ: „тебя и самъ дьяволъ ничему не научитъ, если ты не перестанешь дѣлать гадости! Выйдетъ изъ тебя такой же дурень, какъ Микитка".

Одѣвшись наскоро, я ушелъ изъ дому, не зная самъ, что дѣлать съ собой и куда бѣжать отъ этого вертепа? Но развязка, сверхъ моего чаянія, воспослѣдовала очень скоро. Послѣ обѣда, едва я успѣлъ войти въ свою комнату, ко мнѣ влетѣлъ профессоръ.

— А ты, говоритъ, какъ смѣлъ бранить моего сына? Ты—мужикъ, а онъ сынъ статскаго совѣтника!

Не помня себя, я схватился за чубукъ и сдѣлалъ, въ свою очередь, наступленіе на профессора, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ поучить этого пьянаго философа болѣе вѣжливому обращенію съ учителемъ его дѣтей; но къ счастію нашему, на нашъ крикъ прибѣжала профессорша и увлекла свое пьяное сокровище въ спальню, заперевъ за нимъ двери.

Выскочивъ на улицу безъ шапки, я подозвалъ извощика, уложилъ свою мизерію и „отряхше прахъ отъ ногъ своихъ", покинулъ навсегда жалкое семейство профессора, оставивъ ему на бѣдность и тѣ три карбованца, которые онъ у меня взялъ до полученія жалованья.

Квартира со столомъ на 2 р. 83 к. въ мѣсяцъ.

Nos sumus bursacia: штанцисque рубацисque caremus, et вопь perpetuo тило cusare soleBat.

(Изъ семинарской латыни).

Выбравшись изъ невылазной грязи Крестовскаго проулка на главную тогда Московскую улицу, извощикъ остановилъ лошадь и предложилъ для него весьма обыкновенный, а для меня неразрѣшимый вопросъ: „куда прикажете—на право, или на лѣво?“

— Постой, мой другъ, дай подумать, отвѣчалъ я.

Минутъ пять простоялъ извощикъ, не двигаясь съ мѣста, а я все еще не рѣшилъ, куда мнѣ ѣхать. Наконецъ, поуспокоившись немного отъ сильнаго волненія, я вспомнилъ квартиру двухъ студентовъ-юристовъ, моихъ однокурсниковъ, изъ переяславской семинаріи. Жили они на Никольской улицѣ въ домѣ вдовицы Тевѣшовой, во дворѣ, рядомъ съ кухней, въ двухъ крохотныхъ комнатахъ, на своемъ продовольствіи.

— Валяй на Никольскую!

Оставивъ извощика у воротъ съ своимъ скарбомъ, я вошелъ къ студентамъ: „такъ и такъ, говорю, скверно, пустите, ради Христа, на квартиру, что будетъ слѣдовать—заплачу, когда будутъ деньги, а теперь—нема!“

Старѣйшій изъ студентовъ, съ которымъ я былъ знакомъ нѣсколько короче, назывался Архипомъ Елисеевичемъ Бѣлоконовымъ, а младшій—Иларіономъ Иларіоновичемъ Менделевымъ.

— Какъ вы полагаете, Иларіонъ Иларіоновичъ, обратился старѣйшій къ своему коллегѣ: я думаю, можно ихъ принять?

— А можно, отозвался изъ другой комнаты товарищъ, игравшій въ это время на гитарѣ: только разскажите имъ, Архипъ Елисеевичъ, о нашемъ обѣдѣ, можетъ имъ не понравится?

На это я сказалъ, что мнѣ приходилось жить и вовсе безъ обѣда, а потому я буду доволенъ всякимъ кушаньемъ.

Аккуратнѣйшій во всемъ, какъ нѣмецъ, Архипъ Елисеевичъ принялся на лоскуткѣ бумаги дѣлать разсчетъ, сколько выйдетъ провизіи на троихъ въ мѣсяцъ и что придется на мою долю.

— Я это дѣлаю для того, прибавилъ онъ, чтобы послѣ не вышло между нами какого нибудь недоразумѣнія.

По сдѣланному исчисленію расходовъ, оказалось, что я долженъ вносить въ общую кассу за столъ и квартиру 2 р. 83 коп. въ мѣсяцъ. Обрадовавшись такой находкѣ, я расцѣловалъ Архипа и тотчасъ же перетащилъ свой сундукъ въ первую комнату и принялся устраивать себѣ логово, выпросивши у хозяйскаго кучера два куля соломы.

Разговорившись съ моими новыми сожителями, я узналъ нѣкоторыя подробности изъ ихъ біографій. А. Е. Бѣлоконовъ, сынъ сельскаго дьячка, готовилъ себя во іерея. По окончаніи переяславской семинаріи, онъ женился на приходѣ и, проведши съ женой всего три недѣли, уѣхалъ въ Кіевъ рукополагаться. Пока успѣлъ онъ ублаготворить консисторію да архіерейскихъ келейниковъ, прошло еще двѣ недѣли. Наканунѣ дня, назначеннаго для посвященія, Архипъ Елисеевичъ получилъ отъ отца письмо, извѣщавшее его, что молодая жена „скоропостижно умре“. Къ счастію, письмо пришло во время, а то пришлось бы молодому вдовцу идти въ монастырь. Потерпѣвши крушеніе, А. Е. опредѣлился учителемъ въ бурсу, а потомъ, съ помощію О. М. Новицкаго, бывшаго профессора переяславской семинаріи, былъ принятъ въ университетъ.

Иларіонъ Иларіоновичъ, уроженецъ Переяслава, хотя и происходилъ изъ дворянъ, но семинарское воспитаніе наложило и на него неизгладимую печать „духовнаго“ типа. Сестра его была замужемъ за священникомъ одной изъ переяславскихъ церквей, да и братцу ея слѣдовало бы идти во священники по его аскетическимъ наклонностямъ.

И стали мы жить да поживать втроемъ, на артельныхъ началахъ, какъ живали въ старину кіевскіе бурсаки, у которыхъ сложилось такъ много характерныхъ изреченій, съ примѣсью варварской латыни, въ родѣ приведенной выше.

Архипъ нашъ былъ образцовымъ экономомъ. Самъ ежедневно ходилъ на базаръ, приносилъ провизію, заказывалъ кухаркѣ обѣдъ (за что она получала 75 к. ас. въ мѣсяцъ), а вечеромъ въ собственной грубкѣ готовилъ ужинъ. Обѣдъ состоялъ изъ двухъ, а иногда изъ одного блюда, а на ужинъ варился кулишъ или кутья.

Чай пили по воскресеньямъ и по большимъ праздникамъ, табакъ каждый обязанъ былъ имѣть свой.—Разъ у меня случилось безтабачье, и я нѣсколько дней не курилъ. Архипъ, какъ на зло, купилъ себѣ четверку Мусатова, стоившую гривенникъ. Одолжаться я не привыкъ, а гривенника не было. Но какъ по пословицѣ: голь на выдумки хитра, то и я пустился на хитрости. Въ печкѣ у насъ трещалъ огонь и готовился кулишъ со снятками.

— А съ чѣмъ у насъ, А. Е—чъ, будетъ сегодня кулишъ? спрашиваю я.

— Со снятками, освѣчаетъ онъ добродушно.

— Что жъ положили уже въ горшокъ снятковъ?

— Нѣтъ, еще рано—пусть закипитъ.

— Да вы вѣрно забыли—тамъ уже есть снятки.

— Нѣтъ, отвѣчалъ съ увѣренностію коллега, ихъ тамъ нѣту, я еще не бросилъ.

— Да увѣряю васъ, вы позабыли—давайте на пари.

— Извольте, я согласенъ—о чемъ же?

— Ну хоть о полпачкѣ Мусатова!

Менделевъ рознялъ наши руки. Помѣшали ложкой въ горшкѣ—тамъ дѣйствительно оказались снятки, брошенные мною тайкомъ отъ Архипа.

— А—плутъ, Михайло Корніевичъ! съ добродушнымъ смѣхомъ воскликнулъ коллега, разрѣзая ножикомъ на двѣ равныя части пачку табаку, и мы, сидя у печки, закурили каждый свой собственный табакъ, не прибѣгая къ одолженіямъ.

Въ концѣ ноября въ сборной залѣ пронесся слухъ, что въ институтѣ казеннокоштныхъ студентовъ открылась вакансія. Одинъ изъ студентовъ натворилъ много безобразій, принявъ дѣятельное участіе въ „Крестовыхъ походахъ“, такъ что терпѣть его въ закрытомъ заведеніи не было возможности. На открывшуюся вакансію объявленъ конкурсъ. Соискатели обязаны были выдержать полугодичный экзаменъ; получившій лучшіе баллы занимаетъ вакантное мѣсто. Охотниковъ до казеннаго хлѣба нашлось не мало, но половина ихъ отстала послѣ перваго же экзамена. Остались два словесника, юристъ и математикъ. Сознавая всю важность предстоявшаго мнѣ испытанія, я употребилъ нечеловѣческія усилія, чтобы побороть своихъ соперниковъ. Пройдено втеченіе полугодія было очень

много, а у меня, человѣка кабальнаго, сверхъ того, оказалось много пробѣловъ. Я принялся за дѣло энергически и одержалъ верхъ надъ соискателями, получивъ полные баллы по всѣмъ предметамъ, за исключеніемъ, впрочемъ, греческаго языка, которому я началъ учиться съ азбуки. Но дѣло этимъ не окончилось; нужно было ждать засѣданія совѣта, отъ котораго зависѣло опредѣленіе въ институтъ. До праздника Рождества оно не состоялось. Товарищи мои уѣзжали на кутью домой—въ полтавскую губернію; мнѣ же приходилось оставаться одному въ нетопленной квартирѣ, безъ обѣда.

Но вотъ 22 декабря, „порой межъ волка и собаки“ нежданно негаданно, въ комнату вползла волчья шуба, вся побѣлѣвшая отъ мороза. Это былъ лѣсничій, пріѣхавшій якобы съ цѣлію взять меня къ себѣ на праздники. Но дѣло не въ томъ, по своей ли надобности пріѣхалъ въ Кіевъ лѣсничій, или ради меня, а пріѣзду его я очень обрадовался.

Когда я обратился къ своему „благодѣтелю“ съ просьбой уплатить за меня малую толику моимъ сожителямъ, спасшимъ меня отъ голодной смерти, толстяка немножко покоробило и онъ, по привычкѣ, собирался уже съ духомъ отказать мнѣ, но не давши ему выговорить ни слова, я поспѣшилъ присовокупить къ своей просьбѣ, что только слѣдовало заплатить 2 р. 83 коп.—и физіономія моего лѣсничаго просіяла.

Для сокращенія расходовъ уѣзжалъ я въ Сваромье на цѣлый мѣсяцъ, поручивъ одному земляку—студенту слѣдить за ходомъ моего дѣла и ежели мое присутствіе въ Кіевѣ окажется необходимымъ, то чтобы онъ извѣстилъ меня.

Предъ отъѣздомъ я узналъ, что Илья Ѳедоровичъ уволенъ отъ должности. Почтенному Нейкирху таки удалось спихнуть съ каѳедры Гриневича и посадить Деллена. Да и какъ „не порадѣть родному человѣчку?“ Но кромѣ того увольненію „моего“ профессора не мало содѣйствовалъ ректоръ Неволинъ, доложившій министру, что этотъ горе-профессоръ служитъ только посмѣшищемъ для студентовъ. Павелъ Петровичъ поспѣшилъ отобрать отъ него дѣтей и выгналъ изъ своего дома, съ помощію полиціи.

Бѣднякъ профессоръ жилъ съ семействомъ разными пожертвованіями, на Графскомъ переулкѣ, въ тѣсной и сырой квартирѣ, по-

томъ переселился на жительство въ Одессу. Тамъ въ 1849 году я нашелъ его на Молдаванкѣ въ крайне бѣдственномъ положеніи.

Печальная судьба постигла его несчастныхъ сыновей: Ильюша умеръ въ домѣ умалишенныхъ; Сережа въ домѣ родителей отъ той же страшной болѣзни. Отомстилъ Микитка за свои обиды, жестоко, отомстилъ [1]).

Зимній мѣсяцъ въ Сваромьѣ.

Дѣлу время и потѣхѣ часъ.

Лѣсничій во время Рождественскихъ праздниковъ затѣялъ во ввѣренныхъ его опеканію лѣсахъ большую охоту на козъ. Ѣдучи изъ Кіева, мы завернули по пути въ Межигорье. Хотя между чиновниками фаянсовой фабрики не было ни одного настоящаго охотника, но они всѣ изъявили готовность участвовать, если не въ убіеніи дикихъ козъ и тетеревей, то въ истребленіи ихъ мяса, до котораго они были большіе охотники. Переночевавши у любезнаго кума Ивана Маркевича, мы на другой день, въ сопровожденіи всего фабричнаго beau mond'a, размѣстившись на трехъ саняхъ, лихо покатили въ Сваромье. Хотя до праздника оставалось еще два дня, но это нисколько не воспрепятствовало гостямъ провесть эти дни по праздничному. Всѣ они были страстные любители юрдона (извощичья игра въ три листика, довольно азартная): какъ засядутъ съ утра, то просидятъ до обѣда, а отъ обѣда до ужина, а отъ ужина до первыхъ пѣтуховъ. Обходя свой приходъ съ молитвой, къ намъ завернулъ и батюшка о. Василій и притащилъ съ собою порядочный гаманецъ съ выручennыми за молитву мѣдяками. Долго смотрѣлъ онъ на играющихъ, не принимая въ игрѣ участія, все порываясь идти домой, по сердце не камень—примостился и онъ. Какъ застукали его межигорцы, какъ сталъ мой батюшка таскать

---

[1]) По наблюденіямъ англійскихъ врачей, на 300 дѣтей съ припадками умопомѣшательства 145 происходили отъ родителей, преданныхъ пьянству; значитъ, не одинъ Микитка былъ причиной погибели дѣтей пьяницы—профессора.

изъ мѣшка пятаки, то только благодаря внезапно налетѣвшей попадьѣ, онъ не проигралъ всего, что принесъ съ собою. Влетѣла матушка въ комнату, какъ фурія, схватила почти пустой мѣшокъ, ругнула всю честную компанію и ушла. Сконфуженный попъ поплелся вслѣдъ за ней, понуривъ голову.

На первый день праздника прибыли еще кой какіе гости и въ числѣ ихъ начальникъ лаврскихъ озеръ изъ Тарасовичъ. Славился онъ на всю округу необычайной крѣпостью головы, въ отношеніи спиртныхъ напитковъ. Споить его, что называется, до положенія ризъ не было никакой возможности, сколько ни старались о томъ гостепріимные лѣсничіе. Я вызвался опровергнуть такое нелѣпое мнѣніе о святомъ отцѣ и выкинулъ еще одну „студентскую штуку“.

Не принимая участія въ юрдонѣ, я пригласилъ о. Иліодора въ особую комнату, чтобы и не смотрѣть на богомерзкую игру сію, и заняться душеспасительною бесѣдой, вдали отъ мірскихъ соблазновъ. Монахъ поддался на такія умныя словеса, ввѣривъ свою особу моимъ попеченіямъ. Я потребовалъ маленькій дорожный самоваръ и собственноручно принялся наставлять его; но вмѣсто воды, налилъ половину спирту. Самоварчикъ мой скоро закипѣлъ, и я приготовилъ монашескій пуншикъ.

— Охъ, какой же крѣпкій! воскликнулъ, прихлебнувши, инокъ: позвольте водицы подбавлю.

Подливъ воды и прибавивъ сахару, онъ опять хлебнулъ—не помогаетъ. Отпивши изъ стакана малую толику, снова подбавилъ водицы—все таки крѣпокъ. Совершивъ нѣсколько разъ такую операцію, онъ уже и жаловаться пересталъ на крѣпость пунша, утративъ способность вкуса, а черезъ нѣсколько минутъ потерялъ и сознаніе.

— Готовъ съ! отрапортовалъ я гостямъ, вошедши въ гостинную: не угодно ли будетъ экспертамъ освидѣтельствовать?

Экспертиза показала, что крѣпкоголовый „начальникъ“, въ противность убѣжденію всей честной компаніи, былъ какъ стелька.

— Боже мой! Боже мой! бормоталъ онъ безсвязно: вы всѣ—въ мірѣ, а я монахъ. Что жъ скажутъ *тамъ*? Постыдно будетъ мнѣ окаянному стоять тамъ позади всѣхъ. Ты, скажутъ, монахъ, а что ты въ мірѣ творилъ, непотребный?

Замѣтивъ меня между гостями, онъ закричалъ:

— Отойди отъ мене, сатано! Не искушай меня! Охъ, Боже мой! Боже мой! Уси бачать, якъ чернець гришыть, а нихто не бачыть, якъ винъ кается!... и т. д.

Въ числѣ гостей было два „академика“ изъ Кіева, съ нарочито торжественными физіономіями, самодовольные и надутые своею ученостію, какъ истые бурсаки, говорившіе объ однихъ только важныхъ матеріяхъ возвышеннымъ слогомъ. Одинъ изъ нихъ, кажется, Воскресенскій, въ вицъ-мундирѣ съ бѣлыми пуговицами, отрекомендовался мнѣ „будущимъ баккалавромъ“, хотя ему до окончанія академическаго курса оставалось еще полгода, а я, съ своей стороны, отрекомендовался „будущимъ“ министромъ народнаго просвѣщенія. Другой—тоже какой то праздникъ—Введенскій или Вознесенскій—готовилъ себя въ миссіонеры, безпрерывно полемизируя съ старымъ землемѣромъ Богданомъ Ивановичемъ Ланге о лютеранскихъ догматахъ, должно быть намѣреваясь обратить его, въ видѣ опыта, въ православіе. Тутъ былъ и актеръ—забулдыга Мастицкій, прошедшій огонь и воду и мѣдныя трубы. Все время онъ подразнивалъ монаха.

Между тѣмъ межигорцы вотъ уже четвертый день все потѣютъ за юрдономъ. Ѣдятъ по четыре раза въ день, пьютъ безъ счету вино и наливки, приправляя всѣ сіи упражненія банальными остротами и анекдотами, отъ которыхъ женщины краснѣли и уходили въ другую комнату. На третій день праздника все это сонмище повалило въ Межигорье. Мнѣ пришлось ѣхать въ однихъ саняхъ съ кузиной и кутать ее отъ мороза въ волчью шубу лѣсничаго. Въ Межигорьѣ мы славили Христа цѣлыхъ три дня: у каждаго чина нужно было побывать непремѣнно. Насъ закормили на смерть, такъ что уѣхали мы въ Сваромье, страдая животами. Домъ каждаго межигорца былъ полная чаша; обѣды гомерическіе; наливки—вкусомъ и ароматомъ амврозію превосходящія. Развеселое житье!

Вернувшись домой, лѣсничій засталъ письмо изъ Новгородка. Прочелъ его съ какимъ то особеннымъ настроеніемъ, и не сказавши никому ни слова, положилъ его въ карманъ, потомъ, вышедши въ другую комнату, сталъ таинственно шептаться съ своею супругой.

На другой день по утру, еще до моего прихода къ чаю, былъ семейный конгрессъ, съ участіемъ дочери, но безъ права голоса. По справкамъ оказалось, что ее сватали заочно и она, измѣнница! добровольно и непринужденно изъявила согласіе выйти замужъ за пожилаго и невѣжественнаго господина, предложившаго ей руку и свои „безгрѣшные“ доходы, но не сердце, отданное уже 25 лѣтъ тому назадъ службѣ по министерству государственныхъ имуществъ. Все это отъ меня почему то скрыли, даже она, она сама мнѣ ни слова, и какъ ни въ чемъ не бывало, продолжала по прежнему со мной цѣловаться. Любовь, значитъ, сама по себѣ, а замужество само по себѣ! Ладно! Что жъ? съ Богомъ, Параню, коли люде трапляються! Не ждать же тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, 18-лѣтней невѣстѣ, четыре года, пока я сдѣлаюсь полноправнымъ мужчиной. Прощай же, моя милая! Будь здорова, якъ корова! А я пойду своей дорогой!

Около половины января мать объявила, не объясняя причины, о своемъ желаніи побывать въ Кіевѣ. Но я догадался зачѣмъ— тряпки для приданаго покупать. Меня пригласили самъ третей, въ качествѣ провожатаго съ тѣмъ, чтобы послѣ опять увезти въ Сваромье, если опредѣленіе совѣта о принятіи меня въ институтъ къ тому времени еще не состоится. Но я далъ себѣ слово не возвращаться. Буду лучше, порѣшилъ я, питаться кутьею да кулишемъ со снятками, чѣмъ быть нахлѣбникомъ у людей, не уважающихъ священнаго чувства любви и совершающихъ постыдный торгъ единственной дочерью, ради сокращенія расходовъ.

Товарищей своихъ я засталъ уже на квартирѣ. Они привезли изъ дому довольное количество провизіи и предложили мнѣ жить безплатно, пока хватитъ некупленнаго продовольствія, котораго, при умѣренномъ употребленіи и образцовой экономіи Архипа Елисеевича, достало намъ до марта мѣсяца.

Въ мартѣ было засѣданіе совѣта. Но такъ какъ сытый голоднаго не разумѣетъ, то ученые мужи порѣшили заставить меня выдержать еще годичный экзаменъ, а до того оставить вакансію незамѣщенной. Такое мудрое рѣшеніе истекало отъ преобладанія въ со-

вѣтѣ юристовъ, съ ректоромъ Неволинымъ во главѣ: они, какъ надо полагать, желали приберечь мѣстечко для родного человѣчка-бурсака, а меня отстранить. Неожиданность такого сюрприза до того меня поразила, что я чуть не рехнулся. Вся моя будущность, вся энергія, съ какою я до сихъ поръ переносилъ всяческія невзгоды, меня покинула.

Къ счастью, не всѣ профессора такъ безучастно отнеслись къ погибающему. Между ними нашелся добрый человѣкъ, обратившій вниманіе на ненормальность моего душевнаго состоянія: это былъ вѣчно достойный памяти Василій Ѳедоровичъ Домбровскій. Заставши меня однажды въ бесѣдкѣ Царскаго сада одного, гдѣ я сидѣлъ уже болѣе часа, безсознательно глядя въ даль, онъ принудилъ меня разсказать ему, что у меня было на душѣ, и съ живѣйшимъ участіемъ отнесся къ моему горю. Онъ меня успокоилъ, пообѣщавъ снова поднять вопросъ въ совѣтѣ о моемъ кровномъ дѣлѣ. Домбровскій сдержалъ свое благородное слово: вмѣстѣ съ инспекторомъ Сычуговымъ онъ вошелъ въ совѣтъ съ особымъ мнѣніемъ, доведя до свѣдѣнія членовъ о моемъ безвыходномъ положеніи. Говорилъ онъ въ совѣтѣ такъ тепло и задушевно, что растрогалъ даже такого безсердечнаго человѣка, какимъ былъ ректоръ Неволинъ.

Пока длилось засѣданіе, я сидѣлъ, какъ осужденный на смерть, на крыльцѣ, въ ожиданіи своей участи. Прежде всѣхъ выскочилъ изъ залы ректоръ и ускакалъ на своихъ рысакахъ; потомъ вышелъ Василій Ѳедоровичъ съ инспекторомъ, какъ будто кого то ища глазами. Увидѣвъ меня, они съ сіяющими отъ удовольствія лицами направились въ мою сторону и поздравили съ принятіемъ на казенное содержаніе. Домбровскій даже поцѣловался со мной, а полковникъ не преминулъ похвалиться, что онъ, хотя и могъ бы мнѣ напакостить, припомнивши мой побѣгъ за Днѣпръ, но не только этого не сдѣлалъ, но напротивъ, горой стоялъ за меня.

Поблагодаривъ въ немногихъ словахъ своихъ доброжелателей, я побѣжалъ на квартиру подѣлиться своею радостію съ моими добрыми товарищами, которые до того обрадовались моему великому счастію, что даже самоваръ наставили, хотя день былъ тогда не праздничный.

Послѣ долгой задушевной бесѣды съ этими простодушными юношами, я принялся за письмо къ матери:

„Прилипни языкъ мой къ гортани моему, аще не помяну тебе, моя родная, въ началѣ веселія моего! Забвенна буди десница моя, если я когда нибудь перестану помнить о тебѣ и дѣлиться съ тобой всѣмъ, что будетъ у меня на душѣ и въ карманѣ“ и пр.

Въ такомъ торжественномъ тонѣ было написано письмо мое, послѣ долгаго, томительнаго молчанія...

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Мои профессоры.

Итакъ завѣтныя мечты и благородныя стремленія юношей-гимназистовъ наконецъ пришли къ осуществленію: предъ нами стоитъ открытымъ святилище науки, свѣта, истины... Такимъ, по крайней мѣрѣ, представлялся намъ университетъ изъ нашего прекраснаго далека. Въ профессорѣ мы воображали найти какого то особеннаго человѣка, въ родѣ полубога Прометея, похищающаго съ неба огонь божественной мудрости, чтобы передать его смертнымъ. Съ замираніемъ сердца слушали мы восторженныя тирады заѣзжаго студента-краснобая Сени Глотова о лекціяхъ московскихъ профессоровъ [2]); внимать вдохновеннымъ рѣчамъ этихъ оракуловъ стало единственною цѣлію нашей жизни.

Что же мы нашли въ университетѣ? Осуществились ли наши мечты? Утолена ли жажда знаній, томившая насъ въ душныхъ теплицахъ гимназіи, подъ ферулою разныхъ ничтожествъ. Увы! Прометеи, въ большинствѣ, оказались такими же ничтожествами и пигмеями, какихъ мы привыкли видѣть съ гимназической скамьи, и мы горько разочаровались въ своихъ надеждахъ.

Мой современникъ по студенчеству В. Я. Шульгинъ охарактеризовалъ десятилѣтіе отъ 1839 по 1849 годъ временемъ *переходнымъ*. „Первые три года университетъ св. Владиміра развивался подъ вліяніемъ прежней школьной организаціи *обязательнаго*

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 10, октябрь.

[2]) Тамъ, дѣйствительно, было кого послушать (Грановскій, Рѣдкинъ, Чевилевъ, Кудрявцевъ и др.).

слушанія лекцій смѣшанныхъ, строго нераздѣленныхъ факультетскихъ предметовъ. Потомъ, со введеніемъ новаго устава въ 1842 году, университетъ долженъ былъ перейти къ устройству, основанному на совершенно противоположныхъ началахъ—*вольнаго* слушанія и рѣзкаго спеціальнаго разграниченія факультетскихъ курсовъ"; но у насъ и послѣ введенія новаго устава, все оставалось по старому: то же смѣшеніе факультетскихъ предметовъ, то же принудительное посѣщеніе лекцій съ перекличками и тотъ же непотизмъ. Для самостоятельныхъ занятій наукой у насъ не было времени; а потому, не найдя полнаго удовлетворенія своей пытливости, мы стали учиться „не для Іисуса, а для хлѣба куса", не для науки, а службы ради, т. е. аккуратно посѣщали лекціи и зубрили профессорскія записки.

Не имѣя притязанія на историческое значеніе моихъ „Воспоминаній", по выходѣ въ свѣтъ обстоятельнаго, серьезнаго труда проф. Владимірскаго-Буданова, я коснусь лишь нѣкоторыхъ второстепенныхъ явленій и событій, насколько они имѣли отношеніе къ моей личности; вслѣдствіе чего и разсказъ мой будетъ имѣть совершенно частный, индивидуальный характеръ.

Иванъ Михайловичъ Скворцовъ.

Слушаніе лекцій началось съ богословія. Протоіерей Скворцовъ читалъ для студентовъ всѣхъ трехъ факультетовъ и всѣхъ курсовъ четырехлѣтній курсъ богословскихъ наукъ: богословіе догматическое и нравственное, церковную исторію и каноническое право. Всѣ эти предметы, исключая ц. исторіи, читались по запискамъ. „Послѣ каждой лекціи, съ неизмѣнною аккуратностію, преподаватель выдавалъ студентамъ записки по прочтенной лекціи, объемъ которыхъ никогда не превышалъ одного листа". Листъ этотъ для профессора во время чтенія служилъ конспектомъ. Соразмѣряя свои полуторачасовыя объясненія съ продолжительностію времени, Иванъ Михайловичъ всегда норовилъ такъ, чтобы лекція не превышала одного листа. При отвѣтахъ нашихъ на репетиціяхъ и на экзаменахъ никакихъ дополненій къ тому, что заключалось въ запискахъ, не требовалось; а потому мы на лекціяхъ богословія преспокойно занимались переписываніемъ лекцій по другимъ предметамъ. Этимъ, чисто

механическимъ занятіемъ, значительно сокращалось время монотоннаго и невыносимо скучнаго чтенія, такъ что профессора слушали только сидѣвшіе на переднихъ двухъ скамьяхъ подлипалы, не сводившіе глазъ съ от. протоіерея, что ему очень нравилось. Иванъ Михайловичъ постоянно дѣлалъ переклички и назначалъ репетиціи и послѣ введенія новаго устава, которымъ отмѣнялась обязательность посѣщенія лекцій; за манкировки онъ крѣпко пробиралъ на окончательномъ испытаніи, портя иногда кандидатскіе баллы по спеціальнымъ предметамъ своими двойками.

Алексѣй Ивановичъ Ставровскій.

Послѣ гимназическихъ уроковъ нашего провинціальнаго Герена М. Г. Ерофѣева, въ университетѣ мнѣ пришлось слушать всеобщую исторію и статистику у проф. Ставровскаго. Ожидая найти въ профессорскихъ чтеніяхъ болѣе широкое міровоззрѣніе и болѣе свободы какъ въ изложеніи фактовъ, такъ и въ обобщеніи оныхъ, чѣмъ въ учительскихъ урокахъ, я на первой же полуторачасовой лекціи совершенно разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Профессоръ, безъ помощи тетрадки, не могъ изложить ни одного историческаго событія; рыжая голова его, какъ голова гипсовой фигурки, впродолженіе всей лекціи, находилась въ безпрерывномъ движеніи; его глаза, послѣ каждой фразы, быстро перебѣгали отъ тетрадки къ студентамъ и отъ студентовъ къ тетрадкѣ; неоднократно повторяемая попытка обойтись безъ пособія записокъ оканчивалась цѣлымъ потокомъ ненужныхъ частицъ и однозначущихъ словъ, вродѣ напр.: такимъ образомъ, извольте видѣть, собственно говоря, ну-съ, такъ сказать; городъ былъ сожженъ, разрушенъ, уничтоженъ и т. п.

Ежегодно, предъ началомъ лекцій, Алексѣй Ивановичъ рапортовалъ совѣту, что онъ будетъ читать всеобщую исторію, пользуясь сочиненіями Гиббона, Людека, Гизо, Авг. Тьерри, Шлоссера, Мишо, Ранке и др. знаменитостей; между тѣмъ на дѣлѣ оказывалось слѣдующее: записки профессора, на переписку коихъ у насъ терялась бездна времени, впослѣдствіи появились въ печати, подъ заглавіемъ: „Всеобщая Исторія Лоренца“, бывшаго профессора педагогическаго института, гдѣ воспитывался и нашъ непризванный исто-

рикъ, который, вѣроятно, изъ признательности къ своему наставнику, не измѣнилъ въ его лекціяхъ ни іоты. Какъ жаль, что настоящій авторъ этого прекраснаго руководства запоздалъ изданіемъ его въ свѣтъ; онъ, во первыхъ, избавилъ бы насъ отъ безполезной траты драгоцѣннаго времени на переписку, а во вторыхъ заставилъ бы поработать и нашего историка надъ составленіемъ собственныхъ лекцій.

8 декабря 1841 года Ставровскій защищалъ диссертацію на степень магистра: „О значеніи среднихъ вѣковъ въ разсужденіи къ новѣйшему времени“, которую Грановскій рекомендовалъ своимъ слушателямъ, какъ „образецъ исторической нелѣпости“. На диспутѣ магистрантъ велъ себя, какъ паяцъ. Почтенный классикъ нашъ И. Я. Нейкирхъ сунулся было сдѣлать ему какое то возраженіе изъ области филологіи. „Ну, ужъ ваша филологія,—отвѣтилъ Ставровскій, не дослушавъ до конца возраженія—хороши ваши толкованія, напр. вы производите слово монголы—мы голы!“ [1]).

Въ 1843 году, неизвѣстно по какому побужденію, Алексѣй Ивановичъ, предъ началомъ семестра, заявилъ въ совѣтѣ, что онъ прочтетъ студентамъ 4-го курса исторію французской революціи, должно полагать, ради снисканія популярности, которой ему не удавалось добиться прямымъ путемъ. Читать исторію великой революціи 1789 года, въ русскомъ университетѣ 40-хъ годовъ, для всякаго другаго, болѣе даровитаго профессора, было бы дѣломъ весьма

---

[1]) Для казеннокоштныхъ словесниковъ—будущихъ учителей—на 4-мъ курсѣ существовали практическія лекціи педагогіи. А. И—чъ, цинически относившійся ко всѣмъ наукамъ вообще, а къ педагогіи въ особенности, считая ее измышленіемъ нѣмецкихъ гелертеровъ, на первой же лекціи огорошилъ насъ такою предикой: „Вамъ, гг., извѣстно, что я врагъ всяческихъ теорій и такъ называемыхъ высшихъ взглядовъ, а потому не стану переливать изъ пустаго въ порожнее. Для васъ, будущихъ педагоговъ, по моему мнѣнію, будетъ несравненно полезнѣе, если я, искушенный, такъ сказать, житейскимъ опытомъ, ознакомлю васъ съ практической стороной учительскаго званія, чѣмъ, собственно говоря, и ограничится ваша служебная каррьера... Да! а вы, гг., мечтаете переворотъ въ наукѣ произвести, великія открытія сдѣлать—не трудитесь, безъ васъ все уже сдѣлано. Никакой учености на службѣ отъ васъ не потребуется, за нее ни чиновъ, ни денегъ не дадутъ... Лучше я объясню вамъ, какъ вы должны держать себя въ отношеніи начальства, сослуживцевъ, вашихъ учениковъ и ихъ родителей“... За симъ, не будучи вовсе знакомъ съ тою средой, въ которой суждено намъ вращаться, не зная гимназическихъ порядковъ, бывшій семинаристъ приступилъ къ изложенію своей соціологіи и закончилъ „практическую лекцію“ такимъ совѣтомъ: „имѣйте, гг., волчьи зубы и лисій хвостъ!“.

рискованнымъ. Можно ли было съ должностнымъ уваженіемъ къ истинѣ и безпристрастіемъ объяснять смыслъ и значеніе этого переворота—въ то время, когда, по словамъ Грановскаго, наша цензура не дозволяла употребить въ поваренной книгѣ выраженія: „пирогъ нужно печь въ *вольномъ духу*?“ Ужъ коли нашъ историкъ, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія Уварова, доказывалъ съ каѳедры, что въ древности римской республики не было, что ее выдумали нѣмцы,—то и съ революціей онъ обойдется такъ же безцеремонно: онъ ручался за свою удивительную способность даже изложеніе исторіи французской революціи опошлить и сдѣлать невыносимо скучной.

На первую лекцію Алексѣя Ивановича собралось множество слушателей: студенты всѣхъ факультетовъ, особенно спеціалисты по части революцій, поляки, побросавъ свои аудиторіи, сошлись слушать „революцію“. Предусмотрительное начальство, узнавъ о такомъ „движеніи“ молодежи, поспѣшило само придти послушать, не внушаются ли юношеству вольныя мысли, такъ какъ профессоръ почему то не захотѣлъ ограничиться какими нибудь ассиріянами и вавилонянами, а вдругъ ни съ того, ни съ сего зачиталъ чортъ знаетъ что такое—„революцію“...

Не прошло недѣли, какъ въ университетъ пожаловалъ г. попечитель. Въ аудиторіи, гдѣ обыкновенно читалась исторія, шла лекція Костыря; туда прежде всего князь и заглянулъ. Вторую лекцію въ той же аудиторіи долженъ былъ читать Ставровскій. Студенты, желая занять ближайшія къ каѳедрѣ мѣста, еще до звонка столпились въ корридорѣ и маленькой передней, подъ самыми дверями аудиторіи. Послѣ звонка, выйдя отъ Костыря, князь, увидѣлъ толкотню и давку; къ нему подскочилъ полковникъ-инспекторъ студентовъ.

— Что это? обратился къ нему попечитель.

— Революція в. с—во! брякнулъ полковникъ, вытянувшись въ струнку. Князь было смутился. Но кто то изъ студентовъ тотчасъ же успокоилъ его, доложивъ, что это не революція, а исторія французской революціи.

— А-а-а! исторія... промычалъ вполголоса князь.

Прослушавъ лекцію, е. с—во пришелъ къ убѣжденію, что въ чтеніи профессора нѣтъ ничего революціоннаго, и что стало быть опасаться вреднаго вліянія на студентовъ нѣтъ никакого основанія.

Когда профессоръ довелъ свое „изложеніе“ до самаго разгара великой катастрофы—„когда обветшалыя, подгнившія учрежденія Людовиковъ вырваны были съ корнемъ вонъ и на развалинахъ стараго порядка вещей, въ обагренную кровію землю посажено было древо свободы“, на лекцію попечитель явился вторично. Лекторъ сдержаннымъ голосомъ началъ излагать исторію этихъ страшныхъ потрясеній основъ, стараясь, елико можаху, смягчить яркій колоритъ кровавой картины разрушенія разными ненужностями, не жалѣя при томъ крѣпкихъ словъ и эпитетовъ, которыми онъ нещадно громилъ безбожниковъ—французовъ. И все таки многое изъ того, что было приготовлено на лекцію, опущено, вслѣдствіе чего матеріалу до звонка не хватило. Лекцію свою профессоръ закончилъ нравственною сентенціей: „такимъ образомъ, господа, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ, забывъ Бога, оставивъ религію, уничтоживъ, такимъ образомъ, разрушивъ все, что должно, такъ сказать, во всѣ времена составлять предметъ уваженія,—такимъ образомъ, говорю, какъ отдѣльный человѣкъ, такъ и цѣлый народъ безъ религіи, безъ Бога существовать не можетъ: онъ погибаетъ и такимъ образомъ совершенно уничтожается, исчезаетъ“!... Но профессоръ сентенцію свою кончилъ, а предательскій звонокъ молчитъ. Настала непріятная пауза: профессоръ смотритъ на студентовъ, студенты на профессора, нѣкоторымъ почему то стало совѣстно глядѣть и они потупились. Вмѣсто „браво“, которымъ, по всей справедливости, слѣдовало бы поощрить краснорѣчиваго профессора, зазвенѣлъ колокольчикъ... et finita la comedia!...

В. Ѳ. Домбровскій.

Русскую исторію и древности читалъ бывшій воспитанникъ лицея кн. Безбородко Василій Ѳедоровичъ Домбровскій. При огромномъ ростѣ и соотвѣтствующей полнотѣ, онъ имѣлъ весьма привлекательную наружность; голубые глаза его блистали умомъ. Обладая

при томъ необъятною памятью и увлекательнымъ даромъ слова, онъ представлялъ совершенную противоположность неказистому на видъ, нерѣчистому Алексѣю Ивановичу.

„При Домбровскомъ, говоритъ Шульгинъ, русская исторія не выходила изъ границъ учебника Устрялова и лишена была всякой самостоятельности"; затѣмъ, какъ бы въ оправданіе профессора, присовокупляетъ: „причинъ этого должно искать отчасти въ обстоятельствахъ, не зависящихъ отъ преподавателя, а отчасти въ немъ самомъ заключавшихся. Требованіямъ науки онъ не могъ удовлетворить, при всѣхъ своихъ достоинствахъ нравственныхъ, какъ благородный человѣкъ, и умственныхъ, какъ краснорѣчивый лекторъ, не получивъ серьезнаго образованія".

Если профессоръ всеобщей исторіи читалъ по готовымъ запискамъ и читалъ отвратительно, то я не нахожу никакого основанія ставить его выше Домбровскаго, который, хотя тоже придерживался Устрялова, какъ Ставровскій Лоренца, но читалъ превосходно, никогда не имѣя передъ собой даже коротенькаго конспекта. Въ чемъ же тутъ преимущество? Ученость, пріуроченная Алексѣю Ивановичу его прихлебателями, подвержена великому сомнѣнію; напечатанная имъ магистерская диссертація вовсе не составляетъ пріобрѣтенія для науки, хотя авторъ носился съ нею, „якъ съ писаною торбою".

Еще до моего поступленія въ университетъ, въ 1838 году, Василію Ѳедоровичу, вмѣстѣ съ адъюнктомъ русской словесности Красовымъ, разрѣшено было, помимо магистерскаго и докторскаго экзамена, представить и защитить докторскія диссертаціи; но оба докторанта потерпѣли на диспутѣ полнѣйшее fiasco. Какъ диссертація Домбровскаго „Объ отличительномъ характерѣ исторіи московскаго государства", такъ и диссертація Красова „О главныхъ направленіяхъ поэзіи въ англійской и нѣмецкой литературахъ въ концѣ XVIII столѣтія", были признаны совѣтомъ удовлетворительными, но докторанты не могли ихъ защитить. Ректоръ Неволинъ, говоритъ преданіе, предложилъ Красову вопросъ: „что такое изящное?" Врагъ всяческихъ научныхъ опредѣленій, восторженный поэтъ отвѣчалъ одними лишь примѣрами и сравненіями: „вообразите, говоритъ, море во время бури, нависшія надъ пропастью скалы, озаренныя блескомъ молній..., прочтите стихотвореніе Пушкина:

Ты видѣлъ дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играло море съ берегами... и проч.

Однимъ словомъ, сказалъ въ заключеніе Красовъ, прекраснаго опредѣлить невозможно, его только можно чувствовать.

— Нельзя же, г. Красовъ, быть докторомъ чувствительности, замѣтилъ съ ядовитой улыбочкой Константинъ Алексѣевичъ и тѣмъ заключилъ пренія.

Отказъ Красову въ докторской степени совѣтомъ формулированъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „отвѣты докторанта оппонентамъ состояли, по большей части, изъ однѣхъ общихъ и неопредѣленныхъ мыслей". Потерпѣвъ пораженіе, онъ подалъ въ отставку 9 октября 1834 года и уѣхалъ въ Москву.

По свидѣтельству г. Буданова, диспутъ Домбровскаго привели къ печальному результату вѣскія и дѣльныя возраженія преосвященнаго Иннокентія.

Въ 1841 году Василій Ѳедоровичъ еще разъ пробовалъ пріобрѣсть ученую степень магистра и еще разъ потерпѣлъ неудачу, чѣмъ онъ обязанъ исключительно одному Ставровскому, человѣку завистливому и мстительному: онъ не могъ простить своему сослуживцу той популярности, которою тотъ пользовался у своихъ слушателей за свои рѣдкія нравственныя качества, чего лишенъ былъ самъ Алексѣй Ивановичъ.

Иванъ Яковлевичъ Нейкирхъ.

Переводы и объясненія греческихъ классиковъ происходили на латинскомъ языкѣ, тщательно записывались студентами и выучивались наизустъ. Лекція обыкновенно начиналась неизмѣннымъ обращеніемъ къ слушателямъ: Commilitones humanissimi! Repetendum est inde a versu N usque ad versum N. Quis vestrum repetat?

Разъ студентъ Пильчиковъ вызвался перевесть отрывокъ изъ Теокрита, имѣя передъ собой тетрадку съ готовымъ переводомъ. Прочелъ онъ до точки начало идилліи, гдѣ говорится о козахъ, а изъ тетрадки сталъ читать совсѣмъ другую идиллію, въ которой

говорилось объ овечкахъ. Профессоръ тотчасъ догадался, въ чемъ дѣло, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ замѣтилъ: „Humanissime Pilczykow! verte paginam!

И дѣйствительно, перевернувши въ тетрадкѣ страницу, онъ нашелъ требуемый переводъ и профессоръ вполнѣ удовлетворился его отвѣтомъ, произнося свое обычное: recte!

За повтореніемъ предыдущаго перевода слѣдовалъ новый, при чемъ Иванъ Яковлевичъ, такъ сказать, до костей разбиралъ каждый оборотъ, каждое слово, каждую частицу. Любимый конекъ его —генеалогія боговъ и героевъ. Родословную каждаго божка и каждаго героя онъ передавалъ съ большими подробностями серьезнѣйшимъ тономъ, какимъ развѣ только ученый раввинъ толкуетъ свой талмудъ.

Греческія древности, миѳологія и исторія литературы излагались также на латинскомъ языкѣ. Лекція состояла въ диктовкѣ, сопровождавшейся обильными объясненіями, при чемъ, для большей наглядности, профессоръ показывалъ студентамъ превосходныя изображенія древней архитектуры и скульптуры.

И. Я. Нейкирхъ слылъ и дѣйствительно былъ идеаломъ честности и добросовѣстности. Нужно было видѣть, что съ нимъ дѣлалось, когда онъ забывалъ названіе какого нибудь ничтожнаго городишка или годъ рожденія какого нибудь даже второстепеннаго писателя — весь сгоритъ со стыда, готовый провалиться сквозь землю. Покойный И. Я. Шульгинъ, основательно знавшій древніе языки, любилъ иногда ставить профессора въ тупикъ: не соглашаясь съ толкованіями нѣмецкихъ филологовъ—комментаторовъ, онъ высказывалъ свои собственныя объясненія спорнаго оборота. Однажды онъ до того смутилъ почтеннаго классика, что тотъ торжественно сознался въ своей несостоятельности возразить ему. Краснѣя и конфузясь, онъ сказалъ: dicam postea.

Прошла недѣля; Шульгинъ и позабылъ уже о своемъ возраженіи, какъ въ аудиторію съ сіяющимъ лицомъ влетаетъ Нейкирхъ, быстро вскакиваетъ на каѳедру, наводитъ свои очки на Шульгина и радостно возглашаетъ: domine Schulginius inveni! Значитъ, цѣлую недѣлю копался терпѣливый нѣмецъ въ фоліантахъ, чтобы разрѣшить встрѣтившееся недоразумѣніе. Долго говорилъ онъ съ жаромъ,

измѣнивъ на сей разъ флегматическому темпераменту: глаза горятъ огнемъ, на щекахъ даже румянецъ появился. И чѣмъ же онъ такъ воспламенился? какое открытіе сдѣлалъ въ наукѣ? А вотъ какое: за недѣлю времени онъ узналъ, что думаетъ о спорномъ мѣстѣ Вольфъ, что думаетъ Гофманъ и другіе авторитеты филологіи: Volfius putat ita, Hofmanius ita, ego autem aliter puto. Полъ лекціи прошло, пока онъ распуталъ то, что, потѣхи ради, запуталъ проказникъ Шульгинъ своими возраженіями.

Нашъ историкъ Ставровскій, вообще какъ сказано, цинически относившійся къ наукѣ, трунилъ иногда надъ нѣмцами, говоря, что у нихъ достаточно открыть новую запятую въ давно знакомомъ уже текстѣ, чтобы прослыть ученымъ классикомъ. Циникъ отчасти былъ правъ. И нашъ филологъ Иванъ Яковлевичъ интересовался преимущественно самыми темными уголками классицизма и, углубляясь въ грамматическія тонкости языка, забывалъ совершенно художественную сторону греческихъ писателей. Но не такъ ли поступаютъ и нынѣшніе наши преподаватели классическихъ языковъ не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ?...

А. К. Деллень.

Въ противоположность серьезному и сухому филологу Нейкирху, въ лекціи профессора римской литературы Деллена вкрадывался романтизмъ. Живая, подвижная натура этого милаго человѣка вовсе не годилась для роли заправскаго классика, который, по общепринятому мнѣнію, обязательно долженъ походить на мертвеца, вставшаго изъ могилы для того, чтобы передать живымъ людямъ о томъ, какъ живали давно истлѣвшіе греки и римляне. Особенно мило и даже игриво Александръ Карловичъ разсказывалъ анекдотъ de causa belli Trojani.

Когда богиня несогласія Дискордія обойдена была приглашеніемъ на пиршество, куда приглашены были другія богини: Юнона, Минерва и Венера, то, съ досады, бросила между нихъ яблоко, съ надписью: detur pulcherrimae! Заспорили богини, кому должно достаться яблоко? Наконецъ пригласили, въ качествѣ эксперта, спе-

ціалиста по части женскихъ прелестей, Париса. Желая задобрить въ свою пользу судью, каждая изъ богинь посулила ему взятку:

Iuno proposuit regnum, Minerva—sapientiam, Venus autem—pulcherrimam feminarum. Paris noluit neque regnum, neque sapientiam, sed pulcherrimam feminarum. Такъ какъ между гречанками красивѣе Елены никого не было, то Венера указала Парису на нее. Онъ ее похитилъ—et haec erat causa belli Trojani!

Вѣчный адъюнктъ.

Начала греческаго языка, на первомъ курсѣ, преподавалъ Кондратій Ѳедоровичъ Страшкевичъ, замѣчательный лингвистъ и классикъ. Мнѣ пришлось учиться языку эллиновъ съ азбуки. Пробившись мѣсяца три надъ спряженіями и не замѣчая прогресса въ своихъ занятіяхъ, я обратился за совѣтомъ къ преподавателю, какимъ способомъ преодолѣть мнѣ грамматическія тонкости, потому что больно хотѣлось познакомиться съ произведеніями Гомера и Софокла не въ переводахъ, а въ подлинникѣ:

— Вставайте, по крайней мѣрѣ, впродолженіе одного года не позже 5 часовъ и учитесь до 8—тогда только вы будете знать греческія спряженія—посовѣтовалъ мнѣ Кондратій Ѳедоровичъ.

— Покорно васъ благодарю! такой жертвы я не въ силахъ принесть богамъ Греціи. Самое лучшее время для занятій употребить на зубреніе, оставивъ болѣе полезные предметы — по моему не разсчетъ.

— Ну, такъ вы никогда не будете знать греческихъ спряженій—сказалъ рѣшительно мой добрый наставникъ—и пророчество его сбылось: τύπτω навсегда осталось для меня камнемъ преткновенія.

Увы! я позабылъ языкъ Эсхила...
На все жъ скажу, что школа сущій кладъ:
Тамъ созрѣваетъ мысль, тамъ крѣпнетъ сила. *(Байронъ)*.

Monsieur Борель.

Въ росписаніи лекцій значились новѣйшіе иностранные языки, съ ихъ литературами: французскій, нѣмецкій, итальянскій; но по-

бывавши на лекціяхъ всѣхъ трехъ лекторовъ, я увидѣлъ, что это чистѣйшая потеря времени. М-г Борель 29 лѣтъ переводилъ одного и того же поэта du grand siècle или, точнѣе, переводилъ не онъ — онъ только говорилъ oui! а студенты, потому что сей французъ, хотя жилъ въ Россіи болѣе 30 лѣтъ, не унизилъ достоинства своей великой націи до того, чтобы научиться варварскому языку русскому: за четыре года я не слыхалъ отъ него ни звука русскаго. Что касается т. н. исторіи французской литературы, то она вся заключалась въ мизерной тетрадкѣ, съ кратенькими біографіями писателей, состоявшими изъ анекдотовъ, которые, кажется, только и зналъ г. лекторъ и весьма пикантно разсказывалъ ихъ двумъ-тремъ слушателямъ, забревшимъ, отъ нечего дѣлать, къ нему въ аудиторію. Для характеристики французскихъ писателей у нашего мусью была всегда на готовѣ стереотипная фраза: объ одномъ напр. авторѣ онъ скажетъ: il avait beaucoup d'esprit, mais un peu d'imagination; а о другомъ наоборотъ: il avait beaucoup d'imagination, mais un peu d'esprit.

Краузе.

Втеченіе 30 лѣтъ своей учебной службы, Herr Краузе переводилъ студентамъ перваго курса ежегодно „Тридцатилѣтнюю войну“ Шиллера, а для слушателей прочихъ курсовъ читалъ исторію нѣмецкой литературы, но читалъ такъ, что никто ничего не могъ понять. Хотя физіономія лектора напоминала портретъ Гёте, но несмотря на такое сходство его съ геніальнымъ нѣмецкимъ поэтомъ, ему все-таки приличнѣе было бы продавать колбасы, чѣмъ читать лекціи въ университетѣ и говорить о поэзіи Шиллера; его тупому пониманію die Poesie der Würsten была бы гораздо доступнѣе, чѣмъ поэтическія красоты Донъ Карлоса и Вильгельма Теля. Краузе принадлежалъ къ разряду тѣхъ нѣмцевъ, которые отправляются nach Russland съ тою цѣлію, съ какою другіе европейцы стремятся въ Калифорнію: одни дѣлались профессорами и гувернерами, другіе, за неимѣніемъ вакансій,—колбасниками и сапожниками.

Изъ этого краткаго перечня посѣщаемыхъ мною лекцій можно усмотрѣть, что розовыя мечты о „святилищѣ науки“ разлетѣлись прахомъ. Я скоро разочаровался въ воображаемыхъ оракулахъ. Существенной разницы между гимназіей и университетомъ не оказалось: лекціи, какъ и уроки, были обязательны; то же зубреніе записокъ, тотъ же звонокъ, тотъ же карцеръ и тѣ же экзамены по билетамъ, что и въ гимназіи. Положеніе студента, который захотѣлъ бы узнать больше того, что заключалось въ запискахъ, было весьма непривлекательно: у него рѣшительно не оставалось времени для занятій самостоятельныхъ. Развѣ въ больницу уйдешь на какую нибудь недѣлю и тамъ, благодаря покровительству доктора Щербины, займешься чѣмъ нибудь серьезнымъ. Вотъ гдѣ кроется между прочимъ причина поверхностнаго образованія, какимъ въ большинствѣ отличались тогдашніе воспитанники университета. Мы понимали отлично, чего намъ не доставало, но лишены были возможности пополнить пробѣлы въ своихъ познаніяхъ самостоятельнымъ трудомъ.

Лекціи, наиболѣе приближавшіяся къ идеалу университетскаго преподаванія и представлявшія для насъ живой интересъ, были: по рус. словесности Н. Т. Костыря и по философіи О. М. Новицкаго и П. С. Авсенева. Такъ какъ до и послѣ Костыря каѳедру русской словесности довольно долго занимали профессоры иного пошиба и направленія, отразившагося на цѣломъ поколѣніи студентовъ, то я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ и о нихъ.

Московская школа словесниковъ.

Московскіе профессоры Мерзляковъ и Шевыревъ образовали на Руси особую школу профессоровъ—диллетантовъ. Это были не ученые въ строгомъ смыслѣ слова, а скорѣй любители изящнаго, эстетики—меломаны. Въ ихъ лекціяхъ проявлялся не строго аналитическій умъ ученаго, опирающійся на незыблемыя начала науки, а вдохновеніе поэта, не подчиняющееся никакимъ началамъ, чуждое логической послѣдовательности. Ихъ лекціи представляли не строгую систему истинъ, а скорѣе лирическій безпорядокъ—desordre lyrique. Прославившійся своимъ вліяніемъ на аудиторію Мерзляковъ къ умозрительнымъ системамъ нѣмецкихъ эстетиковъ всегда относил-

ся презрительно: „вотъ гдѣ система!“ говорилъ онъ своимъ слушателямъ, указывая на сердце. „Произведенія искусствъ, по его мнѣнію, не подвержены строгимъ правиламъ и не могутъ имѣть постоянной системы или науки изящнаго; самое прекрасное чуждо всякихъ законовъ“. Поэтому въ теоріи своего предмета Мерзляковъ стоялъ ниже всякой критики; историческое значеніе науки было также ему чуждо.

О преемникѣ Мерзлякова, Шевыревѣ В. В. Кирѣевскій даетъ такой отзывъ: „читать писаній Шевырева невозможно: языкъ такой изысканный, неточный, поставленный на ходули, поднятый на дыбы. Это не есть недостатокъ краснорѣчія (онъ, подобно Мерзлякову, импровизировалъ лекціи), нѣтъ, это умышленное терзаніе языка. Шевыревъ словечка не скажетъ въ простотѣ, все съ ужимкой, да какой!“

Красовъ читалъ „теорію краснорѣчія“, слѣдуя обычаю московской школы, à la Мерзляковъ — подъ вліяніемъ минуты, съ необыкновеннымъ жаромъ, но безъ обдуманнаго плана и предварительнаго приготовленія. Ему недоставало ни свѣдѣній, ни терпѣнія къ пріобрѣтенію познаній. Восторженное состояніе, въ которомъ онъ находился постоянно, было скорѣе дѣломъ фантазіи, болѣзненно развитой на счетъ другихъ душевныхъ силъ. Диллетантизмъ, нетерпимый въ наукѣ, въ школѣ московскихъ словесниковъ пріобрѣлъ, такъ сказать, право гражданства: науку о словѣ они третировали не какъ науку, а какъ искусство красно говорить. Подкожный жаръ, звучныя фразы, искусственный пафосъ, театральные жесты — замѣняли у нихъ спокойное, строго научное изложеніе предмета. Не одинъ Красовъ, но и позднѣйшіе послѣдователи Шевырева были лишь „докторами чувствительности“.

„Краснобайство, напр. Селина, говоритъ одинъ изъ его слушателей (Авсѣенко), не знало предѣловъ. Онъ сидѣлъ совершеннымъ шутомъ на каѳедрѣ, кривлялся, скалилъ зубы, закатывалъ глаза — однимъ словомъ изображалъ актера, срывающаго рукоплесканія съ александринскихъ верховъ. Съ каѳедры лилась разнузданная болтовня о Малороссіи, о Польшѣ, о Мицкевичѣ, о Погодинѣ и т. п.“ — „Къ Селину, говоритъ историкъ университета св. Владиміра, проф. Будановъ можно примѣнить стихъ Толстого: „Коль любить такъ съ

горяча, коль рубить, такъ ужъ съ плеча!" Имѣя натуру проповѣдника и оратора, онъ не удовлетворялся ровнымъ теченіемъ фактовъ своей науки, и еще менѣе логическою связью отвлеченныхъ положеній ея; какъ ораторъ и публицистъ, онъ любилъ собирать большую аудиторію, любилъ сценическую обстановку и овація. Ученымъ филологомъ онъ никогда не былъ".

Производимое на слушателей лекціями Селина впечатлѣніе можно уподобить дѣйствію музыки: слушать его—наслажденіе, какое испытываешь въ музыкальномъ концертѣ. Подобно ловкой игрѣ виртуоза, лекціи эти дѣйствовали на душу сильно, но безотчетно и даже безслѣдно: ихъ трудно было воспроизвести, изложить послѣдовательно на бумагѣ.

Для того чтобы получить каѳедру русской словесности, по мнѣнію московскихъ эстетиковъ, достаточно было имѣть даръ слова и врожденное чувство изящнаго—качества, какими можетъ обладать не только поэтъ, подобный Красову, котораго рекомендовалъ ректору Максимовичу Погодинъ, но и натуралистъ, какимъ былъ, по своей спеціальности, самъ Максимовичъ. Пробывъ два года на факультетѣ словесномъ, восхищаясь „обаятельнымъ словомъ Соловія нашего времени" т. е. Мерзлякова, Михаилъ Александровичъ перешелъ на физико-математическій факультетъ, что однакожъ не помѣшало ему, въ качествѣ любителя, посѣщать лекціи Давыдова; тѣмъ не менѣе спеціальный предметъ его изученія была ботаника и онъ изъ профессора ботаники не задумался перейти на каѳедру русской словесности.

Вслѣдствіе подобнаго же легкаго отношенія къ профессорскому званію, воспитанникъ гимназіи высшихъ наукъ кн. Безбородка—заведенія съ энциклопедическимъ, а слѣдовательно и весьма поверхностнымъ курсомъ,—нашъ великій писатель Гоголь возмечталъ сдѣлаться профессоромъ и даже не русской словесности (это бы, по тогдашнему взгляду, ему было бы сподручнѣе), а всеобщей исторіи, дерзнувъ вступить въ конкурренцію съ Цыхомъ, человѣкомъ высокой эрудиціи и увы! такъ безвременно похищеннымъ у науки смертію. Извѣстно, что Гоголь былъ геніальный писатель, но весьма жалкій ученый. Въ воспоминаніяхъ Тургенева мы нашли интересную характеристику Гоголя, какъ адъюнкта петербургскаго университета

въ 1835 году. „Гоголь, говоритъ онъ, изъ трехъ лекцій въ недѣлю, непремѣнно пропускалъ двѣ и когда появлялся на каѳедрѣ, то не говорилъ, а шепталъ что то весьма несвязно. Мы всѣ были убѣждены, что онъ ничего не смыслитъ въ исторіи. На экзаменахъ онъ не разѣвалъ рта: студентовъ за него спрашивалъ И. П. Шульгинъ. Понимая весь комизмъ своего положенія, онъ подалъ въ отставку".

И послѣ такого полнѣйшаго fiasco на профессорскомъ поприщѣ, Гоголь все таки добивался каѳедры ординарнаго профессора исторіи въ университетѣ св. Владиміра, надѣясь на протекцію Пушкина и ректора Максимовича. Въ письмѣ своемъ отъ 13 мая 1834 года онъ проситъ поэта „похлопотать предъ Уваровымъ о профессорствѣ въ Кіевѣ и для большаго эффекта сказать, будто Гоголя засталъ еле жива". Потерпѣвъ неудачу, онъ разразился сильною бранью на ни въ чемъ неповинныхъ кіевскихъ профессоровъ:

„Ну, какой сволочи набрали въ вашъ кіевскій университетъ! пишетъ онъ учителю волынской гимназіи В. В. Тарновскому, жаль бѣднаго Максимовича, что онъ попалъ между нихъ. Я самъ было думалъ въ Кіевъ, да къ счастью не сошелся съ вашимъ Брадке". Самъ потерпѣвъ неудачу, Гоголь сталъ рекомендовать Максимовичу въ адъюнкты русской словесности Тарновскаго, на что М. А--чъ изъявилъ полнѣйшее согласіе; но попечитель отказалъ ему и въ этомъ ходатайствѣ. Изъ переписки Гоголя съ Максимовичемъ мы узнаемъ, какіе совѣты предлагалъ авторъ „Мертвыхъ Душъ" своему земляку относительно преподаванія словесности: „Не сиди надъ книгами! Говори свое, и то какъ можно поменьше. Лучше всего ты дѣлай со студентами эстетическіе разборы" (и въ этомъ видно вліяніе московской школы). Но Михайло Александровичъ и безъ того, сознавая свою слабую сторону, никогда не рисковалъ слишкомъ вдаваться въ исторію, ограничивая свои лекціи одною лишь исторіею литературы и предоставляя своему адъюнкту Красову восторгаться изящнымъ. Но чтобы не наскучить своимъ слушателямъ номенклатурой духовныхъ писателей и ихъ писаній, онъ разнообразилъ свои лекціи разборомъ южно-русскихъ думъ и пѣсенъ, а также стихотвореній новѣйшихъ лириковъ, и это, по мнѣнію слушателей его,

были самыя занимательныя изъ его чтеній или, лучше сказать, импровизацій, которыя и составили ему репутацію краснорѣчиваго словесника, достойнаго послѣдователя Мерзлякова.

Николай Трофимовичъ Костырь.

По выходѣ въ отставку Максимовича и его адъюнкта Красова, на каѳедру русской словесности вступилъ прямо со студентской скамьи 23-хъ лѣтній кандидатъ Костырь. Ему поручено было на первыхъ порахъ преподаваніе исторіи древней русской литературы. Подробное изложеніе памятниковъ до-петровскаго періода—плодъ самостоятельнаго изученія—сопровождалось ихъ критическимъ разборомъ, при чемъ молодому ученому приходилось говорить о такихъ произведеніяхъ, которыя, съ одной стороны, не имѣютъ ни малѣйшаго отношенія къ выраженію внутренней жизни русскаго народа, ни къ искусству, ни къ наукѣ, а съ другой стороны, по обязательности программы они должны были удержать за собой значеніе историческое. Острота, сказанная на счетъ подобнаго рода памятниковъ студентомъ Лузгановымъ, не лишена основанія: „попъ попу писалъ записку, прося его прислать ему меду, а наши словесники перехватили записку да и внесли въ литературу“.

Вполнѣ сознавая несостоятельность своего предмета, какъ науки, профессоръ тѣмъ не менѣе обязанъ былъ ex officio читать лекціи о Лукѣ Жидятѣ, о Кирикѣ, о разныхъ Кириллахъ и т. п., дѣлать подробный анализъ ихъ писаній, какъ бы для того, чтобы еще нагляднѣе убѣдить своихъ слушателей въ полнѣйшемъ отсутствіи въ нихъ литературнаго значенія. Изложеніемъ исторіи древняго періода р. литературы Николай Трофимовичъ, замѣтно было, сильно тяготился; только и отведетъ бывало душу на „Словѣ о полку Игоревѣ“, а добравшись до новѣйшаго періода русской литературы, онъ воодушевлялся и воодушевлялъ свою аудиторію, держась всегда на высотѣ своего призванія.

Не уступая даромъ слова своимъ предмѣстникамъ Красову и Максимовичу, онъ внесъ въ преподаваніе словесности чуждый имъ элементъ—философскій. Не нужно забывать, что нашъ Костырь вовсе не былъ подготовленъ преподаваніемъ Максимовича къ философ-

скому взгляду на свой предметъ. Теорію прозы и теорію поэзіи онъ сталъ излагать самостоятельно, по сочиненіямъ нѣмецкихъ эстетиковъ, избравъ пособіемъ для своихъ чтеній словарь Сульцера и эстетику Гегеля. Съ необыкновенной энергіей принялся онъ за изученіе своего предмета и съ наслажденіемъ дѣлился съ нами плодами своихъ кабинетныхъ занятій. Лекторъ зналъ хорошо степень подготовки своихъ слушателей для усвоенія отвлеченныхъ теорій нѣмецкихъ философовъ и потому старался, насколько возможно, упростить тяжеловѣсные трактаты ихъ объ идеѣ, о словѣ, объ изящномъ и т. д., низводя ихъ до средняго уровня нашего развитія. Не переводя духу, втеченіе цѣлаго часа, излагалъ онъ свою лекцію, ни на одно мгновеніе не задумываясь, не допуская и тѣни какого нибудь пустаго фразерства. Нѣкоторые изъ насъ упрекали его въ темнотѣ изложенія, въ многословіи, но недостатокъ этотъ, неизбѣжный въ каждомъ начинающемъ свое поприще профессорѣ, со временемъ долженъ былъ исчезнуть; жаль только, что ему не дали „выговориться“. Въ немъ заключались всѣ задатки того, чтобы сдѣлаться превосходнымъ профессоромъ: обнаруживъ необычайную силу и быстроту концепціи, огромную начитанность, онъ съ честію занималъ каѳедру русской словесности, справляясь одинъ съ тремя предметами за адъюнктское жалованье!

Обремененный, при слабомъ здоровьи, изнурительными трудами, немыслимыми для всякаго другаго менѣе даровитаго профессора, Николай Трофимовичъ былъ лишенъ возможности приступить къ магистерскому экзамену ранѣе 1842 года. Занеимѣніемъ въ наличномъ составѣ профессоровъ спеціалиста по его предмету, на экзаменъ былъ приглашенъ Максимовичъ. Столкнулись два поколѣнія и два типа словесниковъ совершенно различные: Максимовичъ —филологъ самоучка, незнакомый вовсе съ исторической литературой языка, заботившійся лишь „о чистотѣ русскаго языка“, и Костырь— интересовавшійся философскими основаніями языкознанія „вообще“, увлекавшійся положеніями философіи Канта и Гегеля.—Костырь считалъ возраженія Максимовича нестоющими серьезнаго опроверженія, мелочами. Максимовичъ заявлялъ, что магистрантъ въ русской словесности хочетъ видѣть выраженіе не писателей, и не своего народа, а человѣческаго духа... Такъ космополитическія на-

чала науки, выдвинутыя нѣмецкой философіей, были непонятны и чужды старому представителю національныхъ интересовъ!

Михайло Александровичъ вообще былъ врагъ всяческихъ философскихъ теорій. Въ частномъ разговорѣ съ О. М. Новицкимъ онъ сталъ однажды отвергать пользу преподаванія исторіи философіи въ университетахъ, на что ему Орестъ Марковичъ возразилъ: „ежели бы вы, М. А-чъ, учились философіи, то въ вашей книгѣ (Исторія р. литературы, преимущественно древней) писатели не цѣплялись бы одинъ за другаго, „якъ старци“, и дѣленіе науки на главы и періоды не было бы такъ неосновательно и произвольно. Позвольте вамъ замѣтить, что безъ философіи немыслима ни одна наука“ [1]).

По всему было видно, что М. А-чъ отжилъ свое время. По ходатайству М. В. Юзефовича, въ 1843 году, кн. Давыдовъ пригласилъ Максимовича читать лекціи русской литературы по найму, съ платою по 14 рублей за часъ. Но проживъ на своей Михайловой горѣ четыре года въ отставкѣ, нашъ словесникъ еще болѣе отсталъ отъ науки и конечно не могъ удовлетворить любознательности своихъ слушателей, затронутой чтеніями Костыря. Читалъ же онъ свои лекціи по своей печатной книжкѣ слово въ слово, прерывая по временамъ скучное до тошноты перечисленіе писателей духовнаго чина разсказами о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ, Гоголемъ, Иннокентіемъ и др. знаменитостями, да ожесточенными нападками на барона Брамбеуса.

Въ 1844 году Николай Трофимовичъ блистательно защитилъ свою магистерскую диссертацію и удостоенъ степени магистра, хотя утвержденъ въ этой степени только черезъ годъ.

На диспутѣ я не присутствовалъ, находясь уже на службѣ; но у меня сохранилось письмо одного моего пріятеля — студента, въ которомъ описанъ этотъ диспутъ. Помѣщаю здѣсь нѣкоторыя отрывки.

Первое возраженіе сдѣлано Максимовичемъ, по поводу неважной грамматической ошибки въ диссертаціи. Препирались довольно

[1]) „Періоды характеризуются Максимовичемъ не степенями развитія словесности, а внѣшними, не относящимися къ ней фактами и обстоятельствами, да и нѣтъ единства въ дѣленіи“ (см. критику Каткова на „Исторію литературы, преимущественно древней“).

долго. Наконецъ Костырь сказалъ: „чтобы прекратить пустой споръ, я соглашаюсь, что это ошибка, хотя въ душѣ никогда съ вами не соглашусь“.

М—чъ: Отчего вы употребляли слово субъективность, а не личность?

К—рь: Оттого, что „личность“ у насъ слово неудобное, оно не можетъ быть приложено къ поэзіи.

М—чъ: Вотъ это мѣсто у васъ неясно изложено.

К—рь: Что для васъ неясно, то для меня очень ясно.

М—чъ: Зачѣмъ вы пишете „гуманистическій“, а не гуманическій?

К—рь: Это одно и то же. По латыни—humanus, по французски—humain, по нѣмецки—humanistische; вы переводите съ французскаго, а я съ нѣмецкаго. Но Боже мой! давайте мнѣ мыслей, не словъ и я буду защищать мои тезисы до послѣднихъ силъ.

Долго еще длился споръ и все о пустякахъ. Одинъ только О. М. Новицкій дѣлалъ возраженія, какъ должно, и на нихъ Костырь отвѣчалъ прекрасно. Подъѣхалъ къ магистранту съ возраженіями, натурально не безъ задней мысли, пріобрѣвшій впослѣдствіи печальную извѣстность издатель „Домашней Бесѣды“ Викторъ Ипатьичъ Аскоченскій. „Что дѣлаетъ для насъ гуманизмъ?“ спросилъ онъ. Костырь чуть не задушилъ его своимъ отвѣтомъ. Но когда тотъ предложилъ ему еще одинъ вопросъ, касающійся религіи, то Костырь, отгадавъ его мысль, наказалъ его полнѣйшимъ презрѣніемъ.

Дѣлалъ возраженія и нашъ историкъ Ставровскій. Наговорилъ онъ, по своему обыкновенію, много пошлостей, вовсе не идущихъ къ дѣлу.

К—рь: Я вамъ, Алексѣй Ивановичъ, говорю о поэтическомъ, объ изящномъ, а вы мнѣ толкуете о скотахъ и лошадяхъ.

Такимъ образомъ мучили нашего Костыря часа два. Онъ горячился и задыхался отъ негодованія, и когда Максимовичъ снова присталъ съ своими указаніями на разныя мѣста диссертаціи, что вотъ это для меня непонятно и проч., Костырь спросилъ его: „читали ль вы, Михаилъ Александровичъ, мою диссертацію?“

М—чъ: Нѣтъ не читалъ.

К—рь: Оттого для васъ и непонятно, а тамъ все объяснено. Да вотъ, напр., хотя это мѣсто.

Затѣмъ кинулся къ диссертаціи, открылъ одно превосходное мѣсто, поднесъ съ самому носу М—ча и прочелъ. Все это онъ продѣлалъ такъ быстро, что тотъ не успѣлъ ничего возразить.

Когда Ѳедотовъ-Чеховскій сдѣлалъ было тоже какое то замѣчаніе въ родѣ того, что диспутантъ не слушаетъ оппонента, а прерываетъ его, не давая ему высказаться, К—рь сказалъ:

— Не ваше дѣло: на то есть деканъ, а не вы.

Послѣ краткаго совѣщанія членовъ факультета, деканъ Нейкирхъ поздравилъ Николая Трофимовича магистромъ.

Максимовичъ протестовалъ.

Въ 1846 году Костырь перешелъ на каѳедру русской филологіи, науки совершенно несродной его пылкому темпераменту. Вдавшись въ своихъ лекціяхъ въ весьма отдаленныя и туманныя сферы сравнительнаго языкознанія и философскихъ основаній языка, онъ не приносилъ уже своимъ слушателямъ той пользы, какую приносилъ преподаваніемъ р. словесности. Филологія его доканала, вогнавъ въ чахотку, отъ которой онъ и умеръ въ Харьковѣ въ 1854 году.

Былъ слухъ, якобы Костырь на докторскомъ диспутѣ высказалъ какія то обидныя для духовенства мысли и что по этому онъ не могъ оставаться въ Кіевѣ, хотя на диспутѣ ничего подобнаго не было, но все таки министръ нашелъ нужнымъ перемѣстить его въ Харьковъ.

Незабвенный профессоръ нашъ Николай Трофимовичъ—личность въ высокой степени даровитая и симпатичная. Къ сожалѣнію, наши кіевскіе принцапалы не съумѣли оцѣпить его по достоинству, предъявляя ему свои нелѣпыя притязанія на уваженіе, какого они вовсе не заслуживали...

Еще нѣсколько словъ о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ Николаю Трофимовичу.

Въ послѣдній годъ моего пребыванія въ университетѣ, я имѣлъ случай съ нимъ сблизиться. Въ это время онъ готовилъ свою магистерскую диссертацію: „Батюшковъ, Жуковскій и Пушкинъ“. Переписчики—семинаристы два раза испортили рукопись множествомъ ошибокъ; авторъ сердился, бросалъ имъ деньги и тутъ же рвалъ въ клочки ихъ маранье. Окончивъ экзамены, мы съ Малавскимъ

предложили свои услуги. Профессоръ съ удовольствіемъ принялъ наше предложеніе и мы втеченіе двухъ недѣль ходили къ нему на квартиру, оставаясь у него съ утра до поздняго вечера, а иногда и ночевали въ его квартирѣ. Жилъ онъ въ это время на Подолѣ въ большомъ купеческомъ домѣ, держалъ тройку вороныхъ, одѣвался изящно, лучше всѣхъ въ городѣ; баринъ задумалъ дескать жениться, да еще на аристократкѣ... Н. Т—чъ сильно увлекся ею, написалъ множество стиховъ, а еще болѣе надѣлалъ долговъ. Ему отказали. Съ горя Николай Тр—чъ ударился въ другую крайность: переселившись изъ купеческихъ хоромъ въ скромную квартирку П. С. Авсѣнева, онъ, подъ руководствомъ хозяина, сталъ залѣчивать сердечную рану нѣмецкой философіей. Потомъ, отрезвившись, принялся за филологію.

Въ интимныхъ бесѣдахъ нашихъ, по вечерамъ, у насъ выработался планъ ученой экспедиціи по кіевской, черниговской и полтавской губерніямъ для изученія мѣстныхъ говоровъ, съ участіемъ трехъ студентовъ; пишущаго эти строки—для черниговской, Аѳанасія Маркевича—для полтавской и Малавскаго—для кіевской губерніи. Проектъ Костыря не осуществился: разбилъ его въ совѣтѣ А. И. Ставровскій, насмѣшливо относившійся ко всему, что выходило изъ ряда формальнаго выполненія служебныхъ обязанностей. Мысль Николая Трофимовича, такъ блистательно осуществившаяся чрезъ 30 лѣтъ, по иниціативѣ П. П. Чубинскаго, не нашла поддержки и сочувствія въ ученомъ собраніи, между тѣмъ какъ наша экскурсія принесла бы, несомнѣнно, больше пользы, чѣмъ нелѣпое отыскиваньо кладовъ, предпринятое тѣмъ же бездарнымъ историкомъ и стоившее университету не малыхъ издержекъ. Не дешево обошелся университету найденный Алексѣемъ Ивановичемъ котелокъ съ древностями, поднесенный имъ Д. Г. Бибикову и извѣстный подъ названіемъ „бибиковскаго горшка“. Почти столько же пользы принесли для науки и экскурсіи другаго ученаго мужа, великаго мастера разсказывать о своихъ путешествіяхъ, съ прибавкой множества анекдотовъ, изъ которыхъ видно, что спеціальная цѣль командировокъ на казенныя деньги отходила у него на второй планъ и что г. профессоръ ѣздилъ больше для моціона и развлеченія.

О. М. Новицкій.

Хотя почтенный Михаилъ Александровичъ и отвергалъ пользу преподаванія въ университетахъ философіи, но мы, по собственному опыту, пришли къ совершенно иному убѣжденію. Лекціи Ореста Марковича по психологіи, логикѣ и древней философіи принесли несомнѣнную пользу нашему умственному развитію. Чтенія его отличались необыкновенною ясностію и полнотою изложенія и заключали въ себѣ великій интересъ для слушателей. Лекціи Новицкаго, по словамъ г. Владимірскаго-Буданова, могли быть понятны для ученика IV класса гимназіи. Прослушавъ у него курсъ психологіи и логики въ первые два года университетскаго курса, мы незамѣтнымъ образомъ почуствовали себя въ силахъ понимать философскія сочиненія и разсуждать объ отвлеченныхъ предметахъ съ логическою послѣдовательностью. Такой прогрессъ въ нашемъ умственномъ развитіи положилъ рѣзкую грань между гимназическимъ и университетскимъ образованіемъ. Многое намъ представилось въ иномъ свѣтѣ и въ наукѣ, и въ жизни... Да, философія великая наука! Недаромъ ее въ древности величали „наукою наукъ“.

Послѣ 1848 года положенъ конецъ „обольстительнымъ мудрованіямъ философіи“, какъ выражался министръ народнаго просвѣщенія Ширинскій-Шихматовъ. Вмѣсто уволеннаго въ отставку Новицкаго, въ началѣ 50-хъ годовъ, въ университетѣ св. Владиміра, сталъ читать свою „логику“ протоіерей Скворцовъ...

П. С. Авсеневъ.

На III курсѣ, отъ Ореста Марковича, мы перешли къ Авсеневу на исторію новѣйшей философіи совершенно подготовленными къ воспріятію глубины премудрости Канта, Фихте и Гегеля. Характеристику Петра Семеновича, какъ профессора и человѣка, можно найти въ отзывѣ о немъ его ученика и сослуживца по духовной академіи А. И. Капустина (въ монашествѣ Антонина), помѣщенную въ біографическомъ словарѣ профессоровъ кіевскаго университета (К. 1884, стр. 6—11).

Незадолго до того, заслуги Авсенева (въ монашествѣ Ѳеофана) нашли другого достойнаго цѣнителя въ профессорѣ кіев. дух. академіи Малышевскомъ, а потому я не стану распространяться о немъ.

Товарищъ мой Андрюша Блотницкій, жившій на Подолѣ по сосѣдству съ Петромъ Семеновичемъ, много разсказывалъ о домашней жизни этого труженика науки. Самъ онъ до того увлекся его нравственными качествами, что принялъ его за образецъ для себя и въ 20 лѣтъ сдѣлался совершеннымъ аскетомъ. Единственнымъ развлеченіемъ для моего пріятеля, при изнурительныхъ и часто безплодныхъ его занятіяхъ, стали гусли, на которыхъ онъ разыгрывалъ божественные канты, слѣдуя примѣру своего идеала П. С—ча, отъ него же Андрюша получалъ и ноты духовныхъ пьесъ, пользуясь по временамъ его музыкальными уроками. По словамъ Капустина, Авсеневъ любилъ музыку не столько за ея пріятность, сколько за математическое и психологическое значеніе.

Къ сожалѣнію, мой коллега былъ человѣкъ мало даровитый. Усиленнымъ трудомъ онъ думалъ замѣнить недостатокъ способностей и вогналъ себя въ чахотку, чему не мало способствовала скаредность отца, который во всемъ ему отказывалъ, даже въ самомъ необходимомъ. Умеръ Андрей, находясь уже на III курсѣ. Отецъ до того простеръ свою скупость, что наотрѣзъ отказался хоронить своего сына, отговариваясь неимѣніемъ денегъ; а человѣкъ онъ былъ не бѣдный, обладая тремя домами на Спасской улицѣ. Товарищи сдѣлали складчину и похоронили на свой счетъ. Въ складчинѣ принялъ участіе и Петръ Семеновичъ и присутствовалъ на погребеніи.

М. К. Чалый.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВОСПОМИНАНІЯ

М. К. Чалаго [1]).

Университетская администрація.

Высшая власть во всемъ юго-западномъ краѣ принадлежала генералъ-губернатору. Объ отношеніяхъ этой власти къ попечителямъ кіевскаго учебнаго округа любопытно свидѣтельство перваго попечителя фонъ-Брадке.

„Гр. Гурьевъ, говоритъ онъ, ненавидѣлъ (?) всѣ университеты. Хотя между нами не было никакихъ неудовольствій, но по университетскимъ дѣламъ выходили столкновенія, такъ что дѣло доходило до Государя, рѣшавшаго ихъ въ мою пользу. На мѣсто Гурьева назначенъ Бибиковъ, человѣкъ великихъ природныхъ дарованій, но безъ научнаго образованія. По внѣшности мы были друзьями, но потомъ ясно оказалось, что онъ съ самаго начала имѣлъ намѣреніе соединить попечительское мѣсто съ генералъ-губернаторскимъ и добивался этой цѣли“.

Весьма естественно, что при наклонности все въ управляемомъ имъ краѣ подчинять своей власти, приснопамятнаго Димитрія Гавриловича, такое учрежденіе, какъ университетъ, съ извѣстной долей автономіи, не могло ему нравиться. А все таки, послѣ увольненія фонъ Брадке, ему не удалось захватить въ свои руки [2]) управленіе кіевскимъ учебнымъ округомъ: попечителемъ назначенъ гродненскій губернаторъ кн. Давидовъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 11, ноябрь.

[2]) Въ 1812 году Бибиковъ потерялъ при Бородинѣ руку. Кіевская аристократія называла его manchot (однорукій). Говорятъ, одинъ исправникъ, отправляя къ нему секретное донесеніе, затруднялся, какъ ему надписать на конвертѣ: въ *собственныя руки* или въ *собственную руку?*

Попечитель кн. Давидовъ

былъ человѣкъ крайне лѣнивый. Въ университетъ онъ заглядывалъ рѣдко. На экзаменахъ обыкновенно садился на студентскую скамью и все время рисовалъ на лоскуткѣ бумаги головки. Въ дѣла округа онъ также не входилъ: назначеніе учителей, ихъ перемѣщенія, повышенія, награды и увольненіе зависѣло отъ всемогущаго при немъ правителя канцеляріи А. А. Лазова. Князь подписывалъ бумаги, не читая. Административная его бездѣятельность, въ сравненіи съ „барабанной поспѣшностію“ фонъ Брадке, очень рѣзко бросалась въ глаза. Явно недовольный его назначеніемъ Бибиковъ постоянно запускалъ въ него шпильки.

Хвалился князь передъ кіевской аристократіей, что ему лично извѣстны всѣ студенты, но на самомъ дѣлѣ онъ зналъ только двѣ студентскія фамиліи: Вернадскаго и Пухальскаго. Гуляетъ, напр., попечитель въ Царскомъ саду съ своими знакомыми; встрѣчается студентъ и дѣлаетъ фронтъ.

— А, здравствуй, Вернадскій! привѣтствуетъ онъ любезно юношу.

Встрѣчается другой:—„а, здравствуй, Пухальскій!“

— Неужели, prince, вамъ извѣстны фамиліи всѣхъ студентовъ? удивляется гулявшая съ нимъ дама.

— О, да, отвѣчаетъ за князя его супруга, онъ знаетъ всѣхъ молодыхъ людей: они у насъ, какъ дѣти—мы постоянно съ ними.

Если на бѣду попадался на встрѣчу еще одинъ студентъ, то князь или старался его не замѣтить, или называлъ Вернадскимъ.

Да, нашъ сіятельный не обладалъ твердой памятью; не то что Егоръ Ѳедоровичъ фонъ-Брадке, который зналъ по фамиліи не только всѣхъ студентовъ, но и гимназистовъ. Бибиковъ подмѣтилъ его слабую струнку. Исторія съ Денисомъ Подпружниковымъ, во время царскаго посѣщенія университета, навела Димитрія Гавриловича на мысль—въ ожиданіи новаго посѣщенія—заставить князя выучить фамиліи студентовъ: это было предъ Высочайшимъ пріѣздомъ въ Кіевъ Императора Николая Павловича, въ 1841 году.

За двѣ недѣли до царскаго пріѣзда насъ начали собирать по вечерамъ въ институтскую залу, ставили въ ряды, а князь ходилъ между рядами въ сопровожденіи инспектора и училъ фамиліи, повторяя каждую по нѣсколько разъ. Но память его не слушалась: едва

онъ успѣвалъ пройти одинъ рядъ и перейти къ другому, какъ уже рѣшительно не помнилъ ни одной фамиліи, возвратясь къ первому. Пробившись такимъ манеромъ недѣли полторы, его сіятельство бросилъ свои упражненія въ мнемоникѣ, да такъ и остался при двухъ фамиліяхъ: Вернадскаго и Пухальскаго.

Былъ гдѣ то попечитель на именинномъ обѣдѣ. Тамъ въ присутствіи генералъ-губернатора стали говорить о похожденіяхъ студентовъ въ ночное время, особенно казеннокоштныхъ. Не заѣзжая домой, прямо изъ гостей, ѣдетъ князь въ институтъ. Мы жили уже въ новомъ зданіи на четвертомъ этажѣ. На лѣстницахъ не оказалось ни одной лампы. Пробираясь въ потьмахъ до студентскихъ камеръ, онъ не разъ спотыкался и падалъ. Затѣмъ, преодолѣвъ всѣ трудности восхожденія на высоту, врывается въ первую попавшуюся камеру и тамъ не находитъ никакого кутежа, ни даже преферанса, а только одинъ лирическій безпорядокъ: раздѣтые студенты лежали съ книгами въ рукахъ, кто на полу, подложивъ подъ голову латинскій лексиконъ или логариѳмы, кто на сдвинутыхъ комодахъ или на окнѣ; но всѣ, однакожъ были заняты дѣломъ, а не кутили, какъ на нихъ насплетничали. Нашумѣвши вволюшку за безпорядокъ, попечитель вошелъ въ другую камеру, но тамъ не нашелъ уже ни одного человѣка: всѣ разбѣжались и попрятались въ сторожку, кто въ чемъ былъ, оставивъ на полу зажженную свѣчу.

— Чья свѣча? признавайся! закричалъ князь, завидѣвъ одного студента, успѣвшаго одѣться и вернуться въ камеру.

— Моя, ваше сіятельство! отвѣчаетъ студентъ.

— А, твоя? озлился князь, въ солдаты!

— Помилуйте, в. с-во, за что же въ солдаты?

— Въ солдаты, въ солдаты! свирѣпствовалъ князь, выходя изъ камеры. Когда, обошедши всѣ камеры, гдѣ успѣли уже все привесть въ порядокъ, попечитель сходилъ внизъ по освѣщеннымъ уже лѣстницамъ, мой пріятель, Фердинандъ Лыщинскій, поддерживая князя подъ руку, не переставалъ умолять его о пощадѣ.

— Нѣтъ, братъ, не выкрутишься, говорилъ уже шутливымъ тономъ попечитель, будешь солдатомъ, будешь!

— Ну, Богъ съ вами, в. с-во, сказалъ съ притворнымъ отчаяніемъ Фердинандъ, я вамъ жизнь спасъ, а вы меня въ солдаты...

— Что ты говоришь? когда ты мнѣ жизнь спасъ?

— Когда я былъ въ первомъ благородномъ пансіонѣ гимназистомъ— забыли? Вы, сходя съ лѣстницы, поскользнулись и если бы я васъ не поддержалъ, то вы ушиблись бы до смерти.

— Другъ мой! умилился князь, трепля по румяной щекѣ Фердинанда, ты не будешъ солдатомъ — приходи завтра ко мнѣ обѣдать!

По поводу стоявшей на полу свѣчи, во избѣжаніе могшаго отъ того произойти пожара, въ студентскихъ камерахъ, вмѣсто сальныхъ свѣчей, появились стѣнныя лампы, по одной на двухъ человѣкъ. Такое освѣщеніе весьма гибельно повліяло на наше зрѣніе, вслѣдствіе чего мы просили начальство отмѣнить свое распоряженіе и вновь ввести свѣчи. Но насъ заставили молчать. Не получивъ удовлетворенія законнымъ путемъ, мы выразили свой протестъ другимъ способомъ: не проходило вечера безъ того, чтобы не было испорчено нѣсколько лампъ, такъ что на ремонтъ ихъ потребовалось больше денегъ, чѣмъ выходило прежде на сальныя свѣчи. Только такимъ манеромъ, охраняя свои глаза, мы могли заставить начальство убрать противныя лампы съ вонючимъ масломъ и копотью, замѣнивъ ихъ свѣчами.

При кн. Давыдовѣ помощникомъ попечителя былъ сперва Карлгофъ. Но изъ за популярности, какую онъ успѣлъ пріобрѣсть въ кіевскомъ обществѣ, князю онъ не понравился и былъ перемѣщенъ въ харьковскій учебный округъ. На его мѣсто назначенъ инспекторъ казенныхъ училищъ Михаилъ Владиміровичъ Юзефовичъ, остававшійся на службѣ до назначенія попечителемъ Пирогова.

Къ сонму окружной администраціи сопричислялъ себя и нашъ всемогущій Алексѣй Алексѣевичъ Лазовъ. Придешь бывало въ канцелярію—сидитъ „правитель“ на какомъ то возвышеніи, въ родѣ амвона—настоящій Юпитеръ громовержецъ. Взглянетъ на тебя, да такъ у порога и остановитъ орлинымъ взглядомъ. Скажетъ какую нибудь незначущую фразу, да и прощайте!

И не спроста этотъ гордый бюрократъ присвоилъ себѣ право такъ презрительно—обидно относиться къ труженикамъ разныхъ захолустьевъ—онъ былъ всемогущій властелинъ судьбы ихъ: чрезъ

него всего можно было достигнуть и мѣсто лучшее получить и въ инспекторы гимназіи попасть. Что захочетъ, то и поднесетъ къ подписи попечителю.

Ректоры Неволинъ и Ѳедоровъ.

Послѣ перемѣщенія Неволина въ петербургскій университетъ, ректоромъ былъ избранъ Василій Ѳедоровичъ Ѳедоровъ, профессоръ астрономіи, благороднѣйшая и добрѣйшая личность, хотя и далеко уступавшій своему предмѣстнику—юристу въ административныхъ способностяхъ. А дѣло извѣстное, что добродушные люди никогда не бываютъ хорошими администраторами.

Василій Ѳедоровичъ принималъ всегда живѣйшее участіе во всѣхъ нашихъ невзгодахъ, помогая намъ своимъ заступничествомъ на экзаменахъ и даже при случаѣ деньгами. Какъ человѣкъ одинокій и чрезвычайно общительный, онъ каждый почти вечеръ приглашалъ къ себѣ двухъ-трехъ казеннокоштныхъ студентовъ на бесѣду, разспрашивалъ о нуждающихся, давалъ полезные совѣты и разсказывалъ забавные анекдоты. Доступностію, простотой обхожденія нашъ ректоръ астрономъ составлялъ совершенную противоположность гордому, неприступному юристу Неволину, который ни разу ни къ одному студенту не заговорилъ по человѣчески. Настоишься бывало въ пріемной, пока онъ выйдетъ изъ своего кабинета, выхватитъ изъ рукъ прошеніе, заглянетъ въ него вскользь и процѣдивъ свою обычную фразу: „въ свое время будетъ объявлено!“—юркнетъ и исчезнетъ за дверью своего кабинета. Носился между студентами слухъ, что когда родная мать его—пономарица, пріѣдя изъ вятской губерніи въ Кіевъ на богомолье, хотѣла повидаться съ своимъ чиновнымъ сыномъ, то онъ не допустилъ ее къ себѣ, выславъ черезъ лакея ассигнацію, какъ нищей.

Въ ректорство Ѳедорова въ университетѣ св. Владиміра между профессорами образовалось двѣ партіи русская и нѣмецкая; къ послѣдней принадлежалъ и самъ ректоръ, какъ воспитанникъ дерптскаго университета.

Въ 1843 году, въ университетской церкви нашей былъ совершенъ обрядъ крещенія еврея Гринбаума. Окончивъ каменецъ-по-

дольскую гимназію на счетъ кагала, который предполагалъ сдѣлать изъ своего стипендіата ученаго раввина, молодой человѣкъ измѣнилъ своимъ единовѣрцамъ: бросивъ жену и дѣтей, онъ тайно убѣжалъ въ Кіевъ и отдался подъ покровительство ректора, изъявивъ желаніе креститься. Василій Ѳедоровичъ былъ воспріемнымъ отцомъ и далъ ему свою фамилію.

И. М. Скворцовъ совершилъ обрядъ крещенія съ подобающею торжественностію. Посреди церкви была поставлена огромная кадь съ водою. Хотя было очень холодно (это было въ ноябрѣ) жидка раздѣли до нага и трижды окунули съ головой въ ледяную воду; послѣ чего окутали простыней... Неофитъ весь посинѣлъ, дрожалъ...

Нареченный во св. крещеніи Владиміръ Васильевичъ вошелъ въ казенную палату съ прошеніемъ о выдачѣ ему 20 рублей, слѣдующихъ по закону всѣмъ новокрещенцамъ, т. е. выкрестамъ.

По окончаніи университета Ѳедоровъ назначенъ учителемъ греческаго языка во 2-ю кіевскую гимназію, потомъ перешелъ на службу въ канцелярію генералъ-губернатора. Говорятъ, онъ, посредствомъ княгини Васильчиковой, повліялъ на князя и главнымъ образомъ содѣйствовалъ (за крупное вознагражденіе со стороны кагала) великому переселенію іудеевъ въ нашъ богоспасаемый градъ, куда они до того времени пріѣзжали лишь на самое короткое время, не имѣя права жительства.

Университетская полиція.

Gassatim laufunt schnurri
Studentes, pedellque...

Полицейскій персоналъ университета св. Владиміра въ мое время состоялъ изъ инспектора полковника Сычугова, двухъ субъинспекторовъ Гудимы и Троцкаго да трехъ недѣлей. Съ открытіемъ въ 1842 году медицинскаго факультета штатъ полиціи утроился.

Причисленный къ гвардейскому корпусу М. К. Сычуговъ былъ человѣкъ не злой, но безъ всякаго почти образованія. Очутившись волею судебъ въ ученой средѣ профессоровъ и студентовъ, онъ не зналъ, какъ ему быть. Будучи въ ударѣ, полковникъ любилъ иногда бесѣдовать со студентами, причемъ часто попадался въ просакъ.

— Что вы читаете, г. Вернадскій? спрашиваетъ онъ студента, заѣдавшаго какіе нибудь „зразы съ капей“ французскимъ романомъ.

Студентъ молча подаетъ ему книгу.

— А, это сочиненіе я давно читалъ... когда еще учился въ университетѣ, говоритъ полковникъ, взглянувъ на заглавіе.

Хотя мы всѣ знали, что нашъ инспекторъ ни въ какомъ университетѣ не былъ, да и романа того тогда еще не было на свѣтѣ, но, не желая портить ему хорошаго расположенія духа, молчали, значительно переглянувшись.

А вотъ и другой фактъ крайняго невѣжества г. полковника:

Въ институтѣ была порядочная библіотека для пользованія казеннокоштнымъ студентамъ; но такъ какъ ею распоряжались сами же студенты, то книги часто зачитывались и исчезали безслѣдно. Узнавши о такомъ безпорядкѣ, попечитель предписалъ инспектору произвести ревизію. Способъ повѣрки наличности книгъ былъ такой: полковникъ, держа въ рукахъ каталогъ, громогласно провозглашаетъ званіе и № сочиненія, а студенты разыскиваютъ книгу и показываютъ ему.

— Сочиненія Гу́мана! выкрикиваетъ инспекторъ.

Послѣ долгаго исканія, ему докладываютъ, что такого сочиненія въ студентской библіотекѣ никогда не бывало; но полковникъ и слышать не хотѣлъ, думая, что книга утеряна.

— Ищите, ищите! говоритъ, вѣрно зачитали да и толкуете, что ее никогда не было. Коли въ каталогъ записана, значитъ должна быть.

— Да позвольте, г. полковникъ взглянуть, какое тамъ точное заглавіе этого сочиненія — можетъ быть ошибка переписчика.

По справкѣ оказалось, что въ каталогѣ значится: De natura humana—Цицерона, а нашъ гвардеецъ сдѣлалъ изъ него Гу́мана.

Два раза въ годъ инспекторъ обязанъ былъ представлять попечителю кондуитные списки студентовъ, составляемые по извѣстной формѣ съ разными рубриками, долженствовавшими охарактеризовать нравственный обликъ каждаго субъекта.

Разъ, съ приближеніемъ срока подачи списковъ, полковникъ, собралъ совѣтъ изъ субъинспекторовъ и педелей, подъ своимъ личнымъ предсѣдательствомъ. Засѣданіе происходило въ канцеляріи инспектора. Застигнутый врасплохъ въ письмоводительской комнатѣ, гдѣ меня, заснувшаго надъ греческими спряженіями, уходя на почту,

заперъ на ключъ письмоводитель Мирковскій,—я сдѣлался случайнымъ участникомъ совѣщанія экспертовъ-спеціалистовъ по части изученія характеровъ. Лучшими отмѣтками подъ рубриками: „характера тихаго“, „откровеннаго“, „веселаго“ и т. п. воспользовались студенты весьма непривлекательныхъ свойствъ: или неразвитые и пустые шалопаи, или назойливые болтуны и подлипалы; худшими: „скрытаго“, „подозрительнаго“, „строптиваго“, — самые лучшіе юноши, съ виду несообщительные и молчаливые, вѣчно занятые своимъ дѣломъ, или потерпѣвшіе неправды и несправедливости и нескрывавшіе этого.

— Студентъ А! провозглашаетъ инспекторъ, какого ему?

— Откровеннаго, я полагаю, отозвался одинъ изъ членовъ.

— Помилуйте, Порфирій Петровичъ, какъ можно „откровеннаго“, возразилъ полковникъ, я ему нѣсколько разъ приказывалъ остричься, а онъ и до сихъ поръ ходитъ съ патлами. Влѣпить ему: „подозрительнаго!“

А то и физіогномія иного студента не понравится или педель насплетничаетъ, не получивъ гривенника на табакъ—пиши ему: „скрытнаго“!—Такъ легко и скоро опредѣлялись наши характеры.

При устройствѣ помѣщенія для казеннокоштныхъ студентовъ въ новомъ зданіи, нужно было надъ каждой камерой прибить таблички. По поводу сего нехитраго дѣла, также состоялось засѣданіе членовъ полиціи, безъ участія, впрочемъ, педелей.

— Я полагаю господа, началъ полковникъ, надъ каждой камерой слѣдуетъ надписать „занимательная комната“ № такой то.

— Нѣтъ, возразилъ Гудима, этакъ писать нельзя: такъ говорится, напр., о книгѣ, что она занимательная, а о комнатѣ сказать неудобно.

— По моему мнѣнію, отозвался другой субъинспекторъ Троцкій, слѣдуетъ написать „занимающаяся комната“.

— Что вы, что вы, Порфирій Петровичъ, осадилъ его полковникъ, развѣ комнаты будутъ заниматься—занимаются студенты.

Толковали—толковали, да такъ и оставили вопросъ о табличкахъ открытымъ, его разрѣшилъ ректоръ, велѣвъ написать надъ каждый камерой: „комната для занятій № такой то“.

Нашъ бравый полковникъ, къ сожалѣнію, лишенъ былъ одного изъ пяти внѣшнихъ чувствъ—именно обонянія: „носъ у него былъ

не въ порядкѣ-съ!“ какъ выразился однажды педель Ѳедоръ-съ. Говорили, что уже послѣ взятія Паскевичемъ Варшавы нашего полковника ранила какая то рьяная патріотка. Кто знакомъ съ фанатизмомъ польскихъ женщинъ, тотъ нисколько не усомнится въ справедливости такого факта. Этотъ, повидимому неважный, физическій недостатокъ экономъ нашъ Чепурковскій ловко эксплоатировалъ въ свою пользу. Когда, напр., студенты выражали свое неудовольствіе на недоброкачественность говядины или сала „до каши“ и жаловались инспектору, то онъ не могъ убѣдиться въ справедливости претензіи, сколько ни нюхалъ поднесенную ему порцію: мы говоримъ воняетъ, а онъ утверждаетъ, что мы капризничаемъ; эконому это и на руку.

Впрочемъ иногда и мы эксплоатировали полковничій носъ. Въ камерахъ, по крайней мѣрѣ до обѣда, куреніе табку запрещалось, но мы курили и увѣряли полковника, что въ комнатѣ не табачный дымъ, а туманъ, вошедшій черезъ открытую форточку.

Былъ у насъ одинъ товарищъ, отличный малый и страстный курильщикъ вакштафу Жукова. Трубка у него была съ длиннѣйшимъ чубукомъ, который студенты прозвали „пикой“. Когда въ новомъ зданіи началось сильное преслѣдованіе за куреніе въ камерахъ, онъ принужденъ былъ, съ сердечной болью, перерѣзать свою пику пополамъ, чтобы удобнѣе было прятать ее въ комодъ.

Однажды, по случаю хорошей погоды, всѣ казеннокоштники разбрелись на прогулку; я почему то остался дома. Проходя по корридору, подлѣ 4-й камеры я услышалъ сильнѣйшій запахъ гари. Подхожу къ дверямъ—заперты на замокъ; прислушиваюсь—что то трещитъ, а дымъ такъ и претъ въ замочную скважину. Понатуживишись, я сломалъ замокъ и чуть не задохся отъ дыму: горѣлъ внутри комодъ, куда нашъ курильщикъ спряталъ непогасшую еще трубку. Уже успѣло сгорѣть все, что было въ двухъ верхнихъ ящикахъ и третій началъ загораться. Побѣжать въ лакейскую и принесть ведро воды—было дѣломъ одной минуты. Огонь былъ залитъ. Еще нѣсколько минутъ и милліонное зданіе, едва успѣвшее отстроиться, сгорѣло бы ни за что, ни про что. Съ недѣлю послѣ этого случая на всемъ 4-мъ этажѣ слышалась сильная гарь и кромѣ меня и виновника этого несчастія никто не зналъ о причинѣ, сколько ни ломали головы субъинспекторы.

Обязанности помощниковъ инспектора состояли въ контролированіи посѣщенія студентами лекцій и соблюденія ими формы: чтобы сюртуки были застегнуты на всѣ пуговицы, бороды и усы выбриты, головы гладко выстрижены. На разные же дебоши внѣ стѣнъ университета полиція наша смотрѣла сквозь пальцы на томъ разумномъ основаніи, что молодежь, занятая скандальными похожденіями, не станетъ думать о чемъ нибудь этакомъ. Такого, по крайней мѣрѣ, принципа держался дававшій всему тонъ Д. Г. Бибиковъ.

Въ наше время пріобрѣли громкую извѣстность „крестовые походы“ студентовъ. Походовъ этихъ было не три и не четыре, какъ въ средніе вѣка, а немного поболѣе того. Послѣ великой руины, постигшей лучшую часть города—Печерскъ, по случаю постройки крѣпостныхъ башенъ,—не осталось и слѣда этого развеселаго квартала: „яко же духъ пройде въ немъ и не будетъ, и не познаетъ ктому мѣста своего“. Роль „Крестовъ“ впослѣдствіе выпала на долю „Андреевской горы“, пока Андрей Николаевичъ Муравьевъ своимъ вмѣшательствомъ не выселилъ падшихъ дѣвъ на Подолъ—за канаву.

Студентскіе кутежи юнѣйшаго изъ русскихъ университетовъ не представляли ничего необыкновеннаго: ими славились съ давнихъ временъ всѣ германскіе университеты съ тою лишь разницей, что нѣмцы, хотя и больше кутили и пили, да ума не пропили, мы же совершенно напротивъ. Германскіе университеты, передавая цѣлыя столѣтія всему міру вѣковые подвиги ума,—нашимъ русскимъ студентамъ передавали лишь разгульную жизнь буршей, вмѣстѣ съ разудалою пѣсню „Gaudeamus“. Шумны были кутежи нѣмецкой молодежи конца XVIII вѣка и странное явленіе: ни одно время не произвело столько геніевъ въ области наукъ и поэзіи, сколько произвела ихъ знаменитая въ исторіи германской культуры эпоха бурныхъ стремленій—Sturm und Drang...

Нынѣшніе нѣмецкіе студенты также кутятъ, вливаютъ въ себя пиво, какъ въ бездонную бочку, дерутся на дуэляхъ, цѣлые годы не берутъ книги въ руки, но потомъ какъ будто перерождаются, начинаютъ работать такъ же прилежно, какъ прежде бражничали и блестящимъ образомъ оканчиваютъ свою ученую каррьеру. Die Iugend muss austoben, говорятъ нѣмцы. Но... должно полагать, что нѣмцу здорово, то русскому смерть...

Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ.

Это благотворительное учрежденіе, оказавшее немалую услугу высшему образованію, служило вмѣстѣ съ тѣмъ, впродолженіе цѣлой четверти столѣтія разсадникомъ учителей гимназій кіевскаго учебнаго округа. „Содержаніе, доставляемое казеннокоштнымъ студентамъ, говоритъ проф. Будановъ, должно быть признано дѣйствительнымъ благодѣяніемъ, предохранявшимъ молодежь отъ растраты силъ и времени на неблагодарные заработки, въ ущербъ научныхъ занятій и отъ того моральнаго озлобленія, которое часто заползаетъ въ душу среди нищеты".

Доставляя недостаточнымъ молодымъ людямъ средства достигнуть высшаго образованія, съ обязательствомъ прослужить не менѣе шести лѣтъ въ должности учителя по назначенію отъ правительства, институтъ ежегодно поставлялъ потребный контингентъ преподавателей для гимназій и дворянскихъ училищъ, которыя, благодаря этому учрежденію, не нуждались въ преподавателяхъ такъ, какъ стали нуждаться, когда института не стало.

Съ 1856 года, при новыхъ „вѣяніяхъ", это въ высшей степени гуманное и полезное учрежденіе представилось въ иномъ освѣщеніи: тогда періодическая печать наша сильно вліяла на общественное мнѣніе; считая закрытыя заведенія вредными, она ополчилась противъ нихъ и главнымъ образомъ содѣйствовала ихъ закрытію. Той же участи не избѣжалъ и институтъ казеннокоштныхъ студентовъ при университетѣ св. Владиміра.

Причины, побудившія совѣтъ къ ходатайству объ его упраздненіи, были слѣдующія: увеличеніе числа воспитанниковъ съ 50 до 150 и происходящій оттого недостатокъ средствъ, при увеличеніи цѣнъ на содержаніе [1]).

Попечитель Пироговъ, раздѣлявшій вполнѣ взглядъ современной печати на закрытыя заведенія, присоединился къ мнѣнію совѣта, прибавивъ отъ себя (какъ доктора) еще одну причину: тѣсноту помѣщенія, низость камеръ; кромѣ того, онъ считалъ закры-

[1]) По штату 1833 года на одного воспитанника полагалось по смѣтѣ 400 рубл. асс., на 1840 годъ по 500 рубл. асс. или 114 руб. 28 коп. серебр., а по уставу 1842 г. 143 руб. сер. на каждаго студента, да кромѣ того на Рождество и на Пасху отпускалось по 110 руб. сереб.

тыя заведенія для взрослыхъ вредными въ политическомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ. На основаніи всѣхъ этихъ причинъ, Николай Ивановичъ просилъ министра уменьшить число казенно-коштныхъ воспитанниковъ, хоть на половину; но министерство, считая институтъ учрежденіемъ полезнымъ, согласилось лишь на то, чтобы желающимъ жить на вольныхъ квартирахъ выдавать по 143 руб. сер. въ годъ. Генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ раздѣлялъ мнѣніе министерства; но Пироговъ въ 1858 году вошелъ снова съ представленіемъ о закрытіи института, замѣнивъ его выдачею стипендій и учрежденіемъ „педагогическихъ курсовъ", которые, однакожъ, ни въ какомъ отношеніи не могли замѣнить прежняго способа приготовленія студентовъ къ учительскому звавію. Такъ называемыхъ „кандидатовъ — педагоговъ" бывало на курсахъ всего два-три человѣка, а „руководителей" (профессоровъ и учителей гимназій), получавшихъ вознагражденіе за чисто фиктивные труды, — человѣкъ 15 — 20. Да и тѣ немногіе кандидаты-педагоги, такъ дорого стоившіе казнѣ, весьма неохотно шли въ учителя и уходили въ другія вѣдомства, безъ возврата затраченныхъ на ихъ приготовленіе денегъ.

Другая, весьма значительная часть капиталовъ, оставшихся послѣ закрытія института, обращена на выдачу стипендій.

Деньги студенты стали получать на руки, чѣмъ, казалось, устранено было великое зло, происходившее отъ совмѣстнаго жительства болѣе сотни молодыхъ людей. Но, устранивъ такимъ образомъ воображаемое зло, антагонисты закрытыхъ заведеній, помимо того, что лишали гимназіи готовыхъ преподавателей, въ сущности весьма мало обезпечивали существованіе студентовъ въ матеріальномъ отношеніи: они почти такъ же стали нуждаться, какъ и прочіе бѣдняки, живущіе изо дня въ день впроголодь однѣми репетиціями—за 5—8 рублей въ мѣсяцъ. Разница въ обезпеченіи между бывшими казенно-коштными студентами и нынѣшними стипендіатами—громадна: тогда какъ первые, поступая въ институтъ, получали все необходимое для жизни натурой: теплую и удобную комнату, столъ, одежду, обувь, книги и всѣ учебныя пособія и ни о чемъ не заботились,—стипендіаты, которымъ самимъ предоставлено распоря-

жаться выданными имъ деньгами, часто не знаютъ, гдѣ будутъ ночевать сегодня, гдѣ придется обѣдать завтра.

По крайней мѣрѣ для себя лично, я считаю мое трехлѣтнее пребываніе въ институтѣ величайшимъ благодѣяніемъ, и не перестану до самой смерти благословлять судьбу и добрыхъ людей, давшихъ мнѣ возможность докончить свое образованіе и быть полезнымъ обществу. Будучи вполнѣ обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи, я всецѣло посвятилъ себя научнымъ занятіямъ, не тратя молодыхъ силъ на безплодную борьбу съ нуждою и неизбѣжными для каждаго бѣдняка житейскими дрязгами, дѣлающими человѣка негоднымъ для регулярной умственной работы и убивающими его морально.

Существованіе института во время моего въ немъ пребыванія можно раздѣлить на два, рѣзко отличающіеся одинъ отъ другаго, періода, какъ въ отношеніи научныхъ занятій, такъ и въ отношеніи образа жизни студентовъ. До 1842 года институтъ помѣщался въ домѣ Бухтѣевой vis à vis съ институтомъ благородныхъ дѣвицъ (нынѣшняя квартира гражданскаго губернатора). Состояніе института въ этотъ періодъ имѣло за собой то преимущество, что онъ по наружному виду и по внутреннему устройству не имѣлъ казеннаго характера, какимъ обыкновенно отличаются закрытыя заведенія. Домъ Бухтѣевой состоялъ изъ главнаго двухэтажнаго корпуса, деревяннаго флигеля для эконома, другаго для субъинспектора Троцкаго и небольшаго фруктоваго сада. Въ первомъ этажѣ главнаго корпуса помѣщались дортуары, столовая и гардеробная, а во второмъ залы для занятій, раздѣленныя глухою стѣной на два отдѣленія: въ одномъ жили юристы, а въ другомъ словесники и математики. Несвязанные никакими обязательствами, подобно словесникамъ и математикамъ, юристы однако жъ, очень часто, не находя мѣстъ по своей спеціальности, добровольно поступали въ учителя, такъ какъ они слушали нѣкоторые предметы вмѣстѣ съ словесниками.

Съ переходомъ университета въ собственное зданіе, въ немъ отведено особое помѣщеніе для института—на 4-мъ этажѣ.

Съ открытіемъ медицинскаго факультета число казеннокоштныхъ студентовъ утроилось; они заняли весь верхній этажъ: словесники,

юристы и математики помѣщены съ правой, а медики—съ лѣвой стороны. Столовая была общая—на 2-мъ этажѣ. Надобно замѣтить, что мы, первые переселенцы въ новое зданіе, должны были, такъ сказать, собственнымъ дыханіемъ осушать не совсѣмъ еще высохшія стѣны, будучи обречены на жертву разнымъ болѣзнямъ. Если покойниковъ было у насъ немного, сравнительно съ количествомъ заболѣвавшихъ, то этимъ мы обязаны лишь той жизненной силѣ юношескаго организма, которая нерѣдко производитъ чудеса. При всемъ этомъ, пребываніе наше въ сыромъ помѣщеніи отразилось на нашемъ здоровьи впослѣдствіи. Только черезъ годъ послѣ нашего переселенія начальство спохватилось и энергически принялось за осушку зданія посредствомъ желѣзныхъ печей, разставленныхъ по всѣмъ четыремъ этажамъ.

Время нашего новоселья какъ разъ совпало съ открытіемъ медицинскаго факультета; на первомъ этажѣ устроенъ былъ анатомическій театръ въ круглой залѣ подъ костеломъ, а человѣческіе трупы для секцій хранились въ подвалѣ. Стало быть, кромѣ сырости, порча воздуха, которымъ намъ приходилось дышать, еще усилилась отъ разложенія труповъ. А простодушные граждане Подола распустили слухъ, что студенты рѣжутъ по ночамъ людой и прячутъ въ университетскихъ подземольяхъ. Подвалы ихъ воображенію представлялись какими то пещерами, о какихъ говорится въ сказкахъ о разбойникахъ—людоѣдахъ. Жители же прилежащаго къ университету квартала—„Новаго строенія“ нѣсколько смягчили такой ужъ черезчуръ строгій приговоръ подолянъ надъ сынами Эскулапа, утверждая, что студенты рѣжутъ не людей, а жидовъ.

Распространенію такой нелѣпости весьма много способствовало изолированное положеніе университетскаго зданія, кругомъ котораго въ то время на большое разстояніе не было никакого жилья, такъ что въ темныя осеннія ночи не безопасно было проходить запоздалому студенту, хотя и вооруженному, совершенно впрочемъ безвредной, шпаженкой. Были случаи грабежа и разъ чуть не случилось убійства, жертвою коего едва не сдѣлались тѣ же самые медики, которыхъ подозрѣвали въ каннибальскихъ наклонностяхъ.

Вообще говоря, до открытія университета, Кіевъ былъ бѣдный провинціальный городъ. Тамъ, гдѣ нынѣ университетъ, три

гимназіи, ботаническій садъ—въ дикихъ ярахъ росъ одинъ колючій будякъ; люди, еще живущіе повынѣ, охотились по болотамъ Лыбеди на бекасовъ, а нынѣшній Крещатикъ—это была грязная, глухая низменность, отдѣлявшая Старый городъ отъ Липокъ, гдѣ былъ рядъ дачъ, тонувшихъ въ зелени.

Въ домашнемъ быту казеннокоштныхъ студентовъ едва ли не самая значительная роль выпадала на долю эконома: на его обязанности лежало удовлетвореніе насущныхъ потребностей молодыхъ людей, насыщеніе ихъ желудковъ, отопленіе, освѣщеніе, постройка одежды и т. д. не безъ участія, конечно, главнаго воротилы экономическихъ операцій института—г. полковника.

Пользовавшаяся въ чиновномъ мірѣ былыхъ временъ большою популярностію пословица: „дай намъ казеннаго воробья кормить, мы и корову свою прокормимъ“ — вполнѣ примѣнялась къ нашему почтенному кормильцу Степану Кириловичу Чепурковскому. На его долю выпала благодать кормить не воробья, а людей, на содержаніе которыхъ отпускалась весьма крупная сумма. Не взирая ни на безконечные протесты со стороны студентовъ, ни на угрозы кн. Давыдова—отдать его въ солдаты, Чепурковскій не переставалъ немилосердно эксплоатировать казенныя суммы въ свою пользу. Ему въ глаза говорятъ, что онъ воръ, а онъ улыбается и продолжаетъ свое дѣло съ невозмутимымъ хладнокровіемъ. Оградивъ себя отъ нападеній студентовъ властію инспектора, великаго мастера зажимать рты недовольныхъ крикуновъ, нашъ экономъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на наши претензіи. Какъ только за какимъ нибудь столомъ во время обѣда послышится ропотъ по поводу скверныхъ „лозанокъ съ сыромъ“ или „говядины въ своемъ соку“, г. полковникъ, съ чисто военной тактикой, не обращается къ тѣмъ, которые больше всѣхъ шумятъ, а выберетъ какого нибудь бѣдняка да и накинется на него съ азартомъ:

— Милостивый государь! молитесь Богу, что васъ приняли на казенное содержаніе, а вы еще кричать вздумали? Что бы вы ѣли теперь, если бы васъ лишили казеннаго продовольствія? и т. д.

Зубастыхъ и болѣе достаточныхъ воспитанниковъ онъ никогда не трогалъ, а избиралъ козломъ [illegible] такого, который

дорожилъ казеннымъ содержаніемъ и разумѣется меньше другихъ шумѣлъ, хотя его желудокъ такъ же требовалъ удовлетворенія, какъ и тѣхъ, которые могли бы насытиться, не прибѣгая къ казенной благотворительности.

Эксплоатація эконома не ограничивалась лишь крупицами, падающими отъ стола студентскаго, главный доходъ его заключался не въ этой дряни. Постройка форменной одежды, бѣлья, обуви, отопленіе, поставка письменныхъ принадлежностей, освѣщеніе — вотъ гдѣ скрывалась цѣлая Калифорнія для нашего кормильца [1]). Помимо плутовскихъ сдѣлокъ съ купцами и подрядчиками, Чепурковскій, открылъ у себя въ квартирѣ лавочку розничной продажи, гдѣ не онъ былъ продавцемъ, а студенты. Дѣло въ томъ, что обезпеченные на счетъ продовольствія, не нуждаясь ни въ квартирѣ, ни въ одеждѣ, ни въ учебныхъ пособіяхъ, мы лишены были карманныхъ денегъ на молочные расходы: нужно было, напр., купить четверку табаку, хоть изрѣдка пойти за четвертакъ въ раекъ, послать письмо къ роднымъ и т. п. Гдѣ взять на это денегъ? Конечно, у эконома. Но экономъ кулакъ, у него не выпросишь въ займы ни за какіе проценты. При томъ же каждый изъ насъ хорошо помнилъ поговорку нѣмецкихъ буршей: Schulden sind keine Haasen sie laufen nicht davon! Поэтому мы не занимали у него денегъ, а продавали ему за полцѣны подлежавшія къ выдачѣ намъ ежемѣсячно вещи, расписываясь въ полученіи ихъ натурой. На вырученные такимъ способомъ деньги мы иногда устраивали скромные кутежи гдѣ нибудь въ погребкѣ Братскаго монастыря (теперь тамъ булочная), состоявшіе изъ нѣсколькихъ рюмокъ краснаго вина, нѣсколькихъ трубокъ Жукова, да селедки или колбасы на закуску. И все это низерное пиршество было приправлено такими задушевными бесѣдами, такими искрометными вспышками остроумія и неподдѣльной веселости! Блаженное время! Счастливые, невозвратные дни неприхотливой молодости!

[1]) На столъ отпускалось по 14 коп. въ сутки на каждаго студента; на учебныя пособія 2 р. с. Чертежныя и рисовальныя принадлежности 28 к., бѣлой бумаги 10 дестей,—1 р. 70 к., синей—20 дестей 1 р. 50 к., карандашей 30 въ годъ—48 к., перьевъ 100 на 10 мѣсяцевъ—28 коп., чернилъ на 14 к. Сюртукъ, брюки, жилетъ—на одинъ годъ, мундиръ съ брюками на два года, шинель—на 4 года, шляпа и и шпага—тоже на 4 г. Пара сапоговъ, бѣлье, галстухъ, перчатки на 1 годъ.

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!
Post exactam juventutem,
Post molestam senectutem
Nos habebit humus!....

А театръ, съ очаровательной актрисой, дочерью антрепренера Рыкановскаго!—сколько наслажденія доставлялъ онъ нетребовательному нашему вкусу! А „ученица славной Тальони", легкая, какъ Сильфида, танцовщица Адель, съ своей очаровательной „дезгинкой"! Зыковъ! гдѣ ты? ужели ты не восчувствуешь зуда въ своей честной десницѣ, при воспоминаніи объ этомъ, когда то дорогомъ для тебя имени и не отзовешься ко мнѣ пламенными строками дружеской переписки, которая, увы! такъ давно прекратилась между нами!

И какъ мы волновались и шумѣли, когда отъ начальства вышелъ приказъ не ходить студентамъ въ „рай?" Гдѣ же намъ, бѣднякамъ, съ четвертакомъ въ карманѣ, возсѣдать въ креслахъ, рядомъ съ аристократіей? Но, несмотря на такое воспрещеніе и угрозы полковника, мы и тутъ ухитрялись надуть соглядатаевъ: въ институтѣ имѣлось нѣсколько партикулярныхъ шинелей: подымешь воротникъ выше ушей, да еще и щеку подвяжешь бѣлымъ платкомъ—и никакой фискалъ-педель тебя не узнаетъ, никакая гончая собака—Гудима не нанюхаетъ; а если какимъ нибудь образомъ и узнаютъ—невелика бѣда посидѣть нѣсколько часовъ въ карцерѣ.

Но вотъ, во время заурядныхъ представленій жалкой труппы Рыкановскаго, по Кіеву пронесся слухъ, что къ намъ ѣдетъ геніальный трагикъ Мочаловъ. Засуетилась наша казенная голытьба и стала заблаговременно добывать средства, тѣмъ болѣе, что цѣны на билеты увеличены вдвое. Впродолженіе нѣсколькихъ дней квартира эконома находилась въ осадномъ положеніи. Проданы были не только вещи, слѣдовавшія къ выдачѣ въ текущемъ мѣсяцѣ, но и тѣ, которыя слѣдовало получить въ будущіе мѣсяцы—за цѣлое полугодіе. Къ счастію, по причинѣ возвышенія цѣнъ на билеты, распоряженіе начальства относительно райка было отмѣнено—и вся галлерея наполнилась голубыми воротниками. Переносясь мыслію къ этому времени и провѣряя впечатлѣнія давно минувшихъ лѣтъ, удивляешься тому очарованію, той всемогущей силѣ обаянія, какое производила

на душу бурная игра Мочалова, не взирая на весьма жалкую обстановку и мизерный ансамбль. Естественно, что при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ полнаго, цѣлостнаго очарованія ни Гамлетъ, ни Отелло произвесть не могли, но мы, слѣдя за геніальной игрой трагика старались игнорировать ломанье другихъ актеровъ, годныхъ лишь для пошлыхъ водевилей и ходульныхъ драмъ.

Вызвавъ изъ памяти цѣлую вереницу типовъ прошлаго, не могу пройти молчаніемъ честнѣйшаго и благороднѣйшаго нашего буфетчика „дядюшку Ѳаддея", достойнаго по своимъ нравственнымъ качествамъ болѣе выдающейся роли. Кто изъ моихъ товарищей не помнитъ этой замѣчательной личности? Кто изъ насъ не преклонялся передъ нравственной силой этого мощнаго характера? Съ виду до крайности суровый и несообщительный, этотъ бравый усачъ, съ нависшими густыми бровями, изъ подъ которыхъ свѣтились честные сѣрые глаза, пользовался такою любовію и уваженіемъ студентовъ, что рѣдкій изъ насъ, по окончаніи курса, отправляясь на службу, не заходилъ въ столовую проститься съ дядюшкой Ѳаддеемъ самымъ дружескимъ образомъ, удѣляя ему малую толику изъ 90 рублеваго третного не въ зачетъ жалованья"?

Обязанности буфетчика состояли въ выдачѣ обѣда и въ продовольствіи воспитанниковъ чаемъ утреннимъ и вечернимъ. Оставшіяся отъ обѣда и отъ чая порціи сохранялись имъ до слѣдующаго дня. Проголодавшійся студентъ, по возвращеніи домой изъ болѣе или менѣе отдаленной экскурсіи, могъ во всякое время дня и ночи потребовать свою порцію. Чай и сахаръ, развѣшенный съ точностію аптекарскихъ вѣсовъ, не доставлялъ эконому ни малѣйшаго барыша. Институтскихъ лакеевъ Ѳаддей держалъ въ строжайшемъ подчиненіи, съ чисто военной дисциплиной. На несправедливыя требованія студентовъ онъ отвѣчалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ и суровостію, граничившею съ грубостью. Остатками студентскаго обѣда и чая онъ обдѣлялъ прожорливое лакейство, сверхъ положеннаго ему продовольствія. Себѣ же никогда ничего не оставлялъ, довольствуясь однимъ жалованьемъ.

И не однимъ лишь точнымъ исполненіемъ своихъ скромныхъ обязанностей почтенный нашъ Ѳаддеюшка заслужилъ всеобщее ува-

женіе: намъ извѣстно было нѣсколько фактовъ, возбуждавшихъ въ насъ удивленіе къ этому старому гвардейцу.

Разъ сидѣлъ я послѣ обѣда въ столовой и занимался. Ѳаддей развѣшивалъ сахаръ на лоты и бросалъ въ симметрически разставленные стаканы. Кто то робко постучался въ дверь, какъ видно не студентъ, а посторонній. Окончивъ свое дѣло, нисколько не торопясь, Ѳаддей отворилъ двери. Вошелъ съ плачемъ крестьянинъ и бухъ ему въ ноги. Это былъ кумъ Ѳаддея. Такое самоуничиженіе ему не понравилось, онъ отвернулся молча и ушелъ за свой буфетный прилавокъ. Давъ куму выплакаться, онъ усадилъ его рядомъ съ собой. Изъ слезнаго разсказа крестьянина я успѣлъ разслышать, что въ Кіевѣ на базарѣ у него „украдено волы", единственное его достояніе и что онъ безъ „худобы" остался нищимъ, „хочъ топися въ Днипри". Долго слушалъ Ѳаддей жалобы своего кума, насупивъ сѣдыя брови и по временамъ шевеля усами, наконецъ всталъ. Громко щелкнулъ замокъ въ буфетномъ шкафу и онъ вынулъ оттуда шкатулку, досталъ изъ нея пачку ассигнацій и, отдавая куму, промолвилъ:

— Возьми это, больше у меня нѣтъ, заработаешь—отдашь. Въ пачкѣ было 75 рублей, припрятанныхъ про черный день изъ маленькаго жалованья.

А вотъ и другой фактъ. Сидимъ мы за вечернимъ чаемъ и разговариваемъ. Къ намъ присоединился одинъ изъ своекоштныхъ товарищей, пришедшій подѣлиться своимъ горемъ: получивъ съ почты 10 рублевую ассигнацію, онъ обронилъ ее гдѣ-то на Крещатикѣ, вслѣдствіе чего хозяйка отказала ему отъ квартиры. Ѳаддей стоитъ за своимъ прилавкомъ и внимательно прислушивается къ разговору.

— А не можете ли вы, примѣрно, сказать, въ какомъ мѣстѣ вы обронили деньги? неожиданно предложилъ онъ вопросъ.

— Я должно быть потерялъ ихъ недалеко отъ почтовой конторы, когда доставалъ изъ кармана платокъ.

Щелкнулъ замокъ, Ѳаддей беретъ съ верхней полки буфетнаго шкапа ассигнацію и отдавая ее студенту, говоритъ:

— Вотъ ваши деньги: я ихъ нашелъ сегодня именно на томъ мѣстѣ, гдѣ вы ихъ обронили, доставая платокъ.

Совершенный контрастъ дядюшкѣ Ѳаддею представлялъ изъ себя другой инвалидъ—институтскій педель Ѳедоръ-съ. Главнѣйшая его обязанность состояла въ томъ, чтобы отпирать и запирать двери запоздавшимъ послѣ десяти часовъ студентамъ. Это былъ, собственно говоря, швейцаръ, но безъ ливреи. Обо всѣхъ воротившихся позже десяти часовъ онъ на другой день рапортовалъ г. полковнику. Никакія просьбы скрыть отъ инспектора поздній приходъ на него не дѣйствовали.

— Отъ просьбы, какъ и отъ брани, мнѣ нѣтъ никакой пользы-съ, говорилъ онъ обыкновенно, потому, я отвѣчаю за евто за самое-съ передъ своимъ начальствомъ.

Такая рѣчь клонилась къ тому, чтобы ему, какъ церберу, охранявшему двери ада, бросили въ жадную пасть какую нибудь лепешку, въ видѣ пятіалтыннаго.

Очерки институтской жизни.

Первое впечатлѣніе при вступленіи моемъ въ институтъ было неблагопріятно. При всемъ томъ, переходъ отъ существованія впроголодь, близкаго къ нищетѣ,—къ довольству былъ такъ рѣзокъ, что я долго не могъ оріентироваться среди новой обстановки. Все какъ будто не вѣрилось, чтобы такая жизнь продлилась цѣлые годы до окончанія университета. Мнѣ указали учебный столъ между словесниками. Такъ какъ годъ приходилъ къ концу, а одежда студентамъ строилась во время каникулъ, то на меня пригнали въ гардеробѣ готовое, нѣсколько приношенное платье очистившаго мнѣ вакансію товарища. Сокурсникомъ моимъ былъ пока одинъ студентъ Малавскій, отличный музыкантъ, но мало способный къ наукамъ, да и тотъ сторонился отъ меня. Возсоединенный уніатъ, мой коллега плохо говорилъ по русски и больше тянулъ въ сторону поляковъ.

Словесники или, какъ насъ называлъ г. полковникъ, философы, какъ будущіе педагоги, жили между собой дружно; юристы же держали себя особнякомъ, составляя нѣкоторымъ образомъ отдѣльную корпорацію. На половину между ними были поляки, на половину семинаристы, поступившіе на казенное содержаніе по про-

текціи профессоровъ юристовъ, которые почти всѣ происходили изъ духовнаго званія.

Извѣстно, что поляки, по крайней мѣрѣ наружно, народъ вѣжливый, деликатный: у нихъ grzeczność—первѣйшее условіе порядочности; они ставятъ ее въ иныхъ случаяхъ выше нравственности: безнравственный проступокъ они простятъ скорѣе, чѣмъ niegrzeczność. Какъ во всемъ юго-западномъ краѣ, такъ и въ институтѣ, они старались удержать за собой права интеллигентнаго класса между русскими; но ихъ шляхетскіе нравы все таки не могли пересилить грубой бурсацкой натуры своихъ товарищей и они сами въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подчинились вліянію семинаристовъ, такъ что общій, господствующій тонъ въ средѣ юристовъ отличался тривіальностію и грубостію, напоминавшею собой скорѣе бурсу, чѣмъ университетъ. Не странно ли, напр., было слышать раздававшіеся изъ конца въ конецъ по институтскимъ заламъ, изъ устъ въ уста дикія уличныя клички, которыми юристы надѣляли другъ друга: быкъ, кнуръ, бугай, поросенокъ, муха, куцый, козликъ, Танька (имя извѣстной въ то время проститутки), гадюка и т. п.? Несмотря, однако жъ, на всю свою грубость, клички очень мѣтко попадали въ цѣль, характеризуя особенности каждаго субъекта. Хотя нѣкоторые изъ героевъ этого животнаго эпоса впослѣдствіе занимали не послѣднія ступени на лѣстницѣ чиновной іерархіи, черты ихъ характера не измѣнились: такъ, мнѣ извѣстно, что „гадюка“ и до сего дня осталея такою же гадиной, какою мы всѣ знали его во время оно. Чтобы не возвращаться въ другой разъ къ своеобразной личности сего господина, я разскажу о немъ нѣсколько анекдотовъ, рисующихъ нравы нашей институтской общины.

Въ 1839 году въ Кіевъ прибыло нѣсколько семинаристовъ для поступленія въ университетъ. Между ними былъ нѣкто Прокопецъ N, который съ перваго же шагу въ новую для него среду сдѣлался притчей во языцѣхъ.

Въ самой бо́льшей аудиторіи шла лекція богословія, въ сборѣ были студенты всѣхъ курсовъ. Едва они усѣлись по мѣстамъ и по прочтеніи молитвы приготовились слушать от. протоіерея, въ аудиторію проскользнула какая то странная фигура въ бѣломъ парусинномъ балахонѣ „по сіе время“ и, отыскавши глазами образъ,

начала преусердно молиться; затѣмъ, отвѣсивъ поясной поклонъ профессору, при дружномъ хохотѣ студентовъ, стала пріискивать и себѣ мѣсточко. Но осмѣлившись сѣсть на скамью, рядомъ съ прочими слушателями, чучело это сѣло на подножку задней скамьи: „Ничего, говоритъ, мнѣ и здѣсь будетъ хорошо!“ Это былъ тотъ самый Прокопецъ, гадюка тожъ, о которомъ я хочу разсказать въ предстоящемъ очеркѣ. Съ поступленія въ институтъ для Прокопця начался нескончаемый рядъ преслѣдованій со стороны товарищей. Чѣмъ терпѣливѣе сносилъ онъ насмѣшки, тѣмъ изобрѣтательнѣе на нихъ становились студенты, задавшіеся, какъ видно, цѣлію искоренить въ немъ бурсацкія угловатости. Сознавая свои недостатки, Прокопецъ весьма усердно занялся полировкой своихъ манеръ: не пропускалъ ни одного танцкласса, упражнялся до третьяго пота въ фехтованіи, учился верховой ѣздѣ, даже пробовалъ заучивать французскія фразы для изъясненія въ любви знакомымъ барышнямъ. Не обращая вниманія на насмѣшки товарищей, онъ съ невообразимымъ упорствомъ преслѣдовалъ свою цѣль—сдѣлаться совершеннѣйшимъ джентльменомъ. Но, несмотря ни на танцы, ни на фехтованье, ни на французскіе діалоги съ латинскимъ произношеніемъ—онъ на всю жизнь остался неисправимымъ бурсакомъ, какимъ явился въ первый разъ на лекцію богословія. Быть можетъ, товарищамъ его скоро бы и прискучило возиться съ этимъ антикомъ; натѣшившись вдоволь надъ смѣшными ухватками вѣчнаго семинариста, они, вѣроятно, оставили бы его въ покоѣ, еслибъ къ его угловатой фигурѣ не пристало новое, весьма зловредное качество—подлизываніе къ профессорамъ и даже наушничество. Замѣтивъ въ Прокопцѣ такое ехидство, студенты стали къ нему еще безпощаднѣе и прозвали его „гадюкой“.—Замѣчательно, что всѣ пакости, чинимыя гадюкѣ, исходили главнѣйшимъ образомъ изъ среды такихъ же бурсаковъ, какимъ былъ и онъ самъ. Какъ видно, эти господа соскучились по оставленнымъ въ семинаріи нравами и обычаями и готовы были учинить ему „вселенскую смазь“ или „выжать изъ него масло“, еслибъ только не боялись осужденія со стороны благовоспитанной части товарищей, незнакомыхъ съ такими милыми шутками.

Самая ядовитая изъ такихъ шутокъ, нелишенная впрочемъ юмора, принадлежитъ покойному И. Я. Шульгину (будущему по-

мощнику попечителя въ Вильнѣ), который, хотя и не происходилъ изъ духовнаго сословія, но получилъ первоначальное образованіе въ семинаріи.

27 февраля утромъ, въ день преподобнаго Прокопія Декаполита, когда еще нашъ дорогой именинникъ находился въ постели, человѣкъ 20 студентовъ, облачившись въ мундиры и надѣвши треуголки, но безъ панталонъ, окружили его ложе. Двое изъ нихъ держали огромной величины хлѣбъ, нарочито заказанный для сего торжества (Прокопецъ истреблялъ за обѣдомъ огромное количество хлѣба). Неудержимый хохотъ проснувшихся студентовъ, при видѣ такой карнавальной процессіи, разбудилъ именинника. И тутъ Иванъ Яковлевичъ, принявъ важную мину, ставши на табуретъ, произнесъ сочиненныя имъ вирши, помѣщаемые здѣсь, ради курьеза.

Возстань отъ сна нашъ присноосклабленный!
Яви намъ лучезарны искры зрака твоего!
Возрадуйся въ сей день, тебѣ тезоименный—
Несемъ ти даръ отъ братства своего.
Возрадуйся и осклабнися,
И зубы бѣлыми сіяй,
И яко нѣкіимъ, такъ намъ ты умилися
И гласу нашему внимай!
Великъ бѣ Голіафъ, и силенъ бѣ Давидъ,
Но что сіи предъ славой чрева твоего?
Ничто же есть и бочка Данаидъ,
Егда восхощеши разширити его.
Возрадуйся! утробу днесь возможешь ты согрѣти;
Но первѣе ослабь, елико можеши, попруги
И тѣмъ утѣшиши здѣ зрящи на тя други.
И аще пити хощеши, дадимъ тебѣ всего:
Воды двинадесятъ сосудовъ принесохомъ
И аще хлѣбецъ малъ предъ хлябей чрева твоего—
Прости намъ—большаго во градѣ семъ не обрѣтохомъ!

На поднесенномъ хлѣбѣ была наклеена такая надпись:

Какъ капля, въ море опущенна,
Такъ крошкой предъ тобою я,
И крошкой будетъ вся вселенна,
Егда расширится кишка твоя.

Были между казеннокоштными воспитанниками люди иного пошиба, которые возмущались подобными издѣвками надъ товарищемъ,

явно высказывая свое неодобреніе; но они составляли незначительное меньшинство. Были между нами и отчаянные франты въ сиреневыхъ перчаткахъ, въ сюртукахъ изъ собственнаго сукна либеральнаго покроя—съ широчайшими рукавами и съ голубой шерстяной матеріи подкладкой, вѣчно раздушенные и скрипящіе лакированными ботинками. У одного изъ такихъ щеголей заботы о своей наружности простерлись до того, что онъ ежедневно смачивалъ квасомъ свои черныя дипломатическія бакенбарды, для приданья имъ металлическаго блеска, а чтобы они плотнѣе прилегали къ щекамъ, укручивалъ ихъ на ночь полотенцемъ. Господинъ этотъ „пустѣйшій изъ самыхъ безтолковыхъ“,—до поступленія въ университетъ былъ нѣсколько лѣтъ юнкеромъ, но когда дядюшка его, Никита Андреевичъ Дьяченко, сдѣлался профессоромъ высшей математики, онъ счелъ болѣе для себя выгоднымъ получить кандидатскій дипломъ и вступить на педагогическое поприще. Не будучи въ состояніи грамотно написать нѣсколько строкъ, этотъ штыкъ-юнкеръ, съ помощію дядюшки, получилъ золотую медаль, за образцовую диссертацію по математикѣ, а по выходѣ изъ университета, будучи уже учителемъ, былъ рекомендованъ тѣмъ же Никитой въ профессоры, на мѣсто Тихомандрицкаго. Къ этому господину я буду имѣть случай вернуться впослѣдствіе.

Ареной, гдѣ фигурировали наши франты былъ Царскій садъ. Туда съѣзжался по вечерамъ весь кіевскій beau monde. Тамъ можно было встрѣтить постояннаго завсегдатая, пріобрѣвшаго печальную извѣстность, убійцу поэта Лермонтова—Мартынова, присланнаго въ Кіевъ на эпитемію—замаливать, подъ руководствомъ о. Василія Панова, тяжкій грѣхъ, онъ же не простится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій!.. Самоувѣренно и гордо шагалъ онъ по главной аллеѣ сада съ своею всегдашнею спутницей, извѣстной куртизанкой Ш — чъ [1]). „Въ бытность свою на Кавказѣ Мартыновъ выдѣлялся изъ круга молодежи тѣми физическими достоинствами, которыя такъ нравятся женщинамъ: высокимъ ростомъ,

---

[1]) Студентъ П—скій побился объ закладъ, что онъ на Крещатикѣ публично поцѣлуетъ Ш-ву и выигралъ пари; Бибикову очень понравилась такая смѣлая выходка.

выразительными чертами лица и стройностью фигуры. Взглядъ его былъ смѣлъ; вся фигура, фантастическій костюмъ и жесты полны были удали и молодечества". Бѣлый бешметъ, которымъ онъ плѣнялъ сердца пятигорскихъ красавицъ, въ Кіевѣ замѣненъ синимъ халатомъ съ расшитыми по немъ золотыми звѣздами. Какъ теперь вижу его сидящимъ у раскрытаго окна своей квартиры (въ три окна, противъ Царскаго сада), презрительно посматривающаго на проходящихъ.

Въ шумныхъ аллеяхъ желающіе могли познакомиться съ гр. Т—мъ. Пресыщенный чувственными удовольствіями старикъ ловилъ между гуляющими рослыхъ и румяныхъ юношей, предлагая имъ на собственный счетъ на Крестахъ тѣ удовольствія, которыми самъ онъ, отъ истощенія силъ, уже не могъ пользоваться. Объ этомъ развратномъ циникѣ можно сказать то же самое, что сказалъ въ своей автобіографіи фонъ-Брадке о 80-лѣтнемъ фельдмаршалѣ Саконѣ: „на немъ ясно можно было видѣть, что чувственность не умираетъ даже тогда, когда изсякла возможность удовлетворить её". Кромѣ господъ офицеровъ и юнкеровъ, къ стыду нашей интеллигентной молодежи, и между нашими студентами находились охотники до лакомаго угощенія сіятельнымъ польскимъ магнатомъ...

По вечерамъ, послѣ занятій, институтская зала оглашалась музыкой Малавскаго. Изъ камеръ выскакивали студенты и составлялись танцы; а въ положенные дни въ институтъ приходили учителя искусствъ: танцмейстеръ Дебре́ и гимнастъ Урсо́ и зала оглашалась то звуками скрипки, то воинственными кликами вѣчно пьянаго фехтмейстера: tempez! сопровождаемыми звяканьемъ сабель и рапиръ. Желающіе могли пользоваться и уроками верховой ѣзды у старика Ольшанскаго, сынъ котораго, отличный наѣздникъ, впослѣдствіи былъ избранъ предводителемъ конницы, вошедшей въ составъ той грозной арміи изъ гимназистовъ и студентовъ, которая вышла изъ Кіева по житомирскому шоссе въ 1863 году и была переловлена крестьянами.

Танцмейстеръ нашъ былъ великій комикъ. Онъ весьма удачно копировалъ каждаго танцующаго, за что иногда долженъ былъ выслушивать крупную русскую брань, но онъ прикидывался не понимаю-

щимъ ни слова по русски. Французу было особенно много возни съ семинаристами, разучившимися подъ форулой монаховъ и ходить по людски, по причинѣ длиннополой одежды. Они то охотнѣе другихъ накинулись на танцы. Прочіе принимали участіе въ танцахъ, потѣхи ради, „для моціона“. Распотѣшить веселую компанію и побѣсить Дебре́ козлиными прыжками и обезьяннними ужимками для нѣкоторыхъ было большимъ удовольствіемъ. Особенно отличался по этой части своекоштный студентъ, жившій въ институтѣ—Кандыба, по адресу котораго было сочинено четверостишіе: ни ракъ, ни рыба и пр. Тутъ же, во время танцевъ, потѣшникъ этотъ пѣлъ иногда преуморительную пѣсню:

Бувъ соби Гриця въ нашей Украини,
Вчився винъ добре та все по латыни...

Съ большимъ комизмомъ выкрикивалъ онъ стихъ, въ которомъ Гриць, пріѣхавши домой на каникулы, началъ въ свиномъ хлѣву учить свиней по латыни: „задавъ свинямъ орацію!“.. пѣсня, очевидно, направлена была противъ бурсаковъ-студентовъ.

Между юристами находился и мой землякъ Денисъ Подпружниковъ, получившій отъ товарищей за свой неукротимый нравъ прозваніе „свирѣпаго“.

„Бываютъ люди, которыхъ съ ранняго дѣтства приходится назвать натурами надломленными, неудачниками, которымъ словно суждено стать рѣшительно въ разрѣзъ со всѣмъ окружающимъ жизненнымъ строемъ“.

Строки эти, относящіяся къ біографіи Свифта, можно отчасти примѣнить и къ моему земляку Денису.

Какъ Свифтъ, упустивши во время уженья большую пойманную рыбу, съ того же момента почувствовалъ себя несчастнымъ неудачникомъ, такъ и Денисъ ожесточился характеромъ именно съ того времени, когда у него, тогда еще гимназиста, почти изъ рукъ ушелъ пойманный имъ на удочку сомъ, давши ему плесомъ ощечину. Родился и выросъ Денисъ въ Новгородѣ-Сѣверскѣ, въ семьѣ, зараженной наслѣдственнымъ порокомъ пьянства. Отецъ его и два старшіе брата погибли въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ; но Денисъ

какимъ то чудомъ уцѣлѣлъ. Окончивъ гимназію и желая продолжать образованіе, онъ поступилъ на кондицію къ ближайшему помѣщику, чтобы заработать сперва деньги. Но едва онъ успѣлъ пріѣхать въ деревню, какъ на помѣщичьемъ дворѣ появилась маменька, съ требованіемъ отъ него денегъ Не получивъ отъ него ни гроша, она разбранила всѣхъ, начиная съ лакея и кончая самимъ бариномъ. Сыну, конечно, досталось больше всѣхъ. Это неожиданное посѣщеніе матери, опозорившей молодого человѣка въ присутствіи дворни, до того ожесточило его, что онъ, уже отъ природы желчный и подозрительный, во всю остальную жизнь не только не могъ говорить, но слышать о ней безъ гнѣва и волненія.

Землякъ мой былъ въ нѣкоторомъ родѣ историческій человѣкъ: съ нимъ постоянно случались исторіи, чему причиной была его несчастная наружность, а отчасти его неукротимый нравъ. Съ нимъ безпрерывно случалось то, чего съ другимъ никакъ не могло случиться.

Послѣ вступительнаго экзамена въ университетъ, Денисъ отправился въ Лавру, не съ цѣлію помолиться (набожностію онъ не отличался), а просто изъ любопытства. Смѣшавшись съ толпой богомольцевъ, онъ дошелъ до пещеръ, куда, однакожъ, войти не захотѣлъ, а остался у входа. Сидѣвшій у дверей монахъ замѣтилъ это и спросилъ его, отчего онъ не идетъ вмѣстѣ съ другими приложится къ св. мощамъ кіевскихъ угодниковъ?

— Вы, вѣроятно лютеръ или католикъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Денисъ, я православный!

— Зачѣмъ же вы пріѣхали въ Кіевъ?

— Учиться въ университетѣ.

— Такъ вамъ, молодой человѣкъ, не мѣшало бы передъ экзаменами помолиться святымъ угодникамъ.

— Я уже выдержалъ экзаменъ.

— Да что съ нимъ, безбожникомъ, толковать? вмѣшался другой монахъ, къ митрополиту его тащи!

Замѣтивъ, что св. отцы намѣревались схватить его и вести къ владыкѣ, Денисъ далъ тягу, укрывшись среди богомольцевъ.

Землякъ мой былъ страстный рыболовъ. Все свободное отъ лекцій время онъ употреблялъ на плетеніе разной толщины лесъ,

дѣланіе изъ коры поплавковъ и приготовленіе грузилъ. Сидя постоянно сгорбившись у своего учебнаго стола, онъ всю зиму занятъ былъ этой нескончаемой работой или же валялся на грязной постели неделя Ѳедора, куря отвратительную махорку и ведя съ нимъ интимныя бесѣды. Общества товарищей онъ избѣгалъ, предпочитая ему компанство стараго инвалида; но, дождавшись каникулъ, изчезалъ изъ института съ зарею—удить въ Днѣпрѣ рыбу.

Земляковъ своихъ, какъ вообще всего, что напоминало ему милую родину, Денисъ не терпѣлъ; меня же до глубины души ненавидѣлъ, чего я долго не подозрѣвалъ, пока случай не помогъ мнѣ узнать причину такой ненависти. Возвратясь, послѣ первой своей поѣздки на каникулы домой, я привезъ своему земляку письмо отъ его матери. Что заключалось въ семъ родительскомъ посланіи, я не зналъ; но, судя по тому, что Денисъ, при встрѣчѣ со мной, харкалъ и плевалъ, я заключилъ, что я, противъ своего желанія, сдѣлалъ ему большую непріятность, привезши письмо. Мало того, онъ считалъ меня авторомъ его и когда я потребовалъ объясненія, кто взвелъ на меня такую клевету, то онъ указалъ на Васю Глотова, которому будто бы я самъ въ томъ сознался. Потребовалась очная ставка; пошли искать Глотова. Шли мы вдвоемъ на Подолъ, за канаву, молча, не глядя другъ на друга, какъ самые непримиримые враги.

— Ты, Василій Савичъ, говорилъ мнѣ въ прошломъ году, что онъ (указавъ на меня) написалъ ругательное письмо отъ имени моей матери?

— Нѣтъ, я тебѣ этого никогда не говорилъ! отвѣчалъ Глотовъ.

Денисъ харкнулъ и плюнулъ ему прямо въ лицо, а передо мною тутъ же извинился.

Идучи вмѣстѣ съ Подола въ институтъ, я отъ своего милаго земляка между прочимъ узналъ, что онъ цѣлый годъ питалъ ко мнѣ смертельную злобу, что бурсаки-юристы еще больше раздули въ немъ эту вражду, дѣлая ему разныя пакости и сворачивая на меня, какъ на виновника ихъ. Такъ, однажды они бросили ему въ постель дохлую крысу и взвели эту мерзость на меня; утащили изъ моего стола тетрадь и старались увѣрить его въ сходствѣ почерка

съ письмомъ, привезеннымъ мною отъ матери и т. п. подлости, на какія способны только быки, поросята, кнуры и прочія животныя, наполнявшія юридическія камеры.

— Все это, сказалъ въ заключеніе Денисъ, до того меня ожесточило, что разъ ночью я подходилъ къ вашей кровати съ цѣлію задушить спящаго.

Шли мы по глухой аллеѣ Царскаго сада и когда мой спутникъ разсказалъ мнѣ о своемъ покушеніи на мою жизнь, мнѣ до того стало жутко, что я бросился отъ него въ сторону и выбрался на большую аллею, гдѣ было много гуляющихъ. Только теперь я узналъ, что за свирѣпый человѣкъ этотъ волкообразный Денисъ и на что онъ былъ способенъ въ своей свирѣпости.

На выпускномъ экзаменѣ—опять исторія. Изъ 60 вопросовъ, на которые раздѣлена была чреватая энциклопедія законовѣдѣнія Неволина, Денисъ застраховалъ всего два послѣдніе билета. Выходитъ отвѣчать, беретъ билетъ—застрахованный! Не довѣряя своему счастію, онъ проситъ самого Неволина взять за него билетъ. Взялъ билетъ ректоръ, опять застрахованный. Денисъ не вытерпѣлъ: харкнулъ неистово, плюнулъ и въ присутствіи экзаменаторовъ загнулъ крѣпкое словцо судьбѣ-злодѣйкѣ. Хотя, по правиламъ, третьяго билета брать не полагалось, но такъ какъ неудачникъ объявилъ, что онъ только этихъ двухъ вопросовъ не успѣлъ приготовить, то ему дозволили отвѣчать безъ билетовъ. Спросили его по всѣмъ отдѣламъ науки и онъ отвѣчалъ отлично; а все таки кандидатскаго диплома лишился. Сознавая свои природные недостатки, Денисъ не отважился поступить въ гражданскую службу, а избралъ педагогическое поприще и отправился учительствовать въ Черноостровское дворянское училище. Тамъ съ нимъ опять случилась исторія.

Приглянулась ему одна шустрая полька. Не будучи съ нею вовсе знакомъ, Денисъ въ одно прекрасное утро явился къ ея матери съ предложеніемъ себя въ супруги ея единственной дочери. Озадаченная такимъ страннымъ сватовствомъ вдовица отвѣтила ему, что дочь ея вовсе его не знаетъ, но просила бывать у нихъ въ

домѣ и если онъ успѣетъ заслужить ея расположеніе, то она і owszem очень будетъ рада выдать свою дочь za pana professora [1]).

Началъ мой Денисъ ухаживать за хорошенькою панной очень усердно. Придетъ, сядетъ подлѣ нея и глядитъ на нее молча, какъ козлоногій сатиръ на нимфу. Такъ прошелъ мѣсяцъ. Думая, что испытаніе уже кончилось, т. е. что онъ уже достаточно успѣлъ влюбить въ себя панну, Денисъ пришелъ однажды къ ней съ рѣшительнымъ намѣреніемъ добиться положительнаго отвѣта: да или нѣтъ?

Матери не было дома. Безъ всякихъ прелюдій, мой землякъ обратился къ дѣвушкѣ съ вопросомъ: выйдетъ ли она за него замужъ или не выйдетъ? Получивъ отрицательный отвѣтъ, Денисъ вынулъ изъ кармана баночку съ сѣрной кислотой и откупоривая ее сказалъ: такъ я жъ тебѣ всю физіономію изуродую!

Панна съ ужасомъ выбѣжала на улицу и стала звать на помощь. Сбѣжались сосѣди и влюбленнаго жениха выпроводили изъ дому, принявъ его за помѣшавшагося отъ любви „виріата“.

Со введеніемъ законовѣдѣнія въ гимназіяхъ, Денисъ, какъ юристъ, переведенъ въ волынскую гимназію учителемъ этого предмета. А когда мать подала попечителю просьбу о томъ, чтобы заставили сына помогать ей на старости лѣтъ, то его перевели въ Новгородъ-Сѣверскъ. Въ 1854 году тамъ случился пожаръ, истребившій лучшую часть города; сгорѣлъ при этомъ и домикъ Денисовой матери, но онъ о немъ не столько жалѣлъ, сколько о любимой сукѣ, которую не успѣли спасти.—Еще будучи въ Житомирѣ, онъ женился на полькѣ же. Нашлась таки дура, рѣшившаяся связать свою судьбу съ этимъ дикобразомъ. Лишившись во время пожара лягавой собаки, Денисъ возложилъ ея обязанности на жену, таская ее за собою на охоту и заставляя подбирать убитую птицу и носить охотничьи принадлежности.

Послѣ пожара, неугомонная старуха еще больше стала приставать къ начальству съ своими жалобами. Это наконецъ до того всѣмъ надоѣло, что сына перевели въ Немировъ.

---

[1]) Поляки всѣхъ учителей титулуютъ профессорами, гимназистовъ—студентами, а студентовъ—академиками.

Къ немалому удивленію всѣхъ знавшихъ свирѣпаго Дениса, по протекціи М. А. Тулова [1]), его сдѣлали инспекторомъ сперва новгородъ-сѣверской, а потомъ черниговской гимназіи, гдѣ онъ распился до безобразія. Сказалась такъ наслѣдственная слабость хоть на старости лѣтъ!

Уволенный въ отставку, онъ отправился въ Житомиръ, гдѣ скоро и умеръ, оставивъ семью въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

На выходѣ.

Weg corpus juris, weg Pandecten
Weg mit den theologischen Secten,
Weg mit der Medicinerei—
Von solchen Dingen bleib'ich frei!

(Изъ студентской пѣсни).

Окончивъ свой послѣдній экзаменъ, я далъ себѣ льготу. Намучившія до отвращенія профессорскія записки были сложены, завязаны въ мертвый узелъ спуркомъ и отброшены въ сторону. Наконецъ то, думалось мнѣ, я воленъ въ выборѣ занятій по сердцу! Съ этого времени все, что будетъ вложено въ сокровищницу моей внутренней жизни, все, чѣмъ обогатится мой умъ, моя память— все останется неотъемлемой моею собственностью. Опротивѣли мнѣ эти вѣчные экзамены [2]), обязывающіе каждому встрѣчному давать отчетъ въ своемъ умственномъ достояніи, низводящіе взрослаго развитаго человѣка до степени школяра, вызубрившаго заданный урокъ. Теперь, какъ сказалъ безсмертный Пушкинъ,

..... ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить возможешь ты свой трудъ.

Чувство довольства, знакомое каждому труженику, добросовѣстно выполнившему свой долгъ, пробудило въ душѣ забытыя или

---

[1]) Бывшій послѣ Зимовскаго директоромъ немировск. гимназіи. М. А. Туловъ повыводилъ въ инспекторы и потомъ въ директоры большую часть своихъ сослуживцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и Денисъ Подпружниковъ.

[2]) Казенокоштные воспитанники, кромѣ годичныхъ, держали еще полугодичные экзамены.

точнѣе сдержанныя на время порыванія въ очарованный міръ поэзіи, неперестававшей тянуть меня къ себѣ съ гимназической скамьи...

Дай оглянусь!... Непривѣтливо сурово встрѣтила меня жизнь, при моемъ вступленіи въ университетъ. Много было потрачено молодыхъ силъ въ борьбѣ съ нуждою и лишеніями; то было время тяжелаго для меня испытанія; въ такія минуты человѣку не до поэзіи.

И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодный.

Потомъ настало другое время: обезпеченный на все продолженіе университетскаго курса и успокоившись духомъ, я чуть было не свернулъ на старую дорогу, но, къ счастію, скоро отрезвился. Ознакомившись съ истинно художественными произведеніями великихъ поэтовъ и пораженный, уничтоженный недосягаемой высотой ихъ творческой силы и глубиною ихъ идей, я пришелъ къ сознанію собственнаго ничтожества. Неумѣренныя и всегда пристрастныя похвалы друзей, принявшихъ „избытокъ юныхъ силъ и плѣнной мысли раздраженье“ за признаки вдохновенія — перестали волновать мое разгоряченное воображеніе. Непримиримый врагъ всяческихъ увлеченій — разсудокъ сталъ мало по малу вступать въ свои права и на сей разъ сослужилъ мнѣ немалую службу. Какъ отрезвившійся пропойца, я сталъ лучше сознавать свое положеніе, яснѣе различать окружающіе меня предметы. Наконецъ, въ душѣ заговорила и совѣсть: честно ли поступлю я, казеннокоштный воспитанникъ, бросивъ обязательныя для меня занятія, отдавшись личнымъ моимъ вкусамъ? И не въ правѣ ли общество, обезпечившее мое существованіе, потребовать отъ меня въ будущемъ сослужить и ему службу за его жертвы? Не стиховъ оно потребуетъ отъ меня, а знаній... И въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ я размышлять, не для „веселой науки“—этой gaya scienza—провансальскихъ трубадуровъ, я поступилъ въ университетъ. Вѣдь за поэтическое чувство, какъ бы оно сильно не проявлялось, не только не даютъ „доктора чувствительности“, какъ основательно замѣтилъ Неволинъ, но и дѣйствительнаго студента, пожалуй, не получишь. И съ чѣмъ, наконецъ, предстану я предъ своими будущими учениками, любознательность

которыхъ жаждетъ свѣта, науки, знанія? Чему же я научу ихъ, не обладая самъ научными свѣдѣніями? Нѣтъ, далѣй, далѣй отъ искушенія!

Такія мысли волновали меня, прежде чѣмъ я дошелъ до полной рѣшимости освободиться отъ пагубной страсти „стихоманіи". Людямъ позднѣйшихъ поколѣній покажется страннымъ, что эта страсть могла играть такую важную роль въ жизни развитаго человѣка. Но не слѣдуетъ забывать того обстоятельства, что въ 30-хъ годахъ почти вся наша, такъ называемая, изящная литература приняла стихотворческое направленіе, что всѣ, выходившіе тогда періодическія изданія, не говоря объ альманахахъ, даже газеты были переполнены стихотвореніями разныхъ наименованій. Съ легкой руки Пушкина и блестящей плеяды его подражателей, образовавшихъ „пушкинскую школу", русскій стихъ сталъ достояніемъ всякаго, кто только мало-мальски владѣлъ перомъ. Каждый недоучившійся юноша, ознакомившись съ механизмомъ стихосложенія по книжкѣ Пѣнянскаго, начиналъ писать стихи, воображая себя поэтомъ. Преподаватели русской словесности не только не сдерживали своихъ питомцевъ отъ опасныхъ увлеченій стихотворствомъ, но, въ ущербъ научнымъ занятіямъ, весьма усердно поощряли „незрѣлыя творенія" стихоплетовъ и своими неумѣренными похвалами сгубили не одного даровитаго юношу, раздувъ въ немъ страсть къ стихотворству до чудовищныхъ размѣровъ. Молодые люди часто теряли способность къ серьезному труду, переставали учиться и на всю жизнь дѣлались жалкими мечтателями.

„Наши премудрые педагоги забывали, что многочисленность стихотворцевъ у всякаго народа есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія и что самыя поэтическія эпохи въ исторіи всегда представляли самое малое число поэтовъ. Истинные поэты всѣхъ вѣковъ были глубокими мыслителями; но въ 30-хъ годахъ чувство освобождало насъ отъ обязанности мыслить и прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекало отъ высокой цѣли усовершенствованія (поэтъ Веневитиновъ).

Кромѣ знакомаго уже намъ сѣверскаго поэта Павла Кирилловича Лазаревича, у насъ въ гимназіи было еще нѣсколько до-

морощенныхъ пітовъ, изъ которыхъ весьма немногимъ удалось, съ грѣхомъ пополамъ, окончить свое образованіе. Отвѣтственность за ихъ неудачи падаетъ на нашихъ непризванныхъ педагоговъ.

Одною изъ жертвъ педагогическаго недомыслія былъ мой землякъ Діомидъ Рубчевскій, извѣстный у насъ подъ именемъ Дёмы.

Какъ живой, стоитъ передо мной этотъ коренастый дѣтина, съ своей угловатой фигурой, съ выдавшимися скулами щекъ, съ маленькими, глубоко сидящими глазками и съ своею неизмѣнною саркастическою улыбкой. На всѣ шутки и подтруниванья товарищей, надъ его чудачествами онъ всегда отвѣчалъ добродушнымъ смѣхомъ, съ прибавкой вѣчной своей поговорки: „умора!“ или „глупъ какъ сапогъ!“.

Находясь еще въ V классѣ гимназіи, Дёма написалъ на заданную тему стихотвореніе „Смерть Святослава“. Словесникъ нашъ Коконко возьми да и расхвали это „твореніе“, въ присутствіи всего класса. Этимъ, быть можетъ, и окончилось бы поэтическое поприще Дёмы, но когда онъ увидѣлъ свое произведеніе напечатаннымъ, въ „Трудахъ воспитанниковъ“, при Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія—у него закружилась голова. Юноша возмечталъ о себѣ, что онъ просто геній; сталъ чуждаться общества товарищей, по цѣлымъ ночамъ не спалъ, и главное пересталъ вовсе учиться. Хотя гимназію онъ и окончилъ, но, поступивъ въ университетъ, гдѣ потребовалось болѣе усидчивыхъ и серьезныхъ занятій, онъ все время посвятилъ стихотворству. Побывавъ на двухъ трехъ лекціяхъ, онъ порѣшилъ, что ходить въ университетъ не стоитъ. Ни одинъ изъ профессоровъ не удовлетворилъ его любознательности; о каждомъ изъ нихъ онъ отзывался съ пренебреженіемъ; каждый у него былъ „глупъ, какъ сапогъ!“

Окончивъ въ первомъ полугодіи свою поэму „Ванюша малый“, начатую еще въ гимназіи, второе полугодіе Дёма просидѣлъ надъ сочиненіемъ другой поэмы „Ванюша большой“. Находя, что его крѣпкое тѣлосложеніе даетъ слишкомъ большой перевѣсъ плоти надъ духомъ, препятствуя ему проявлять свою творческую силу, чудакъ началъ морить себя голодомъ и съ 1 января 1844 года заключилъ съ хозяйкой условіе давать ему обѣдъ только четыре дня въ не-

дѣлю, остальные три дня онъ сталъ питаться однимъ чаемъ. Но такъ какъ и это средство не помогло, то Дёма пришелъ къ убѣжденію, что онъ нехорошо понимаетъ свойства тѣлесной природы человѣка, вслѣдствіе чего счелъ нужнымъ прослушать курсъ анатоміи у проф. Вальтера, а затѣмъ заняться изученіемъ психологіи, чтобы лучше ознакомиться съ духовной стороной человѣка и найти такимъ образомъ связь между тѣломъ и духомъ, опредѣливъ съ точностью зависимость души отъ тѣла и т. д. Но планъ этотъ остался безъ исполненія. Побывавъ нѣсколько разъ въ анатомическомъ театрѣ, Дёма свою затѣю бросилъ и прибавилъ къ числу голодныхъ дней еще одинъ.

Что же это за поэма, стоившая нашему товарищу такихъ лишеній? спроситъ любопытный читатель. Насколько я могъ узнать, изъ моихъ частыхъ бесѣдъ съ авторомъ, главная идея его произведенія заключалась въ томъ, чтобы представить въ образѣ „Ванюши“ что то въ родѣ „Вѣчнаго жида“ Кюхельбеккера, проведши своего героя черезъ всѣ періоды и эпохи всемірной исторіи, олицетворивъ въ немъ все человѣчество на разныхъ ступеняхъ его историческаго развитія [1]). Задача, какъ видите, нелегкая.

Принимая въ землякѣ своемъ живѣйшее участіе, я началъ было убѣждать его оставить пока „Ванюшу“ въ покоѣ и заняться предварительно изученіемъ предметовъ, необходимыхъ для уразумѣнія историческихъ судебъ человѣчества: прослушать курсъ всемірной исторіи, познакомиться съ философіей исторіи и исторіей философскихъ системъ, подъ руководствомъ такихъ достойныхъ профессоровъ какъ Новицкій и Авсеневъ, потому-де что философы съ глубокой древности не переставали думать и додумались, втеченіе цѣлыхъ столѣтій, до тѣхъ истинъ, до которыхъ—онъ, Дема, хочетъ дойти собственнымъ умомъ въ продолженіе лишь одного года. Но на всѣ мои доводы чудакъ отвѣчалъ своимъ излюбленнымъ словцомъ: „умора!“ и продолжаетъ писать чуть ли не 20-ю главу своей поэмы.

---

[1]) Въ поэмѣ Кюхельбеккера обозначаются четыре появленія Агасфера: 1) Разрушеніе Іерусалима, 2) Паденіе Рима, 3) Поле битвы, послѣ Бородина и лейпцигскаго побоища, 4) Смерть послѣдняго человѣка.

Пробовалъ я дѣйствовать на упрямца и другимъ способомъ. Руководясь тѣмъ соображеніемъ, что коль скоро предметъ нашего поклоненія хоть разъ предстанетъ передъ нами въ смѣшномъ видѣ, онъ въ нашихъ глазахъ теряетъ свою цѣну—я написалъ ему посланіе въ стихахъ, изобразивъ въ немъ „Ванюшу“ въ каррикатурѣ: а въ заключеніе выразилъ мысль, что дидактизмъ поэзіи несвойственъ, что если авторъ желаетъ философствовать, то ему изложить свои мысли гораздо удобнѣе прозой, а еще лучше если бы онъ самъ поучился прежде, чѣмъ поучать другихъ и т. д.

На мое посланіе Дёма отвѣтилъ тоже посланіемъ, въ которомъ онъ старается отстоять принятую имъ стихотворную форму для выраженія философскихъ идей—примѣрами древнихъ произведеній. Посланію своему онъ придалъ шутливый тонъ, разсказавъ исторію Пегаса, возившаго поэтовъ на Парнассъ.

Когда крылатому коню надоѣло возить на Парнассъ людей, онъ сталъ проситься въ отставку:

И просьба принята богами
Пегасъ, какъ вихрь, взмахнулъ крылами,
Заржалъ, запрыгалъ и взвился
Стрѣлой подъ небеса:
Не бывъ никѣмъ осѣданъ болѣ,
Пегасъ гулялъ себѣ на волѣ,
Объѣхалъ тысячи планетъ,
Преслѣдовалъ кометъ.

Но, соскучившись „гульней“ ретивый конь подаетъ просьбу богамъ—поступить къ нимъ на службу:

И просьба принята. Юпитеръ—
Въ одну перо, въ другую скипетръ,
Сѣвъ на Пегаса, полетѣлъ
И одой прогремѣлъ.
Смѣялись люди пышной одѣ—
Она была уже не въ модѣ—
И спрыгнулъ, разсердясь, Зевесъ
Съ Пегаса средь небесъ.

За Зевсомъ наѣздничали и другіе боги; одна лишь Минерва скромничала, отговариваясь „незнаньемъ верховой ѣзды“.

Пегасъ печаленъ—нѣтъ работы—
У олимпійцевъ нѣтъ охоты.
Идетъ въ раздумьи самъ не свой,
Бесѣдовать съ судьбой.
Ему отвѣтствуетъ судьбина:
«Оселъ ты, глупая скотина!
Лишь та богиня, что съ совой
Управится съ тобой.

Пегасъ отправляется къ Минервѣ и униженно проситъ ее хоть разъ проѣхаться на немъ.

Надѣвъ дурачества порфиру,
Минерва показалась міру,
Взяла сову и тотъ же часъ
Махнула на Парнассъ.
Ѣздою люди изумились,
Упали ницъ и поклонились:
Изъ всѣхъ боговъ она одна
Забавна и умна.

Всѣ восхищаются парядомъ
Слѣдятъ за нею быстрымъ взглядомъ,
Мечтаютъ ей во слѣдъ бѣжать
И стали подражать.
Пегасъ Минервою доволенъ:
Онъ съ нею веселъ, быстръ и воленъ,
Сова плѣнила мудрецовъ,
Дурачества глупцовъ.

Такъ какъ рукопись „Ванюши Большого“ до потомства не дошла, то это посланіе можетъ дать понятіе о достоинствахъ утраченной поэмы.

Въ сентябрѣ я уѣхалъ на службу. Пріятели по временамъ извѣщали меня, что Дёма ни на волосъ не измѣнилъ своихъ привычекъ и продолжаетъ чудить по старому. Наконецъ въ январѣ 1845 года Зыковъ увѣдомилъ меня, что наканунѣ новаго года съ Дёмой случился казусъ. Знакомая многимъ студентамъ молодая и красивая торговка яблоками, извѣстная у насъ подъ именемъ „кузины“, подобно своей прародительницѣ Евѣ, искусила своими яблоками нашего анахорета... „вслѣдствіе чего нашъ Адамъ какъ будто немножко поумнѣлъ и проснлъ меня, продолжаетъ Зыковъ, написать тебѣ о своемъ грѣхопаденіи“. Товарищи нагрянули къ нему цѣлою толпой съ поздравленіями, а я, отсутствующій, привѣтствовалъ его „возрожденіе“ одой въ анакреонтическомъ родѣ, начинавшейся стихомъ: Ура! ура! философъ взятъ!...

Близко знавшіе Дему земляки отъ души порадовались благодѣтельной перемѣнѣ въ его образѣ жизни и надѣялись, что онъ наконецъ перестанетъ чудить и примется за дѣло, болѣе полезное; но не тутъ то было.

Въ концѣ февраля, окончивъ своего „Ванюшу“, Дема понесъ его къ М. А. Максимовичу, прося его высказать свое мнѣніе о его любимомъ дѣтищѣ. Отзывъ Михаила Александровича былъ далеко не въ пользу недоноска Ванюши; но авторъ нисколько тѣмъ не смутился: произнесши любимую свою фразу: „глупъ, какъ сапогъ!“ онъ отправился къ другому авторитету—Н. Т. Костырю, въ которомъ онъ надѣялся встрѣтить болѣе компетентнаго критика. Николай Трофимовичъ довольно долго держалъ у себя рукопись „Ванюши“ и наконецъ высказалъ свое мнѣніе на счетъ этого про-

изведенія. Приговоръ его былъ еще строже. Идя отъ Костыря, Дема, какъ надо полагать, совершенно разочаровался въ своихъ надеждахъ на будущую славу... Горько ему было убѣдиться въ своемъ заблужденіи. Оказалось, что онъ самъ былъ глупъ, какъ сапогъ, а не тѣ, кто изъ желанія ему добра старались отклонить его отъ пагубной страсти къ стихотворству и притянуть къ занятіямъ болѣе производительнымъ.

Что же случилось съ Демой послѣ такого горькаго разочарованія?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ я приведу отрывокъ изъ письма того самаго пріятеля, который такъ сильно заботился о судьбѣ бѣдняка-товарища, попавшаго на скользкій путь сочинительства.

„Любезный другъ! Увѣдомляю тебя о неожиданномъ происшествіи, которое, безъ сомнѣнія, поразитъ тебя, какъ громомъ. Не знаю, съ чего начать? Скажу прямо: Рубчевскій 14 марта утопился. Что побудило его къ этому, постарайся разгадать самъ. За день до того онъ былъ у своихъ товарищей, въ томъ числѣ и у меня; спрашивалъ о твоемъ адресѣ и говорилъ, что приготовилъ тебѣ „закатистое посланіе“... Дема оставилъ прекомическое завѣщаніе, въ силу коего, всю свою мизерію раздѣлилъ, на память, между земляками: кому книги, кому рубахи, кому тюфякъ. Тебѣ завѣщалъ онъ перо, которымъ писалъ своего Ванюшку, мнѣ фуражку, въ которой писалъ по ночамъ, а инспектору Сычугову старые сапоги. Въ заключеніе же прибавилъ: „Иду въ Днѣпръ разрѣшить задачу на кой чортъ созданъ человѣкъ?“ Вотъ такъ выкинулъ штуку! Послѣдніе дни онъ былъ неестественно веселъ и никто не могъ догадаться, что онъ замышляетъ такое недоброе!... 24 марта 1845 г.“

Пораженный такимъ печальнымъ извѣстіемъ, подъ вліяніемъ тяжелаго впечатлѣнія, я въ самый день полученія письма написалъ элегію на смерть Демы и отправилъ ее въ Кіевъ для прочтенія землякамъ.

На смерть Рубчевскаго.

Прощай, мой философъ, злосчастный страдалецъ,
Безрадостный житель печальной земли!
Въ Днѣпрѣ ты укрылся, безлюдный скиталецъ,
И шумныя волны тебя унесли.

Всю жизнь ты томился химерной мечтою
Постичь недоступныя тайны небесъ
И нылъ безутѣшно пытливой душою,
Безсильный проникнуть въ міръ Божьихъ чудесъ.
За темной завѣсой, за тучей сомнѣній
Скрывается міръ тотъ отъ смертныхъ очей—
Къ нему уносилъ тебя злобный твой геній,
Смѣясь надъ безсиліемъ мысли твоей.
Измученный долгимъ, напраснымъ томленьемъ,
Ты въ вѣчности зрѣлъ лишь желанный предѣлъ—
Къ нему, истомленный земнымъ заключеньемъ,
Разбивши оковы, твой духъ улетѣлъ.
Лишенъ ты могилы, бѣднякъ одинокій,
Никто не оплакалъ кончины твоей,
Безвѣстно ты скрылся въ пучинѣ глубокой—
Въ холодное лоно кипящихъ зыбей:
Привыкшему мыслью парить надъ землею,
Тебѣ былъ бы тѣсенъ подземный пріютъ,
Куда всѣ отходятъ по смерти къ покою,
Гдѣ медленно сирыя кости гніютъ.
Нѣтъ ты не покоя искалъ за могилой:
Ты умеръ, чтобъ тайну проникнуть душой,
Стѣсненной при жизни вещественной силой,
Томившейся долго темницей земной.
Тебя ужасало безмолвье кладбища,
Гдѣ спятъ безмятежно собратья твои,
Кончая насиліемъ юные дни,
Иного искалъ ты по смерти жилища;
Днѣпръ сталъ тебѣ гробомъ: тамъ вѣчно кипитъ
Тревожная жизнь на раздольи широкомъ,
Волна твое тѣло въ себя претворитъ,
А кости зароетъ въ лиманѣ далекомъ...
Не люди свершали обрядъ погребальный
Надъ трупомъ бездушнымъ твоимъ,
Не вѣрилъ ты воплямъ разлуки печальной,
Суровый страдалецъ, степной нелюдимъ!
Людей не встревожилъ твой голосъ прощальный,
Червей не насытилъ ты тѣломъ своимъ.

Другою жертвою той же педагогической безтактности былъ весьма дѣльный и кросивый молодой человѣкъ Матушевичъ. Онъ кончилъ еще хуже нашего стародубскаго поэта-философа—съ ума

сошелъ. Занимаясь долго писаніемъ безгрѣшныхъ стишковъ, онъ, подъ конецъ университетскаго курса, принялся за сочиненіе философскаго романа, задавшись мыслію, подобно Демѣ, примирить философію съ поэзіей, съ тою только разницей, что сей юноша прослушалъ курсъ философіи, а Дема до всего доходилъ собственнымъ умомъ. Ненормальное состояніе его умственныхъ способностей впервые проявилось у него на гуляньѣ, въ Царскомъ саду, гдѣ публично, во всеуслышаніе, онъ сталъ проповѣдывать о несовершенствѣ всѣхъ философскихъ системъ какъ древнихъ, такъ и новыхъ и что только одна его собственная система, построенная на религіи католической, докажетъ міру, что значитъ истинная философія. Затѣмъ, въ одно прекрасное утро, онъ явился къ Новицкому и объявилъ, что пришелъ по очень важному дѣлу. Орестъ Марковичъ попросилъ его въ кабинетъ.

— Видите ли г. профессоръ, въ чемъ дѣло: я хочу преобразовать христіанство—оно слишкомъ устарѣло для человѣчества.

Смекнувъ въ чемъ дѣло, Новицкій принялъ надлежащія мѣры; пока реформаторъ развивалъ свою теорію объ устройствѣ новой религіи, онъ послалъ за инспекторомъ и юнаго реформатора свели въ студенческую больницу. Тамъ до пріѣзда родителей онъ находился около двухъ недѣль, не переставая философствовать.

Товарищей онъ не узнавалъ, принимая ихъ за еретиковъ, а полковника постоянно титуловалъ превосходительствомъ. Польщенный такимъ величаніемъ, инспекторъ сталъ увѣрять насъ, что Матушевичъ не совсѣмъ сумасшедшій. Но когда больной принявъ полковника за царя Ирода, намѣревался схватить его за усъ, тогда только испугавшійся гвардеецъ призналъ несчастнаго дѣйствительно помѣшаннымъ.

Въ гостяхъ у монаха.

По окончаніи экзаменовъ мы съ Добрашовымъ совершили фантастическое путешествіе по Днѣпру въ незабвенное Сваромье. Сидя однажды вечеромъ въ Царскомъ саду, мы заглядѣлись на Заднѣпровье: на лугахъ тамъ и сямъ свѣтились огоньки рыбаковъ, широкая полоса Днѣпра сверкала во мракѣ, отражая въ своей

зеркальной поверхности звѣздное небо. Наслаждались мы этою картиной молча.

— А что еслибъ мы съ тобой, дружище, махнули вверхъ по Днѣпру dahin, dahin, wo die Zitronen blühn? Понимаешь? задалъ я вопросъ.

— Отчего жъ, поѣдемъ, согласился пріятель. Это будетъ даже очень кстати: во первыхъ мы переночуемъ на лугу sub divo, какъ говоритъ Нейкирхъ, а во вторыхъ, я увижу тѣ хваленыя мѣста, о которыхъ ты мнѣ прожужжалъ уши.

Сказано, сдѣлано. На другой же день мы отправились на Подолъ, нашли тамъ сваромцевъ, влѣзли въ дубъ и поѣхали. Пока свѣтило и грѣло солнце и пока не заговорилъ желудокъ, мы блаженствовали.

Къ вечеру, подъѣзжая къ Вышгороду, мы стали томиться голодомъ. Съ собой у насъ не было никакихъ запасовъ. Что дѣлать? Увидѣвъ подъ горой шалашъ, я направился туда добывать провизію. Тамъ я нашелъ семью жидовъ: дѣти въ порванныхъ и грязныхъ рубашенкахъ копошились на полу или лучше на пескѣ; на треногомъ подобіи стола стояла коза, жуя жвачку и тряся своей наполеоновской бородкой; на палатяхъ охала больная старуха; другая еврейка помоложе, мать ползавшихъ по полу дѣтей, стояла возлѣ печки съ рогачомъ и готовила обѣдъ. „Нѣтъ ли у тебя продать чего нибудь съѣстного? „обратился я къ ней черезъ отверстіе въ шалашъ.

— Що у мене есть? мы сами съ голоду дохнемъ, отвѣчала мнѣ болѣзненнымъ голосомъ еврейка.

— А этого не можешь продать? спросилъ я ее, указывая на лежавшую тутъ только что зажаренную рыбу, долженствовавшую насытить цѣлую семью.

— Ну, дайте мени 40 грошей да й возьмить соби.

— А что жъ вы сами будете ѣсть?

— Ну, мы будемъ исты хлибъ та цыбулю. Коза дасть молока дѣтямъ.

Торгъ состоялся. Схвативъ добычу, я побѣжалъ къ рѣкѣ подѣлиться ею съ пріятелемъ. Но увы! отвѣдавши жидовской стряпни, мы скоро разочаровались въ надеждѣ утолить свой голодъ: рыба до того была пропитана перцемъ, что во рту словно огнемъ жгло.

А тутъ еще предательскій совѣтъ товарища напиться послѣ кушанья воды—хоть на стѣну лѣзь! Но полакомившись рыбой, мы должны были побѣдить другого противника — нестерпимый холодъ ночью надъ водою. Мы убѣдились на опытѣ, что изъ прекраснаго далека все кажется привлекательнѣе: издали мы любовались огнями и завидывали тѣмъ счастливцамъ, которые наслаждались ночлегомъ на лугу, вдыхая въ себя ароматическій воздухъ, пропитанный запахомъ травъ и цвѣтовъ и засыпая здоровымъ сномъ подъ трескъ потухающаго костра. Костеръ то и мы развели, да все таки онъ не могъ согрѣть насъ, весьма легко одѣтыхъ, съ пустымъ желудкомъ, надъ самымъ Днѣпромъ. Сколько мы ни старались согрѣться усиленнымъ движеніемъ и разными гимнастическими упражненіями— ничто не помогало. А вѣдь до Межигорья рукой подать: стоило только обогнуть гору и мы бы покоились на мягкой перинѣ любезнаго кума и благодѣтеля Ивана Маркевича. Къ утру стало еще невыносимѣе. Такъ какъ мы не могли найти достаточно топлива, то костеръ нашъ скоро погасъ. Пристали мы къ хозяину дуба и заставили его продолжать путешествіе, что бы сколько нибудь согрѣться, работая веслами. Ворча и подтрунивая надъ нашимъ горемъ, онъ отчалилъ. Около 7 часовъ утра мы сидѣли уже за чаемъ. Выпивъ по три стакана горячаго чаю да еще съ ромомъ, и плотно покушавши, мы избавились, быть можетъ, отъ опасныхъ послѣдствій простуды и весело продолжали свой путь. Около часу мы были уже въ Сваромьѣ у почтеннаго о. Василія. Въ ожиданіи обѣда, посѣтили завѣтныя мѣста. Насъ сопровождалъ и самъ батюшка, который до того расчувствовался, вспоминая недавнее прошлое, когда жилъ тутъ лѣсничій съ семействомъ, что даже прослезился. Особенно жаль ему было разставаться съ кузиной, къ которой онъ питалъ чувство самой нѣжной привязанности, близкое къ обожанію. Мы посѣтили сельское кладбище, осѣненное столѣтними соснами, число которыхъ значительно убавилось: ихъ весною унесъ Днѣпръ, вмѣстѣ съ костями покойниковъ, отмежевывая собѣ ежегодно часть песчанаго берега и угрожая въ будущемъ цѣлому селенію своимъ непріятельскимъ нашествіемъ[1]). Исчезла подъ водой и половина ого-

[1]) Въ настоящее время, по разсказамъ крестьянъ, мѣсто, гдѣ было село покрылось водой, а жители переселились на болѣе возвышенное.

рода, гдѣ четыре года тому назадъ росли такіе сочные арбузы... Бровки и Жучки постарѣли и едва узнавали стараго знакомаго полуослѣпшими глазами. Не измѣнился только хозяинъ квартиры лѣсничаго хромоногій Тимишъ, вѣчно веселый и живой, со всегдашнимъ своимъ юморомъ и плутовскою усмѣшкой на рябоватомъ лицѣ.

Посидѣвъ на берегу Днѣпра подъ сосною и насладившись до сыта пріятною бесѣдой о старинѣ, мы отправились къ батюшкѣ на обѣдъ, а послѣ обѣда затѣяли совершить прогулку къ о. Иліодору въ Тарасовичи, версты за четыре отъ Сваромья. Путь лежалъ лѣсомъ, который, благодаря ревностному опеканію казенной собственности гг. лѣсничими, втеченіе четырехъ лѣтъ значительно порѣдѣлъ. Протрясшись порядкомъ на поповской чертопхайкѣ по корнямъ вѣковыхъ сосенъ, мы благополучно прибыли къ монаху и готовы были къ новому, еще обильнѣйшему угощенію. Домъ, занимаемый о. Иліодоромъ, представлялъ собой прекраснѣйшую помѣщичью усадьбу. Окруженный съ трехъ сторонъ лѣсомъ, фасадомъ онъ выходилъ на озеро, соединяющееся съ Днѣпромъ узенькимъ проливомъ и потому изобилующее всевозможными рыбами. Обширный дворъ кругомъ застроенъ сараями, гдѣ приготовлялась рыба въ прокъ бабами изъ Тарасовичей и загроможденъ рыболовными снастями. Въ озерахъ, завѣдываемыхъ о. Иліодоромъ было такое обиліе рыбы, что, не смотря на великое множество лаврскихъ потребителей, остается столько, что ее солятъ и продаютъ, выручая ежегодно весьма почтенную сумму въ пользу св. обители. У крыльца насъ встрѣтилъ честной отецъ своимъ обычнымъ восклицаніемъ: „Ааа! и вы пріѣхали“.

Онъ былъ по домашнему, въ старенькомъ подрясникѣ, подпоясанномъ широкимъ кожанымъ поясомъ, въ остроконечной монашеской шапкѣ. Поздоровавшись съ радушнымъ хозяиномъ, я между прочимъ спросилъ:

— А гдѣ же, отче, ваша лисичка, что тутъ бѣгала по канату съ однаго конца двора на другой?

— Волкъ, бездѣльникъ, волкъ! не повѣрилъ я вамъ, когда вы увѣряли меня что то волкъ, я все думалъ, что лисичка, а онъ, разбойникъ, выросъ, перегрызъ веревку и отблагодарилъ меня за мое о немъ попеченіе: задавилъ двухъ барановъ, что были возлѣ лошадей, да и убѣжалъ въ лѣсъ.

Дѣло въ томъ, что крестьяне подарили монаху маленькаго волченка, увѣривъ его, что то лисичка. Онъ ее кормилъ и холилъ, стараясь сдѣлать ручною, забывъ народную поговорку: волка сколько ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ.

— Просимъ же покорно до моей убогой монашеской хаты!

Вошли, помолились на образа и сѣли.

— Михайло! кликнулъ хозяинъ въ другую комнату, поставьте самоваръ.

Вышла высокая, мрачная фигура, вся обросшая густыми съ просѣдью волосами, взяла двухведерный самоваръ и исчезла съ нимъ молча за дверью. Чаемъ обыкновенно начиналось монашеское угощеніе, въ какое бы время дня и ночи ни пріѣхалъ гость. Чай подавался въ огромныхъ межигорскихъ чашкахъ, вмѣстимость каждой изъ нихъ безъ малаго равнялась вмѣстимости суповой вазы. Выпили мы, по двѣ такихъ порціи, а хозяинъ подноситъ по третьей съ прибавочкой. Не безъ страха приступили мы къ осушенію предложенной чаши, и когда окончили, радушный хозяинъ проситъ выпить еще по одной. Но мы съ Добрашовымъ отказались на отрѣзъ.

— Ото вже, якіе вы! Я монахъ, а колы двухъ чашекъ не выпью съ прибавкой, то и не засну, а вы въ мірѣ живете, вамъ бы слѣдовало больше меня выпить!

Послѣ чаю о. Иліодоръ повелъ насъ въ садъ, со множествомъ сажалокъ, въ которыхъ плавали огромные судаки, лещи, коропа. Хозяинъ предложилъ намъ выбрать на жаркое любыхъ рыбъ. Пойманные, по нашему указанію, исполины отправлены на кухню и едва мы успѣли обойти садъ и пройтись по берегу озера, отставной гвардеецъ Михайло уже успѣлъ съ ними управиться и насъ пригласили закусить. Надобно отдать честь искусству приготовленія блюдъ монашескимъ поваромъ: это не то, что жидовская фишъ— это объѣденіе! Ужинъ сопровождался приличными возліяніями, слѣдуя совѣту римскихъ гастрономовъ: post pisces vinum misces! Наливки и медъ оказались великолѣпными. А между тѣмъ, пока мы смаковали разныя питія, вкусомъ и букетомъ нектару неуступающія, на озерѣ снаряжался огромной величины дубъ для самой лучшей тони, какія только находились во владѣніи о. Иліодора. Желая доставить гостямъ полнѣйшее удовольствіе, хозяинъ устроилъ

невиданное нами зрѣлище. На дубѣ сидѣло около 30 человѣкъ рабочихъ; сложенный въ образцовомъ порядкѣ неводъ представлялъ цѣлую гору сѣтей. Не знаю доподлинно, сколько было въ немъ саженъ въ длину, не помню хорошо, что ширина его простиралась до четырехъ саженъ. Бросаніе въ воду такой снасти продолжалось около часу; неводъ, съ помощію каната, обхватилъ пространство версты на двѣ въ окружности. О. Иліодоръ, великій знатокъ рыбнаго промысла, все время стоялъ посрединѣ дуба и раздавалъ приказанія. Закинувши неводъ, насъ выпустили на берегъ, гдѣ пылалъ костеръ, озарявшій магическимъ свѣтомъ и озеро, и лѣсъ, и монашескій котеджъ. При заревѣ костра, люди, тянувшіе неводъ и хлестко потрясавшіе по водѣ канатомъ, казались вышедшими изъ хладной глубины озера духами, а неугомонный монахъ метался во всѣ стороны въ зачарованномъ кругѣ, очерченномъ едва замѣтной полосой поплавковъ изъ коры осокоря, недававшихъ неводу погрузиться на дно и державшихъ его грозною стѣной на водѣ. Но вотъ очарованный кругъ мало по малу начинаетъ уменьшаться; вотъ сошлись уже оба крыла и всѣ 30 человѣкъ дружно принялись за самый неводъ. По мѣрѣ приближенія къ берегу „кормы“ крупная рыба, почувствовавъ близкую опасность и не находя себѣ простору, подняла цѣлую бурю. Смиренный инокъ Иліодоръ преобразился въ яростнаго предводителя пиратовъ, во время абордажной схватки: онъ неистово кричалъ, потрясая въ воздухѣ весломъ. бросался по поясъ въ воду, хватался то за одно крыло, то за другое, то бранился, то поощрялъ рабочихъ, пока не притянули къ берегу самой кормы. Увидавъ множество блещущей чешуей рыбы, монахъ издалъ какой то особенный горловой звукъ, не то пискъ, не то визгъ, не то рычаніе звѣря; однимъ словомъ, что то такое, что напоминало торжество хищника, сжимающаго въ когтяхъ пойманную добычу. Рыбы было громадное количество, и какое разнообразіе: сомы, щуки, лещи, язи, окуни... Да и неудивительно; на этой тонѣ, передъ самыми окнами „Начальника озеръ“, при самомъ входѣ въ Днѣпръ, только три раза въ годъ бросался неводъ. Рыбы всегда здѣсь бываетъ изобильно, но, по словамъ самого монаха, никогда столько не лавливали за одинъ разъ, сколько поймали, на наше счастье, теперь.

Небывалая удача тони объясняется отчасти и тѣмъ, что неводъ забросили передъ грозой, когда рыба особенно хорошо ловится.

Дѣйствительно, съ запада надвигалась черная туча, предвѣстница грозы. Какъ ни желательно было пересидѣть дождь за бутылкой доброй сливянки, но от. Василію нужно было почему то поспѣшить во свояси. Вѣрно побоялся матушки.

Туча неслась за нами быстро, и едва мы въѣхали въ лѣсъ, гроза разразилась съ страшною силой. Мѣлнія, сопровождаемая оглушительными ударами грома, ежеминутно озаряла непроглядную глубь лѣса, невдалекѣ отъ насъ задымилась громадная сосна, расколотая пополамъ ударомъ молніи, дождь лилъ, какъ изъ ведра, лошаденка нѣсколько разъ падала на переднія ноги, дрожа отъ страха; о. Василій шепталъ молитву—куда тотъ и хмѣль дѣвался.

У насъ на троихъ былъ единственный парусинный зонтикъ, которымъ, по праву владѣльца, пользовался одинъ батюшка. У меня давно уже сухой нитки не было и мнѣ стало завидно, что попъ, одѣтый въ суконную рясу, а слѣдовательно и болѣе меня огражденный отъ враждебной стихіи и безъ помощи зонтика, мало заботился о другихъ. Я попробовалъ завладѣть зонтикомъ хитростію:

— О. Василій! въ вашемъ зонтикѣ мѣдный наконечникъ?

— Да, мѣдный, а что?

— А то, что это очень небезопасно: вѣдь металлъ притягиваетъ электричество—вы знаете?

Вмѣсто отвѣта, батюшка чуть не бросилъ зонтика на землю, но я остановилъ его и устроилъ себѣ защиту отъ дождя.

— А вы зачѣмъ же держите надъ собой зонтикъ? спросилъ онъ.

— Да мнѣ то что? мнѣ нечего бояться—одна голова не бѣдна, за мною никто не заплачетъ. Вотъ вамъ дѣло другое: у васъ семья.

Уже стало свѣтать, когда мы постучались у воротъ церковнаго дома. Хороши мы были тогда! Прежде всего нужно было позаботиться о томъ, что бы сбросить мокрое платье и обсушиться; а такъ какъ у насъ не было другой перемѣны бѣлья, то мы, скинувши все, остались въ томъ, въ чемъ насъ мать родила. За стѣной слышалось змѣиное шипѣнье неспавшей всю ночь матушки.

Ушедши благополучно отъ грома, бури и молніи, батюшка никуда не могъ уйти отъ гнѣва своей супруги. Предметомъ препи-

рательства между ними была постель для насъ—странниковъ: разсвирѣпѣвшая попадья не только не хотѣла дать намъ никакой постели, но не позволила батюшкѣ предложить намъ рваное одѣяло для прикрытія наготы нашей.

Пока о. Василій возился съ своей неукротимой супругой, мы, отыскали въ шкафчикѣ графинчикъ съ полынной и согрѣли дрожавшее нутро живительною влагой, такъ что, когда вошелъ къ намъ батюшка, волоча за собой цѣлый ворохъ всякой рвани для сооруженія намъ логовища, то мы попотчивали и его, а онъ за то принесъ намъ бутылочку вишневки, а тамъ и самоваръ поспѣлъ. Согрѣвшись такимъ манеромъ окончательно, мы вовсе не ложились спать, а дождавшись, пока высохла одежда, отправились на село искать дуба для обратнаго путешествія, избѣгнувъ тѣмъ способомъ встрѣчи съ новѣжественной хозяйкой, не оказавшей намъ гостепріимства.

Лѣтъ 20 спустя, мнѣ случилось быть въ Лаврѣ. Вошедши въ церковь, я увидѣлъ стоящаго въ „формѣ“ стараго инока. Присмотрѣвшись къ нему, я узналъ о. Иліодора. Онъ былъ уже іеромонахомъ и казначеемъ.

— Зачѣмъ вы, отче, оставили Тарасовичи? тамъ такъ хорошо жилось вамъ когда то на свободѣ, спросилъ я его.

— Что жъ бы я тамъ высидѣлъ? Я былъ тамъ простой монахъ, а теперь меня іеромонахомъ сдѣлали! похвалился онъ.

О честолюбіе! не чуждо ты и людей, отрекшихся отъ міра! И подъ монашескій клобукъ не уйдешь отъ тебя!

Лѣтъ черезъ пять послѣ этого послѣдняго нашего свиданія, о. Иліодоръ принялъ схиму и умеръ черезъ нѣсколько лѣтъ въ ангельскомъ чинѣ...

Прощаніе съ родиной.

Послѣднія свои студенческія каникулы я провелъ на родинѣ. Избравъ темой для кандидатской диссертаціи „Послѣднее десятилѣтіе русской словесности“ (съ 1834—1844), я разсчитывалъ заняться ею дома, такъ какъ матеріалъ для нея былъ у меня подготовленъ еще въ Кіевѣ; но увлекшись охотой и разными похожде-

ніями по окрестнымъ весямъ, я рѣшительно ничего не сдѣлалъ путнаго. Написалъ, правда, нѣсколько дружескихъ посланій и стихотвореній въ анакреонтическомъ родѣ, которыя хотя тоже относились къ послѣднему десятилѣтію русской литературы, но большая часть изъ нихъ канула въ Лету, о чемъ, конечно, не очень пожалѣетъ потомство.

Натѣшившись вдоволь охотой, я посвятилъ нѣсколько дней бесѣдѣ съ родными, оставаясь безотлучно дома. Наканунѣ моего выѣзда, ночь была такъ хороша, что я просидѣлъ до зари у растворенная окна своей „келіи“. Полный мѣсяцъ, пробиваясь сквозь густыя вѣтви деревъ, освѣщалъ садъ, располагая къ мечтательности. Тишина была мертвая.

Вдругъ изъ за угла показалась бѣлая фигура. Внезапность такого появленія обняла меня страхомъ. Настроенная на тонъ чудеснаго и таинственнаго фантазія, подъ вліяніемъ балладъ Жуковскаго, готова была вспыхнуть блуждающимъ огнемъ суевѣрія; но послѣ минутнаго испуга, разсудокъ вступилъ въ свои права. Вглядѣвшись въ „привидѣніе“, я узналъ въ немъ сосѣдку Жучиху. Эту несчастную женщину весь городъ считалъ страшною вѣдьмой. Но для меня, прослушавшаго курсъ „Исторіи души“ у П. С. Авсенева, женщина эта показалась лишь жалкою больною. Я тихо назвалъ ее по имени. Она вздрогнула, оглядѣлась вокругъ себя и со слезами стала просить у меня прощенія, сама не зная въ чемъ. Она рѣшительно не сознавала, какъ очутилась въ саду, когда вышла изъ дому и зачѣмъ? При полнолуніи, какъ извѣстно изъ исторіи душевныхъ болѣзней, для страдающихъ лунатизмомъ настаетъ самый трудный періодъ: не проходило ночи, чтобы Жучиху гдѣ нибудь не встрѣтили; не было утра, что бы ее не проклинали сосѣди. Бѣдная женщина! Никто не въ состояніи помочь ей; никто не сжалится надъ нею: всѣ ее чуждаются, боятся, ненавидятъ. Суевѣры—горожане, проходя мимо ея дома, ограждаютъ себя крестнымъ знаменіемъ, нечаянная встрѣча съ ней считается предвѣстіемъ несчастія; родныя дѣти выгоняютъ изъ дома, не будучи въ силахъ переносить попрековъ отъ сосѣдей; съ ея внуками и внучками не хотятъ играть дѣти, уходя отъ нихъ прочь безъ оглядки.

Спустя нѣсколько дней послѣ описанной встрѣчи въ саду, (поѣздка моя была на нѣсколько дней отложена) въ одно прекрасное утро, чуть только начало свѣтать, по берегу Десны шла торговка изъ Покровской парафіи на базаръ, съ кошикомъ подъ мышкой. Подъ „кручей“, не доходя береговой Васи, содержавшей перевозъ черезъ рѣку, она увидѣла что то бѣлое, медленно двигавшееся ей на встрѣчу, при самой водѣ. Приблизившись, она разглядѣла женщину, съ опущенною на грудь головою, полунагую, съ распущенными по плечамъ волосами. Торговка узнала въ ней Жучиху.

— Домна! Богъ съ тобою, куда ты идешь такъ рано, въ одной сорочкѣ?

Не успѣла она договорить этихъ словъ, какъ больная, услышавъ свое имя, всѣмъ тѣломъ грохнулась о земь и стала биться въ страшныхъ конвульсіяхъ. Черты лица ея безобразно исказились, кости трещали, изо рта клубилась пѣна.

Между тѣмъ совершенно разсвѣло. На зрѣлище сбѣжалась большая толпа любопытныхъ; но никто изъ нихъ не тронулся съ мѣста помочь несчастной, прикрыть ея наготу.

— А що! тараторили кумушки, доигралась, на свого таки наскочила! такъ тобѣ й треба, видюга!.

Такими привѣтствіями осыпали безчувственную больную окружавшіе ее мужчины и бабы.

Прибѣжалъ наконецъ и сынъ Григорій: рознялъ ей зубы, влилъ въ ротъ воды и приводилъ въ чувство, положилъ на телѣгу и повезъ домой, сопутствуемый язвительными насмѣшками прохожихъ.

Вмѣшавшись въ толпу зѣвакъ, долго еще не расходившихся по домамъ, слыша нелѣпые, обидные толки про вѣдьму Жучиху, я попробовалъ вразумить глупое стадо разясненіемъ болѣзненнаго припадка Жучихи, старался пробудить въ этихъ темныхъ людяхъ не презрѣніе къ ней, а сожалѣніе, котораго она вполнѣ заслуживала. Я сталъ читать этой буйной толпѣ что-то въ родѣ народной лекціи Соляного-Городка—о лунатизмѣ.

Случалось ли вамъ, любезные мои сограждане, испытывать во снѣ, что вы какъ будто бы ходите, или бѣгаете? Хотя на самомъ дѣлѣ вы не ходите, а лежите въ своей постели, но вамъ кажется что вы ходите. Такіе сны снятся человѣку здоровому. Но есть

несчастные больные, которые дѣйствительно ходятъ во снѣ, оставляя свою постель, но не переставая спать. Такой болѣзни подвержены бываютъ не однѣ женщины, но и мужчины, молодые и старые, дѣти, страдающія глистами, дѣвицы при достиженіи совершеннолѣтія, пожилыя женщины въ истерическихъ припадкахъ, однимъ словомъ, всѣ тѣ, у которыхъ нутро испорчено, тѣлесныя машины не въ порядкѣ и потому не дѣйствуетъ правильно. Такою то болѣзнію страдаетъ и бѣдная моя сосѣдка Домна Жучиха, которую вы только что видѣли и которую вы позорите, называя ее вѣдьмой. Такія, какъ она, больныя называются „лунатиками.“

1) Они, съ перваго взгляда, совершенно похожи на спящихъ: глаза у нихъ закрыты, или если и открыты, то неподвижны, какъ у мертвеца; уши не слышатъ даже сильнаго стуку—значитъ, они спятъ.

2) Однакожъ, несмотря на свое сонное состояніе, они встаютъ съ постели, ходятъ, занимаются иногда своими дѣлами, взлѣзаютъ на крыши, ходятъ въ темнотѣ по карнизамъ и не падаютъ оттуда. Знающіе музыку играютъ на инструментахъ, поютъ, другіе разсуждаютъ, отвѣчаютъ даже на предложенные имъ вопросы; словомъ, дѣлаютъ то, что они всегда дѣлаютъ днемъ, когда не спятъ. Дѣти, вставши, или твердятъ свои уроки, или идутъ драть воробьиныя гнѣзда, женщины стряпаютъ, наряжаются, молятся или идутъ доить коровъ своихъ, чужихъ и т. п. Нѣкоторые больные склонны въ припадкѣ къ воровству, къ порчѣ вещей своихъ и чужихъ, даже обнаруживается наклонность къ убійству и самоубійству.

3) Похожденія лунатиковъ начинаются, по большой части, въ началѣ новолунія, съ прекращеніемъ мѣсяца становятся чаще, а съ ущербомъ прекращаются. Вотъ отчего больные любятъ бродить при лунномъ свѣтѣ, въ мѣсячную ночь, какъ это было всегда съ Жучихой. Когда случится, что мѣсяцъ зайдетъ за хмару, больные нерѣдко просыпаются, возвращаются домой и ложатся въ постель.

4) Я вамъ уже сказалъ, что самый сильный стукъ не въ состояніи разбудить лунатика, но стоитъ только назвать его по имени—онъ тотчасъ пробуждается. Такъ было и съ несчастной Домной. У меня въ саду, назадъ тому три дня, въ пятницу, я ее окликнулъ и она проснулась, заплакала и пошла домой.

5) Послѣ пробужденія, больные совсѣмъ не помнятъ о своихъ похожденіяхъ или вспоминаютъ о нихъ такъ, какъ мы, здоровые, вспоминаемъ то, что намъ приснилось.

Лекція моя была прервана дикимъ хохотомъ толпы и осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. „Глупаго учити, что камень докотити“, говорилъ еще въ XII столѣтіи блаженной памяти Даніилъ Заточникъ. Я горячился, укорялъ своихъ согражданъ въ жестокосердіи, а они продолжали скалить зубы. Косоглазый шаповалъ Маслёнка отнесся ко мнѣ съ такою любезностію:

— Бачъ, лыхо ёго батьку, яке учене зробылось, що хоче старыхъ людей навчать! А чи давно воно тутъ по берези съ удочкой бигало.

— Эгежъ! поддакнулы баби: яйця да курей учать!

Это была моя первая и послѣдняя попытка просвѣтить заскорузлые въ непроходимомъ невѣжествѣ умы моихъ согражданъ. Потерпѣвъ fiasco, я, отряхши прахъ отъ ногъ своихъ, направилъ стопы своя на далекую чужбину—проповѣдывать съ учительской каѳедры—межи Чехи и Лехи.

Nemo prophеta est patriae suae.

М. К. Чалый.